

A stylized, high-contrast illustration in shades of yellow and black. It features several faces of men, likely historical figures from the Russian Revolution, wearing various hats (fedoras, caps, a ushanka) and holding rifles. The style is reminiscent of Soviet propaganda art or pulp magazine illustrations.

Фредерик Корни

ОКТАБРЬ

Память и создание
большевистской
революции

СОВРЕМЕННАЯ
ЗАПАДНАЯ
РУСИСТИКА

ИСТОРИЯ

Frederick C. Corney

•

Telling October

Memory and the Making
of the Bolshevik Revolution

Cornell University Press

Ithaca / London

2004

Фредерик Корни

•

Октябрь

Память и создание
большевистской революции

Academic Studies Press

Библиороссика

Бостон / Санкт-Петербург

2024

УДК 94(47).084.2

ББК 63.3(2)61

К67

Перевод с английского Елены Куприяновой

Серийное оформление и оформление обложки Ивана Граве

Корни, Фредерик.

К67 Октябрь. Память и создание большевистской революции / Фредерик Корни ; [пер. с англ. Е. Куприяновой]. — СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2024. — 408 с. — (Серия «Современная западная русистика» = «Contemporary Western Rusistika»).

ISBN 979-8-887195-94-0 (Academic Studies Press)

ISBN 978-5-907767-54-6 (Библиороссика)

Книга Фредерика Корни посвящена анализу процессов, с помощью которых советский режим сделал Октябрьскую революцию 1917 года основополагающим событием для нового коммунистического государства. Этот «проект памяти» был сконструирован так, чтобы объединить поколения советских граждан в понимании Октября как точки эпохального перелома. Несмотря на далеко не полный успех, следы этих усилий и сегодня заметны в российском общественном сознании.

УДК 94(47).084.2

ББК 63.3(2)61

ISBN 979-8-887195-94-0

ISBN 978-5-907767-54-6

© Frederick C. Corney, text, 2004

© Cornell University Press, 2004

© Е. Куприянова, перевод с английского, 2024

© Academic Studies Press, 2024

© Оформление и макет.

ООО «Библиороссика», 2024

Посвящается моей матери и моему отцу

— Есть партийный лозунг относительно управления прошлым <...> «Кто управляет настоящим, тот управляет прошлым», — <...> повторил О'Брайен. — Так вы считаете, Уинстон, что прошлое существует в действительности? <...> Существует ли прошлое конкретно, в пространстве? <...>

— Нет.

— Тогда где оно существует, если оно существует?

— В документах. Оно записано.

— В документах. И...?

— В уме. В воспоминаниях человека.

— В памяти. Очень хорошо. Мы, партия, контролируем все документы и управляем воспоминаниями. Значит, мы управляем прошлым, верно?

Джордж Оруэлл. 1984¹

Такого рода красочные описания военных игр и государственных мероприятий во всей совокупности мемуаров составляют, так сказать, кульминационные пункты истории, слепо плетущейся от одного несчастья к другому. Летописец, который присутствовал при событии, еще раз переживает то, что он видел. Он записывает свой опыт на собственном теле, совершая акт членовредительства. Эти записи делают его типичным мучеником того, на что обрекает нас Провидение, он уже при жизни лежит в гробу своих воспоминаний. Восстановление прошлого с самого начала ориентировано на день избавления...

Вингфрид Зебальд. Кольца Сатурна²

---

¹ Перевод В. Голышева.

² Перевод Э. Венгеровой.

Список иллюстраций

Рис. 1. Группа коммунистов на Всероссийском съезде Советов в 1918 году.

Рис. 2. Рассказчики революции: красногвардейцы в Смольном, октябрь 1917 года.

Рис. 3. «Красные похороны» в Москве, ноябрь 1917 года.

Рис. 4. Автомобиль «Красной газеты» в Петрограде на праздновании первой годовщины Октябрьской революции.

Рис. 5. Сценические декорации к «Взятию Зимнего дворца» Н. Н. Евреинова, 7 ноября 1920 года.

Рис. 6. Взятие Зимнего дворца, 7 ноября 1920 года.

Рис. 7. М. С. Ольминский.

Рис. 8. П. Н. Лепешинский.

Рис. 9. М. Н. Покровский, И. И. Ходоровский и А. В. Луначарский на XV съезде РКП(б), 1927 год.

Рис. 10. Делегаты Второго Всероссийского съезда архивных работников, 1929 год.

Рис. 11. Е. М. Ярославский и С. Н. Савельев в Музее Октябрьской революции, Москва, 1928 год.

Рис. 12. Демонстрация в Петрограде, посвященная 25-й годовщине создания РКП(б), 1923 год.

Рис. 13. Революция начинается: В. И. Ленин на Финляндском вокзале (кадр из к/ф «Октябрь», реж. С. М. Эйзенштейн, 1927 год).

Рис. 14. Призрачная власть: пустые пиджаки министров Временного правительства (кадр из к/ф «Октябрь», реж. С. М. Эйзенштейн, 1927 год).

Рис. 15. Марианна борющаяся: последний бой матери (кадр из к/ф «Мать», реж. В. И. Пудовкин, 1927 год).

Рис. 16. Неудавшийся штурм: убитые забастовщики (кадр из к/ф «Стачка», реж. С. М. Эйзенштейн, 1924 год).

Рис. 17. Революционная сдержанность: солдаты терпеливо ждут приказа о начале штурма (кадр из фильма «Конец Санкт-Петербурга», реж. В. И. Пудовкин, 1927 год).

Рис. 18. Штурм Зимнего дворца (кадр из фильма «Конец Санкт-Петербурга», реж. В. И. Пудовкин, 1927 год).

Рис. 19. Женский батальон смерти защищает Зимний дворец (кадр из к/ф «Октябрь», реж. С. М. Эйзенштейн, 1927 год).

Рис. 20. Штурм Зимнего дворца (кадр из к/ф «Октябрь», реж. С. М. Эйзенштейн, 1927 год).

Предисловие

Всю мою жизнь я со страстной энергией оживлял ту или иную часть былого...

Владимир Набоков. Память, говори (1967)

В 1984 году судья, рассматривавший дело о клевете, связанное с трагедией в Аберфане, отметил: «Слово “Аберфан” уже вошло в языковой обиход и не требует объяснений». Он был, конечно, совершенно неправ. Это событие имеет культурную специфику, и *требует* пояснений для тех, кто находится вне определенных культурных рамок. Аберфан — одно из моих самых ранних воспоминаний о важном историческом событии. Меня не было на месте катастрофы, я был дома, на юге Англии, и, как и все остальные, за исключением небольшого числа людей, проживал все происходящее через средства массовой информации. По мере того как я сознательно возвращаюсь к воспоминанию об Аберфане, оно постепенно становится для меня основополагающим воспоминанием о важном историческом событии. Когда же я делюсь этим личным воспоминанием с другими, их впечатления зависят от моих навыков рассказчика, от выбора и особенностей стиля, передаваемых эмоций и тона. Мои американские знакомые никогда не слышали об Аберфане, не считая одного человека, который вырос в угледобывающем регионе Пенсильвании и был знаком не с конкретным событием, а с ему подобными.

Итак, в 09:15 утра в пятницу 21 октября 1966 года промокший под проливным дождем отвал породы накрыл сначала фермерский дом, похоронив всех находившихся внутри, а затем и здание начальной школы в валлийской деревне Аберфан, убив 116 детей

и 5 учителей. Мои воспоминания об Аберфане не зависят ни от физической близости к этому событию, ни даже от способности восстановить в памяти подробности. На самом деле я смог вспомнить лишь немногие из вышеперечисленных деталей и обратился к письменным отчетам, чтобы освежить — и укрепить — свою память. Моя память опирается на впечатления, образы и отчеты, и все они — часть процесса опосредования, который никогда не прекращается. В то время посредниками для моей личной памяти выступали местные власти, пресса, выжившие, семьи жертв. Все они находили в трагедии разные смыслы. Происшествие в Аберфане — это одновременно и неминуемое стихийное бедствие, и предотвратимая техногенная катастрофа, и разоблачение несправедливой классовой системы Британии, и история всепоглощающей трагедии, смягченной отдельными проявлениями героизма и самопожертвования, и даже легенда о предвидении, что добавило произошедшему элемент мистического фатализма. На мои воспоминания также повлияло то, что мне тогда было 11, то есть я был близок по возрасту к погибшим детям. Для меня Аберфан — это серия мрачных черно-белых кадров по телевизору, который я смотрел в кругу семьи; это натянутые и неловкие разговоры с друзьями и учителями; это живые эмоции родственников-горняков с севера Англии, и даже, возможно, часть менее оформившегося, но коллективного британского опыта. Конечно, сейчас мои воспоминания проходят через фильтр накопленного жизненного опыта и нынешнего, а не детского, взгляда на мир. Тем не менее все это несколько не умаляет мое плохо сформулированное, но глубоко прочувствованное переживание аберфанской трагедии. Когда я возвращаюсь к катастрофе, она *возвращает* меня в то время и в то место.

На первый взгляд может показаться, что мои воспоминания об Аберфане имеют мало общего с Октябрьской революцией. Но общества, как и люди, самоопределяются за счет историй, которые они рассказывают о себе и о своих корнях. И, как и люди, общества конструируют эти истории в процессе повествования. Мои воспоминания об Аберфане интересны с точки зрения процессов, в результате которых была создана память о них — как

настоящая, так и мнимая, своего рода миф. Эта книга посвящена созданию более масштабного мифа — мифа об Октябрьской революции в России. В отличие от Аберфана, Октябрь действительно вошел в языковой обиход, возможно потому, что охватывал более широкие культурные рамки. Однако, как и в случае с Аберфаном, сложные процессы опосредования памяти об Октябре и его превращения в событие культурной, политической и личной значимости все еще требуют объяснения. В этом смысле обращение к моим воспоминаниям об Аберфане имеет много общего с обращением жителей России к воспоминаниям об Октябрьской революции.

Я вынашивал идею этой книги много лет. За все это время многие поучаствовали в ее создании и внесли свой вклад разными способами. Мне бы хотелось поблагодарить Янни Коцониса за дружбу и непрерывную академическую поддержку этого проекта. Возможность обмениваться идеями с ним и Питером Холквистом в Колумбийском университете мне очень помогла, — я в долгу перед обоими за их дружбу и идеи. Мой подход к истории был сформирован целым рядом непростых курсов в Колумбийском университете. Требовательные семинары Леопольда Хеймсона были во время моей учебы мне по плечу; я только сейчас понимаю, что наши порой трудные беседы во многом определили создание этой книги. Ричард Уортман познакомил меня с радостями и муками историографии и также неосознанно помог заложить основу для этого исследования. Благодаря Марку фон Хагену я понял, насколько важно задавать материалы *правильные* вопросы. Эдвард Кинан преподавал мне другой полезный и обескураживающий урок — о том, что все источники обусловлены конкретными обстоятельствами и ненадежны, но из-за этого и еще более интересны. На замечательном семинаре Стивена Коткина в 1991 году я вышел за рамки российской и советской истории. Он раньше меня понял, какое направление примет моя работа, и я благодарю его за щедрую поддержку и вдохновение на протяжении многих лет. С Джеффри Оликом и Фитцем Брандиджем я имел удовольствие обсуждать самые

разные темы, связанные с памятью, и их мысли оказались мне очень полезны. Я искренне благодарю каждого из них.

Созданию этой книги также способствовали (частично или полностью) внимательный академический взгляд и помощь Фрэн Бернштейн, Дэвида Хоффмана, Надежды Муравьевой, Кэти Непомнящей, Дэна Периса, Кена Пинноу, Дэйва Спейдера, Чака Штайнведеля, Марии Тодоровой, Майкла Цина, Амира Вайнера и Луизы Уайт. Последние главы были подвергнуты критической оценке Майкла Горэма и от этого только выиграли. Я благодарен ему за это, а также за многолетние обсуждения наших научных областей, как и за его дружбу. Кроме того, я в особом долгу перед Дональдом Рали за его щедрые и конструктивные замечания в качестве «анонимного» читателя моей работы в издательстве Корнеллского университета; перед моим редактором в Корнелле Джоном Акерманом за его прекрасную критику; перед Джоном Реймондом за тщательную правку окончательного варианта рукописи. Я также хотел бы поблагодарить Джуно Пфайффер и Юрия Бухштаба из Russian Archives Online и Российского государственного архива кинофотодокументов в Красногорске за помощь в получении разрешения на использование архивных фотографий, а также Джоан Нойбергер, Ричарда Тейлора и Гжегожа Цеслевского за советы по подбору кадров из кинофильмов.

Выражаю глубокую благодарность семье Ратич за неослабевающую щедрую поддержку моей научной карьеры. Я многим им обязан. И в особенности я благодарю свою жену Кэролайн за то, что она питала меня любовью, поддержкой и здравомыслием на протяжении всех этих долгих лет. Без нее, а также без наших дочерей Сары и Рейчел эта книга просто не была бы написана.

Мое исследование получило щедрое финансирование и поддержку от ряда учреждений, которые я рад отметить: это Национальный фонд гуманитарных наук (NEH), Национальный совет евразийских и восточно-европейских исследований (NCEEER), Совет международных научных исследований и обменов (IREX), программа Фулбрайта — Хейса, Институт имени Гарримана при Колумбийском университете, исторический факультет Университета Флориды и Летняя исследовательская лаборатория по

изучению России, Восточной Европы и Евразии в Иллинойском университете в Шампейн-Урбане.

Часть главы 1 вышла под названием «Нарративы Октября и проблема легитимности» в книге «Russian Modernity: Politics, Knowledges, Practices» [Corney 2000], и перепечатывается с любезного разрешения издательства «Palgrave Macmillan».

Даты до февраля 1918 года даются по старому стилю: юлианскому календарю, который отставал от западного на 13 дней. После этого даты даются по принятому западному календарю. Санкт-Петербург был переименован в Петроград в 1914 году и в Ленинград — в 1924 году. Мое употребление этого топонима отражает эти изменения.

При цитировании газет указано название, год и дата выхода. Если специально не оговорено иное, речь идет об информации, помещаемой на передовицах.

Введение

Описание события

Кризис не просто имел свой язык, но, по сути, кризис и был языком: именно речь в некотором смысле сформировала историю.

*Ролан Барт о студенческих беспорядках
в Париже в 1968 году*

«...Я рассказываю небылицы о большевизме... — писал воевавший в Галиции в 1920 году молодой красногвардеец Исаак Бабель, — и я увлекаю всех этих замученных людей» [Бабель 2006: 261]. Истории, которые государства рассказывают о своих истоках, — это всегда в некотором роде небылицы. В конечном итоге они могут стать либо частью традиции или наследия страны, ее основополагающим нарративом, либо отвергнутой иллюзией — или, словами Бориса Пастернака, «выдумкой» с ее «бесчеловечным владычеством» [Пастернак 2004: 503]. Но в любом случае, как намекал нам Бабель, эти инструменты будут обладать значительной властью и для рассказчика, и для слушателя. Мощные основополагающие нарративы настолько глубоко проникают в человека, что становятся неразрывно связаны с его идентичностью, опытом и воспоминаниями. Такие сильные переживания, как национальное самосознание, ностальгия по прошлым достижениям страны и даже готовность бороться за основные ценности или «дух», воплощенный в государстве, часто порождаются сложными процессами. Основополагающий миф успешен лишь в той мере, в какой он способен вовлечь в свою историю человека. В лучшем случае слушатель становится рассказчиком, передавая основные элементы легенды сознательным и бессознатель-

ным образом, — ведь акт повествования включает в себя пересказ личного опыта как *зависимого* от основополагающего мифа. А что может быть правдивее, задается вопросом историк Джоан Скотт, «чем рассказ самого субъекта о том, что он или она пережили»? Индивидуальный опыт участия в основополагающем событии проникает глубоко в душу человека, и «искусственная природа» такого опыта со временем забывается [Scott 1991: 777].

«Рассказы об Октябре» исследуют именно такое проявление политической и культурной власти в первое десятилетие существования Советской России. Это рассказ о том, как создавались рассказы об Октябрьской революции 1917 года. Книга состоит из двух частей. В первой рассматривается представление Октябрьской революции в период с 1917 по 1920 год, когда революционеры всех видов — не только большевики — использовали официальные публичные церемонии и торжества, чтобы донести до населения эстетическую и драматическую суть Октября. Вторая часть прослеживает, как с окончанием Гражданской войны (1918–1921) акцент сместился с театрализации Октября на его институционализацию как элемента исторической памяти в течение 1920-х годов. Становление нарратива революции в эти годы сопровождалось масштабной государственной программой по созданию институтов и организаций, призванных усилить и закрепить его место в новом режиме. В результате довольно свободный (хоть и ограниченный заранее написанным сценарием) процесс создания истории Октября стал строже контролироваться «сверху».

Каждая часть книги завершается описанием ключевых моментов, в которые Коммунистическая партия Советского Союза (в те годы носившая название РКП(б), затем — ВКП(б) и позднее КПСС) и советское государство решили затратить значительное время и ресурсы процесс мемориализации революции. В 1920 году празднование третьей годовщины Октября стало попыткой советского правительства найти «свою Бастилию», то есть свести революцию к единому трансцендентному событию; в 1927 году во время празднования десятилетнего юбилея революции все усилия были брошены на то, чтобы окончательно утвердить со-

зданное повествование. Построение и институционализация истории Октября также зависели от способа рассказывания более ранней истории — повествования о событиях 1903–1917 годов. Таким образом, по мере того как события октября 1917 года перестраивались в нарратив революции, они также снабжались дореволюционной родословной. Включение в исторический нарратив дореволюционного периода представляло Октябрь как кульминацию революционного движения, естественным образом развившегося в Российской империи и направляемого сознательным революционным агентом — организованной и вдохновленной партией большевиков.

Создание нарратива Октябрьской революции было развернутым процессом как созидания, так и подавления инакомыслия. Этот процесс не был ни стройным, ни эффективным, а, скорее, настойчивым и творческим — порой жестоким, порой даже элегантным. Революционеры стремились рассказать понятную и однозначную историю революции, несмотря на то что создание этой истории было обусловлено проблемами, событиями и людьми, влияние которых они не могли предсказать. Таким образом, рассказ об Октябре — это еще и история о пределах повествования. Тем не менее успех этого нарратива, ставшего фундаментом большевистской России, зависел от его способности вовлечь в рассказ широкие слои населения, что создало множество возможностей для отдельных людей пережить Октябрь и как личное, и как историческое событие. В заключении рассматриваются некоторые из таких возможностей.

Основополагающие мифы

Успешные нарративы об основании государств нередко сопровождают сложные отношения между правителями и управляемыми. Например, критика империалистической политики Великобритании стала неотъемлемой частью отношения к истории страны, но упоминания империи, хотя и не вызывают больше оголтелого шовинизма у значительной части британского населения, как это было в конце XIX века, все еще могут породить

ностальгию по идеализированному и романтизированному прошлому. Германия и Франция решительно осуждают нацистскую диктатуру и коллаборационизм режима Виши, но в то же время продолжают защищать образы немецкой или французской идентичности, представленные в основополагающих мифах этих стран¹. Немногие государства, даже послевоенная Германия, учитывая глобальное осуждение ее нацистского прошлого, чувствуют необходимость отречься от всей своей истории.

Недавние исследования основополагающих нарративов, или мифов, подняли важные вопросы о том, как использовавшиеся в них термины и категории определялись социальными, политическими и культурными убеждениями их создателей, будь то иностранные завоеватели или местные политические деятели². К примеру, новаторские исследования, на протяжении двух столетий воссоздававшие идеологию, политику и культуру Французской революции, перевели внимание с события как такового на сложный процесс его становления в качестве основополагающего нарратива современной Франции³. Архивы и хранящиеся в них документы из беспристрастных источников непосредственного и уникального знания о прошлом превратились в главные инструменты элиты для производства истории [Trouillot 1995]. Язык стал инструментом не столько описания

---

¹ «Спор историков» (Historikerstreit) середины 1980-х годов как раз и был посвящен тому, какие истории немцы могут рассказывать о себе и истории своей страны; см. [Baldwin 1990; Knowlton, Cates 1993: 17]. О режиме Виши и французской идентичности см. [Rousso 1991].

² Существует мнение, что священники и конкистадоры позднесредневековой Иберии представляли себе доиспанские Филиппины исключительно в рамках собственных социальных классификаций и категорий, тем самым буквально создавая объект своего внимания [Андерсон 2016: 271 и далее]. Миф о происхождении инков и сама идея наличия у них царей также могли возникнуть в результате переноса испанцами европейских династических моделей на государственное устройство Перу [Urton 1990: 6]. Роль войны в сложении мифов Англии была блестяще исследована Полом Фасселом [Фассел 2015] и Ангусом Колдером [Calder 1991].

³ О роли языка и риторики в интерпретации и реконструкции Французской революции см. [Фюре 1998]. О роли памяти см. [Nora 1984–; Hutton 1991: 66].

«великого события», сколько его анализа. Ученые задаются вопросом, как подобные события получили свои кажущиеся самоочевидными значения, и даже более того — приобрили историческую важность в качестве реального прошлого⁴.

Повествование, язык и другие процессы создания смыслов считаются неотъемлемой частью этого преобразования. «Действия мятежника, кидающего камень, — утверждает историк Кит Майкл Бейкер в своем фундаментальном исследовании Французской революции, — не могут быть поняты в отрыве от символического поля, придающего им смысл, так же как и действия священника, поднимающего обрядовый сосуд». Эти процессы всегда масштабны и протекают одновременно на разных уровнях — архивном, символическом, политическом и идеологическом [Baker 1990: 13, 41]. Сама их жизнеспособность зависит от вовлечения людей в процесс фабрикации смысла, позволяя участвовать в создании события.

Основополагающие мифы укрепляются в первую очередь за счет их рассказывания. Отказавшись от примитивного сравнения мифа с реальностью, современные исследования фокусируются на механизмах мифотворческого процесса, который позволяет отдельным людям или целым группам проживать миф, делая его неотъемлемым компонентом своей идентичности⁵. По словам изучавшего мифологию Генри Тюдора, миф «объясняет обстоятельства тех, к кому он обращен. Он помогает упорядочить их опыт и понять мир, в котором они живут. И делает это, представляя их нынешнее состояние как эпизод бесконечной драмы. [Это] не просто объяснение, это практический аргумент» [Tudor 1972: 139]⁶. Миф становится для людей источником знаний и форми-

⁴ См. [Bouwisma 1981: 284–287; Бергер, Лукман 1995: 12–13].

⁵ Способы вовлечения людей в систематическое и регулярное построение смыслов вокруг определенных событий рассматриваются Стюартом Холлом [Hall 1982: 56–90; Hall 1984: 3–17].

⁶ Миф называли «коммуникативной системой» [Барт 2008: 265]. Правительства используют аналогичным образом «традицию» для легитимации идеологии или сохранения социальной и культурной иерархии; см. [Hobsbawm, Ranger 1983; Zipes 1993].

рует понимание событий прошлого. Как пишет социолог Ивона Ирвин-Зарецка, «то, как люди осмысливают прошлое — интеллектуально, эмоционально, морально — не сводится... к “истинности” их рассказов» [Irwin-Zarecka 1994: 15].

Повествование в том смысле, которое я использую в этой книге, дополняет подобную концепцию мифа; оно выражает идею процессуальности — истории, создаваемой в процессе рассказа и наполненной ощущением драматизма, логичности и стройности, которое присуще всем хорошим историям. Не сбрасывайте со счетов повествовательную форму как исключительно декоративную: она может стать инструментом, который придает истории смысл [Mink 1978: 131]. С помощью силы повествования прошедшие события складываются в осмысленные истории, последовательность и логику которых нелегко оспорить. Сама форма, говоря словами теоретика исторического повествования Хейдена Уайта, имеет содержание⁷. Кроме того, в отличие от мифа, она выдвигает на первый план рассказчика и аудиторию, а также их сложное взаимодействие.

Октябрь и проблема легитимности

Миф об Октябрьской революции избежал подобного анализа: как ни одно другое государство XX века, Советский Союз был вовлечен в затяжную борьбу с Западом за свою легитимность — борьбу, которая обострилась во время холодной войны [Malia 1992: 9]. В то время как поколения советских и радикальных западных ученых и литераторов в 1930-х, 1960-х и последующие десятилетия прославляли Советский Союз как безусловную

---

⁷ Нередко утверждается, что повествовательная форма побуждает ученых представлять полную и связную картину прошлого, при этом они не осознают, какую роль в этом играет их личное стремление к связности и полноте (см. [White 1987: 26–57; Harlan 1989: 592; Kellner 1989]). Сами того не замечая, историки скрывают свою роль в построении нарратива и таким образом только укореняют традиции повествовательной формы, считая, что им нужно просто слушать, пока история «рассказывается как бы сама собой» [Барт 2019: 363].

реализацию проекта современного государства, консервативные и открыто антикоммунистические исследователи обвиняли его в извращении этого проекта. Любой аспект советской истории рассматривался через призму (не)легитимности нового государства. Для одних советский социализм был, без сомнения, жестокой и суровой идеологией, однако смелые попытки впервые дать угнетаемым массам реальное влияние на ход человеческой истории придавали ему фундаментальную легитимность. По мнению сторонников и сочувствующих советскому проекту, этого удалось добиться прежде всего благодаря партийному аппарату: при всех своих недостатках он был прочно укоренен в тех слоях общества, от имени которых действовал⁸. Другие исследователи утверждали, что идеология и партия потеряли свою первоначальную легитимность после того, как жестокости Гражданской войны привели к политике централизации, бюрократизации, террора и принуждения, легших в основу сталинского государства⁹.

Были и те, кто считал идеологию социализма в корне ошибочной, а ее коллективистские притязания — обреченными на провал под грузом природного индивидуализма человека. Они объясняли страстную поддержку этой идеологии иллюзией, сном или чарами, от которых люди в конце концов очнутся. Монополистический, бюрократизированный и строго иерархический партийно-государственный аппарат, утверждали они, поддерживал незаконно захваченную власть элиты при помощи пропагандистской сети беспрецедентной мощности¹⁰. Партия и государство совершили, по словам историка Мартина Малиа, социалистический «Миф-Ложь» [Малиа 2002: 292]. Доказательством усилий по сохранению лжи служили тонны сухих шаблонных

---

⁸ См. [Рабинович 1992; Рабинович 1989]. Советские историки одновременно превозносили Ленина и большевиков как превосходных организаторов и пропагандистов и в то же время утверждали, что решающим фактором в Октябрьской революции была несомненная привлекательность большевистской партии и ее политики. См. об этом [Kenez 1985: 3].

⁹ См. [Hegelsen 1980; Fitzpatrick 1981: 1–35; Gill 1990].

¹⁰ См. [Шапиго 1975; Keep 1976; Brovkin 1998].

исследований советской истории и «обман» социалистического реализма¹¹. Советская память была искажена, и один из ученых призвал восстановить «настоящую память России, а не мифологизированную подделку»¹².

Сегодня ученые и Востока, и Запада все чаще представляют коммунистическую Россию как государство и общество, которые со временем безнадежно разошлись. Невзирая на возражения общества, государство, как утверждается, выступало от своего имени и в своих интересах на непонятном языке, который только отдалял население. Все больше исследований подробно описывают случаи сопротивления или оппозиции государству со стороны разных слоев общества с самого начала советской эпохи¹³. С их точки зрения советский коммунизм был пустой оболочкой, под которой народы Советского Союза занимались своими обычными делами. К этой историографической тенденции обратились многие государства бывшего советского блока [Watson 1994].

В основе отношения к фундаментальной легитимности или нелегитимности советского государства лежит взгляд на событие, которое оно провозгласило учредительным: Октябрьскую революцию. Советские историки описывали революцию, которая заложила прочную опору нового советского государства. Многие западные ученые писали о государственном перевороте, совершенном небольшой группой оппортунистов, который послужил шатким фундаментом для нелегитимного и аморального советского государства¹⁴. Как лаконично выразился историк Рональд

¹¹ См. [Brooks 1994: 978]. В своей речи на вручении Нобелевской премии 1970 года Александр Солженицын призвал коллег-писателей «победить ложь!» [Солженицын 1995–1997, 1: 24]. Исследование жанра соцреализма с учетом всех его особенностей см. в [Кларк 2002]. О профессии советского историка в первые годы ее существования см. [Barber 1981].

¹² См. [Hosking 1989: 118], а также [Brossat, Combe 1990].

¹³ См. обзор этой тенденции 1930-х годов в западной историографии в [Viola 2002: 45–69], а также [Пушкарев 1998; Козлов 1999].

¹⁴ См. [Pipes 1992: 3–4; Пайпс 2005]. Критику подхода Пайпса см. в [Kenez 1991: 345–351; Kenez 1995: 265–269].

Суни, эти западные ученые часто писали советскую историю в обратном направлении: от Большого террора до 1917 года, «чтобы понять, что пошло не так» [Suny 1983: 43]. Любопытно, что такой подход помог упрочить представление о Февральской революции как о спонтанном и бессистемном событии, настоящей революции, в сравнении с которой оценивалась нелегитимность Октября¹⁵.

Однако это не помогает нам понять то, что даже весьма критически настроенный ученый Франсуа Фюре назвал «всеобщим очарованием Октября» [Фюре 1998: глава 3]. Как и все основополагающие мифы, история Октября по определению является процессом *легитимации* и заслуживает пристального изучения в этом контексте, но она должна быть освобождена от смиренной рубашки дебатов о (не)легитимности. Способность Советской России «мифологизировать собственную историю» посредством подобных нарративов, добавляет Фюре, была одним из ее «величайших достижений» [Там же: 173]. Игнорирование мифотворчества не сделает Октябрь «нормальным» объектом научного исследования [Булдаков 1996: 179]. Скорее, наоборот: только изучение самого явления может дать представление о культуре, которая его породила, и о том, почему и как часть населения стала так глубоко идентифицировать себя с ним¹⁶. Такой анализ может выдвинуть на первый план как рассказчиков, так и содержание их рассказов; поможет определить не только уже существовавшие рассказы о революции, революционные сценарии, которые вдохновляли рассказчиков, но и идеологические про-

---

¹⁵ Процессы осмысления Февральской революции исследовались многими учеными. Влияние внутрипартийной борьбы 1920-х годов и донесений царской полиции, как утверждается, помогло сохранить это представление о первой легитимной революции как среди западных, так и среди советских историков. См. [White 1979: 475–504; Longley 1992: 366]. Также см. [Melancon 2000].

¹⁶ В этом ключе социалистическая культура Магнитогорска в 1930-е годы рассматривалась с точки зрения того, «что партия и ее программы... позволили осуществить, намеренно и ненамеренно», а не того, что они предотвратили [Kotkin 1995: 22]. Ср. [Falasca-Zamponi 1997].

блемы, возникшие в связи с попытками адаптировать или использовать эти сценарии для создания собственной истории об Октябре.

Революционные сценарии

Русские революционеры использовали новое определение термина «революция», порывающее с традицией Просвещения: прежний акцент на разрушение и кровопролитие сменился современным значением, которое, по словам Бейкера, выражает «более глубокий процесс преобразования, совершенствование человеческого разума, часто определяемое такими позитивными терминами, как “juste”, “sérieuse”, “grande”¹⁷»¹⁸. Российские революционеры опирались на Французскую революцию, в ходе которой тысячи людей освоили новый революционный лексикон и сформулировали иные варианты политической деятельности, немислимые до 1789 года¹⁹. В XIX веке и позднее эта обновленная революционная традиция будет «переосмысляться каждым последующим поколением» [Parkhurst Ferguson 1994: 1]. «Большевики ведут свое происхождение от якобинцев, — пишет Фюре, — а якобинцы предвосхищают коммунистические идеи» [Фюре 1998: 16]²⁰. Ряд ученых изучили влияние этой мифологии на формирование менталитета русских революционеров в позднимперский период, тщательно избегая укладывать события 1917 года в прокрустово ложе Французской революции²¹. Историк Тамара Кондратьева, несомненно, права в своем замечании, что в 1917 году трудно было найти русского революционера, который «не упоминал бы Робеспьера, Дантона, Вандею или Французскую

¹⁷ «Справедливый», «серьезный», «великий» (фр.). — *Прим. пер.*

¹⁸ См. [Baker 1994: 50]. О возникновении термина «революция» как обозначающего политическое и прогрессивное событие, см. [Rachum 1999].

¹⁹ См. знаменитое исследование Линн Хант [Hunt 1984].

²⁰ См. также [von Borcke 1977].

²¹ См. [Ильина 1994: 383–393] и [Shlapentokh 1999].

революцию в целом» [Кондратьева 1993: 200]²². Это был своего рода символический язык эпохи.

Однако к первому десятилетию XX века многие революционеры в России, и в особенности большевики, переключили внимание с Французской революции как буржуазного явления на Парижскую коммуну 1871 года как первую (неудавшуюся) попытку диктатуры пролетариата. Они представляли Парижскую коммуну как своего рода неполноценную революцию, нуждающуюся в завершении²³. По мнению лидеров большевиков, она провалилась по причинам, которых следует избегать при подготовке их собственного переворота. Коммунары, как писал Ленин в статье «Уроки коммуны» из ссылки в Женеве в 1908 году, не смогли распознать тщательно срежиссированный «буржуазный “патриотизм”» Версаля, что отложило реализацию их истинных интересов, а именно освобождение рабочих от капитализма [Ленин 1967–1975, 16: 452]. Все еще находясь под чарами буржуазных идеалов Французской революции, утверждал он ранее, парижский пролетариат пытался оказать моральное влияние на своих врагов, вместо того чтобы уничтожить их. Буржуазная власть, заключал он, не поддается моральному воздействию, она должна быть уничтожена и заменена просветительской силой социалистической идеологии:

Но две ошибки погубили плоды блестящей победы. Пролетариат остановился на полпути: вместо того, чтобы приступить к «экспроприации экспроприаторов», он увлекся мечтами о водворении высшей справедливости в стране, объединяемой общенациональной задачей <...>. Вторая ошибка — излишнее великодушие пролетариата: надо было истреблять своих врагов, а он старался морально повлиять на них, он пренебрег значением чисто военных действий в гражданской войне и вместо того, чтобы решительным

²² См. также [Vovelle 1994: 349–378].

²³ Существует мнение, что последующие поколения революционеров вкладывали в Парижскую коммуну надежды «на то, чем она могла бы быть» [Hutton 1981: 13].

наступлением на Версаль увенчать свою победу в Париже, он медлил и дал время версальскому правительству собрать темные силы и подготовиться к кровавой майской неделе [Там же: 452–453]²⁴.

В 1917 году русские социалисты выступали за ту или иную форму подавления буржуазной прессы, чтобы донести собственную классовую концепцию демократии [Figes, Kolonitskii 1999: 182]. Однако позиция Ленина (и других лидеров большевиков) была бескомпромиссной: «Терпеть существование этих [буржуазных] газет значит перестать быть социалистом» [Ленин 1967–1975, 35: 54]. Эта позиция лежала в основе большевистской пропаганды и агитации в послеоктябрьский период. Она всегда означала неустанное физическое подавление голосов оппозиции и столь же неустанный процесс убеждения людей и изменения их представлений об окружающем мире²⁵.

Самый известный вклад Ленина в революционную идеологию — сформулированная в брошюре «Что делать?» 1902 года идея о небольшой тайной организации профессиональных революционеров, которая должна была действовать в качестве авангарда революционных сил. Ленин поднял серьезные вопросы о том, что такое «истинная» революция, об отношениях между политическими партиями и политической деятельностью, а также об отношениях между элитами и населением, от имени которого они говорили и действовали. Ленин считал, что экономическая и политическая борьба российских рабочих может принести плоды только при содействии просвещенных групп общества во главе с Российской социал-демократической рабочей партией (РСДРП)²⁶. Однако он также прекрасно понимал, что такая организация «десять умников» может расцениваться как

²⁴ Ср. с положениями статьи 1918 года «Пролетарская революция и ренегат Каутский» [Ленин 1967–1975, 37: 101–110].

²⁵ Тонкий анализ большевистской пропаганды см. в [Kenez 1985].

²⁶ Ленин развернул этот аргумент в 1899 году в ряде брошюр, например в «Проекте программы нашей партии» [Ленин 1967–1975, 4: 211–239].

навязывание «политического знания и революционного опыта» рабочим «со стороны». Партия не должна, утверждал он, «думать за всех» [Ленин 1967–1975, 6: 120, 122, 125]²⁷. И действительно, подобные соображения сыграли свою роль в расколе РСДРП на фракции большевиков и меньшевиков на Втором съезде партии в 1903 году и сохраняли свою актуальность в дебатах и спорах внутри социалистического движения вплоть до 1917 года. Социалистические оппоненты Ленина предостерегали его от принуждения пролетариата к вступлению в борьбу с политической властью до того, как тот будет готов. Для лидера меньшевиков Юлия Мартова ленинский «культ» таких «профессиональных революционеров» был явной попыткой «втиснуть дело организации массового движения в прокрустово ложе конспираторско-бюрократической системы» [Мартов 1923: 66, 68].

Многие политические радикалы в России начала XX века считали планы Ленина по созданию партии нового типа контрпродуктивным и неинтуитивным сценарием революции. Все они остро осознавали за частую непреодолимые трудности организации своих недавно созданных партий и управления ими, а также слабую узнаваемость этих объединений среди значительной части населения. Регулярные и порой жестокие полицейские репрессии, особенно после массовых выступлений 1905 года, заставили лидеров многих радикальных партий думать о своих организациях не столько с точки зрения политической власти, сколько с точки зрения выживания²⁸. Более того, многие из них были вынуждены надолго уехать в эмиграцию, где вступили в затяжную борьбу за право руководить и определять характер РСДРП — борьбу, которая наверняка казалась бессмысленной для многих рядовых членов, пытавшихся не попасть в поле зрения Охран-

---

²⁷ Существует мнение, что эта работа Ленина указывала на желание контролировать всю РСДРП, а не на узкий план создания большевистской партии как таковой [White 2001: 178–179].

²⁸ В эмиграции в Вене после событий 1905 года Лев Троцкий издавал нелегальную газету «Правда», пытаясь придать чувство сплоченности разрозненным партийным организациям внутри России [Corney 1985: 248–268].

ного отделения²⁹. Зачастую лишенные контроля со стороны своих лидеров, оказавшихся в эмигрантских центрах Западной Европы, фрагментарные и малочисленные организации внутри России были вынуждены полагаться на собственные ресурсы и местные обстоятельства. Сотрудничество между различными радикальными фракциями и партиями на локальном уровне, продолжавшееся на протяжении значительной части 1917 года и сопровождавшееся частой сменой сторон, говорит о том, что идеологические, политические и культурные линии, разделяющие, в частности, большевиков и меньшевиков, не были четко определены в сознании членов партии и широких слоев населения³⁰. В 1917 году, после Февральской революции, возник новый энергичный язык революционной политики, который пополнил арсенал политического оружия изменчивым и, казалось бы, произвольным использованием социальных ярлыков [Haimson 1988: особенно 8–14]³¹. Слова «буржуй», «класс», «рабочие», «пролетариат», «классовое сознание», «революционер» и «боль-

²⁹ Претензии на руководство РСДРП принимали различные формы на протяжении многих лет: попытки меньшевиков скоординировать разнонаправленные течения партии на «объединительном» съезде в Стокгольме 1906 года, на пленуме ЦК партии в Париже в 1910 году и накануне Первой мировой войны в Брюсселе; попытки Ленина выступить от имени всей партии на «общепартийной» Пражской конференции в 1912 и 1914 годах; организованная Троцким попытка противопоставить Пражской конференции «подлинную» внефракционную конференцию РСДРП в Вене (см. соответственно [Elwood 1974: 92–104, 134–140; Elwood 1980: 32–49; Elwood 1974: 146–157; Elwood 1979: 343–363; Elwood 1982]).

³⁰ См. [Ascher 1972: 382; Haimson 1987: 312–313; Тумаринсон 1995; Liebach 1997: 60]. В исследовании нескольких местных организаций РСДРП до 1907 года утверждается, что партийные приверженности местных большевиков, меньшевиков и эсеров в гораздо меньшей степени зависели от фракционных различий, чем от региональных, поколенческих и культурных влияний [Lane 1969].

³¹ Присвоение россиянами из низших классов этого языка революционной политики рассматривается в документах, собранных в [Steinberg 2001]. О появлении нового государственного языка в советскую эпоху см. [Gorham 2003].

шевик», безусловно, звучали странно для многих ушей в это время³². Это привело к сумятице среди части населения: люди просто не понимали, какие варианты доступны для них в политике, что и отразилось в выборах в Учредительное собрание, состоявшихся в конце 1917 года [Radkey 1990: 74].

Создание нарратива Октябрьской революции

Октябрьская революция унаследовала свою повествовательную силу от обновленной идеи революции, которая позволила Октябрю занять свое место в, казалось бы, несокрушимой революционной традиции. Но этот сценарий помог большевикам лишь до определенной степени. Более того, русские революционеры, в частности Ленин, добавили элементы, которые противоречили классической истории революций. Тем не менее для Ленина и большевиков это была, несомненно, революция рабочего класса и даже окончательная реализация революционного потенциала долгого XIX века. Позже Советская Россия была создана как высшее воплощение такой революции, и ее институты были организованы соответствующим образом [Kotkin 1991: 618–619]. Однако помимо этого абстрактного плана рассказчики Октября не имели четкого представления о структуре своего собственного революционного повествования, его основных действующих лицах и даже характере аудитории. Более того, рассказывая историю Октября, они столкнулись с необходимостью прояснить неоднозначные аспекты, которыми сами же дополнили революционную традицию: роль партии в организации революции, отношения между партией и людьми, от имени которых она выступала, отсутствие определенных политических симпатий

---

³² См. [Kotkin 1991: 618]. Крестьяне путали «большевиков» с «большаками» (старшими в семье) и «большими» (людьми), а «революцию» называли «ревуцией», «леволюцией» и «леворуцией» [Figes, Kolonitskii 1999: 131–137] (ср. растерянность московского текстильщика: «Кто это большевик? Большой человек?» — цит. по: [Koenker 1981: 187]). О значениях термина «буржуй» в 1917 году см. [Kolonitskii 1994: 183–196]; о термине «обыватель» см. [Архипов 1994: 49–58].

у значительной части населения. Все эти темы, конечно, упирались в фундаментальный вопрос о легитимности Октября как «подлинной» революции.

Эти аспекты должны были быть проработаны в процессе рассказа; ведь Октябрьская революция была не *описанием* событий, а скорее *аргументом* в пользу определенного их *изложения*. Возможности такого изложения были также и его ограничениями: повествование одновременно и привлекает, и ограничивает [Hanne 1994: 11]. Рассказывая о революции, большевики и другие революционеры выбирали определенные драматические места и события для повествования исходя из собственного «революционного» опыта и ожиданий, а также на основе своего понимания структур власти в России. Поэтому они использовали понятия, наполненные для них позитивным смыслом: «революция», «восстание», «переворот», «переход власти»; агентами этих событий служили «народ», «массы», «движение», «партия», «пролетарии» и «рабоче-крестьянское правительство». Рассказы строились вокруг ключевого, по мнению большевиков, партийного собрания перед Октябрьским переворотом или вокруг возвращения Ленина в Россию на Финляндский вокзал в апреле 1917 года. Они уделяли особое внимание Смольному институту, в котором размещалась партия большевиков (и Петроградский совет с августа 1917 года) и который служил руководящим центром операций Военно-революционного комитета (ВРК). В Москве сосредоточивались в Кремле, где в конце октября произошли кровавые бои между красногвардейцами и юнкерами. Они делали акцент на баррикадах и уличных демонстрациях, а не на зданиях как законных объектах революционной власти. Их истории были вдохновлены солдатами и матросами, красногвардейцами и большевиками больше, чем конкретными политическими событиями.

Те же, кто отвергал большевистские представления о революции, использовали совершенно другую лексику: «заговор», «погром», «пучк», «авантюра», «мятеж» — для описания событий, ход которых направлялся «кучкой авантюристов и заговорщиков». Центром антибольшевистских повествований служил

Зимний дворец, где располагалось Временное правительство, или Петропавловская крепость, где томились в заточении защитники правительства. Они рассказывали о героических юнкерах и ударниках женского батальона, о разграбленных дворцах и разъяренных толпах. Выбирали для своих историй Мариинский дворец, где заседал Временный совет Российской республики (Предпарламент) и куда перебрались меньшевики и социалисты-революционеры (эсеры, члены Партии социалистов-революционеров, созданной умеренными социалистами, пытавшимися удовлетворить потребности как крестьян, так и городских рабочих) после ухода из Смольного в знак протеста против действий большевиков. Или вспоминали Таврический дворец, сосредоточиваясь на Государственной Думе, которая находилась там с 1906 года, или на Учредительном собрании, которое провело там свое единственное заседание в январе 1918 года.

Таким образом, только в процессе рассказывания история Октябрьской революции (или альтернативная версия о государственном перевороте, если на то пошло) приобрела свою окончательную структуру, в рамках которой большевики попытались решить перечисленные выше проблемы и в особенности — вопрос о взаимоотношении партии и народа во время революции. Именно в процессе рассказывания эта история приобрела связность, драматическую размеренность и объяснительную силу, присущие хорошему нарративу. А размах и разнообразие этого повествования придали истории Октября особое влияние на людей, которые вновь и вновь проживали ее на разных уровнях своей повседневной жизни. Самопровозглашенные революционеры рассказывали об Октябрьской революции в газетах, листовках и памфлетах; в своих ежедневных речах и обращениях, на улицах, фабриках и заводах, в агитпоездах и на агитпароходах, которые разносили весть по всей стране. О революции писали в учебниках истории и детских сказках, рассказывали в архивах, музеях и библиотеках, занимавшихся хранением и организацией ее артефактов. О ней рассказывали на «красных похоронах», шествиях и фестивалях. О ней рассказывали фотографии, вскоре появившиеся на страницах журналов, и фильмы, заполонив-

шие киноэкраны. Благодаря неуклонно растущему количеству различных «доказательств» Октябрь стал подлинным событием, лежащим в основе Советского Союза. А благодаря регулярным инсценировкам, особенно по случаю юбилеев, Октябрь стал также ритуалом советского государства, клятвой верности, «несомненной, вечной и нерушимой»³³.

Повествование, одновременно амбициозное и рутинное, превратило Октябрьскую революцию в абстракцию, набор атрибутов, которые неразрывно ассоциировались с *этой конкретной* революцией, хотя и подкреплялись авторитетом революционного сценария предыдущего века. Большевики и другие революционеры искали исключительное «всеобъемлющее событие», которое стало бы для Октябрьской революции тем же, чем взятие Бастилии — для Французской³⁴. Благодаря «аккумулирующей памяти печати», по выражению Бенедикта Андерсона, Французская революция превратилась в «концепцию»:

Всеохватное и озадачивающее сцепление событий, пережитых ее творцами и жертвами, стало «вещью» — и получило свое собственное имя: Французская революция [Андерсон 2016: 152].

Таким образом, осмысление Октябрьской революции было необходимым условием как для процесса ее последующей институционализации, так и для ее вхождения в народный опыт в качестве события, имеющего значение для жизни отдельных людей³⁵.

³³ В цитате говорится о социальных узах, созданных французскими революционерами посредством юбилейных праздников, которые они устраивали [Озуф 2003: 18]. Примеры из российской истории см. в [von Geldern 1993].

³⁴ Многочисленные изменения в истории взятия Бастилии, а также ее долгий путь в народное воображение как символического поворотного «всеобъемлющего события» Французской революции рассматриваются в работе Ханса-Юргена Люсебринка и Рольфа Райхардта [Lüsebrink, Reichardt 1983: 77–102].

³⁵ Роберт Розенстоун утверждает, что такие абстракции, как «революция», «прогресс», «модернизация», «предначертание судьбы», «движение сопротивления» и «рабочий класс», необходимы для придания смысла прошлому [Rosenstone 1995: 8].

Только благодаря этому процессу октябрь 1917 года смог превратиться из хронологического набора чисел в историческую дату. Историк Роберт Беркхофер описал появление исторических дат следующим образом: «1776, 1789, 1917 или 1968. Интерпретация превращает совокупность инцидентов в событие, а ряд событий — в ренессансы, революции и другие удобные термины, обозначающие комплекс событий или зарождение новой эпохи» [Berkhofer 1995: 70].

Создание нарратива Октября было амбициозным проектом, инициированным и настойчиво продвигаемым правительством и интеллектуальной элитой нового режима. Однако его не следует рассматривать как навязывание людям готового повествования³⁶. Эффективность воздействия истории зависела от способности рассказчиков привлечь слушателей к ее рассказыванию. Для этого людям предоставлялись различные средства переживания события и был дан язык, с помощью которого можно было сформулировать этот опыт. Октябрьская революция в итоге стала частью реальности населения СССР и прочно закрепились в его исторической памяти. Для парижских коммунаров революция была «борьбой за память» [Matsuda 1996: 36]. Тем же она стала и для русских революционеров. Они стремились заменить историческую память о царе новой революционной памятью и предложили не только новую хронологию последних десятилетий, но и новые термины и категории для представления нового прошлого.

Повествование об Октябре нельзя отделить от воспоминания о нем, и наоборот. Процесс воспоминания включает в себя интерпретацию или представление событий прошлого, а также объединение этих представлений в более или менее связное повествование³⁷. Поэтому события октября 1917 года могут ярко

³⁶ См. [Hall 1981: 233; Toews 1987: 884].

³⁷ Общепринятое сегодня отношение к памяти или воспоминанию как к сложному процессу социального и культурного созидания, а не как к акту извлечения информации началось с возвращения к работам Мориса Хальбвакса [Хальбвакс 2007], см. [Bartlett 1964]. О повествовательной форме как «типичной форме оформления опыта (и нашей памяти о нем)» см. [Bruner 1990: 56].

вспоминаться и *переживаться* некоторыми как революция, и столь же ярко другими — как государственный переворот. Это социальный процесс: каждый человек проверяет, сравнивает и подтверждает свои воспоминания в сложном взаимодействии с другими людьми, но при этом всегда тяготеет к полной и последовательной истории³⁸. В молодом советском государстве воспоминания подкреплялись участниками групп, в которых они пересказывались; огромным количеством «неопровержимых доказательств», которые копились упорно и публично; тем, как используемый язык резонировал с новым революционным языком того времени. Более того, эти воспоминания служили актами «пробуждения» в том, что касалось возможностей и ограничений настоящего [Bruner 1995]. С их помощью люди формулировали и определяли свое положение по отношению к новому государству, а также обозначали свою роль как участников исторических событий в историческое время. «Память создает нас, — пишет антрополог Элизабет Тонкин, — а мы создаем память» [Tonkin 1992: 97]³⁹.

---

³⁸ См. [Bartlett 1964: 205]. О динамике в таких группах и методах, используемых для формирования групповых воспоминаний, см. [Portelli 1981: 96–107; Tonkin 1992: 90]. О влиянии визуальных и звуковых стимулов на закрепление события в памяти человека см. [Kotre 1995: 93–106]. О ключевой роли языка в артикуляции восприятия индивида см. [Хальбвакс 2007: 325–326; Bouwsma 1981: 289–290].

³⁹ Память — это «инструмент», с помощью которого мы наполняем нашу жизнь смыслом, пишет также Луиза Пассерини [Passerini 1992: 3].

Часть I

ДРАМА
ОКТЯБРЯ

Глава 1

Сила повествования

- Это восстание?
- Нет, сир, это революция!

*Из разговора Людовика XVI с герцогом
Ларошфуко-Лианкуром после взятия Бастилии*

- Можно подумать, что вы боитесь революции.
- Государь, революция уже началась.

*Из разговора Николая II и министра
внутренних дел Булыгина, февраль 1905 года*

Октябрьские события были провозглашены революцией лидерами большевиков на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов в Петрограде 25 октября 1917 года¹. Они подчеркнули ее непрерывный, динамичный характер, идею о том, что *в настоящий момент* происходят судьбоносные события, ставшие кульминацией столетия революционного прогресса². «Мы переживаем, — отметил на съезде будущий нарком просвещения Анатолий Луначарский, — великий поворот в нашей истории; поистине, наша революция развивается по типу великих революций». Лев Троцкий, который вскоре будет назначен первым наркомом иностранных дел Советского государства, упомянул об «огромных массах», вовлеченных в восстание, и похвалил

---

¹ Часть этой главы была опубликована в [Corney 2000: 185–203].

² В одном недавнем исследовании подчеркивается динамизм ранней коммунистической системы, ориентированной на настоящее, в отличие от отложенного будущего «буржуазных утопических» идеологий [Hanson 1997: 202].

«героизм и самоотверженность» солдат и рабочих Петрограда. Рабоче-крестьянская революция, подчеркнул Ленин, означает, что «угнетенные массы сами создадут власть»³. Провозгласив победу Октябрьской революции на этом съезде, большевики публично объявили о ее поддержке законными представителями рабочих и солдат.

Эти заявления были лишь первыми залпами в целенаправленной работе по «формированию общественного понимания событий» [Baker 1994: 56]⁴. Даже те, кто был «там», на месте событий, узнавали о «значении» того или иного эпизода позже, из выступлений, а также из листовок, прокламаций и бюллетеней, которые наводнили Петроград и Москву в первые дни после 25 октября⁵. Патрик Райт в своем исследовании современной Великобритании пишет:

Мы узнаем новости о том или ином событии посредством тематизации, которая побуждает нас понимать происходящее (и наше отношение к нему) в накапливающихся терминах национальной идентичности, культуры, истории и традиции <...> [Это] публично провозглашенное чувство идентичности <...> Среди его важнейших элементов — исторически выработанное чувство прошлого, которое служит основой для распространения других определений того, что считается нормальным, подходящим или возможным [Wright 1985: 141–142].

Даже один из арестованных — и в тот момент обреченных — министров Временного правительства, либеральный член Конституционно-демократической партии (кадет) А. И. Шингарев,

---

³ Рабочий путь. 1917. 26 окт.

⁴ Бейкер имеет в виду журнал «*Révolutions de Paris*», который появился в Париже в 1789 году. Вначале он представлял собой ежедневную хронику событий, но вскоре акцент сместился на объяснение «структуры и значения» этих событий [Baker 1994: 55].

⁵ Значение памфлетов в создании и распространении определенных революционных идей в Америке и Франции было изучено в ряде исследований, см. [Бейлин 2010: 31–32; Hunt 1984: 129 и далее; Jouhaud 1989: 290].

несмотря на свою острую неприязнь к большевикам, записал в своем дневнике в тюремной камере Петропавловской крепости 14 декабря 1917 года: «...я приемлю революцию и не только приемлю, но и приветствую, и не только приветствую, но и утверждаю. Если бы мне предложили начать ее сначала, я не колеблясь бы сказал теперь: “Начнем!”» [Шингарев 1918: 36].

Основным каналом, через который люди воспринимали Октябрьскую революцию как личный или групповой значимый опыт, была пресса⁶. Понималась ли революция как обещание или угроза, она была практическим аргументом. Те, кто в то время вел дневники и в значительной степени опирался на шквал сообщений печатных изданий, были потрясены масштабом событий, свидетелями которых, по их мнению, они стали. «Невозможное становится возможным, и разворачивается небывалая в истории катастрофа или, м[ожет] б[ыть], новое мировое явление», — писал в своем дневнике философ Владимир Вернадский через неделю после 25 октября [Вернадский 1994: 28].

Большевики и большевизм в 1917 году

Революция, возможно, была беспрецедентным событием, но оно, безусловно, не было неожиданным. Представление о нем как о бедствии или очищении зависело от взгляда человека на политическую элиту в бурные месяцы, предшествовавшие Октябрю, и от возможных действий, которые эта элита могла предложить. А также от отношения к большевикам, внезапно захватившим власть от имени Советов.

После февраля активизировались радикальные партии, действовавшие теперь легально, а их лидеры были вынуждены столкнуться с реалиями политической деятельности и возможностью будущей революции⁷. Успехи и неудачи социалистических партий зависели от их способности улавливать обществен-

⁶ Подробнее об этом см. в [Brown et al. 1986: 137–158; Burke 1989: 97].

⁷ Об отношении различных политических групп к большевизму см. [Burbank 1986].

ные настроения своего времени⁸. Однако эти настроения постоянно менялись. Лидеры партий, проведя долгие годы в эмиграции, по возвращении нередко сталкивались с нескрываемой враждебностью со стороны партийных активистов. Так, Юрий Денике, социал-демократ, который провел значительную часть своей активной политической жизни в России, вспоминал, как на одной из конференций лидера меньшевиков Юлия Мартова осудили как «парижского кафеиника». Выступления членов его группы, «странно одетых, в больших шляпах», постоянно прерывались возмущенными репликами из зала [Haimson 1987: 423]. Несмотря на важнейшее значение, которое Финляндский вокзал в конечном итоге получил в советской революционной истории, приезд Ленина в Россию в апреле 1917 года не привел ни к всплеску народной поддержки большевиков, ни к занятию Лениным бесспорного положения в центральном комитете его собственной партии, в изоляции от которой он оказался в течение следующих шести месяцев⁹. Различные общественные и политические организации направляли в провинцию своих агитаторов с книгами, статьями и брошюрами, и этот непрерывный поток свидетельствовал о том, что партии признавали острую необходимость разъяснить свою политику населению в целом и крестьянству в частности. Они боролись не только с плохой узнаваемостью в народе, но и с «официальными [царскими] источниками», которые пытались представить их (по словам автора ранней истории Партии социалистов-революционеров начала 1917 года) результатом «преступной деятельности кучки сумасбродов и негодяев, увлекающих за собой горячую, но неопытную молодежь или невежественные

---

⁸ См. [Haimson 1970: 336], а также [Melancon 1990: 239–252]. Одно интересное исследование представляет партии, в частности партию большевиков, как бенефициаров растущего рабочего движения в Петрограде в 1917 году, хотя большую часть времени они находились на периферии этого движения [Smith 1983].

⁹ Довольно типичное изображение триумфального возвращения Ленина в Россию, взятое в основном из источников, заказанных в 1920-е годы, особенно к десятой годовщине Октября, см. в [Карр 1990: 80–81].

массы» [Слетов 1917: 6]. Активисты на местах говорили о классовой поляризации и нарастающем кризисе, что помогало им политизировать повседневную жизнь. Меньшевики и эсеры, стоявшие у власти в провинции и оказавшиеся неспособными решить застарелые социальные проблемы в своих регионах, оставили после себя представление об острой необходимости срочного урегулирования кризиса. Столкнувшись со снижением своей поддержки на местах, умеренные социалисты уходили с постов, уступая позиции большевикам, которые, как выразился историк Майкл Хики в своем исследовании Смоленска, не чурались «вместо проведения демократической политики править силой»¹⁰.

И действительно, в течение 1917 года на политическую сцену вырвалась и провозгласила свою готовность править одна конкретная партия. Резкий рост численности РСДРП(б), переименованной в марте 1918 года в Российскую коммунистическую партию (большевиков), или РКП(б), с примерно 20 000 человек в начале года до 350 000 к октябрю заставил как ее лидеров, так и противников задуматься о природе партии и политических последствиях ее идеологии¹¹. Большевистские лидеры подняли серьезные вопросы о настроениях и преданности новых последователей и о том, что этот рост означал для партии, которая с дореволюционного периода была известна как партия заговорщиков. Они старались внушить местным организациям, что те действительно являются неотъемлемой частью сплоченной партии, занимающей центральное место на политической сцене, периодически сообщая им «важнейшие события из Питера вообще, о нашей партии в частности» [Обичкин и др. 1957: 22]. И тем не менее опросы местных делегатов, проводимые на партийных собраниях в 1917 году, об истории, составе, политических позициях и общих взглядах их организаций выдавали большую

¹⁰ Работа Хики в целом отлично иллюстрирует проведение радикальной политики на местном уровне [Hickey 2001: 14–35].

¹¹ Данные о количестве членов см. в [Rigby 1968: гл. 1].

неуверенность в социальной, политической и организационной целостности партии¹².

Любопытно, что большевистская партия приобрела влияние благодаря скандальной огласке, когда чересчур амбициозные призывы Ленина к немедленной социалистической революции, прежде всего по его возвращении в Петроград в апреле 1917 года, возмутили представителей всего политического спектра в после-февральской России. В июне I Всероссийский съезд Советов подавляющим большинством выразил вотум доверия коалиционному правительству, а министр почт и телеграфа Ираклий Церетели отметил, что в России не существует политической партии, способной взять власть в свои руки [Церетели 1963, 2: 171]. «Такая партия есть, — по легенде заявил Ленин, — это наша партия»¹³. Его товарищи-большевики, возможно, были недовольны смехом, которым некоторые встретили подобное бахвальство¹⁴.

Партия большевиков с большим опозданием приняла вызов, брошенный мятежными рабочими и солдатами, которые вступили в кровавые столкновения с полицией во время так называемых Июльских дней, спровоцированных неудачной политикой Временного правительства. По мере того как демонстрации захлебывались в сумятице и разочаровании, меньшевистская и эсеровская пресса усилила критику большевистской партии как безыдейной организации. Умеренная социалистическая газета «День» в конце июля настаивала на том, что дни большевиков сочтены, что большевики «почти повсюду ликвидировали свою деятельность». В статье говорилось об отсутствии «шума и волнения» на демонстрациях, о том, что большевистских ора-

---

¹² См. список подробных вопросов, заданных делегатам в анкете на съезде РСДРП(б) в июле 1917 года, в [Обичкин и др. 1957: 25–27], а также циркулярные письма, свидетельствующие о попытках центра детально контролировать местные организации с помощью потока меморандумов [Там же: 50].

¹³ Этот эпизод упоминается в [Троцкий 1924: 54].

¹⁴ О том, как на лидеров партии повлияли призывы Ленина к действию, см. в [Chamberlin 1935: 159–160; Шапиро 1975: 243 и далее].

торов встречали насмешками или безразличием, а также о том, что рабочие комитеты в некоторых районах приняли «резкие резолюции» против большевиков¹⁵. Подобные статьи продолжали появляться вплоть до конца октября, а в одной из них утверждалось, что четыре месяца организационной работы большевиков с июля «не дали почти никаких результатов»¹⁶. Еще летом 1917 года партия была иллюзией, бесформенной организацией с расплывчатой программой, что позволяло ее сторонникам с самыми разными взглядами видеть в ней что-то свое. Маска, которую РКБ(б) использовала для привлечения и обмана своих членов, скрывала бесконечные политические маневры небольшой группы лидеров в стремлении к власти¹⁷. Эта и только эта маска отличала большевизм от анархизма: «Так не лучше ли называть вещи своими именами?» — спрашивала меньшевистская «Рабочая газета» в номере от 19 октября¹⁸.

«Кто лучшие агитаторы партии? — лукаво спрашивала большевистская газета «Рабочий путь» в начале октября. — Вы думаете, это Троцкий, Каменев, Коллонтай? Ошибаетесь, это — Керенский, Церетели, Авксентьев!» После успехов большевиков на выборах в Москве эсеры и меньшевики почувствовали необходимость «справиться с “большевистской опасностью”». Но преследуя и запрещая большевистскую партию, продолжала статья, правительство добилось лишь увеличения «обаяния нашего знамени»¹⁹. Ленину захотелось процитировать слова поэта

¹⁵ День. 1917. 25 июля. Примеры антибольшевистских резолюций см. в номерах от 11 августа, 12 августа, 19 октября, 21 октября. «День» также задокументировал нападки на большевистскую прессу (1917. 11 авг.).

¹⁶ День. 1917. 24 окт.

¹⁷ День. 1917. 7 сент.; 20 сент.; 12 окт.

¹⁸ См. статью П. Голикова «То, о чем не договаривают большевики» (Рабочая газета. 1917. 19 окт.). Единственное отличие большевизма от анархизма, утверждал Голиков, заключалось в том, что большевизм повсеместно демонстрировал заметное «отсутствие смелости мысли, уклонение от прямого ответа... экивоки».

¹⁹ Рабочий путь. 1917. 1 окт. Утверждения об электоральных успехах оспаривались в «Искре» от 14 октября 1917 года.

Рис. 1. Группа коммунистов на Всероссийском съезде Советов в 1918 году (предоставлено РГАКФД в Красногорске)

Н. А. Некрасова: «Мы слышим звуки одобренья, / Не в сладком рокоте хвалы, / А в диких криках озлобленья!»²⁰

В то время как критики всех мастей нападали на непостоянство большевистской партии, другие комментаторы критиковали ее идеологию и практику с яростью, которая, по их мнению, была излишней для других течений социализма на политической сцене в 1917 году. «Русский большевизм, — писал матери поэт

²⁰ См. статью «Удержат ли большевики государственную власть?» (сентябрь — октябрь 1917 года) в [Ленин 1967–1975, 34: 287–239]. В 1920 году Ленин снова писал о «травле» большевиков кадетами, которая особенно усилилась в июне 1917 года и помогла «втянуть массы в оценку большевизма, а ведь, кроме газет, вся общественная жизнь именно благодаря “усердию” буржуазии пропитывалась спорами о большевизме». Иностранные державы, продолжал Ленин, теперь оказывали большевикам ту же услугу [Ленин 1967–1975, 41: 85–86].

А. А. Блок 7 июля 1917 года, — на практике до такой степени насыщен и перенасыщен чужим самому себе, и всякой вообще политике, что о нем, как о политической партии, невозможно говорить» [Блок 1927–1932, 2: 386]. В небольшевистских кругах термин «большевизм» часто использовался как синоним любой формы крайнего радикализма [Figes, Kolonitskii 1999: 172–173]. Зинаида Гиппиус записала в своем дневнике 26 октября, что большевики теперь «обнажаются» и «под ними... вовсе не “большевики”, а вся беспросветно-глупая чернь и дезертиры, пойманные прежде всего на слово “мир”. Но хотя — черт их знает, эти “партии”, черновцы (сторонники лидера ПСР Виктора Чернова. — Ф. К.), например, или новожизненцы (интернационалисты) (объединившиеся вокруг социал-демократической газеты «Новая жизнь». — Ф. К.)» [Гиппиус 2003: 321]²¹. Писатель М. М. Пришвин занес в свой дневник 14 сентября 1917 года такую запись:

Что же такое эти большевики, которых настоящая живая Россия всюду проклинает, и все-таки по всей России жизнь совершается под их давлением, в чем их сила? Многие теперь — и это в большой моде — называют их трусами, но это совершенно неверно. Несомненно, в них есть какая-то идейная сила [Пришвин 2007: 510–511].

К сентябрю — октябрю 1917 года партия большевиков вела интенсивную кампанию по всей России, чтобы донести до последователей эффективность и жизнеспособность своей организации. Так, на Вятском губернском съезде РСДРП 17 октября выступил большевик, объяснивший собравшимся «сущность большевизма»²². Письма из губерний в Центральный комитет в сентябре и начале октября сообщали об организационных

²¹ Гиппиус часто выражала свое скептическое отношение к новому порядку, заключая ключевые термины в кавычки, в том числе «большевизм», «большевики», «партии», «товарищи-социалисты», «революционеры». В. Г. Короленко разделял ее недоверие к массам, считая их «человеческой пылью, взметаемой любым ветром!» [Короленко 1990: 213].

²² Рабочий путь. 1917. 17 окт.

успехах большевиков на местном уровне, обещая упрочить их, если удастся найти больше партийных работников. Однако они же рассказывали об организациях большевиков, только недавно отделившихся от меньшевиков-оборонцев или интернационалистов в регионах, о единых съездах и конференциях РСДРП, а также о зарождающихся и все еще слабо взаимосвязанных местных организациях большевиков²³. Владимир Невский, большевистский активист, который в течение значительной части следующего десятилетия будет объяснять массам суть партии и ее идеологию, в августе 1917 года писал о заблуждениях народа в отношении большевиков и всеобщей путанице: «О большевиках говорят, что они буржуи, богатые люди (потому-де и называются большевиками), воры, погромщики, жулики... что... их виднейшие борцы... Ленин, Зиновьев, Каменев, Коллонтай... шпионы и изменники, подкупленные немецким царем Вильгельмом». Невский не видел противоречия в том, чтобы одновременно хвастаться ростом партии до 250 000 членов и отмечать широко распространенное среди населения непонимание того, что такое большевик, чего он хочет, или даже что такое вообще «политическая партия» [Невский 1917: 3, 4–6].

Все эти опасения большевиков и их оппонентов по поводу состояния партийной культуры в России в целом и большевиков в частности материализовались после того, как стало известно, что на заседании Центрального комитета большевиков 10 октября по настоянию Ленина прозвучал призыв к восстанию через десять дней, приуроченному к запланированному Съезду Советов. Передовые ряды, а именно пролетариат, находились на пике революционной готовности, утверждал Ленин, в то время как

---

²³ См. рубрику «Партийная жизнь» и соответствующие статьи в «Рабочем пути» от 26 сентября 1917 года; 27 сентября 1917 года; 1 октября 1917 года; 3 октября 1917 года; 4 октября 1917 года (с новостью о проведенной 1 октября первой конференции всех большевистских организаций Петроградской губернии); 6 октября 1917 года; 10 октября 1917 года; и 11 октября 1917 года; а также газету «Социал-демократ» от 21 октября 1917 года. См. также обширную переписку между центром и местными организациями в последние месяцы 1917 года, опубликованную в [Обичкин и др. 1957].

вражеский лагерь демонстрировал максимальную нерешительность. В совокупности эти факторы создавали необходимые предпосылки для революции и «отказаться от отношения к восстанию, как к искусству, значит изменить марксизму и изменить революции» [Ленин 1967–1975, 34: 243]²⁴.

Призывы Ленина вызвали противодействие со стороны членов его собственной партии, которые считали, что время для восстания еще не пришло, и следующий Съезд Советов или Учредительное собрание в лучшем случае смогут предоставить большевикам защиту от дальнейших посягательств Временного правительства. И действительно, 12 октября исполнительным комитетом Петроградского Совета был создан Военно-революционный комитет (ВРК) — будущий координирующий орган восстания — для оценки и подготовки военной обороны столицы от нападения Германии или контрреволюционных элементов. Когда в массовой прессе поползли слухи о большевистском «выступлении», сторонники самого Ленина публично отрицали, что планировалось нечто подобное, ограничиваясь заверениями, что они будут «в первых рядах восставших», если произойдет «решительная борьба» народных масс [Рябинский 2017: 157]²⁵. Возражения Григория Зиновьева и Льва Каменева, двух видных членов ЦК партии, против восстания свидетельствовали о том, что некоторые члены партии видели парадокс в революции под руководством партии. На одном из заседаний ЦК Каменев так это сформулировал: «Здесь борются две тактики: тактика заговора и тактика веры в движущие силы русской революции» [Савельев 1929: 118]. Их аргументы о том, что население России в целом еще не готово к революции, что поддержка большевистской партии со стороны рабочих других стран слаба и ограничена, и о том, что рабочие и солдаты Петрограда отнюдь не рвутся в бой и могут легко отвернуться от большевиков в случае революционной

²⁴ Лучше всего эти события изложены в [Daniels 1967: гл. 6; Рабинович 1989: 193–234].

²⁵ Примеры слухов см. в «Трудовой копеечке» от 20 октября 1917 года и «Газете для всех» от 20 октября 1917 года.

войны — все это было неявной критикой организационной слаженности растущей партии. Они настаивали на том, что партия должна не только разъяснить свою программу широким массам, но и разоблачить политику меньшевиков и эсеров, чтобы четче обозначить партийную идентичность и повысить преданность населения в целом²⁶. Самые ярые защитники Ленина, среди которых был и Троцкий, руководствовались, очевидно, теми же соображениями, когда призывали отложить любое официальное установление революционной власти до его одобрения II съездом Советов в конце октября.

Как показала затяжная полемика с Зиновьевым и Каменевым в дни, предшествовавшие восстанию, Ленин прекрасно осознавал необходимость победы в борьбе за представительство как внутри собственной партии, так и на более широкой арене. В статье «Письмо к товарищам», опубликованной в газете «Рабочий путь» в номере от 19 октября, он писал: «революционная партия терпеть колебаний по столь серьезному вопросу не вправе, так как известную смуту эта парочка товарищей, растерявших свои принципы, внести может, то необходимо разобрать их доводы, вскрыть их колебания, показать, насколько они позорны» [Ленин 1967–1975, 34: 399]. Свое неприятие этих тенденций, повлекшее за собой временный выход из Центрального комитета, Зиновьев впоследствии оправдывал «раскаленной атмосферой, в которой мы живем и действуем»²⁷. Неверность социалистическим идеалам содействовала только буржуазным или мелкобуржуазным целям,

---

²⁶ Для ознакомления с точкой зрения Зиновьева и Каменева см. «Заявление Г. Зиновьева и Ю. Каменева 24 (11) октября» в [Ленин 1926–1930, 21: 494–498]. Более подробный анализ их взглядов см. в [Daniels 1960: особенно 60–63]. Помимо Зиновьева и Каменева, вступивших в публичную полемику, многие горячие сторонники Ленина в частном порядке также высказывали подобные опасения (см. [Daniels 1967: 101–102] и [Рабинович 1989: 230–232]).

²⁷ Зиновьев Г. Письмо к товарищам // Правда. 1917. № 183 (114). 8 ноября. В 1920-е годы подобные высказывания будут использоваться против него и других лидеров. Дополнительным доказательством служили частые осуждения местных комитетов «предательства» Зиновьева и Каменева по отношению к Ленину и Октябрьской революции, которые появлялись в рубрике «Партийная жизнь» газеты «Правда» (см. № 199 (130) от 25 ноября 1917 года).

и ярость Ленина была, несомненно, смесью идеологического и тактического негодования по отношению к тем, кого он называл «штрейкбрехерами»²⁸. «Новая жизнь» объявила эти разногласия доказательством беспорядка, заносчивости и лживости большевистских лидеров²⁹. Пресса обильно цитировала публичное осуждение Лениным своих же товарищей на страницах «Рабочего пути». «В чьих же руках Центральный комитет большевиков?» — язвительно вопрошала «Рабочая газета». Каменев и Зиновьев, продолжала статья, выступили против планируемого восстания, поскольку считали, что «при данном соотношении общественных сил» оно было бы «недопустимым, гибельным для пролетариата и революции шагом». «И что сказать о партии, — говорилось в заключение, — во главе которой стоят бесстыднейшие авантюристы или обезумевшие фанатики, против которых должен протестовать даже Зиновьев, Зиновьев “Нечестный”? И неужели в руках этих людей судьбы многих тысяч солдат и рабочих?»³⁰ Обман партии стал еще более очевидным, когда ее лидеры начали публично уклоняться от ответов на вопросы о планах восстания или прямо отрицать его³¹.

Страхи людей перед партией большевиков были связаны не с самой партией как таковой: по мнению многих, она бы просто не смогла удержать власть в долгосрочной перспективе³². Крах,

²⁸ См. в статье «Письмо к членам партии большевиков» [Ленин 1967–1975, 34: 419–422].

²⁹ См. выпуски «Новой жизни» от 17 и 18 октября 1917 года, а также ответ Ленина в газете «Рабочий путь» от 19, 20 и 21 октября 1917 года.

³⁰ Рабочая газета. 1917. 19 окт.

³¹ См. «День» от 15 октября 1917 года и «Рабочую газету» от 19 октября 1917 года. И действительно, критики опирались на опубликованные большевиками опровержения «тревожных слухов» о большевистском «выступлении» (см. газету «Социал-демократ» от 18 октября 1917 года; это же опровержение было затем перенесено на первую полосу «Социал-демократа» от 20 октября 1917 года). В одной из статей разговоры о том, что большевики назначили день восстания, были названы «детским лепетом». «Мы не готовим восстание, а мы просто восстанем», — продолжала статья (Рабочий путь. 1917. 17 окт. Курсив автора. — Ф. К.).

³² Искра. 1917. 27 окт.

утверждал один из ведущих меньшевиков, Давид Далин, придет к ним не извне, а изнутри: «Разочарование, разложение, внутренний распад большевизма неизбежны в самый ближайший срок»³³. «Рабочая газета» предсказывала, что партия рухнет, «как картонный домик»³⁴. Критики были озабочены и меркантильными сторонниками, которые стекались в партию в течение 1917 года. Уже 10 октября газета эсеров «Дело народа» писала, что «большевицкая масса» рассредоточивается по крайним полюсам политического спектра³⁵. Даже хваленая поддержка армии была иллюзорной: по мнению умеренной социалистической прессы, армия была либо против, либо в лучшем случае равнодушна к большевистскому плану³⁶. Другие партии, возможно, мечтали пойти по тому же большевистскому пути, как писала Гиппиус в своем дневнике от 26 октября: «черт их знает, эти “партии” <...> Ведь и они о той же, большевицкой, дорожке мечтали. Не злятся ли теперь и потому, что “не они”, что у них-то пороку не хватило (демагогически)?» [Гиппиус 2003: 321]. Но, по ее мнению, их удержало чувство идеологической и организационной неготовности взять бразды правления в свои руки и убеждение, что народ России также еще не готов к социалистической власти. Кто тогда сможет сдерживать «анархическое, синдикалистское, наивно мятежное настроение» масс, как выразилась одна из газет?³⁷

³³ Рабочая газета. 1917. 4 нояб. Газета Горького «Новая жизнь» также активно предсказывала распад большевистской партии изнутри (см. «Новая жизнь» от 25 октября 1917 года).

³⁴ Рабочая газета. 1917. 6 нояб.

³⁵ Дело народа. 1917. 10 окт.

³⁶ 17 октября Временное правительство направило представителей милиции в Петроград изучить настроения масс, особенно рабочих и солдат, что дало «довольно успокоительный результат» (Рабочая газета. 1917. 18 окт.). Еще более «успокоительные результаты» исследования настроений солдат см. в газете «День» от 19 октября 1917 года. Даже после 25 октября «Рабочая газета» сообщала, что фронт не предоставил большевикам ни одного солдата, несмотря на все их просьбы (Рабочая газета. 1917. 4 нояб.).

³⁷ Искра. 1917. 14 окт.

Страх привлечь такие «темные силы», утверждала газета «День», заставил большевиков отложить свои первоначальные планы действий³⁸.

Заговоры и революции

Несоциалистическая пресса, от которой большевики отмахнулись, назвав ее «либерально-буржуазной», назвала угрозу свержения Временного правительства большевиками причиной, а не лекарством от бед России. «Речь», газета партии кадетов, сетовала на то, что «революционная демократия» не осознает «смертельные опасности» своих действий как для родины, так и для уже свершившейся Февральской революции, и подчеркивала роль большевиков в провоцировании «всех анархических и преступных элементов» в столице³⁹. Когда 25 октября 1917 года большевики отобрали власть у Временного правительства, эти опасения быстро вылились в поток концентрированного гнева против большевиков и того, что их противники считали незаконными и безрассудными действиями.

Газета партии прогрессистов «Утро России» подчеркивала, что переворот, совершенный «двумя эмигрантами [Лениным и Троцким]», оторванными от русского народа и солдат на фронте, равносителен предательству России немцам, которого можно было избежать только в том случае, если бы армия поддержала законное Временное правительство⁴⁰. Газета также «разоблачала» классовое происхождение Троцкого, «помещичьего сына». На страницах «Утра России» действия большевиков публично осуждали те, кого редакция считала столпами стабильной системы: московская городская полиция, государственные служащие московских кредитных учреждений, Государственного банка и Всероссийского почтово-телеграфного союза⁴¹. Описывая

³⁸ День. 1917. 24 окт.

³⁹ См. «Речь» от 14 октября 1917 года и от 18 октября 1917 года соответственно.

⁴⁰ Утро России. 1917. 10 нояб.; Речь. 1917. 26 окт.

⁴¹ См. «Утро России» от 10, 15, 16, 18 и 19 ноября 1917 года, а также «Нашу речь» от 16 ноября 1917 года.

ухудшающуюся экономическую ситуацию в Москве с ее нарастающими последствиями для транспортной системы, продовольственных ресурсов, рабочих мест и жилья, газета, казалось, больше всего опасалась экономических последствий захвата власти⁴². Ее авторы отвергали большевистские заявления о революции, считая их иллюзиями, из-за которых большевики не видят неизбежных экономических проблем. Большевистские «измышления» — термины, которые те использовали для очернения своих врагов, например «контрреволюционный» или «буржуазный», — были названы циничным приемом поддержания этих иллюзий. Но в то же время «Утро России» выражала опасения по поводу соблазнительной силы революционных иллюзий как для масс, так и для самих большевиков: «Пламень чистой веры горит в душах их, и ради своей религии искренние среди них готовы даже взойти на жертвенный костер». Однако авторы верили, что ухудшение экономических условий в итоге развеет все иллюзии⁴³.

Большевики (да и социалисты в целом) отвергали критику несоциалистической прессы не только по идеологическим соображениям — они рассматривали ее как подтверждение необходимости революции. Так, газета «Речь» была быстро закрыта Петроградским военно-революционным комитетом 8 ноября 1917 года. После нескольких переименований газета была окончательно закрыта в августе 1918 года, и ее исчезновение не вызвало особой печали у социалистов. Критику действий большевиков изнутри социалистического лагеря, однако, нельзя было так легко игнорировать. Партия должна была занять гораздо более прочную политическую позицию, прежде чем объявить анафему критикам-социалистам. В первые месяцы после октября большевики проводили последовательную идеологическую защиту своих действий, в частности перед обличителями из социалистического лагеря.

---

⁴² См. «Утро России» от 7 декабря 1917 года, а также 14 и 15 ноября 1917 года.

⁴³ См. «Утро России» от 14 и 16 ноября 1917 года, а также «Речь» от 15 октября 1917 года.

Когда большевистские лидеры настойчиво принялись рассказывать на Съезде Советов свою историю свершившейся революции, оппоненты противодействовали им на каждом шагу. «Восстание народных масс не нуждается в оправдании, — сказал Троцкий Съезду. — То, что произошло, это не заговор, а восстание. Мы закаляли революционную энергию петроградских рабочих и солдат; мы открыто выковали волю масс на восстание, а не на заговор» (цит. по: [Покровский, Тихонова 1997: 41]). Докладчики-меньшевики на съезде предложили иное прочтение: большевики, изолированные от противников и сторонников, устроили в Петрограде переворот, не более того. Переворот оказался успешным (по крайней мере, на данный момент), утверждали они, только потому, что произошел — они припомнили Троцкому его же собственные слова — «в тиши ночной, когда все обыватели мирно спали»⁴⁴. В этом противостоянии вопрос заключался не в том, что такое революция. Вопрос был в том, обладали ли октябрьские события необходимыми элементами для того, чтобы их можно было считать революцией.

Противники большевистского представления о революции использовали самые разнообразные риторические и ораторские приемы. Однако отсутствие доступа к государственному аппарату (репрессивные рычаги которого большевики в конечном счете использовали без всяких колебаний) помешало им рассказать свою историю. Но уже с самого начала социалистическая контрпропаганда была ослаблена рядом факторов. Она по определению была *контр*аргументом, и поэтому в существенных аспектах определялась составными частями большевистской аргументации *в пользу* интерпретации октябрьских событий как революции⁴⁵. Более того, нежелание наиболее красноречивых оппонентов — меньшевиков — взять власть в свои руки и дожидаться, пока пролетариат достигнет зрелости, вполне могло по-

⁴⁴ См. «Рабочую газету» от 28 октября и 7 ноября 1917 года.

⁴⁵ Меньшевики, в частности, уже давно реагировали на действия Ленина и своих большевистских коллег (см. предисловие Леопольда Хеймсона к [Schwarz 1967]).

казаться массам оторванным от реальности, хоть и основывалось на идеологических принципах⁴⁶. И наконец, долгая история деятельности социалистов на местном уровне могла еще сильнее подорвать доверие к социалистическим лидерам, известным своими непрочными личными отношениями друг с другом, и их нередко запутанным спорам о природе революции⁴⁷.

Первые решительные совместные действия меньшевиков и эсеров на Съезде 25 октября не сулили ничего хорошего для успеха их аргументации. Они уступили большевикам значительные позиции власти, демонстративно покинув заседание, что рассматривалось ими как принципиальный отказ участвовать в том, что они считали незаконным политическим захватом со стороны беспринципного меньшинства⁴⁸. Между тем для многих это символизировало реакционный характер их позиции и поражение. Уход меньшевиков со Съезда отдал в руки большевиков мощные символические и физические объекты представительства — II съезд Советов и Смольный. Решение приглашенных стенографистов сопровождать ушедших делегатов было призвано лишить большевиков одного из инструментов легитимации — акта официального протоколирования встречи. На деле это только усугубило проблему отсутствия собственного голоса у меньшевиков и эсеров. В своей резолюции Съезд, на котором теперь доминировали большевики, назвал уход меньшевиков и эсеров актом нелегитимности, «бессильной и преступной попыткой сорвать полномочное всероссийское представительство рабочих и солдатских масс» [Покровский, Тихонова 1997: 41–42].

В следующие несколько дней и недель после 25 октября 1917 года жители Петрограда, а затем и всей страны, могли обнаружить

---

⁴⁶ Это нежелание было названо «постановлением о самоотречении» [Getzler 1972: 101].

⁴⁷ См. [Ascher 1972: 382; Шапиро 1975: 204–205]. О влиянии власти большевиков на ситуацию внутри Партии социалистов-революционеров см. [Янсен 1989: документы 6–24].

⁴⁸ Резолюцию меньшевиков, к которой эсеры присоединились до ухода с заседания, см. в [Покровский, Тихонова 1997: 69–70].

на первых страницах утренних газет огромные заголовки. Они отражали весь спектр интерпретаций событий: от «Вся власть Советам Рабочих, Солдат и Крестьян! Мира! Хлеба! Земли!» до «Захват власти большевиками» и «Большевики отдают Россию Вильгельму»⁴⁹. Каждый день люди видели вооруженных красногвардейцев и солдат на улицах Петрограда и Москвы, на вокзалах, телефонных станциях и в почтовых отделениях. В стратегических точках по всему городу они сталкивались с блокпостами и требованиями предъявить удостоверение личности.

Эсеры и меньшевики были согласны с большевиками в том, что ключ к революции — это воля масс. Признавая большевистскую акцию свершившимся фактом, «Рабочая газета» отрицала, что это была революция или хотя бы восстание. Это было скорее установление военной хунты в южноамериканском стиле, «пронунциаменто» большевиков, в котором народные массы не принимали никакого активного участия⁵⁰. Новые правители-большевики не понимали долгосрочные потребности масс, поскольку имели другое классовое происхождение. В качестве иллюстрации враждебно настроенные статьи проводили параллели между новой диктатурой и старым самодержавием, между Лениным и Николаем II, между большевистскими лидерами и «Цезарем и Августом или Помпеем»⁵¹.

Короткие объявления в меньшевистской газете описывали поэтапный военизированный захват большевиками железнодорожных станций, Государственного банка, мостов, телеграфа и Адмиралтейства⁵². Последний шаг этого запланированного переворота был предпринят, когда «большевиками Петрограда, вопреки воле революционного народа, [была] преступно арестована часть Правительства»⁵³. Газета «Дело народа» под заголовком

⁴⁹ Рабочий путь. 1917. 25 окт.; Рабочая газета. 1917. 26 окт.; Борьба. 1917. 10 нояб.

⁵⁰ Рабочая газета. 1917. 26 окт.

⁵¹ Рабочая газета 1917. 19 нояб.; Искра. 1917. 4 дек.

⁵² Рабочая газета. 1917. 26 окт.

⁵³ Там же. 1917. 27 окт.

«Революция восторжествовала» сначала просто воспроизвела лаконичное объявление, появившееся в вечернем выпуске большевистской газеты «Рабочий и солдат» за 25 октября — о переходе власти в руки революционного комитета Петроградского Совета⁵⁴. Однако два дня спустя в газете появилось сообщение о том, что «24–25 октября произошла не великая рабочая революция, которая может быть совершена лишь после многих лет организации трудящихся масс, а захват власти кучкою фантазеров». В отличие от Февральской революции, большевистская авантюра никак не выражала «заветные думы трудящихся масс»⁵⁵. Февральская революция, по словам авторов «Рабочей газеты», была «исторически необходимым» событием, «постольку, поскольку оно непреодолимо, поскольку в данном месте и в данное время никакие рассудочные и сознательные силы не могут приостановить или задержать данное движение». «Октябрьские события», с другой стороны, были прямой противоположностью февральским, потому что большевики «“революцию” сделали, и ее постигает участь всех тех революций, которые назначаются и делаются в определенный день и определенный час». «Право общественное мнение, — с надеждой заключала статья, — это только безумная политическая авантюра, авантюра удавшаяся на час, благодаря благоприятной в стране почве для военных бунтов»⁵⁶. Некоторые считали, что ложные заявления большевиков об Октябре нанесли непоправимый ущерб делу революции в целом. Как писал Леонид Андреев в своем дневнике в апреле 1918 года:

Большевики не только опоганили революцию, они сделали больше: быть может, навсегда убили *религию* революции. Сто с лишним лет революция была религией Европы, революционер — святым в глазах друзей и *врагов*. Даже у врагов больше, чем у друзей [Андреев 1994: 42].

⁵⁴ Дело народа. 1917. 26 окт.

⁵⁵ Там же. 1917. 28 окт.

⁵⁶ Рабочая газета. 1917. 8 нояб.

Рис. 2. Рассказчики революции: красногвардейцы в Смольном, октябрь 1917 года (предоставлено РГАКФД в Красногорске)

Большевики последовательно отвечали своим критикам. «Где заговор?» — вопрошала «Правда» на передовице номера от 31 октября. По их мнению, утверждения о том, что большевики организовали заговор, «тайное соглашение немногих», были необоснованными. Они открыто агитировали на массовых собраниях и в прессе, что «переворот» был осуществлен «десятками, сотнями, тысячами рабочих и солдат». Восстание было успешным, заключала редакционная статья, «именно потому, что оно было не затеей заговорщиков, а народной революцией»⁵⁷. Газета «Социал-демократ», официальный орган партии большевиков, высмеяла телеграмму начальника гарнизона города Ржев, который уведомлял о захвате власти в городе «кучкой большевиков» и добавлял, однако, что у него нет достаточных сил,

⁵⁷ Правда (Рабочий путь). 1917. 31 окт.

чтобы вернуть город. «Власть захвачена всего лишь кучкой большевиков, — насмехалась газета, — а начальник гарнизона не может справиться с этой ничтожной кучкой»⁵⁸. Большевиков раздражал термин «кучка».

Подобные интерпретации событий октября 1917 года, как неоднократно отмечала «Правда», были колоссальным непониманием значения произошедшего: «Вот как пишется история. Одно из грандиознейших событий последних времен, пролетарско-крестьянская революция... они [эсеро-меньшевицкие газеты] называют [ее] презрительно “военным заговором”, “насилием воли меньшинства над большинством”, “узурпаторством”». В статье задавался вопрос, почему февральское свержение рассматривается как революция, а Октябрьская революция — как военный заговор. В феврале, писали авторы, от власти отстранили только одного человека — это событие больше заслуживает определения «заговор». В то же время Октябрьская революция, продолжала газета, «до корня разбивает господствующую социальную силу» и передает власть в руки подлинной «демократии». Революция действительно произошла за 24 часа до «формально назначенного срока», а именно открытия Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, «которому нельзя отказать в том, что он действительно представляет большинство народа». Тем не менее, настаивала статья, переворот отражал волю большинства участников съезда Советов, которые не скрывали своего мнения о необходимости «разрыва с буржуазией»⁵⁹.

Меньшевистская и эсеровская пресса утверждала, что отсутствие массовой поддержки означало отсутствие в этой «революции» важного элемента: всеохватывающей страсти и драматизма, которые были неотъемлемой частью народных восстаний. Это было серьезное обвинение, поскольку сама легитимность революции заключалась именно в ее драматизме и страсти. Отрицание этих качеств означало отрицание революции. Критикуя «большевистский заговор», «Рабочая газета» подчеркивала, что «революция несет свобо-

---

⁵⁸ Социал-демократ. 1917. 2 нояб.

⁵⁹ Правда (Рабочий путь). 1917. 1 нояб.

ду, радостное чувство облегчения, праздник»⁶⁰. В октябрьских же событиях народные массы не принимали активного участия, и даже небольшие отряды солдат, помогавшие большевистским лидерам, относились к происходящему «без всякого энтузиазма, с равнодушной покорностью»⁶¹. Газета эсеров подчеркивала нелестный контраст с Февральской революцией: «Где многотысячные народные толпы, которые приветствовали февральскую революцию? Где рабочие митинги, где демонстрации, дефилировавшие с красными флагами и победными песнями по улицам Петрограда?»⁶²

Вместо того чтобы следовать страсти и драме революции, писала «Рабочая газета» 1 ноября, большевики оказались в изоляции из-за всеобщего безразличия и теперь «задыхаются и в Петроградской атмосфере»⁶³. Несмотря на попытки большевиков убедить рабочих и солдат в поддержке партии народом и фронтом, уже на второй неделе стало ясно, что вся страна «не за, а против большевиков», доказательством чего, по мнению авторов статьи, было молчание большевиков о событиях внутри России⁶⁴. Меншевики и раньше сомневались в масштабе поддержки большевиков за пределами столицы: «Мы постоянно напоминали большевистским авантюристам, что Петроград — не Россия». Большевистские советы действительно существуют в каждом маленьком городке, но это лишь «островки посреди реакционного обывательского моря»⁶⁵. Газета «День» писала, что «сфабрикованность» этого восстания проявилась в том, что у него «нет ни стихии, ни страсти, нет вообще темперамента». Эта «выдуманная революция» была пустой, потому что была создана «не прокламациями, не пламенными воззваниями, а статьями и фельетонами»⁶⁶.

---

⁶⁰ Рабочая газета. 1917. 28 окт.

⁶¹ Там же. 1917. 26 окт.

⁶² Дело народа. 1917. 28 окт.

⁶³ Рабочая газета. 1917. 1 нояб. Похожую точку зрения эсеров см. в номере газеты «Дело народа» от 28 октября 1917 года.

⁶⁴ Рабочая газета. 1917. 4 нояб.

⁶⁵ Рабочая газета. 1917. 2 нояб.

⁶⁶ День. 1917. 25 окт.

Представление об Октябрьской революции как о «бумажной революции» неоднократно рассматривалось обеими сторонами. Обе опирались на дискуссию, предшествовавшую смене власти, в которой влияние нерешительных бюрократов противопоставлялось действиям решительных революционеров. 22 октября большевистский «Рабочий путь» отметил, что эсеры ответили на планы большевиков начать действовать 25 октября призывами к разработке предпроектов в различных подкомиссиях: «большевики стоят за решительные меры, а эсеры обещают все уладить тихой стряпней проектиков»⁶⁷.

После смены власти страницы «Правды» и «Социал-демократа» пестрели декретами и прокламациями большевистского правительства и II съезда Советов в качестве яркого доказательства того, что новая власть выгодно отличается от неэффективной власти Временного правительства и развила кипучую деятельность. Один из первых декретов новой власти, Декрет о земле был обнародован в заголовке на первой полосе «Правды» от 28 октября. Газета отдельно указала, что декрет был подписан в два часа утра 26 октября⁶⁸. Меньшевики проводили аналогии между этим всплеском большевистской активности и ранними заявлениями Временного правительства. Большевистские списки вновь назначенных министров, писала «Рабочая газета», это «пустая бумажка, ибо новоявленные гг. “министры” попросту не могут взять государственную власть. Она ускользает из их рук — потому что вокруг них — пустота, созданная ими самими, потому что они изолированы от всех»⁶⁹. В «Новой жизни» было опубликовано стихотворение, атаковавшее безыдейность большевистской власти, которое заканчивалось такими строчками: «В пресечение реакции, / Совещаются фракции. / ...Но не бойтесь реакции, / Совещаются фракции!»⁷⁰ Большевики возражали: их декреты вовсе не были «бумажными декретами, резолюциями

⁶⁷ Рабочий путь. 1917. 22 окт.

⁶⁸ Правда (Рабочий путь). 1917. 28 окт.

⁶⁹ Рабочая газета. 1917. 28 окт.

⁷⁰ Новая жизнь. 1917. 4 нояб.

«без силы и значения» — они возымеют реальный эффект по мере того, как «будет расти сила революционной власти»⁷¹.

Социалистические оппоненты нового правительства были стеснены в критике. В то время как эсеры утверждали, что большевики украли их земельную программу, меньшевики отказывали большевикам в звании законных наследников российской социал-демократии. В эти первые дни они предпочитали избегать открытого конфликта с большевистскими лидерами, надеясь на то, что результаты новой политики приведут к разочарованию рабочих. В то же время меньшевики, как и до Октября, продолжали утверждать, что вероятным результатом любого захвата власти большевиками станет гражданская война. Статьи меньшевистских идеологов, написанные сразу после октябрьских событий, говорили о том, что выжидательная позиция может оказаться не лучшим вариантом для России. «Заговор большевиков, — писала «Рабочая газета», — если он не будет в кратчайший срок ликвидирован средствами самого рабочего класса, грозит ввергнуть страну в ужас гражданской войны, равной которой по жестокости и кровопролитию не знала, быть может, первая»⁷². В итоге меньшевики и другие оппоненты утверждали, что сам переворот был не чем иным, как гражданской войной⁷³.

Предстоящее Учредительное собрание, наконец-то назначенное на 5 января 1918 года после неоднократных переносов, казалось бы, должно было стать идеальной сценой для противостояния легитимности большевистской власти. Видные либералы осудили саму идею Учредительного собрания как легитимной площадки в послеоктябрьской России. Либеральный историк и член Центрального комитета партии кадетов Петр Струве

⁷¹ Правда (Рабочий путь). 1917. 31 окт.

⁷² Рабочая газета. 1917. 2 нояб. См. также номера от 20, 25 и 26 октября. В 1908 году Ленин писал о Парижской коммуне, в которой он высоко оценил провозглашение Коммуны и начало гражданской войны, посредством которых пролетариат «провел... демократизацию общественного строя... отменил бюрократию» [Ленин 1967–1975, 16: 452]

⁷³ Дело народа. 1917. 11 нояб.; Рабочая газета. 1917. 6 нояб.

утверждал, что созыв Учредительного собрания был навязан угрозами «опьяневших “революционеров” и обезумевших солдат» [Струве 1917: 58]. Однако социалисты не хотели использовать Собрание как возможность публично делегитимизировать большевиков, несмотря на то что на выборах в него эсеры набрали на шесть миллионов голосов больше, а лидеры меньшевиков, хоть и получили лишь малую часть голосов, были отлично подготовлены к яростным открытым дебатам [Radkey 1990: 18]. Как отметил Леопольд Хеймсон, лидер эсеров Чернов взял на Собрании примирительный тон, и только Церетели, больше не являвшийся лидером меньшевиков, открыто критиковал законность претензий большевиков на революционную власть [Haimson 1980: 462–483]. Возможно, они не хотели публично присоединяться к несоциалистам в критике большевистского режима. Более того, народная поддержка Учредительного собрания выглядела в лучшем случае неубедительной: ни расстрел демонстрантов на улицах, ведущих к Таврическому дворцу 5 января, ни даже принудительный разгон Учредительного собрания большевиками днем позже не вызвали массовых протестов ни со стороны рабочих, ни со стороны крестьян⁷⁴. Таким образом, Учредительное собрание так и не стало *cause célèbre*⁷⁵ для оппозиционеров; после разгона большинство из них довольно быстро отказались от идеи такого собрания [Radkey 1963: 448–450]⁷⁶.

Спор о значении произошедшего в октябре не ограничивался междоусобными распрями среди небольших групп политических активистов. Он влиял на слова и действия более широкого круга людей, многие из которых выражали свою поддержку или протест в эстетических терминах. Стиль дневниковой записи Зинаиды

⁷⁴ См. [Яров 1999а: 170; Яров 1999б: 20; Яров 1999в: 19]. К 1921 году словосочетание «Учредительное собрание» практически исчезло из политического лексикона рабочих [Яров 1999а: 114].

⁷⁵ Громкое судебное разбирательство (фр.). — Прим. пер.

⁷⁶ Даже недолговечный Комитет членов Учредительного собрания (Комуч), созданный в Самаре эсерами в июне 1918 года, пользовался большей, хотя все еще незначительной, поддержкой населения. См. об этом [Raleigh 2002: 47–48].

Гиппиус от 6 ноября выдает глубокое беспокойство по поводу сложившейся ситуации и того, что было поставлено на карту:

Очень странно то, что я сейчас скажу. Но... мне *скучно* писать. Да, среди красного тумана, среди этих омерзительных и небывалых ужасов, на дне этого бессмыслия — скука. Вихрь событий и — неподвижность. Все рушится, летит к черту и — нет жизни. Нет того, что делает жизнь: элемента борьбы. В человеческой жизни всегда присутствует элемент волевой борьбы; его сейчас почти нет. Его так мало в центре событий, что они точно сами делаются, хотя и посредством людей. И пахнут мертвечиной [Гиппиус 2003: 333–334].

Другие литераторы, отнюдь не большевики по принадлежности к партии или даже по симпатиям, также ощутили этот вихрь. Блок видел в нем прямо противоположное тому, что видела Гиппиус, о чем писал в статье «Интеллигенция и революция»:

Что же задумано?

Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью. Когда *такие* замыслы, искони таящиеся в человеческой душе, в душе народной, разрывают сковывавшие их путы и бросаются бурным потоком, доламывая плотины, обсыпая лишние куски берегов, — это называется революцией. Меньшее, более умеренное, более низменное — называется мятежом, бунтом, переворотом. Но *это* называется *революцией*.

Она сродни природе... [Блок 1960–1965, 6: 11–12]

Для поэта, как отмечал один литературный критик в 1921 году, «в революции есть две стороны. Ею движет не только план и расчет, не только разум. В ней есть душа» [Коган 1921: 5]. Владимир Маяковский, один из самых преданных революции поэтов, «революцией... наслаждался физически», по словам его друга, литературного критика Виктора Шкловского: «Она была ему очень нужна» [Шкловский 1940: 102]. Пролетарские поэты, которые

процветали в первые годы существования советского государства, пытались запечатлеть революцию в серии эстетизированных образов и витиеватых пассажей: Карл Маркс в образе ангела-хранителя, парящего над баррикадами; пролетарий-гигант, попирающий новый мир; заводы — железные цветы, предвестники новой весны [Руман 1990: 6–9]. Блок использовал образы апокалиптического масштаба, предупреждая Запад в своем стихотворении «Скифы», что игнорировать революционную Россию можно только на свой страх и риск:

Миллионы — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами! [Блок 1960–1965, 3: 360]

Однако не все литераторы увидели в событиях октября 1917 года «светозарную» революцию символиста Андрея Белого [Белый 1994–2018, 1: 314]. Некоторые, напротив, наблюдали тьму надвигающегося ада на земле. Писатель В. В. Розанов в середине ноября решил публиковать раз в две недели или раз в месяц статьи под общим заголовком «Апокалипсис нашего времени» [Под созвездием топора 1991: 54]. В дневниковой записи от 25 октября 1917 года Гиппиус писала, что между Февральской революцией и большевистским захватом разница — как «между мартом и октябрём, между сияющим тогдашним небом весны и сегодняшними грязными, темно-серыми склизкими тучами» [Гиппиус 2003: 319]. Отметим, что метафоры темноты в то время были распространенным художественным приемом⁷⁷. По мнению Пришвина, большевики представляли собой «помрачение», против которого должен был подняться «дух земли» [Пришвин 2007: 526]. Темные, невежественные массы наводняли тени, а слово «родина», как заметил публицист В. Г. Короленко в дневниковой записи от 1 ноября, действовало на большевиков «как

---

⁷⁷ О повторяющемся сопоставлении света и тьмы в поэзии и литературе революции см. введение В. А. Чалмаева [Под созвездием топора 1991: 5 и далее].

красное сукно на быков» [Короленко 2001: 28]. Прима-балерина Матильда Кшесинская признавалась в своем дневнике в страхе перед темнотой и опасностями, которые она таила [Кшесинская 1992: 199–200].

Немногие стихи отражают спорные моменты лучше и лаконичнее, чем многоуровневая поэма Блока «Двенадцать», написанная в январе 1918 года и опирающаяся на заголовки прессы того времени⁷⁸. В ней 12 красногвардейцев маршируют по улицам Петрограда посреди сильнейшей метели. Больше всего в поэме поражает двойственное отношение поэта к личности людей и политических деятелей того времени. Они могут быть как каторжниками, так и революционерами («На спину б надо бубновый туз!»); они не уверены в личности тех, кто находится у власти, если вообще кто-то может быть хоть в чем-то уверен в такой суматохе («— Кто там машет красным флагом? / — Приглядишься-ка, эка тьма!»). Большевики и их лозунги отвергаются согбенной старухой, которая видит в их знаменах лишь потраченный материал, который мог пойти на портянки для детей: «— Ох, Матушка-Заступница! / — Ох, большевики загонят в гроб!». Как отметил религиовед Сергей Хакель, «политический профиль» красногвардейцев неясен из текста; приверженность Блока левым эсеровским взглядам вряд ли подготовила его «к принятию специфически большевистского партийного органа как предвестника, агента и гаранта революции» [Haskell 1975: 65]. Тем не менее Блок, по собственному признанию, слышал музыку революции и в январе 1918 года призвал своих коллег-художников: «всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию» [Блок 1960–1965, 6: 20]. Владимир Кириллов, пролетарский поэт, слышал менее музыкальную, более элементарную революцию: «Мы во власти мятежного, страстного хмеля, / Пусть кричат нам: “вы палачи красоты”» [Вакуленко 1976: 322].

Многие большевистские лидеры были недовольны такими эстетическими аргументами в пользу революции, напыщенными и часто непонятными религиозными и апокалиптическими об-

⁷⁸ См. предисловие к изданию поэмы на английском языке [Blok 1982: 8].

разами не меньше, чем поэтическими и прозаическими нападками на нее [Templeton 1967: 386–387]. Их чувствительность отчасти объяснялась осознанием того, что, несмотря на все уверения в обратном, их собственные отчеты об Октябре казались лишенными красок и страсти. Лаконичные сообщения о занятии стратегических пунктов Петрограда в определенной степени оживлялись кричащими заголовками на транспарантах и емкими — или не столь емкими — лозунгами. Тем не менее большевикам не хватало одного центрального элемента для эмоционального раскрытия революционной сущности Октябрьской революции, на отсутствии которой настаивала оппозиционная пресса. Большевикам нужен был особенный и узнаваемый символ революции как динамичного и драматичного события. Им нужна была своя собственная, октябрьская Бастилия. А противники сделали все возможное, чтобы ею для большевиков не стал Зимний дворец.

Взятие Зимнего

На первых порах большевистские газеты предприняли несколько попыток представить центром Октябрьской революции Смольный — место провозглашения революции и место нахождения нового правительства. В этом центре революции всем заправлял «дух суровой пролетарской дисциплины». В качестве парадигмы будущего нового общества «оживленную, кипучую жизнь» Смольного можно было увидеть на первом этаже, в почтовом и автомобильном отделах, караульных комнатах и фабрично-заводских комитетах. «Боевые центры» революции занимали третий этаж⁷⁹. Тем не менее этому статичному, хоть и оживленному, месту действия все же не хватало динамики и драматических возможностей Бастилии. Кроме того, он слишком сильно ассоциировался с большевиками и мог показаться чересчур специфическим местом, чего большевики изо всех сил старались избежать.

---

⁷⁹ Правда. 1917. 3 нояб.

Еще раньше самих большевиков их оппоненты увидели потенциальную символическую силу единственной согласованной военной операции того дня в Петрограде. Газета «Дело народа» намекала на это, саркастично похвалив большевиков за взятие дворца:

Они могут гордиться своей победой, которую, конечно, поспешат вписать золотыми буквами на скрижали истории русской революции. Они двинули просто гвардию и красную гвардию, броневики, миноносцы, крейсера <...> против женского батальона и кучки юнкеров <...> Разве это не позорное дело?⁸⁰

С самого начала противники большевиков использовали образ Зимнего дворца, резиденции Временного правительства, где заседали представители меньшевиков, для построения аргументации о причинах государственного переворота. В первых меньшевистских докладах противопоставлялось подавляющее превосходство большевистских сил, осаждавших дворец 25 октября, и отвага его защитников. Сообщалось, что последние успешно отразили попытки взять дворец вечером 25 октября⁸¹. «Новая жизнь» описывала изменения, произошедшие в настроении Временного правительства 26 октября: его решимость «самыми энергичными действиями в зародыше подавить» любую попытку захвата власти уступила место смирению перед лицом превосходящих сил⁸². «Рабочая газета» отметила решение осажденного Временного правительства 24 октября не подчиняться «незаконным требованиям» и указала на небольшое число большевиков, участвовавших в планируемом перевороте, а также на их изоляцию от эсеров, меньшевиков и Центрального исполнительного комитета Советов. Более того, продолжала статья, большевистские пикеты, размещенные на одной из дорог, ведущих на Двор-

⁸⁰ Дело народа. 1917. 27 окт.

⁸¹ Рабочая газета. 1917. 26 окт.

⁸² Новая жизнь. 1917. 26 окт.

цовую площадь, не пустили делегацию городской думы в сопровождении членов меньшевистской и эсеровской фракций съезда Советов, которая направлялась к Зимнему дворцу вечером 25 октября, чтобы выразить протест против действий большевиков. Газета также предположила, что интерес масс к этой большевистской акции был не более чем любопытством, вызванным звуками выстрелов у дворца поздним вечером. Большевики якобы тщательно ограждали свою «народную» революцию от праздных взглядов: «Со всех улиц на направление к Зимнему Дворцу потянулись толпы любопытных, но пройти дальше расположения войск совета никому не удастся, так как стоящие пикеты никого не пропускают»⁸³.

Как только дворец пал, меньшевики и эсеры перестали изображать смелое, пусть и абсурдное, сопротивление законного правительства большевикам. Вместо этого Зимний дворец предстал совершенно иным местом — лишенным всякого значения очага реальной власти. Оппозиционные правительству газеты сообщали о нежелании казаков сражаться за дворец, о растущей тревоге и растерянности на лицах защитников, о том, как Временное правительство вело бесконечные разговоры. Зимний дворец предстал символом «паралича власти»⁸⁴. Почему, спрашивал поэт и публицист В. А. Амфитеатров в своем дневнике 25 октября, казаки и юнкера должны были оставаться защищать социалистическое, левое правительство, которое, по сути, отличалось от большевиков «лишь количественно, а не качественно» [Амфитеатров-Кадашев 1994: 6]. Один доброволец, отправившийся на защиту Зимнего дворца в полдень 25 октября, увидел лишь «полное отсутствие распорядительности, несмотря на то, что там имелось довольно много воинских частей»⁸⁵. Министр юстиции Временного правительства П. Н. Малянтович в это время беспрепятственно вошел в соседнее здание Главного штаба: «Все ли это “свой”? Сколько здесь большевиков? Их может

---

⁸³ Рабочая газета. 1917. 26 окт.

⁸⁴ Новая жизнь. 1917. 30 окт.; Дело народа. 1917. 29 окт.

⁸⁵ Рабочая газета. 1917. 27 окт.

быть сколько угодно. Входи и... бери. Они потом так и сделали: вошли и сели, а те, кто там сидели, встали и ушли — штаб был занят». Это убедило Малянтовича, что «защита [Зимнего дворца] бесполезна — бесцельны жертвы» [Малянтович 1918: 113–114, 129]. Отказавшись от представления Зимнего дворца как последнего героического оплота Временного правительства, его попытались лишить любого потенциального символического значения для большевиков. Зимний дворец, писало «Утро России», переживет большевиков так же, как пережил царя, которому служил до этого⁸⁶.

Оппоненты большевиков противопоставляли Зимний как символ институционального бессилия грубой силе беспринципной и бессовестной толпы, которая, хоть и вдохновлялась большевиками в Смольном, отнюдь не подчинялась им. Солдаты, «под влиянием... в толпе пьяных», разбили во дворце окна винных погребов, позволив толпе начать «пьяную оргию»⁸⁷. Амфитеатров записал в своем дневнике 26 октября, что слышал рассказы о ночной «резне» в коридорах дворца, а также о «мерзости и подлости» обращения с женским батальоном, после того как к юнкерам проявили милосердие и позволили им уйти [Амфитеатров-Кадашев 1994: 6]⁸⁸. По сообщениям оппозиционной прессы, в ночных пьяных эксцессах участвовали солдаты, красногвардейцы, матросы, а на следующий день во дворец пришли женщины, которые воровали бутылки с вином и потом продавали их на улицах. Пьяная оргия продолжалась весь день, и после нее Дворцовая площадь оказалась усыпана телами хмельных солдат и матросов: «Со вчерашнего дня в городе появилась масса продавцов вина из Зимнего дворца. Солдаты продавали заграничный

⁸⁶ Утро России. 1917. 14 нояб.

⁸⁷ Факел. 1917. 25 октября. Нижеследующее описание взято из этой статьи и следующих материалов: Н. Р. Под знаменем революции // Рабочая газета. 1917. 1 нояб.; Б. п. Разгром Зимнего дворца // Дело народа. 1917. 26 нояб.; Б. п. Оргия в Зимнем дворце // Полночь. 1917. 25 нояб.; Рейснер Л. В. Зимнем дворце // Новая жизнь. 1917. 11 нояб.

⁸⁸ Об изнасиловании участниц женского батальона см.: «Дело народа» от 2 и 5 ноября 1917 года.

коньяк по 20 р. за бутылку, а выдержанное старое вино по 5 и 7 р. бутылка. В Александровском рынке таких продавцов можно было встретить на каждом шагу. В течение дня 25 ноября на улицах и в трамваях попадались пьяные солдаты»⁸⁹. Военные части, которые были отправлены из Смольного, чтобы остановить грабежи и разрушения, в итоге к ним присоединились. Красногвардейцы, арестовавшие солдаток женского батальона, по сообщению газеты «Дело народа», так жестоко обращались с ними во время содержания в военном лагере Левашово, что три женщины покончили жизнь самоубийством. Убитые и раненые, усеявшие площадь и Литейный проспект, появились не в результате революционной борьбы, а после пьяных драк вооруженных людей. Этих людей не вдохновляла ни революционная сдержанность, ни высокие революционные идеалы. «Дело народа» привела в пример Николая Подвойского, лидера ВРК, чтобы проиллюстрировать поведение, недостойное революционера. По словам газеты, незадолго до Февральской революции он в слезах умолял царского чиновника в Петрограде не ссылать его в провинциальный город, уверяя, что откажется от политической деятельности. Автор с отвращением вспоминал этого «революционера», который за теплое местечко в Петрограде отрекался от всего, что он исповедовал». Поэтому неудивительно, что этот «революционер», «оставаясь в тени, обманным образом вел солдат на бойню и вел войну с женским батальоном»⁹⁰.

Несмотря на попытки оппозиции изобразить «изнасилование Зимнего дворца», большевики в тот момент не пытались сделать дворец центром своего революционного повествования. Хотя образ Бастилии был, возможно, наиболее ярким общеевропейским символом революции, призыв Ленина к народу в 1905 году подняться и взять «русские Бастилии» был редким случаем его использования до 1917 года [Ленин 1967–1975, 11: 206].

Большевистские газеты о «взятии» дворца в ночь с 25 на 26 октября сообщили лаконично. Штурм прошел организованно,

⁸⁹ Б. п. Оргия в Зимнем дворце // В глухую ночь. 1917. 26 нояб.

⁹⁰ Дело народа. 1917. 28 окт.

с малыми потерями, дисциплинированные революционеры ни разу не потеряли контроль над ситуацией, а в городе царил порядок⁹¹. Г. И. Чудновский, которому вместе с Н. И. Подвойским и В. А. Антоновым-Овсеенко Военно-революционный комитет поручил координировать захват Зимнего дворца, подчеркнул отсутствие искренней поддержки Временного правительства со стороны его так называемых защитников, ссылаясь на нежелание казаков и юнкеров служить пушечным мясом при обороне⁹². «Правда» даже отметила благородство юнкеров, которые пригласили Чудновского во дворец, а затем, когда он был арестован Петром Пальчинским, заместителем министра, вывели его на свободу из здания⁹³. На этом этапе целью было создать впечатление бессилия Временного правительства, защищавшего призрак старого порядка, символом которого был Зимний дворец. Большевики не хотели ненароком выставить этих защитников беспомощными жертвами нового порядка. Вместо того чтобы делать Зимний дворец отвратительным символом отжившего режима, новое правительство сразу же взялось за его сохранение, создав Художественно-историческую комиссию Зимнего дворца для инвентаризации находящихся в нем *предметов*. Она поблагодарила всех, кто в ночь на 26 октября предпринял «самоотверженную защиту и охранение народных сокровищ»⁹⁴.

Это первоначальное представление о взятии Зимнего как о второстепенном событии было результатом, по мнению Джеймса фон Гельдерна, нежелания большевиков и других революционеров прямо перенимать образы Французской революции. В конце концов, они всегда критиковали ее как буржуазную, а некоторые из ее положительных символов уже были дискредитированы, так как использовались Временным правитель-

⁹¹ Правда. 1917. 27 окт.

⁹² Там же. 1917. 8 нояб.

⁹³ Там же. 1917. 30 окт. Даже в последующих столкновениях с юнкерами большевики подчеркивали свою готовность оказать им революционное милосердие и гарантировать безопасность, если те сдадутся.

⁹⁴ Известия. 1917. 5 нояб.

ством [von Geldern 1993: 23]. Более того, образ Бастилии был «подготовлен и использовался средствами массовой информации эпохи» как наводящая ужас крепость, штурм которой ознаменовал бы конец тирании [Lüsebrink, Reichardt 1983: 85]⁹⁵. Зимний дворец такой истории не знал: он никогда не был тюрьмой, а тюрьмы Петрограда в принципе не подвергались штурмам, чтобы вызвать однозначные сравнения с Бастилией⁹⁶. Однако, как мы увидим, образ штурма был слишком сильным символом, чтобы его проигнорировать, и в конечном счете он будет иметь большое значение в развивающемся повествовании об Октябрьской революции.

«Побольше веры»

История Октября сложится со временем, в процессе ее рассказывания. В первые недели и месяцы ожесточенные споры между социалистами и несоциалистами о легитимности Октябрьской

---

⁹⁵ Авторы утверждают, что пространные репортажи о пленниках Бастилии, появившиеся в прессе до 1789 года (включая даже такие яркие легенды, как «Человек в железной маске» А. Дюма), помогли создать миф о Бастилии как оплоте тирании [Lüsebrink, Reichardt 1983: 78]. Таким образом, утверждают они в другой работе, штурм Бастилии был «пророческим, ожидаемым событием, предсказанным философами и писателями как предпосылка нового века свободы» [Lüsebrink, Reichardt 1990: 259].

⁹⁶ Аналогии между Бастилией и такими русскими крепостями, как Петропавловск и Шлиссельбург, встречаются нечасто (см. [Petit 1906]). Разрушение царских тюрем и освобождение заключенных, по-видимому, было главной особенностью Февральских дней 1917 года (см. [Figes, Kolonitskii 1999: 55–56]). М. Козловский вспоминал, что захват тюрем в Петрограде вскоре после октябрьского переворота сталкивался скорее с сочувствием, а не сопротивлением старых тюремных комендантов [Козловский 1922: 67]. Интересно, что анархистка Э. Гольдман в своих мемуарах вспоминала «ужас и трепет», которыми ее встретила «гнетущая каменная масса, темная и зловещая» Петропавловки, когда она приехала в Петроград в возрасте 13 лет [Goldman 1970: 80–83]). П. Сорокин, в те годы — член Учредительного собрания от партии эсеров, арестованный большевиками, назвал в своем дневнике Петропавловскую крепость, где он содержался, «Бастилией Петрограда» [Сорокин 2014–, 4: 119].

революции велись на основе их взглядов на большевистских лидеров и природу своей партии и заслоняли дискуссию о символах свершившегося переворота. Партия, утверждали оппоненты большевиков, в действительности состояла из небольшой группы беспринципных интеллектуалов, лишенных реальных связей с народом, от имени которого они якобы действовали. Поэтому большевикам отводилась центральная роль в контрпропаганде. Многие социалисты, среди них — художники и интеллектуалы, приветствовали Октябрьскую революцию, не выражая при этом явной симпатии партии. Противопоставляя свое удовлетворение от революции презрению к большевистской культурной политике, ученый и критик О. М. Брик в декабре 1917 года публично призвал людей «быть везде, где культуре грозит опасность, стойко защищая ее от всякого, в том числе и большевистского, вандализма»⁹⁷.

Со своей стороны, большевистские лидеры в эти первые месяцы стремились создать впечатление, что партия находится на подъеме, но не связывали его напрямую с Октябрьской революцией. Ближе всего к прямой ассоциации они подошли, проведя в конце 1917 года параллели между Октябрьской революцией и Парижской коммуной, в которых, как писала «Правда», «мы буквально читаем нашу собственную историю, часто совпадающую в мельчайших подробностях»⁹⁸. Сплоченность рабочих и крестьян России, действовавших через избранные ими Советы, противопоставлялась неспособности французского крестьянства поддержать парижский пролетариат — предательству, которое обрекло Парижскую коммуну на неудачу. Однако очень скоро падение коммуны стали объяснять через непонимание пролетариатом своих собственных классовых интересов и отсутствие «могучей политической партии, которая руководила бы его

⁹⁷ Брик О. М. Моя позиция // Новая жизнь. 1917. 5 дек. Ср. с неоднозначным отношением к большевикам в ранних панегириках Октябрьской революции В. В. Маяковского, таких как «Ода революции», «Наш марш» или «Герои и жертвы революции».

⁹⁸ Правда. 1917. 2 нояб.

движением», подобной той, которая принесла успех Октябрьской революции⁹⁹.

Тем не менее после октября 1917 года периодические перерегистрации членов большевистской партии, установление уровней членства (член, кандидат, «сочувствующий») и публично выраженные сомнения в классовом и политическом происхождении новичков вызывали у лидеров партии постоянное беспокойство по поводу революционных качеств ее рядовых членов. После Октября большевистская пресса опубликовала множество свидетельств о значительной лояльности партии на местном уровне, хотя сообщения даже о старых местных комитетах создавали впечатление в лучшем случае материальной поддержки¹⁰⁰. Газеты часто сообщали о прекращении формальных и неформальных связей между большевистскими и меньшевистскими организациями¹⁰¹. Также видное место занимали рассказы о переходах в большевистскую партию из других¹⁰². В то же время не скрыва-

⁹⁹ Там же. 1917. 16 дек. См. также «Правду» от 16 ноября 1917 года и «Петроградскую правду» от 29 сентября 1918 года. Ср.: [Зиновьев 19186]. Газета «Новый луч» подвергла критике эти параллели, указав на недостатки «государства-коммуны», которым хвастались большевики, и подчеркнув инклюзивный характер Парижской коммуны, ее всеобщие выборы в Париже (а не «классовую организацию» и выборы Советов рабочих и солдатских депутатов), «действительно революционный порядок» в Париже того времени и отсутствие в Парижской коммуне «кровавых слов», столь часто звучавших в устах Комитета общественной безопасности (и, добавляла газета, также произносимых в стенах Смольного института) (Новый луч. 1917. 14 дек.).

¹⁰⁰ Отчет о судьбе Московского областного бюро РСДРП в период между июльской и декабрьской конференциями создавал впечатление о неустойчивой поддержке, несмотря на попытки связать ее с периодами большевистской агитации (Социал-демократ. 1917. 15 дек.).

¹⁰¹ Рабочий путь. 1917. 26 окт.; Правда. 1917. 31 окт. и 9 нояб.

¹⁰² Правда. 1917. 2 дек. Размывая границы между партиями, автор отметил, что, хотя до сих пор он считал себя левым эсером, его симпатии к большевизму были давно известны Центральному комитету. Он всегда голосовал с большевиками, будучи членом Петроградского Совета, примкнул к большевикам в своем уезде и посылал деньги в ЦК. Ср. горестное замечание Мартова в октябре 1918 года о переходе меньшевиков, «avec les armes et les bagages» («с оружием и багажом»), в большевистскую партию [Ленин 1967–1975, 8: 360].

лась нехватка кадров и ресурсов в провинциальных большевистских организациях, что, как говорилось в одном из местных отчетов, оставляло «совершенно неиспользованным это большевистское настроение масс»¹⁰³. В статье под заголовком «Нет большевиков, нет меньшевиков» «Известия», газета Петроградского Совета, опубликовали обещание рабочего голосовать за того, кто обеспечит немедленный мир, землю и контроль рабочих над промышленностью¹⁰⁴. Меншевистские газеты усеивали свои колонки цитатами большевиков, выражавших сомнения в собственной партии: так, например, они приводили слова Луначарского, который опасался, что партия принимает в свои ряды все больше «безыдейных чиновников»¹⁰⁵. Объявления о создании новых местных большевистских ячеек обычно сопровождались примечанием о том, что они уже заручились поддержкой местного населения, несмотря на пока не лучшую организацию¹⁰⁶.

В эти первые недели лидеры большевиков довольно откровенно говорили о том, как членов их партии воспринимали в стране в целом. В конце декабря 1917 года большевик со стажем Е. М. Ярославский привел слова писателя Максима Горького о преобладающем отношении к большевикам в деревне:

Идейных большевиков, чистых социалистов, деревня не знает. Большевик для нее — тыловой солдат. Этот тыловой солдатский большевик и хулиганствует главным образом. Человек зоологический сумбурный, он называет себя «большевиком» потому, что убежден: подобных ему — всего больше¹⁰⁷.

¹⁰³ Рабочий путь. 1917. 26 окт. См. также раздел «Партийная жизнь» в «Правде» от 27, 28, 31 октября и 9 декабря 1917 года.

¹⁰⁴ Известия. 1917. 2 нояб. Дополнительно о неоднозначности партийных ярлыков см.: Известия. 1917. 3 нояб.

¹⁰⁵ Рабочая газета. 1917. 10 нояб.

¹⁰⁶ См. «Правду» от 2, 13 и 16 ноября 1917 года.

¹⁰⁷ Социалист-демократ. 1917. 21 дек. Е. Д. Кускова также использовала слово «зоологический» в 1922 году для описания хода «русской революции», хотя И. А. Бунин не согласился с этим термином, заметив, что «в мире зоологи-

Эта проблема была связана с общим невежеством и незнанием многих новых терминов. Товарищи в регионах, писали «Известия», не понимали значения перехода власти в руки рабочих, солдат и крестьян и еще не осознавали, «к чему нас обязывает Октябрьская революция»¹⁰⁸. «Чего хотят большевики?» — спрашивали авторы «Социал-демократа», невольно передавая этим заголовком представление о большевиках как о «чужаках» или «незнакомцах». Обыватель хочет знать ответ на этот вопрос, говорилось далее. Отделяя его от рабочих и солдат, которые «отлично знают, что большевики защищают интересы бедноты», газета определяла обывателя как «мелкого лавочника, ремесленника, учительницу, среднего почтового служащего, телефонистку». Обыватели верили слухам, распространяемым по столице о том, что «“большевики — это грабители”. “Большевики хотят все отнять”. “Большевики — немецкие агенты”. “Большевики — противники всякого порядка”. “Большевики — насильники”»¹⁰⁹. На собрании учителей, состоявшемся примерно через месяц после переворота, Ярославский был удивлен вопросом одного из присутствующих о том, кто именно сейчас находится у власти в России¹¹⁰.

Несмотря на заверения большевистской прессы, что «мелкому люду» — этим «слепым орудиям капитала» — не грозит опасность, попытки новой власти схематично охарактеризовать себя, используя прием контраста, не сулили ничего хорошего для не-присоединившихся к революции¹¹¹. «Не надо, братья, сомневаться / В часы суровой темноты», — начиналось стихотворение под названием «Побольше веры», появившееся в «Правде» в ноябре¹¹².

ческом никогда не бывает такого бессмысленного зверства, — зверства ради зверства, — какое бывает в мире человеческом и особенно во время революции» [Бунин 1991: 403].

¹⁰⁸ Известия. 1917. 15 нояб.

¹⁰⁹ Социал-демократ. 1917. 1 нояб.

¹¹⁰ Там же. 1917. 25 нояб.

¹¹¹ Там же. 1917. 1 нояб.

¹¹² Правда. 1917. 3 нояб.

Такие призывы к вере избавляли большевиков от необходимости четкого самоопределения. Вместо этого они быстро начали ограничивать пространство, в котором можно было определить себя кем-то, кроме большевика. Предполагаемой аудиторией их революционного повествования были вовсе не члены других радикальных партий; их призывы были направлены на беспартийных, а также на еще более аморфную категорию сочувствующих, которые хотя и были «большевиками» по духу, но не выказывали необходимой преданности партии.

Опубликованная в начале октября статья из «Социал-демократа» критиковала тех членов Советов, которые называли себя беспартийными, но при этом голосовали за другие партии. «На деле они оказываются людьми партийными», — говорилось в статье. Проблема, предполагали авторы, заключалась в неспособности таких людей продемонстрировать веру и свою преданность революционному делу (агентами которого бескомпромиссно были названы большевики). Заключительный призыв к «товарищам солдатам» «внимательно присмотреться к беспартийным и убрать из Совета раскольников» намекал на то, что с этой неспособностью новая власть недолго готова мириться¹¹³. Были ли эти беспартийные действительно нейтрально настроенными, не определившимися или тайно поддерживающими полулегальные или подпольные партии того времени, в некотором смысле не имеет значения. Посыл большевиков и содержащаяся в нем угроза были ясны. Верьте, говорилось в нем, — верьте в правильное (большевистское) понимание Октябрьской революции. На вопрос учителя о том, кто сейчас у власти, Ярославский отвечал: «Время, в какое мы живем, требует от каждого полного осознания того, что произошло, тем более такое понимание событий предполагается у учителя, к которому теперь обращается не только ребенок, но и взрослый»¹¹⁴. Это относилось не только к партийным массам или к неопределившимся, но и к лидерам партии. Любое непонимание ими значения Октябрьской рево-

¹¹³ Социал-демократ. 1917. 4 окт.

¹¹⁴ Социал-демократ. 1917. 25 нояб.

люции было самой настоящей ересью. Действия Каменева и Зиновьева 10 октября, вынужденный (и временный) выход Каменева из Центрального комитета партии десять дней спустя из-за этих действий и решение обоих покинуть ЦК 4 ноября из-за нежелания комитета делить власть с другими социалистическими партиями представляли собой фундаментальные акты безверия. Их действия были предательством, потому что дали оппонентам повод поднять «шум и крик о “развале” нашей партии, о “провале восстания”». На своих страницах «Правда» призывала не обращать внимания на «всех маловеров, всех колеблющихся, всех сомневающихся»¹¹⁵. Столь страстные призывы к вере в раскалывающемся мире не сулили ничего хорошего меньшевикам и эсерам, чья продуманная критика атаковала основные элементы большевистского оправдания революции. Они несли ересь не внутри партии, а внутри социалистического движения.

Как показало внимание большевиков к различным партийным съездам в период Гражданской войны, беспартийным массам было дано время на то, чтобы прозреть и определиться. В одном пролетарском стихотворении описан личный опыт принятия идеологии большевизма со всей его ранней двойственностью. Автор признался в своем изначальном безразличии к большевикам:

Я не бросал вам крик вражды,
А также не бросал привет.
Порой сатирой вас хлестну,
Карикатурой бил порой.

В конце концов он присоединился к большевикам в надежде получить защиту от врага:

Кричали вам: Обман! Шантаж!
Я мало верил злым словам...
Но... *буржуазный саботаж*
Меня толкнул под знамя к вам...¹¹⁶

---

¹¹⁵ Правда. 1917. 7 нояб. Ср. с выпуском «Рабочей газеты» от 9 ноября 1917 года.

¹¹⁶ Социал-демократ. 1917. 8 дек.

Угрозы и обещания — неотъемлемая часть историй революции. Как история возрождения, она включала в себя разрушение старого. Как история прозрения, она исключала тех, кто не хотел или не мог увидеть свет. «Что такое большевизм?» — спрашивал один публицист в декабре 1917 года. И сам себе отвечал: «Это смертельная верность народу, верность до гроба»¹¹⁷.

Умереть за Октябрьскую революцию

В первые три месяца после Октября, возможно, наиболее острым призывом большевиков к вере стало празднование самого возвышенного из человеческих переживаний — смерти и потери. Какая сцена подойдет рассказчикам революции лучше, чем подмостки смерти? Скорбящие собирались для проведения совместных ритуалов, готовые оценить (или пересмотреть) значение утраченной жизни и место этой жизни в меняющемся мире. «Смерть, — писал Вальтер Беньямин, — является оправданием всему, о чем может сообщить рассказчик. Он позаимствовал у смерти ее авторитет» [Беньямин 2004: 398]. Историк Кэтрин Мерридейл отмечает, что уже в 1870 году различные радикалы пытались наполнить похороны выдающихся художников революционным смыслом, проговаривая нужные политические идеи в надгробных речах¹¹⁸:

...ритуал сложился в 70-е годы XIX века. В 1877-м на похоронах поэта Николая Некрасова пришедшие выступали с радикальными речами возле свежей могилы. В 1891 году похороны литературного критика, писателя-народника и участника революционно-демократического движения Николая Шелгунова на Волковом кладбище в Петербурге вылились в организованную демонстрацию с участием семисот мужчин и женщин, которую лидер этой демонстрации

¹¹⁷ Правда. 1917. 12 дек.

¹¹⁸ Подробнее о «культе павших» см. [Figes, Kolonitskii 1999: 75; Мерридейл 2019: 133–194].

и глава марксистской «группы Бруснева» Михаил Бруснев назвал первым появлением российского рабочего класса на арене политической борьбы [Мерридейл 2019: 112].

Как впоследствии большевики, революционеры видели все те возможности, которые открывал траурный акт. Их противники тоже понимали, что так называемые «красные похороны» — это фундаментальный вызов старому порядку и что с ними нужно бороться на каждом шагу. Если эти светские похороны были тщательно срежиссированы, чтобы передать ощущение новых традиций Советской России, то традиционные религиозные похороны, которые также проходили в эти месяцы, были в равной степени направлены на утверждение старых ценностей.

Смерть была слишком ценной сферой для борьбы старого и нового, и ни одна из сторон не могла оставить ее без контроля. С первых же дней после прихода к власти новое правительство стремилось вписать Октябрьскую революцию в ритуализированное поминовение революционной смерти. Кинематографисты, которым было поручено создать многосерийный документальный фильм об Октябрьской революции в начале 1918 года, считали «красные похороны», наряду с массовыми сценами, уличными демонстрациями, народными собраниями и изображениями баррикад «выдающимися моментами русской революции»¹¹⁹. 4 ноября 1917 года газета «Социал-демократ» призвала население «сохранить память о Московских боевых днях и о погибших товарищах», отправив редакции газеты «списки убитых и раненых, эпизоды борьбы»¹²⁰. Скудная, неполная и часто неверная информация, собранная благодаря таким обращениям, вместе с некрологами из газет и журналов того периода в конечном итоге была опубликована в виде книги, и мученики обрели в смерти определенную революционную цель, а также недвусмыс-

---

¹¹⁹ Речь идет о фильме «Годовщина революции» (см.: Правда. 1918. 2 нояб.); черновые планы фильма см. в: ГАРФ. Ф.1235. Оп. 94. Д. 151. Л. 291–295.

¹²⁰ Социал-демократ. 1917. 4 нояб.

Рис. 3. «Красные похороны» в Москве, ноябрь 1917 года
(предоставлено Государственным центральным музеем современной истории России)

ленную большевистскую идентичность, которая, вероятно, была неизвестна им при жизни [Лежава, Русаков 1924]¹²¹.

Большевистские газеты публиковали списки раненых и убитых, которые теперь лежали в госпиталях и лазаретах Петрограда и Москвы, называя их имена и социальное положение: рабочий, матрос, юнкер, офицер и так далее¹²². Такое индивидуальное мученичество резко контрастировало с целями комитета, созданного некоторыми небольшевистскими газетами из представителей различных общественных организаций и политических партий для организации фонда обезличенных «жертв диктатуры большевиков». «Сотни и тысячи... жертв большевистского террора» слишком многочисленны, чтобы их перечислять поименно,

¹²¹ Первое издание вышло в 1922 году.

¹²² Правда. 1917. 11 нояб. Известия. 1917. 2 нояб.

намекали энтузиасты фонда, хотя регулярно публиковали списки тех, кто сделал взнос в фонд, с указанием сумм, которые они пожертвовали, и их социального положения (например, врач, группа государственных служащих, бухгалтер, акционерное общество)¹²³.

За неимением мучеников в Петрограде из-за относительно бескровного характера событий в столице большевики сначала использовали более кровавые столкновения в Москве, чтобы представить революционный опыт как личную жертву во имя коллективного искупления. В Москве была создана Комиссия по организации похорон жертв революции, которая подготовила одно из первых торжественных захоронений уже в пятницу, 10 ноября¹²⁴. Домовые комитеты обеспечивали общественную поддержку похорон, а родственники убитых, желавшие на них присутствовать, должны были сначала получить удостоверение от Совета рабочих депутатов. В назначенный день закрывались все фабрики, заводы и торговые предприятия, кроме относящихся к пищевой промышленности. Утром в день похорон отдельные делегации с красными знаменами прошли от рабочих кварталов города по московским улицам через Иверские ворота и далее на Красную площадь к братской могиле у Кремлевской стены. В 11 часов утра появилась процессия, несущая гробы: некоторые открыты, некоторые закрыты. Гробы павших красногвардейцев несли на плечах рабочие, гробы солдат везли на пушечных лафетах. Участники шествия несли венки, красные и черные знамена, а хор пел «Вечную память». Со стен Кремля свисали огромные красные плакаты, провозглашающие: «Да здравствует пролетарско-крестьянская революция!», «Да здравствует демократический мир!», «Да здравствует братство народов!». На гигантском крас-

---

¹²³ См. «День» от 17 ноября и 2 декабря 1917 года; «Новый день» от 19 ноября 1917 года; «Полночь» от 24 и 25 ноября 1917 года. Большевистская пресса также публиковала суммы пожертвований, переданных семьям погибших моряков экипажами различных морских судов (см. «Правду» от 8 декабря 1917 года).

¹²⁴ Описание взято из «Социал-демократа» от 9 ноября 1917 года и «Газеты для всех» от 12 ноября 1917 года.

ном знамени, висевшем во всю длину стены, вышитыми белыми и золотыми буквами красовалась надпись: «Жертвам — предвестникам всемирной социальной революции!»¹²⁵ Оркестр играл похоронный марш и «Марсельезу», несмотря на давнюю неприязнь к ней большевиков и многих других социалистов как к «буржуазному» гимну Французской революции и Временного правительства России [Figes, Kolonitskii 1999: 63–64]. Погребальная процессия представляла собой картину новой официальной иерархизации советского общества: впереди рабочий и крестьянин несут знамя районного комитета партии, за ними идет хор, затем ряды гробов, после — родственники убитых. Замыкали процессию оркестр и представители различных государственных, партийных и военных организаций. У могилы над рядами гробов маленькие девочки пели «Вечную память», а ораторы произносили речи, отмечая, как язвительно заметила популярная «Газета для всех», «“победу” большевиков»¹²⁶. Наконец гробы были опущены в братскую могилу.

Местные похороны в Выборгском районе Петрограда 19 ноября проходили примерно по тому же сценарию¹²⁷. Специально назначенная Комиссия по похоронам Выборгского района наметила маршрут шествия в честь 14 павших красногвардейцев, родом в основном из этого района города. Ответственные за несение гробов должны были собраться в 9 утра в детской больнице Выборгского района, чтобы начать шествие, включавшее представителей областного Совета, а также различных политических организаций и Красной гвардии, военных частей с музыкой и сотрудников различных заводов района. Каждый ряд ше-

---

¹²⁵ Оригинальный лозунг «Жертвам — предвестникам мировой социальной революции», запечатленный на съемке похорон, в работе Джона Рида превратился в «Мученикам авангарда мировой социалистической революции» [Листов 1966: 247]. Как мы увидим, замена «жертв» «мучениками», «предвестников» «авангардом» и «социальной» революции «социалистической» в памяти Рида была результатом развития нарратива Октября в течение следующих нескольких лет.

¹²⁶ Газета для всех. 1917. 14 нояб.

¹²⁷ Правда. 1917. 18 нояб.

ствующим состоял из шести человек, а на каждые 100 человек назначался распорядитель, которого можно было узнать по красной ленте, повязанной через плечо. «Правда» описывала похоронную процессию как образец групповой солидарности и общих эмоций: «братская могила на холме, а мимо идет процессия, заводы за заводами, мужчины, женщины, подростки, со знаменами, с пением похоронного марша и вечной памяти»; «Поражает стройность процессии и ее грандиозность»¹²⁸.

Эти похороны описывались с использованием почти религиозной риторики, противопоставляющей веру и свет нерешительности и мраку:

Сегодня мы хороним тех, кто смело, с горячей верой в правое дело, вышли на бой с врагами международного братства <...> Сегодня день славных бойцов, непримиримых и светлых, святой ненавистью возненавидевших все половинчатое, трусливо-колеблющееся, все угнетающее мрачное. Сегодня, как от пасхальной свечи, от пламени этих душ, мы затеplим в наших сердцах новые огни стремлений к пролетарским идеалам, с ярким, еще небывалым восторгом сплотимся у красных знамен Мирового Евангелия — Социализма¹²⁹.

«Небо слезы осенние над могилами льет, — говорилось в одном стихотворении. — Вашу доблесть отважную закрепим мы борьбой»¹³⁰. Эти новые «красные похороны», по мнению «Известий», принципиально отличались от похорон послефевральских дней подлинностью чувств, которые они вызывали. «Сегодня, — писала газета о шествии 17 декабря, — не было никаких лицемерных слез, вздохов и причитаний, с которыми в марте шли Родзянки, Милуковы и Гучковы к могилам павших борцов»¹³¹.

Оппозиционная пресса, напротив, не видела в этих похоронах коллективного и гармоничного действия, способного вдохновить

¹²⁸ Там же. 1917. 21 нояб.

¹²⁹ Социал-демократ. 1917. 10 нояб.

¹³⁰ Правда. 1917. 9 нояб. Ср. Там же. 1917. 24 нояб.

¹³¹ Известия. 1917. 19 дек.

присутствующих на поэтический полет воображения или революционный трепет, и подчеркивала пустоту этих церемоний. На них не присутствовало ни одного священника, писала газета «Дело народа», хотя «Газета для всех» отмечала, что «у Иверской часовни тысячи свечей теплятся возженные руками верующих»¹³². Один из обозревателей поместил захоронения у Кремлевской стены в контекст древних сражений на Руси, подчеркнув вековые традиции оплакивания павших, но отметив, что на этот раз «не враг убил в чистом поле сыновей российских, [а они] погубили друг друга»¹³³. Умеренная социалистическая и несоциалистическая пресса попытались также сделать из жертв государственного переворота мучеников. Торжественное захоронение десяти юнкеров на Смоленском кладбище в Петрограде в начале ноября было оплачено Петроградской городской думой, но у нее не было ни организационных, ни финансовых ресурсов, достаточных, чтобы сравниться с грандиозными красными похоронами в Москве.

Небольшевистская пресса, описывая новые похороны, рассказывала свою собственную историю — историю о нелегитимности нового режима. В противопоставление сообщениям большевистской прессы об эффективной организации и большом эмоциональном воздействии, оппозиционная пресса создавала впечатление похорон, спонтанно организованных разрозненными группами, чаще всего расплывчато определенными словосочетанием «социалистическое студенчество». Вразрез с декларируемой идеологией, присутствие на похоронах представителей офицерского корпуса, городского самоуправления, Комитета спасения Родины и революции, а также отправление церковных обрядов и служение литургии создавали иную картину легитимных центров власти в стране¹³⁴. Запланированные похороны около 40 юнкеров и студентов в Москве несколько раз отклады-

¹³² Дело народа. 1917. 11 нояб.; Газета для всех. 1917. 14 нояб.

¹³³ Газета для всех. 1917. 12 нояб.

¹³⁴ Рабочая газета. 1917. 7 нояб.; Единство. 1917. 8 нояб.; Дело народа. 1917. 8 нояб.

вались «со стороны “товарищей”-большевиков», — писала «Газета для всех». Наконец 13 ноября похороны разрешили. Газета описала сцену, напоминающую картины Ильи Репина или Василия Перова с изображением религиозных процессий XIX века. В 10 часов утра шествующие вышли от Московского университета с белыми катафалками, на которых были установлены 33 открытых и 4 закрытых гроба. Гробы были простые, деревянные, без украшений и без венков (деньги, собранные на венки, впоследствии пойдут на учреждение стипендий в вузах). В пути на Братское кладбище в село Всехсвятское под дождем их сопровождала толпа людей (а отнюдь не стройные ряды, описанные в большевистских изданиях), среди которых были студенты, солдаты, офицеры и «много простых людей». Дорога к кладбищу заполнилась «массой народа»; священники отслужили литургию, студенты пели «Вечную память» и «Святой Боже», медленно продвигаясь к церкви Большого Вознесения у Никитских ворот. Вдоль маршрута, пока процессия двигалась от университета к церкви, люди наблюдали, как «все крестятся, на глазах слезы». У церкви процессию уже ждала тысяча человек — больше, чем та могла вместить. «Выглянуло солнышко», — отмечалось далее в статье. Погребение на кладбище сопровождалось выступлениями ораторов: «речь за речью, одна сильнее другой... В это время стояла мертвая тишина»¹³⁵.

Очевидно, что такие похороны обращались к гораздо более традиционным образам смерти, чем представленные организаторами «красных похорон». Траурные церемонии в первые недели нового режима представляли собой резко контрастирующие картины социальных структур и политических ожиданий старого и нового режимов. Эти очень разные церемонии предлагали на выбор две группы мучеников, две группы скорбящих и два взаимоисключающих представления о том, что произошло в октябре 1917 года. Несмотря на культурную и религиозную мощь, воплощенную в похоронах юнкеров и студентов, ограниченная

---

¹³⁵ Газета для всех. 1917. 14 нояб.; Газета для всех. 1917. 12 нояб.; Утро России. 1917. 14 нояб.

политическая и финансовая власть их организаторов сулила подобным мероприятиям недолгое существование. Грандиозные масштабы и детальная организация «красных похорон» свидетельствовали о ресурсах, имевшихся в распоряжении нового большевистского правительства. Более того, стройные ряды марширующих, присутствующие, облаченные в военную форму, военные оркестры, внушительные красно-черные плакаты и огромные знамена, а также речи об отмщении, сопровождавшие ранее государственные похороны высокопоставленных чиновников, — все это довольно прямо указывало на властный курс¹³⁶. Луиза Брайант, американская социалистка и журналистка, преданная делу Октябрьской революции, писала о том, что была глубоко тронута пением во время массовых похорон на Красной площади в начале ноября. Это пение «поднималось и нарастало, богатое и звонкое в разреженном зимнем воздухе, как большой орган в каком-нибудь прекрасном старом соборе»; в то же время Брайант размышляла о том, как такое зрелище заставляло врагов прятаться «за задернутыми занавесками» [Bryant 1918: 191, 188–189]¹³⁷. Авторы официальных отчетов о похоронах иногда отмечали отсутствие на них «посторонней публики», одновременно описывая сцену так, как та могла ее видеть, и, возможно, внушая читателям необходимость проявления вовлеченности на таких мероприятиях¹³⁸.

¹³⁶ Цитата относится к похоронам большевиков В. Володарского (М. М. Гольдштейна) и М. С. Урицкого, убитых в Петрограде летом 1918 года. [Мерридейл 2019]. Ср. некролог В. К. Слуцкой, давнего члена РСДРП, написанный как монотонный перечень несчастий, навлеченных царями, и увенчанный смертью «от предательской руки этого авантюриста [Керенского]» (а на самом деле от снаряда, выпущенного с бронепоезда Керенского) (Известия. 1917. 2 нояб.).

¹³⁷ Иностранные наблюдатели часто не замечали организованности «красных похорон» (или намеренно избегали писать об обратном): «она [похоронная процессия] возникла сама по себе, стихийно и неотвратимо. Потребность влиться в нее и объединиться исходила из сердца народа...» [Вильямс 1960: 262].

¹³⁸ Правда. 1917. 21 нояб.

Эти скрытые угрозы показали фундаментальную неспособность «красных похорон» сосуществовать с их более традиционными аналогами. Организаторы отлично понимали: и «красные», и традиционные похороны были соблазнительны благодаря своей способности вовлечь скорбящих в грандиозные рассказы об истории страны — рассказы очень разные и взаимно несовместимые. Оба нарратива — и нарратив революции, и нарратив государственного переворота — были правомочными изложениями произошедших событий, последовательными и вполне достоверными. Неудивительно, что трансляторы таких нарративов ревниво оберегали их от дискредитации. Представители как большевистской, так и меньшевистской прессы регулярно опровергали слишком нелепые слухи. В ответ на появившийся в Москве 26 октября слух о том, что в результате ожесточенных уличных боев в Петрограде был разрушен Зимний дворец и погибло 75 000 человек, Горький заметил, что даже русский, «ребенок сказки», который «любит ужасы и способен творить их», не поверит в подобную чушь¹³⁹. На выборах в Учредительное собрание в ноябре 1917 года партия большевиков призвала избирателей ни в коем случае не голосовать «за эсеров, меньшевиков и объединенцев <...> ибо эти партии благословляли расстрелы рабочих и солдат, направляли руки юнкеров против народа, или молча смотрели безучастно на борьбу». Два дня спустя Ярославский заявил в «Социал-демократе», что ни одна из этих партий никогда не поддерживала расстрелы рабочих и солдат, косвенно признав, что большевики перешли границы достоверности повествования¹⁴⁰.

Иными словами, каждый нарратив соответствовал тому, что антрополог Мишель-Рольф Труйо назвал необходимой «претензией на знание»: «когда говорят, что что-то произошло, имеют

¹³⁹ Новая жизнь. 1917. 8 нояб. Подробнее о такого рода слухах см. [Яров 1999б: 29–31]. Ср. роль слухов в изменении отношения народа к монархии до 1917 года [Figes, Kolonitskii 1999: гл. 1].

¹⁴⁰ Социал-демократ. 1917. 19 нояб.; 21 нояб. Позиция Ярославского была поддержана редакцией.

в виду, что известно, что это произошло» [Trouillot 1995: 158]. Реальная угроза контрнарратива для большевиков заключалась в том, что в первые дни после Октября произошедшее все еще можно было воспринимать и как государственный переворот, и как революцию. Для революционеров, которые посвятили всю свою сознательную жизнь просвещению масс и идеям стихийного переворота «снизу», такая неопределенность была совершенно неприемлема. Это было не просто описанием событий, а настоящим залогом дальнейшего существования большевиков как партии и политической силы. Но что можно было противопоставить идее переворота? Только представление этих событий как бесплодных и бессмысленных.

Большевики не могли позволить контрнарративу полноценно сформироваться и существовать. У них не было ни права, ни причины ограничивать свои методы борьбы с ним.

Глава 2

Драма власти

Красные зори,
красный восход,
красные речи
у Красных ворот,
и красный,
на площади Красной,
народ.

Николай Асеев. Кумач, 1920

Хотя конкурирующие версии событий Октября были внутренне последовательными и правдоподобными, власть, позволявшая их рассказывать, была распределена между рассказчиками отнюдь не поровну. Критики рисовали картину подавляющей силы большевиков, которой сами большевики могли бы быть довольны: «У большевиков есть пушки, пулеметы, броневики, броненосцы, крейсера, аэропланы, красная гвардия, охранные отделения... Казалось бы, огромный и могучий аппарат власти, и к тому же народной, опирающейся на доверие десятков миллионов крестьян, рабочих и солдат». Этой гиперболой они хотели подчеркнуть отсутствие «нравственной силы» этой власти¹. Большевики не разделяли представления своих критиков о нравственности. Они давно критиковали силу представительства, находившуюся в распоряжении дореволюционной «буржуазной» культуры. Еще до государственного переворота Военно-револю-

---

¹ Борьба. 1917. 10 нояб. О нарастающем чувстве паники среди критиков большевиков см. «Рабочую газету» от 1 и 9 ноября 1917 года.

ционный комитет приказал конфисковать печатный станок не-социалистической газеты «Русская воля», а в конце ноября 1917 года было закрыто большинство «буржуазных» газет [Блюм 1994: 34–41]. Приняв декрет об ограниченном и временном запрете печати через два дня после захвата власти (так называемый Декрет о печати), большевики отметили, что «буржуазная пресса есть одно из могущественнейших оружий буржуазии» и ей нельзя позволять и дальше «отравлять умы и вносить смуту в сознание масс»². Такие рассуждения имели значительные последствия: цензура была не вопросом временной тактической целесообразности, а философским аргументом, который логически должен был повлечь за собой, как добавил Троцкий на заседании ВЦИК Советов 4 ноября 1917 года, физическую конфискацию буржуазных печатных станков и запасов газетной бумаги. Запрет буржуазной прессы, отмечал Троцкий в резолюции заседания, был «необходимой переходной мерой для установления нового режима в области печати, такого режима, при котором капиталисты — собственники типографий и бумаги не могли бы становиться самодержавными фабрикантами общественного мнения» [Декреты советской власти 1957, 1: 43].

Подавление контрпропаганды

Умеренные социалисты, в равной степени осознавая силу представительства, понимали, что большевики неизбежно обратят это оружие и против них. Эти «авантюристы и заговорщики», писала «Рабочая газета», будут вынуждены прибегнуть к «голому насилию и террору», чтобы «навязать свою волю великой стране и свободному народу». Благодаря этому, с надеждой добавляла газета, население увидит правду: «А это революция? Подумайте

² Социал-демократ. 1917. 31 окт. Этот конкретный запрет был снят через несколько дней, см. там же, выпуск от 8 ноября 1917 года. Также регулярно звучали аргументы о том, что буржуазная пресса в 1917 году подавляла и зарождающуюся социалистическую прессу (см. там же, выпуск от 9 ноября 1917 года).

об этом, т<оварищи> рабочие и солдаты»³. Предсказания меньшевиков о том, что большевики будут закрывать собрания, запрещать демонстрации, разгонять профсоюзы и громить партийные организации, вскоре сбылись. Сразу же после захвата власти в октябре новая власть потребовала, чтобы все легальные частные социалистические газеты помещали на своих первых страницах все большевистские декреты и резолюции, а также редакционные статьи большевистского органа. Эти меры они сопровождали доносами на умеренную социалистическую прессу. Сами же они часто перепечатывали «ложь» со страниц меньшевистских и эсеровских газет о разрушении Зимнего дворца, о большевистских снайперах, стрелявших с крыш по прохожим в разрушенном Петрограде, и о провале «большевистского мятежа»⁴. Указывая на то, где их критики в прессе переходят границы повествования, большевики пытались переформулировать вопрос о цензуре с точки зрения «правда против лжи», а не «принуждение против свободы». В то же время небольшевистские издания вели ежедневную хронику цензуры и репрессий. Все это привело к тому, что к лету 1918 года оппозиционная пресса лежала в руинах, ее газеты были закрыты, печатные станки конфискованы, редакторы арестованы или сосланы.

Цензура, репрессии, добровольная и вынужденная эмиграция были, безусловно, эффективными средствами подавления контрпропаганды, а благодаря важности этого вопроса в историографии этого периода эти меры были хорошо документированы⁵. Однако сама контрпропаганда обладала одной фундаментальной слабостью. В отличие от революционного повествования, она не

³ Рабочая газета. 1917. 28 окт.

⁴ Социал-демократ. 1917. 3 нояб.; Правда. 1917. 29 окт.; Там же. 1917. 5 нояб.; Социал-демократ. 1917. 5 нояб.; Правда. 1917. 10 дек.

⁵ О притеснениях меньшевиков и их внутривнутрипартийной неспособности выстроить содержательное политическое противодействие большевикам см. [Brovkin 1987: 298]; а также [Broido 1987; Мельгунов 2008]. О советском подходе к большевистской цензуре как необходимому и законному ответу на «буржуазную клевету» см. [Окороков 1970]. Примеры постсоветского подхода, более близкого к указанной западной точке зрения, см. в [Блюм 1994; Гимпельсон 1995].

имела высшего смысла и символической власти. Так, она не могла использовать для своих целей «великую историю» или готовые эмоциональные символы и образы (подобные образу взятия Бастилии). Нарратив революции строился на драматизме, эмоциях и страстной приверженности, в то время как нарратив переворота должен был вызывать ассоциации со стерильностью, авантюризмом и бессмысленностью. В лучшем случае он мог бы сделать из Октябрьской революции лишь циничный захват власти, приравняв его к неудачным Июльским дням и Корниловскому мятежу 1917 года.

Большевики, как и другие революционеры, параллельно подавлению контрпропаганды несоциалистов, меньшевиков и эсеров слагали эпический нарратив о своей революции. Они пытались рассказать понятную историю, которую можно было интерпретировать только одним способом, даже несмотря на то, что на этом раннем этапе контуры повествования об Октябре еще не были определены⁶. В беспокойные времена Гражданской войны большевики обратились к более оригинальным способам донести логику и значимость своей революции. Их целевой аудиторией, конечно же, были отнюдь не критики-социалисты. Борьба вокруг октябрьских событий никогда не была направлена на убеждение оппонентов, сами критические высказывания которых ставили их вне революционного поля. Новые лидеры считали, что главным препятствием для их аргументов в пользу революции была вполне естественная неспособность людей осознать как значение Октября, так и свое собственное место в «великой истории»⁷. В хаосе и раздробленности Гражданской войны российские революционеры столкнулись с серьезными препятствиями в попытках познакомить людей со своей логичной и последовательной историей.

⁶ О конструктивной направленности цензуры см. [Henricksen, Holquist 1994].

⁷ По мнению Ричарда Стайтса, именно эта неспособность, наряду с затянувшимися боями в Москве и все еще неустойчивой позицией советской власти за пределами столиц, объясняет отсутствие «спонтанных» празднований Октября (подобных февральским «Дням революции») [Stites 1989: 83].

Хаос войны

В период с середины 1918-го до середины 1920 года власть большевиков была ограничена Москвой, Петроградом и центральными районами России; они периодически вели бои с контрреволюционными силами: на юге, севере и востоке — с белыми армиями, возглавляемыми бывшими царскими генералами, на западе, севере и востоке — с различными иностранными войсками, в первую очередь немецкими, но также английскими, французскими, японскими, американскими, польскими и чешскими. Им пришлось столкнуться с враждебными правительствами на бывшей советской территории, в частности с антибольшевистским правительством адмирала Александра Колчака в Сибири; с Комитетом членов Учредительного собрания, или Комучем, возглавляемым эсерами, в Самаре; с восстаниями как против белых, так и против красных в 1919 и 1920 годах, поднятыми бандами крестьян — дезертиров из Русской армии [Figes 1989]⁸. Угроза была не только военной: антисоветские движения не меньше большевиков были заинтересованы в изучении и «просвещении» населения своих территорий. По словам Питера Холквиста, «просвещенное государство не было исключительно большевистским идеалом» [Holquist 1997: 435]. Даже в тех районах, которые оставались под контролем большевиков на протяжении всей Гражданской войны, было заметно то, что Дональд Рали применительно к Саратовской губернии назвал «патентованными сепаратистскими тенденциями», даже несмотря на то, что эти местные тенденции не были ни вызовом революционному нарративу центра, ни, по его словам, «альтернативой установлению партийного самоуправления» [Raleigh 2002: 94, 105]. Меньшевики и эсеры, активно преследуемые большевиками в первые месяцы после октября 1917 года, даже пережили кратковременное политическое возрождение весной 1918 года, а заявленный большевиками электорат — рабочие — часто высказывал свое недовольство в заба-

---

⁸ О Гражданской войне в целом см. [Mawdsley 1987].

стовках и демонстрациях⁹. Продовольственный и энергетический кризисы, болезни, потрясения, связанные с неоднократными мобилизациями в Красную армию и частым дезертирством из нее, достигли масштабов эпидемии [Raleigh 2002: 110].

Даже проводя военные операции, большевики продолжали реализовывать свою иконоборческую идеологическую программу, атакуя традиционные религиозные, сексуальные и социальные нормы инициативами, которые неизбежно вносили еще больший беспорядок в жизнь людей и вызывали гнев части населения¹⁰. Переименование городов, улиц и площадей, замена старых памятников на новые революционные скульптуры служили людям ежедневным напоминанием о революции. Символический переход с юлианского на григорианский календарь 1 февраля (14-го по новому стилю) 1918 года означал, что Россия присоединилась к Западу, то есть к обещанному революционному будущему, совершив 13-дневный скачок из прошлого¹¹. И все это — при плачевном состоянии партии, что было немалой проблемой для большевистских лидеров, которым еще предстояло разрешить сложную дилемму революции под руководством партии. В то время как советская пресса сообщала о неуклонном росте большевистских партийных организаций по всей стране и восхваляла вхождение опытных коммунистических пропагандистов и педагогов в местные сообщества, большевистские лидеры подвергали свою партию жесткой критике как в частном общении, так и на официальных партийных собраниях¹². Иногда неуверенность большевиков изобличалась неумышленно: например, большевистский пропагандист В. А. Быстрянский в январе 1918 года удивлялся, что «год тому назад у власти стоял Николай Кровавый <...>, год тому назад мы, революционные социал-демократы больше-

⁹ См. [Brovkin 1983: 1–50; Brovkin 1987; Brovkin 1990: 350–373; Галили, Нена-роков 1999].

¹⁰ См. [McClelland 1985: особенно 114–130; Stites 1989; Wood 1997; Peris 1998: 1–2].

¹¹ См. [McDowell 1974: 165–279; Binns 1979: 588–589].

¹² См. [Шелавин 1918: 3; Service 1979: особенно главы 4–5].

вики были ничтожной кучкой»¹³. Однако на VII съезде партии в марте 1918 года, на котором возникли глубокие разногласия по поводу Брестского мира, неуверенность в себе была налицо. По словам выступавших, члены партии были ошеломлены тем, что за предыдущий год ее численность выросла до 300 тысяч членов. Яков Свердлов, секретарь ЦК партии, лучше всех знавший ее кадровый состав, отмечал, что та еле справлялась с требованиями новых местных организаций об отправке им квалифицированных рабочих, а также насущной необходимостью вести партийную агитацию и пропаганду среди крестьянства, чем партия до Октября никогда не занималась. Положение усугублялось отсутствием информации о численности отдельных партийных организаций, полным исчезновением одних и появлением других [VII съезд 1923: 10–12, 58]. В мае ЦК разослал циркулярное письмо «всем комитетам, группам Российской Коммунистической партии, всем членам партии», в котором говорилось о плачевном состоянии организации:

Мы переживаем крайне острый, критический период <...> В силу ухода массы ответственных партийных работников в действительность советскую <...> благодаря наплыву в нашу партию широких масс, недавно лишь в нее вошедших, стройность и дисциплинированность наших организаций сильно нарушена. Выделение в партии особого течения, так называемого «левого коммунизма», действует в том же направлении. Все члены партии должны отдать себе ясный отчет, какой острый кризис переживаем мы, должны учесть результаты начавшегося разброда в партийных рядах <...> Рабочие массы не смогут удержать в своих руках завоеванной ими в Октябрьские дни власти, если не будет мощного, проникнутого единой волей, едиными стремлениями ядра¹⁴.

В другом письме ЦК выражал озабоченность качеством членства в партии, конфликтами в местных организациях, ослаблением дисциплины и ухудшением партийной работы. Местным

¹³ Правда. 1918. 3 янв.

¹⁴ Из архива партии // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 148–149.

организациям напоминали: партия — не место для «бездельников, хулиганов, авантюристов, пьяниц и воров <...> колеблющихся и шатающихся», она должна стать «цельной, литой из единого куска»¹⁵. На карту было поставлено будущее, и «Правда» размышляла о том, какая сложная задача стоит перед «будущим историком» партии, Центральный комитет которой не имел представления о состоянии местных организаций, редко получал их публикации, резолюции, прокламации, декреты или протоколы собраний¹⁶.

На VIII съезде партии в марте 1919 года озабоченность большевиков внутренним состоянием партии и отношением к ней широких слоев населения была еще более острой, чем годом ранее. Один за другим большевистские лидеры оглашали длинные списки проблем. Наиболее сокрушительной была критика редактора «Правды» Н. Осинского, который возмущился ростом бюрократизма, упадком партийной активности и отсутствием связи между центром и низами партии. В прошедшем году, по его словам, «у нашей партии не было политической линии». В заключительном слове (к которому лидеры партии, скорее всего, отнеслись особенно болезненно, учитывая прежние нападки меньшевиков и эсеров на «пустоту» их «бумажной революции»), Осинский сказал, что «у нас остаются на бумаге многие хорошие слова». Несмотря на периодические попытки ограничить или даже прервать дискуссию по этому вопросу, особенно когда слово предоставлялось местным представителям партии, жалобы продолжали поступать. Член комиссии при ЦК В. П. Ногин сообщил, что в комиссию поступило «такое бесконечное количество ужасающих фактов о пьянстве, разгуле, взяточничестве, разбое и безрассудных действиях со стороны многих [партийных] работников, что просто волосы становились дыбом». Более того, по его словам, большинство людей, создававших местные организации, прекратили свою партийную деятельность. Даже наи-

¹⁵ ЦДНИАЮ. Ф. 394. Оп. 1. Д. 30. Л. 28–29. А также: Правда. 1918. 9 нояб.; Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 150–151.

¹⁶ Правда. 1918. 6 июня.

более критически настроенные к подобным негативным высказываниям активисты, такие как Л. С. Сосновский, Н. А. Скрипник, В. А. Аванесов, соглашались с тем, что существует «колоссальный недостаток в работниках... которые могли бы правильно понять декреты, правильно ухватить смысл циркулярных писем ЦК и правильно преломлять их в партийной жизни». В партии, утверждал другой оратор, полно людей «с билетами, но без багажа в голове» [VIII съезд 1933: 166, 169, 170, 178–179, 167].

Несмотря на заверения Луначарского о том, что празднование первой годовщины 25 октября было также «великим праздником нашей партии», многие лидеры большевиков видели, что широкие народные массы не совсем понимают значение партии и революции [Луначарский 1918: 1]¹⁷. Ленин попал в «гадкое положение» на VII съезде партии, когда один шведский социалист спросил: «А какая программа вашей партии, — такая же, как у меньшевиков?» Такое «чудовищное противоречие», по словам Ленина, нельзя было допустить [VII съезд 1923: 176]. По мнению некоторых, введение на съезде в официальный обиход термина «коммунист» привело лишь к еще большей путанице между «коммунистом» и «большевиком». Сменив название РСДРП(б) на ВКП(б), как утверждал редактор «Известий» Ю. Стеклов, партия фактически уступила меньшевикам и им подобным многолетний революционный авторитет, завоеванный под именем РСДРП: «Слово “коммунист”, для руководителей это будет сколько-нибудь говорить, — для масс это будет минус» [Там же: 179]¹⁸.

В 1918 и 1919 годах большевистские лидеры напрямую обращались к наиболее негативным образам. «Повсюду только и слышишь: “большевики”, “большевики”. Кто такие эти большевики?» — писал Зиновьев в 1918 году [Зиновьев 1918а: 3]. В другой работе он добавлял, что «рабочие и работницы, недавно

¹⁷ Ср. неловкость по отношению к членам партии в годы Гражданской войны в [Федорченко 1990: 154]. Спасибо Майклу Горхэму за это замечание.

¹⁸ По аналогичным причинам Юрий Ларин предложил сохранить в названии слово «рабочая», поскольку это «качество [нашей партии] мы никоим образом не желаем скрыть» [VII съезд 1923: 177].

пришедшие из деревни и не участвовавшие в первой революции [190]5-го года», считают, будто Коммунистической партии «без году неделя». По его словам, в народе действительно бытовало мнение, что коммунисты — это жадные самодуры, но Зиновьев отмечал, что на самом деле эти так называемые коммунисты «вовсе не коммунисты <...> Они представляют собою буржуазное отродье. Часто это — буржуазные сынки, всякими правдами и неправдами затесавшиеся в наши ряды» [Зиновьев 1919: 5, 7]¹⁹. Зиновьев отодвинул коммунистическое происхождение максимально далеко: «Партия коммунистов в широком смысле слова, если брать международное рабочее движение, существует не год, не два, и даже не два десятилетия, а 72 года», то есть со времени «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса [Там же: 7]. В своем кратком очерке истории большевистской партии с 1903 года он незаметно отбросил меньшевиков: «Большевики это — рабочие, солдаты, беднейшие крестьяне, служащие, одним словом, трудящийся народ городов и деревень. Они соединились вместе, образовали одно общество — *партию*, которая называется Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия» [Зиновьев 1918а: 3]²⁰.

Гармония ритуала

Находясь в условиях беспорядка, кризиса, неопределенности и народного невежества в отношении своего дела, большевики и другие революционеры стремились передать дисциплину, единство, преданность и ясность смысла революционной жизни. И разумеется, они расходились во мнениях относительно того, каким образом можно достичь этой ясности. Их методы варьировались от уничтожения культурного наследия России, к кото-

¹⁹ Подробнее о негативных представлениях населения о большевиках и коммунистах см. [Минин 1919: 3].

²⁰ Курсив автора. Ср. обсуждение истории большевистской партии как функции ее исторических и идеологических различий с меньшевиками и правыми эсерами в [Шумяцкий 1918].

рому стремились футуристы, до создания новой пролетарской культуры с помощью таких движений, как Пролеткульт [von Geldern 1993: 28, 72]²¹.

Вдохновленные, в частности, русским изданием работы Жюльена Тьерсо «Песни и празднества Французской революции», впервые опубликованной в Париже в 1908 году, некоторые революционные художники обратились к ритуализации и театрализации своих рассказов о революции (хотя Луначарский считал, что усилия советских мастеров не дотягивают до творческого гения французов) [Плагтенборг 2000: 305–306]. С помощью таких представлений стремились преодолеть языковые и культурные барьеры, отделявшие, по их мнению, широкие слои населения от революционного проекта. На службе молодого государства эти ритуалы помогали демаркировать идеологические, социальные и политические границы и связи нового порядка, утверждая новые «определения важных социальных отношений» [Lane 1981: 25]. «Конечный посыл ясен, — пишет Флоренсия Мальон в своем исследовании роли парадов Синко де Майо в создании «революционной» культуры в Мексике, — в них могут участвовать только те, кто марширует под правильную музыку и в правильном ритме» [Mallon 1995: 283]. Ритуализированные празднования Октябрьской революции, приуроченные не только к годовщине 25 октября, но и к другим датам и под другими названиями (например, Первое мая, Кровавое воскресенье 22 января, Февральская революция 12 марта), давали возможность новым правительствам оформить образ революции в соотношении с изменившимися условиями и привлечь к активному взаимодействию с ним определенные слои населения²².

Ежегодное празднование Октября представляло собой то, что фон Гельдерн в другом контексте назвал «фиксированной точкой, которая предотвращает наступление хаоса и позволяет создать

²¹ О движении Пролеткульта см. [Mally 1990].

²² Подобное переосмысление социальных отношений продолжалось на протяжении 1920-х годов, как утверждает Катерина Кларк, в «пролетаризации» и «советизации» интеллектуальной жизни [Clark 1991: 210–230].

смысл и иерархию» [von Geldern 1993: 177]. На протяжении последующих трех лет партия выделяла значительные ресурсы и открывала широкие возможности для представления «драмы власти народу»²³. Организаторы праздников стремились обеспечить легко читаемый сценарий революции, контролируя «эстетическую форму и ритуальное исполнение»²⁴. Английские, французские и русские операторы, снимавшие документальные кадры похорон, парадов и шествий, воспроизводили сценарий революции, причем новая технология кино добавляла ему особый отпечаток²⁵. Контроль над коммунистическими праздниками распространялся как на предварительную подготовку сценариев, так и на последующую работу с ними — таким образом партия и ее агенты пытались создать новый социальный и политический ландшафт общества²⁶. Большевицкая пресса тщательно разъясняла структуру и важность торжеств в предшествующие им дни, а также комментировала значение и народный прием после. Учитывая репрессивные условия печати после лета 1918 года, не следует путать эти прочтения с «народной» реакцией на них. Они — всего лишь часть процесса создания основополагающего события.

Голодный Октябрь

По форме и содержанию официальное празднование годовщины Октября в ноябре 1918 года противопоставляло царящей смуте и хаосу возможности организованного революционного

---

²³ В цитате речь идет именно о том, как цензура используется «сильными мира сего» не только для ограничения «слабых», но и для их «информирования и инструктирования». Эта идея имеет более широкое применение к другим проявлениям власти [Jansen 1988: 7].

²⁴ Клаудио Фогу описывает жестко регламентированное празднование 50-летия со дня смерти героя итальянского Рисорджименто Джузеппе Гарибальди [Fogu 1996: 319].

²⁵ О распространенной практике киносъемки этих событий см. [Листов 1966: 235–249]. Они входили в состав регулярных киножурналов «Кинонеделя» режиссера Дзиги Вертова [Советская кинохроника 1965: 8–38].

²⁶ Ср. [Hastings 1987: 7–25].

государства. Во-первых, используя сложившуюся культурную практику регулярного празднования великих событий, режим транслировал идею о значимости Октябрьской революции и включения ее в ряд таких событий. Во-вторых, празднования предоставляли населению множество средств для проживания опыта Октября, которые со временем могли быть адаптированы к меняющимся потребностям общества. В-третьих, они давали новым лидерам возможность сосредоточиться в своих попытках рассказать историю Октября. И наконец, форма и содержание официальных торжеств в Москве и Петрограде имитировались по всей Советской России²⁷. Организаторы празднования годовщины Октября в 1918 году стремились использовать его не только для того, чтобы донести до населения революционные принципы, но и для символического представления классовых контуров нового революционного общества и основных моментов Октябрьской революции. Тщательно отрежиссированные торжества свидетельствовали, возможно, и о неуверенности правящей верхушки в статусе нового режима, в частности в провинции, о недоверии к населению в целом и к тому, какую активность оно способно проявить самостоятельно. Поколения российских революционеров долгое время испытывали двойственные чувства по отношению к самостоятельности масс.

За неделю до юбилейных торжеств был создан Комитет по организации Октябрьских празднеств под руководством Каменева и начальника почтово-телеграфной службы В. Н. Подбельского. Этот комитет был разделен на секции, занимавшиеся различными аспектами празднования: секция театрально-музыкальная и изобразительных искусств; технико-хозяйственная секция; маршрутно-пиротехническая; секция связи и информации; агитационная; продовольственная и транспортная секции²⁸. Такая строгая

---

²⁷ О торжествах в Саратовской губернии см. [Raleigh 2002: 215 и далее]. О пространстве по всей России комитетов по организации местных праздников см.: Правда. 1918. 1 нояб.; Известия. 1918. 27 окт.

²⁸ Правда. 1918. 1 нояб.; Известия. 1918. 24 окт.; Жизнь искусства. 1918. № 3. 31 окт.

Рис. 4. Автомобиль «Красной газеты» в Петрограде на праздновании первой годовщины Октябрьской революции (предоставлено Государственным центральным музеем современной истории России)

иерархия должна была создать ощущение, что за массовое празднование в новом государстве отвечают сами рабочие. Во время торжеств, говорилось в одной из статей, «должен царить образцовый пролетарский порядок. Только суровая товарищеская дисциплина и выдержка самих рабочих масс создадут такой порядок»²⁹.

Демонстрация революционной щедрости в виде раздачи продовольствия была важной частью плановых мероприятий комитета. Ведь не зря в условиях крайне тяжелого положения в столицах праздник 1918 года называли «голодной годовщиной» [Яров 1999б: 31]. Массовая раздача еды в Москве, запланированная на день праздника, была тщательно организована. 23 октября состоялось совещание представителей советских продовольственных организаций и военных ведомств. После обмена мнениями было решено выбрать из их числа комиссию для организации раздачи питания в день праздника на всей территории России; эта комиссия будет сообщать свои распоряжения в гу-

²⁹ Правда. 1918. 5 нояб.

бернии через газеты и телеграф³⁰. Комиссия отклонила инициативу некоторых ее членов о бесплатных обедах для всего 1,4 миллиона жителей Москвы, но приняла предложение о повышении продовольственных пайков для всех «категорий» и дополнении их рыбой, маслом и другими продуктами. Официальные органы, например фабрично-заводские комитеты, обещали по 100 бесплатных папирос на человека³¹. В газетах неоднократно появлялись заверения, что новый паек действительно будет выдан в этот день³². Заключение московских тюрем также должны были получить дополнительный паек³³. 23 октября 1918 года советское правительство официально направило германскому просьбу разрешить русским военнопленным отметить новый государственный праздник 7 ноября (перенесенный с октября в связи с переходом на новый календарь) нерабочим днем и раздачей посылок и сообщить им об этом в надлежащей форме³⁴.

Известия объявили, что детский паек будет увеличен в зависимости от возрастной группы (до трех лет, от 3 до 12 и т. д.)³⁵. Дети были особым приоритетом предстоящих торжеств. Молодежь, как отмечалось в одной из статей, характеризовалась «полным пониманием и горячим сочувствием к великому перевороту»³⁶. В конце октября 1918 года «Известия» обратились к студентам с призывом: «Каждая общественная группа, каждая личность, должны внимательно всмотреться в пройденный путь и на критике уходящего года построить программу будущей деятельности»³⁷. Детский комитет по устройству Октябрьских торжеств запланировал на 7 ноября разнообразные поучительные

---

³⁰ Известия. 1918. 29 окт.

³¹ Правда. 1918. 1 нояб.

³² Известия. 1918. 2 нояб.

³³ Правда. 1918. 1 нояб.

³⁴ Там же. 1918. 31 окт.

³⁵ Известия. 1918. 31 окт. Раздача еды и подарков, особенно для детей, также была приоритетной в провинциях (см.: Правда. 1918. 1 нояб.).

³⁶ Известия. 1918. 2 нояб.

³⁷ Там же. 1918. 30 окт.

развлечения для молодежи всех возрастов: утренники в местных кинотеатрах, постановки детских балетов, кукольные спектакли, такие как «Давид и Голиаф», в центральных театрах Москвы; все это, разумеется, бесплатно. В день праздника ребята постарше должны были отправиться после школы на ближайшие площади, где им рассказали бы о значении Октябрьской революции, а вечером каждая школа должна была направить делегацию на Красную площадь для участия в открытии мемориальных досок и возложения венков к могилам жертв революции³⁸.

Видимые «плоды» нового режима проявились и в виде бесплатных концертов и спектаклей, устраиваемых местными оргкомитетами по указанию из Москвы. Было объявлено о привлечении директоров государственных театров для постановки спектаклей и балетов, традиционных и современных, для трудящихся из районов столицы³⁹. Выбор пьес для постановки иногда представлял проблему: в «старой сокровищнице человечества», по словам Луначарского, было мало пьес, отвечающих новым требованиям, хотя некоторые, например «14 июля» Ромена Роллана и «Вильгельм Телль» Шиллера, были «более или менее в унисон с нашим настроением»⁴⁰. Было также объявлено о планах отправить на фронт около 70 трупп актеров для постановки спектаклей, пьес и балетов для войск с целью передать «дух героизма и веселое настроение»⁴¹. В честь праздника был отдан приказ не производить «ни единого выстрела». Предположительно в доказательство революционной правоты и чести приказ грозил наказанием тем «негодяям», которые будут стрелять из-за угла, из окна или с крыши⁴².

³⁸ Правда. 1918. 2 нояб.; Известия. 1918. 2 нояб.; Жизнь искусства. 1918. № 5. 2 нояб.

³⁹ Жизнь искусства. 1918. № 4. 11 нояб. См. также: Правда. 1918. 1 нояб.; Известия. 1918. 3 нояб.

⁴⁰ Петроградская правда. 1918. 5 нояб.

⁴¹ Известия. 1918. 2 нояб. Одной из запланированных постановок была пьеса «14 июля» Р. Роллана.

⁴² Правда. 1918. 5 нояб.

Основательность этих планов свидетельствовала о стремлении новых лидеров донести до населения как можно более четкое и однозначное прочтение торжеств. Зрителям и участникам нередко напрямую объясняли, что именно они видели (или должны были видеть) на празднике. «Политическое значение» общественного питания, говорилось характерным тоном, достигалось освобождением женщины «от приготовления обеда дома» и созданием настроения «свободы и солидарности пролетарских масс, когда каждый будет знать, что правительство позаботилось о всех принимающих участие в празднестве»⁴³. Так, «Правда» напечатала краткую памятку для партийных организаций о том, что нужно обсуждать на массовых собраниях, посвященных Октябрю. Статья начиналась с обычной оговорки о том, что важность Октябрьской революции «во всей своей глубине», конечно же, не может быть «учтена в настоящий момент» и что по этой самой причине неудивительно, что в областной комитет партии поступают запросы с мест о том, как «осветить значение Октябрьской революции перед широкими трудовыми массами». Местным агитаторам предписывалось «охарактеризовать деятельность Временного Правительства, как чистобуржуазного по составу (Милюковское), так и Коалиционного (Керенского)» и подчеркнуть его нежелание принимать во внимание пожелания рабочих и крестьян. Кроме того, «предательству» меньшевиков и эсеров после Февральской революции необходимо было противопоставить «революционную последовательность партии большевиков во всех вопросах». Статья перечисляла основные события, на которых следовало сделать акцент, — от Июльских дней 1917 года, корниловского заговора до Предпарламента, — представляя их и как крестовый поход контрреволюции против рабочих и крестьян, и как «нарастание Октябрьской революции». Главными событиями собственно Октябрьской революции считались образование в Петрограде Военно-революционного комитета, II съезд Советов, образование Совнаркома, а также принятие первых указов новой власти — Декретов о мире, земле

---

⁴³ Известия 1918. 29 окт.; Там же. 1918. 2 нояб.

и «Положения о рабочем контроле». Статья не только касалась установленных рамок, но и указывала, что события должны быть представлены «в том духе, что Октябрьская революция в России является величайшим толчком для рабочих других стран»⁴⁴. Лидерам большевиков часто поручалось выступать на таких массовых собраниях, чтобы объяснить «итоги Октябрьской революции»⁴⁵. Согласно отзывам в прессе, появление вождей в залах или на площадях всегда сопровождалось «колоссальными хорами и оркестрами». Они стали образцами революционного героизма и аскетизма: Свердлов в кожаной куртке, «словно вылитый из стали»; Ленин, «простой, ясный, с мягкой улыбкой на лице» — во время массового митинга на Красной площади окружающие подняли его на руки⁴⁶.

В большевистской прессе освещение празднований обрамлялось сообщениями о революционной ситуации в Германии и других странах Европы, зажженной Октябрем, как правило, в выражениях, связывающих эти события с российским опытом⁴⁷. Лидеры большевиков подчеркивали историческую уникальность Октября, противопоставляя успех революции неудачам предыдущих перспективных восстаний «рабочего класса», в частности, в Париже в 1848 и 1871 годах, а также в России в 1905 году. Они также подчеркивали роль Октября как искры, которая зажжет революцию во всей Европе и в конечном счете во всем мире, — свидетельства этого уже можно было наблюдать в Болгарии, Германии и Австро-Венгрии [Быстрянский 1918: 1]⁴⁸. Конечно, во многих странах рабочие были «связаны по рукам и ногам империалистической реакцией» и поэтому не могли

⁴⁴ Правда. 1918. 29 окт.

⁴⁵ На одном особо крупном массовом собрании были заявлены выступления Льва Каменева, Алексея Рыкова, Якова Свердлова, Юрия Стеклова, Емельяна Ярославского, Н. Осинского (В. В. Оболенского), Александры Коллонтай и многих других (Правда. 1918. 31 окт.; Известия. 1918. 31 окт.; Там же. 1 нояб.).

⁴⁶ Жизнь искусства. 1918. № 9. 9 нояб.

⁴⁷ См. «Правду» от 1, 3, 10 и 14 ноября 1918 года.

⁴⁸ См. также [Зиновьев 19186].

«подать о себе голос»; хотя в тех странах, где эти пути были не столь тугими, например в Швейцарии и Германии, местные организации взяли на себя обязательства по празднованию годовщины Октября [Ватин 1918: 1].

Праздничные выставки в столицах представили наглядные образы Октября. Большая выставка в Москве под названием «Год пролетарской революции» заполнила несколько залов на Тверской улице книгами, газетами, фотографиями и иллюстрациями. Как отметили «Известия», на многочисленных фотографиях и рисунках были изображены «разные моменты революции»: «восстание пролетариата, съезд комитетов деревенской бедноты, баррикады, уличные перестрелки, могилы павших борцов». Привлечению людей на выставку несомненно способствовала расположенная в здании общественная столовая⁴⁹.

Артефакты и символы, использовавшиеся новым режимом, сами по себе не несли никакого смысла. «Большевики, — отмечает фон Гельдерн, — пришли к власти, не имея собственных символов», они делили некоторые символы с другими радикальными партиями [von Geldern 1993: 73] и потому приложили все усилия, чтобы объяснить символы и знаки нового порядка. Декрет «О памятниках республики», принятый 13 апреля 1918 года, предписывал убрать с улиц и площадей памятники, установленные в честь царей и не представляющие интереса «ни с исторической, ни с художественной стороны». Были объявлены художественные конкурсы на проекты памятников, призванных «ознаменовать великие дни Российской социалистической революции»⁵⁰. Памятники, статуи и эмблемы всегда сопровождался пояснением их значения, которое со временем могло приобретать различные оттенки⁵¹. Многие новые памятники и статуи, плани-

⁴⁹ Известия. 1918. 10 нояб.

⁵⁰ Известия ЦИК. 1918. 14 апр. См. также [Королева 1977: 16–19; Kelly 1998: 227–237].

⁵¹ Хант рассматривает иерархическую сеть революционных чиновников во Франции, созданную в 1792–1794 годах специально, чтобы научить население читать «новый символический текст революции». Она также просле-

руемые к установке в Москве и Петрограде, снабжались пояснительными табличками или более масштабными способами донесения их смысла. Так, например, издательский отдел Московского Совета объявил о планах выпустить в честь Октября серию популярных и доступных биографий «знаменитых деятелей», которым воздвигались памятники: Маркса, Энгельса, Робеспьера, Родена, Вольтера, Радищева, Римского-Корсакова, Шевченко, Гюго, Золя и Бетховена. В этих брошюрах должна была быть «охарактеризована историческая обстановка, в которой протекала деятельность этих общественных деятелей, писателей или художников»⁵².

Символический смысл торжественных мероприятий заранее подробно разъяснялся в прессе. Например, когда 6 ноября московское небо озарил фейерверк, газеты писали о нем: «казалось, что это рушится здание капитализма, погребая под своими обломками эксплуататоров и насильников»⁵³. Вездесущие серп и молот неизменно сияли «в короне лучей восходящего солнца»⁵⁴. 1 ноября Московский оргкомитет юбилейных торжеств объявил, что в 9 часов вечера 7 ноября в каждом регионе на одной из центральных площадей должно состояться ритуальное сожжение «старого империалистического строя» и восстание из пепла «нового строя». Соответствующий символ, изготовленный из легкого горючего материала, должен был олицетворять все «устои

живает изменения в значениях различных символов с течением времени, например трансформацию фигуры Геркулеса в 1789–1799 годах из символа монархии в символ народа [Hunt 1984: 94–116]. Взятие Бастилии в тот же период было переделано из воплощения жестокости в «ключевое основополагающее событие национальной идентичности» [Lüsebrink, Reichardt 1983: особенно 29–47].

⁵² Известия. 1918. 2 нояб. См. также: Правда. 1918. 3 нояб.; Известия. 1918. 6 нояб. Довольно типичной была статья, восхваляющая Родена, чье искусство было «прямой противоположностью дряхлому буржуазному искусству и жалким потугам новаторов, рабов буржуазного мира» (Известия. 1917. 9 нояб.).

⁵³ Правда. 1918. 9 нояб.

⁵⁴ В Красном Питере (впечатления) // Год пролетарской революции. 1918. 9 нояб. С. 4.

старого строя: капиталистов, попов, полицейских», а центральное место должен занимать «современный столбец» международного империализма⁵⁵. На пепелище должна была появиться соответствующая эмблема нового государства, решение о которой принималось бы местными региональными товарищами. Смысл торжеств доносился и более косвенными и творческими способами. Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) планировал отметить годовщину революции демонстрацией современной техники, намереваясь осветить весь центр и окраины Москвы огромными прожекторами, проецирующими на небо движущиеся изображения. Торжества должны были открыться пролетом 15 самолетов и показательными выступлениями Московского авиационного училища⁵⁶.

Москва и Петроград оказались лингвистически и физически затронуты революцией — улицам и зданиям там дали новые революционные названия [Переименования улиц 1918: 3]. В Москве Красная площадь была украшена черными и красными флагами, вся длина Кремлевской стены завешана плакатами, равно как и площадь: от Собора Василия Блаженного до Иверских ворот. На черных знаменах были лозунги в честь павших товарищей, на красных — революционные призывы. Большой и Малый театры также были увешаны флагами и плакатами с назидательными лозунгами [Октябрьские торжества... 1918: 1]. Аналогичные декорации украсили здания и площади Петрограда, причем организационная комиссия выделила более 140 тысяч метров красного материала для оформления 71 ключевого «пункта и здания»⁵⁷. Еще не вполне сформировавшийся характер повествования об Октябре символически сводился к выбору цветовых сочетаний и резким контрастам — по аналогии с продолжавшимися попытками подчеркнуть отличия по контрасту (мы/они, красные/белые), а не

⁵⁵ Правда. 1918. 1 нояб.

⁵⁶ Цит. по: [Первая годовщина... 1987: 126].

⁵⁷ Известия. 1918. 25 окт.; Год пролетарской революции. 1918. 8 нояб.; Там же. 1918. 9 нояб.

по нюансам⁵⁸. Значимость, если не однозначный смысл, программ вечерних развлечений подчеркивал также выбор музыки. Программа Народной хоровой академии 8 ноября состояла из Триумфальной симфонии Берлиоза, «Песен революции» П. Г. Чеснокова и оды «К радости» Бетховена⁵⁹. Эмоционально заряженная музыка, от похоронного марша Шопена до «Интернационала», а также торжественные ритуалы были призваны усилить впечатление от мест, обозначенных на маршруте шествия. На Марсовом поле два делегата от определенного региона должны были подняться на специальную платформу и в знак верности ударить молотом по наковальне одновременно с исполнением оркестром и хором «Интернационала»⁶⁰.

На торжествах 1918 года Смольный был представлен как центральное место действия событий Октября. В сообщениях прессы он превратился в «сказочный замок»: «Центром всех праздничных церемониальных шествий в первый день празднования Великой Октябрьской революции явился Смольный, который, как образно выразился тов. Луначарский, служит колыбелью социальной революции всего мира»⁶¹. «Грандиозные работы» по его подготовке к празднованию включали в себя возведение перед «резиденцией великой Октябрьской революции» трехъярусной триумфальной арки высотой 21 метр с лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»⁶². Полукруг прилегающей площади был художественно оформлен, а левая и правая стороны входа были увенчаны башенками, придававшими воротам старорусский стиль. Обелиски по всему полукругу были задрапированы гир-

---

⁵⁸ Виктория Боннелл рассматривает различные варианты использования цвета в советских политических плакатах, отмечая контраст между насыщенными красными и черными цветами иконографии военного времени и более приглушенными пастельными тонами менее воинственных периодов [Bonnell 1997: 258].

⁵⁹ Год пролетарской революции. 1918. 8 нояб.

⁶⁰ Там же. 1918. 7 нояб.

⁶¹ Там же. 1918. 9 нояб.

⁶² Жизнь искусства. 1918. № 4. 1 нояб.

ляндами из зеленой и красной материи, а между ними были развешаны плакаты с лозунгами «Да здравствует международный съезд Советов». Все шествия 7 ноября заканчивали у Смольного; вечером здесь состоялось торжественное заседание Петроградского Совета, на котором выступили высокопоставленные партийные и государственные деятели⁶³. Зимний дворец, напротив, даже не был включен в маршруты шествий⁶⁴. Он был украшен «в строго выдержанном стиле», решетки были задрапированы красной материей и зелеными гирляндами, а желтые стены закрывали огромные красные панели. Дворец и Урицкая (бывшая Дворцовая) площадь производили «строго-гармоничное, мягкое, успокаивающее впечатление»⁶⁵.

Шествия были микромиром нового социального порядка, иллюстрацией новой иерархии советского общества. Жесткий контроль за участием в них свидетельствовал о возникновении новой системы надзора, привилегий и исключений. Для выдачи всех инструкций и разрешений в Москве и провинции было создано специальное Информационное бюро⁶⁶. В городе было объявлено, что «в целях организованного и планомерного проведения в Москве празднования Октябрьской Революции» все центральные и региональные органы, участвующие в торжествах, должны согласовывать все свои действия с представителями Оргкомитета. Комитет ввел систему пропусков, предназначенную для контроля доступа в места проведения торжеств. Члены Оргкомитета и их представители получали круглые пропуска, дающие право беспрепятственного доступа на все объекты; для проезда на автомобилях в дни празднования требовались специальные треугольные пропуска. Во все театры, кинотеатры и концертные залы можно было попасть только по билетам, полученным в соответствующих комиссиях. Выступающие на массовых мероприятиях могли быть приглашены только через Московский

---

⁶³ Год пролетарской революции. 1918. 8 нояб.

⁶⁴ Опубликованные маршруты см.: Там же. 1918. 7 нояб.

⁶⁵ Там же. 1918. 8 нояб.

⁶⁶ Правда. 1918. 1 нояб.

комитет Коммунистической партии⁶⁷. Общественные и государственные организации, желающие принять участие в шествии, должны были до 3 ноября сообщить об этом в областную маршрутную комиссию — неисполнение этого требования влекло за собой исключение из шествия⁶⁸. Автомобили и мотоциклы могли использоваться в шествии только с предварительного разрешения транспортной секции⁶⁹; в целом автомобили 6 и 7 ноября могли выезжать на улицы только при наличии специального пропуска, выданного Оргкомитетом⁷⁰.

Шествия, составлявшие основную часть двухдневных торжеств, представляли собой разительный контраст с дореволюционными царскими процессиями элиты. В первый день торжеств в ноябре 1918 года каждый рабочий район должен был направить шествие по заранее определенному маршруту в сторону Смольного, отдавая по пути дань уважения «жертвам Октябрьской революции» у различных мемориалов. Шествие должно было состоять из представителей различных организаций района, объединенных в колонны по 10–12 человек: за знаменосцем шел оркестр, за ним — член исполкома районного Совета, затем районный комитет КПСС, представители Красной Армии, Красного Флота и т. д. На второй день шествия были разделены по принадлежности к профсоюзам, общим числом 18: от профсоюза металлистов впереди до профсоюза железнодорожников, замыкавшего колонну.

В начале ноября в газетах появился список рекомендуемых лозунгов для использования на транспарантах во время шествий. Среди них не было явно большевистских. В основном предложенные лозунги провозглашали гармонию и самодисциплину нового порядка в типично классово поляризованных терминах: самоотверженные труженики против паразитирующей буржуазии, революционное самопожертвование рабочих против алчно-

⁶⁷ Там же. 1918. 5 нояб.

⁶⁸ Там же. 1918. 2 нояб.

⁶⁹ Там же. 1918. 1 нояб.

⁷⁰ Там же. 1918. 5 нояб.

сти капитала⁷¹. Женщины-работницы в газетных сообщениях упоминались только в связи с тем, что они раздавали значки участникам шествия в самом его начале и собирали деньги на подарки для красноармейцев. Крестьяне участвовали в мероприятии лишь в качестве «гостей», занимая зрительские трибуны на Марсовом поле и в Смольном, причем в последнем они были объединены с «иностранными гостями» в толпе из примерно двух тысяч приглашенных зрителей⁷². На совместном собрании представителей коммунистических организаций и Советов из московских регионов 20 октября член Московского комитета партии Григорий Беленький заверил, что главное в праздновании годовщины революции — не внешние атрибуты, не декорации, не шествия и т. д., а внутреннее проявление, «духовная мощь». Эту мощь, по его мнению, должны были почувствовать все «истинные сторонники Советской власти», которым довелось поучаствовать в демонстрациях и шествиях⁷³. Празднование не оставляло (и не должно было оставить) сомнений в том, кто к таковым относится.

Октябрь осажденный

Празднования, состоявшиеся год спустя, имели общие цели с годовщиной 1918 года, хотя финансовые трудности урезали их в соответствии с потребностями страны, раздираемой Гражданской войной. Сообщения о планах предстоящих торжеств производили впечатление не столько амбициозной и тщательной организации, сколько несогласованных и торопливых проектов⁷⁴,

⁷¹ Примеры лозунгов см. в: Правда. 1918. 1, 2, 5 нояб.; примеры лозунгов, предложенных Московским советом профсоюзов, см. в: Правда. 1918. 2, 5 нояб.

⁷² Год пролетарской революции. 1918. 7 нояб.

⁷³ Цит. по: [Первая годовщина... 1987: 131].

⁷⁴ Так, например, рабочая комиссия Дворца Труда «окончательно» решила украсить площадь Восстания, «где началась первая русская революция» (К октябрьским торжествам // Жизнь искусства. 1919. № 284–285. 5 нояб.). См. также «Правду» от 6 ноября 1919 года.

многие из которых носили экспериментальный характер⁷⁵. Петроградский губернский отдел труда объявил, что Октябрьская революция в этом году будет праздноваться только в один день — 7 ноября⁷⁶. пышное оформление в честь первой годовщины контрастировало с гораздо более простыми украшениями торжеств 1919 года. Несмотря на скромные масштабы, писала «Красная газета», их значение было даже больше, чем годом ранее. Теперь главным украшением города служили оружейные установки и баррикады из колючей проволоки: «В железную броню, под ударами, последними ударами издыхающей контрреволюции оделся Красный Петроград и в железной броне встречает свой великий праздник». По мнению автора статьи, это свидетельствовало о неуверенности осажденного режима: «Какая же другая власть рискнула бы соорудить внутри города эту грозную сеть укреплений, если бы она не опиралась на величайшее доверие и величайшую поддержку со стороны трудовых масс?»⁷⁷ Ушли в прошлое амбициозные планы 1918 года накормить огромное количество людей в столицах. На смену им пришла более скромная цель — обеспечить «праздничное питание» для детей в разных районах Москвы, а также дополнительный паек в виде мяса, икры, варенья, белого хлеба, шоколада, красного вина и папирос для раненых красноармейцев⁷⁸. В день праздника были объявля-

⁷⁵ Художественной секцией Профсоюза работников искусств в Петрограде был объявлен конкурс, в котором приняли участие 18 художников и архитекторов, которые должны были разработать проекты оформления Смольного, площади Восстания и площади Жертв Революции. Еще четыре художника разрабатывали плакаты, лучшие из которых должны были получить денежные премии (Жизнь искусства. 1919. № 268. 15 окт.). Среди других проектов было изготовление торжественных табличек с такими громоздкими лозунгами, как «Каждый раз, когда великая идея проникает в сознание эпохи, она распространяет вокруг себя такой же ужас, как спущенный на улицы и рынки» (К октябрьским торжествам // Жизнь искусства. 1919. № 267. 14 окт.).

⁷⁶ Красная газета. 1919. 5 нояб.

⁷⁷ Там же. 1919. 7 нояб.

⁷⁸ Правда. 1919. 6 нояб.; Красная газета. 1919. 5 нояб. Десять тысяч рублей было выделено Оргкомитетом регионам на питание для детей (Петроградская правда. 1919. 7 нояб.).

ны бесплатные концерты и представления, сопровождаемые массовыми митингами, а также спектакли революционного содержания, хотя и не в таких масштабах, как в 1918 году⁷⁹. Шествия демонстрантов вновь направились из местных рабочих районов Петрограда к Смольному, но в этом году бывший эпицентр революции стал лишь немым свидетелем революционного торжества: «А там, наверху, в одно из окон фасады Смольного высунулась детская головка. Широко открытыми глазечками смотрит она на невиданное зрелище. Неизгладимый отпечаток останется в ней от шествия питерских рабочих»⁸⁰. В этом году в полдень 6 ноября в Зимнем дворце (к этому времени переименованном в Дворец искусств) должно было состояться торжественное заседание Петроградского Совета⁸¹. На следующий день шествия проходили мимо зданий, украшенных красной материей, с флагами и транспарантами. Лозунги «Да здравствует наша доблестная Красная Армия!» и другие, предложенные в этом году Московским комитетом, отражали преобладающее в тот момент отношение к Гражданской войне и тем лишениям, которые она с собой принесла⁸².

Юбилей 1919 года был реализованной метафорой революции в осаде, причем комментаторы проводили явные исторические параллели с другими подобными событиями⁸³. Октябрь стал объяснением повседневных невзгод, выпавших на долю населения в условиях Гражданской войны. На газетных страницах статьи о предстоящих торжествах сопровождались сообщениями о Гражданской войне⁸⁴. В Петрограде Зиновьев связывал тяжесть

⁷⁹ Красная газета. 1919. 5 нояб.; Там же. 1919. 7 нояб.

⁸⁰ Петроградская правда. 1919. 9 нояб. Запланированные маршруты шествий см. в «Петроградской правде» от 6 ноября 1919 года.

⁸¹ Петроградская правда. 1919. 6 нояб.

⁸² Ср. «Вперед к победам над всеми врагами коммунистической революции»; «Голод, холод, разруху хозяйства мы победим лишь дружной борьбой рабочих и рабочих» (Правда. 1919. 6 нояб.).

⁸³ Петроградская правда. 1919. 26 окт.; Красная газета. 1919. 7 нояб.

⁸⁴ Правда. 1919. 31 окт.; Там же. 1919. 6 нояб.; Там же. 1919. 7 нояб.

повседневных условий (резкое обезлюдение, голод, болезни, убийства рабочих лидеров) с важнейшим местом, которое занимал сам город как абсолют Октябрьской революции: «Нигде в России не чувствуется так живо биение пульса пролетарской борьбы, как в Петрограде <...> Пройдитесь по улицам и площадям Петрограда. Тут, можно сказать, каждый камень есть кусок истории русской революции»⁸⁵. 7 ноября 1919 года Ленин, поздравляя рабочих Петрограда с праздником, писал, что «знамя пролетарской революции», поднятое рабочими и трудящимся крестьянством, все еще развевается, «вопреки всем трудностям и мучениям голода, холода, разрухи, разорения... несмотря на бешеную злобу и сопротивление буржуазии, несмотря на военные нашествия всемирного империализма»⁸⁶. Как бы избегая сравнения с прежними лишениями войны при царе, пресса старалась представить невзгоды народа как естественное следствие справедливой революции, которую он сам совершил: «Многочисленны, бесконечны те жертвы, которые несут российские рабочие, все трудящиеся России в этой борьбе. Им первым пришлось у себя зажечь этот красный факел»⁸⁷. Ораторы с нетерпением ждали третьего года революции, который, по их заверениям, должен был стать «годом победы»⁸⁸.

Описание реакции

Как отмечает Дональд Рали, жесткий партийный контроль организации этих публичных праздников затрудняет оценку того, в какой мере они действительно «могли бы пробудить воображение участников» [Raleigh 2002: 222]. Описания в прессе не могут свидетельствовать о том, что эти первые торжества обла-

⁸⁵ Петроградская правда. 1919. 7 нояб. Троцкий также ставил город в центр внимания как символический центр революции (Правда. 1919. 7 нояб.).

⁸⁶ Петроградская правда. 1919. 7 нояб.

⁸⁷ Правда. 1919. 7 нояб. См. также: Петроградская правда. 1919. 7 нояб.; Правда. 1919. 7 нояб.; Красная газета. 1919. 9 нояб.

⁸⁸ Красная газета. 1919. 9 нояб.

дали «свежим, спонтанным импровизированным характером, атмосферой хаотического энтузиазма и чувством общности», в отличие от рутинной структуры последующих празднований [Binns 1979: 588]⁸⁹. Каждый аспект праздника — форма, содержание, описание реакции публики — был призван передать гармонию и ясность смысла. Коммунистическая пресса утверждала: праздники были популярны, потому что население понимало их значение. Газета «Правда» восторженно восклицала: «Какой энтузиазм, какое ликование» на лицах людей на улицах, которые «идут, взявшись под руки, и смеются, и поют свободные и гордые песни». За символическим сожжением старого режима в 8 часов вечера на Лобном месте (дореволюционном месте оглашения указов на Красной площади) с одобрением наблюдали толпы, которые, по мнению обозревателя, уже «вполне сознают значение великого праздника октябрьской революции»⁹⁰. «Улицы Петрограда, — писал другой обозреватель в юбилейной публикации, — прекрасно убранные и разукрашенные, лучше слов и статей говорят о великой силе, мощи государственного аппарата. Серый день стал праздником для всего населения <...> в шествиях и собраниях участвуют самые широкие круги, *только сейчас* затронутые движением»⁹¹.

Шествия состояли из празднично одетых рабочих, солдат и матросов, лозунги были революционными, пение «Интернационала» — спонтанным и окрыляющим. Везде царил «образцовый порядок» — доказательство того, что пролетариат «вырос и не нуждается больше в няньках в виде городских»⁹². Толпы людей были «словно подавлены красотой зрелища» при виде

⁸⁹ Более детальный анализ трудностей выявления народной реакции на торжества 1918 года см. в [von Geldern 1993: 97–102].

⁹⁰ Правда. 1918. 9 нояб. Объектом одного из таких символических сожжений стал, по-видимому, манекен, изображавший кулака (Известия. 1918. 9 нояб.). Примером одного из особенно масштабных сожжений может служить сожжение на московском стадионе «Динамо», где сотни пионеров атаковали гигантское пугало, изображавшее врагов Советского Союза.

⁹¹ Год пролетарской революции. 1918. 7 нояб. Курсив наш. — Ф. К.

⁹² Там же. 1918. 7 нояб.

иллюминации⁹³. «В радостно красном революционном Петрограде, — писал старый большевик Владимир Бонч-Бруевич, — народ торжествовал победу над оторопевшим классовым врагом»⁹⁴. Часто атмосфера шествий описывалась как настолько заразительная, что захватывала не только рабочих, «но и широкие массы мещанства и интеллигенции, до сих пор относившихся к празднику революции безучастно, или даже со скрытой враждебностью»⁹⁵. Украшение зданий и площадей приводило в восхищение «даже самых отпетых врагов рабоче-крестьянской революции»⁹⁶. Пение хором было описано как метафора силы, присущей совместным действиям: «Каждая в отдельности на виду у всех ни за что не подала бы голос, а здесь, вместе с другими, идя рядом, каждой хочется спеть громче». Даже погода свидетельствовала о положительной реакции на торжества и часто становилась метафорой надежды Октября, когда серый дождливый день неизменно уступал место более благоприятному небу: «Небо синее. Солнце светит ярко. Оно хочет согреть ноябрьский день за то, что велик он»⁹⁷.

Введение жесткой цензуры в июне — июле 1918 года сократило количество альтернативных прочтений торжеств. Статья в одной из меньшевистских газет, опубликованная до введения цензуры, позволяет представить себе, как могла звучать их публичная критика. Репортаж о массовой демонстрации конца 1917 года описывал это событие как пример официального принуждения и изоляции. На демонстрацию «казенного харак-

⁹³ Известия. 1918. 9 нояб.

⁹⁴ Там же. 1918. 10 нояб.

⁹⁵ Настроение масс в дни праздника // Год пролетарской революции. 1918. 9 нояб. К этой категории людей, невольно заразившихся атмосферой, был отнесен и «обыватель», прятаящийся во время майских демонстраций пролетариата (Известия. 1918. 9 нояб.).

⁹⁶ В Красном Питере (впечатления) // Год пролетарской революции. 1918. 9 нояб.

⁹⁷ Правда. 1918. 12 нояб. Ср.: Выборгская А. Наш праздник // Год пролетарской революции. 1918. 8 нояб.; Луначарский А. Праздник // Там же. 1918. 7 нояб.; Красная газета. 1918. 9 нояб.

тера», говорилось в заметке, удалось собрать меньше рабочих и солдат, чем обычно, и меньше рабочих, чем солдат. Заводы отказались участвовать в акции в ответ на призыв Союза защиты Учредительного собрания и вместо этого провели массовые митинги на своей территории. Самым зловещим, заключала статья, было то, что необычный маршрут шествия проходил мимо немецкой делегации⁹⁸. После введения цензуры в печати остались лишь отдельные косвенные критические замечания подобного рода. Так, в одной из статей отмечалась более ранняя «буржуазная» критика подобных праздников, указывавшая на их «узкоклассовое» содержание и характеризовавшая первомайский парад 1918 года как «военный»⁹⁹.

Противоположное официальному прочтению октябрьских торжеств, как правило, ограничивалось личными дневниками и частной перепиской. Известный историк Юрий Готье записал в своем дневнике 5 ноября 1918 года, что Москва готовит к революционной годовщине «эмблемы и украшения с кровавыми лозунгами». Увеличение пайка ученых воспринимал лишь как взятку, чтобы задобрить население. 7 ноября он присоединился к толпе на Тверской: «Как всякая русская толпа, она была мрачна и скучна; на боковых улицах было темно и тихо, и даже флагов было немного. Газет нет, нет и известий, даже урезанных и искаженных; одни веселятся, другие скрывают, третьи ждут» [Готье 1997: 193–194]. В опубликованных за рубежом воспоминаниях о своем пребывании в России Джон Поллок, англичанин, занимавшийся оказанием помощи беженцам с начала 1915 до середины 1919 года, описывает торжества как убогие и принудительные. Значительная часть из 30 миллионов рублей, выделенных на юбилейные украшения в Петрограде, по его словам, была распределена по разным карманам: «Никогда еще украшения не были

⁹⁸ Газета для всех. 1917. 19 дек.

⁹⁹ В великие дни // Год пролетарской революции. 1918. 9 нояб. Ср. упоминания о том, как люди «с подхихкиванием» реагировали на потрепанные и оборванные красные знамена, которые оставались висеть на зданиях Петрограда в течение всего года (Красная газета. 1918. 12 нояб.).

так скупы... Много было старых первомайских знамен, красно-черных кричащих загадок, теперь несколько обветшавших. Новые попытки оказались жалки, а ночная иллюминация была недостойна танцев в приморском городке». Никакой гармонии и целеустремленности — только принуждение к участию, отраженное на лицах участников, только равнодушие в глазах наблюдающих:

В первый день торжеств процессии старательно тащились по центральным улицам, не отрывая глаз от земли. Это было жалкое зрелище, представлявшее гораздо меньший интерес, чем то, как их собирали <...> Ночью любопытные толпы деревенской «бедноты» и горожан молча сновали по улицам, не проявляя ни энтузиазма, ни каких-либо эмоций. Ибо что праздновали?.. Праздник, чтобы быть успешным, должен иметь какую-то причину [Pollock 1919: 128–130].

Год спустя более скромные торжества вызвали у Готье еще более глубокое уныние своей безнадежностью и пустотой. В дневниковой записи от 8 ноября 1919 года они стали метафорой его собственной неутешимой тоски из-за положения России:

Так можно определить мое мирозерцание последних дней. Мрак без просвета. Остается ждать, что будет, не строя никаких планов и расчетов. Вчерашние празднества были много скромнее, чем в прошлом году. Никаких выдач обывателям, кроме полфунта белого хлеба детям. Завтраки в школах намного тощее, чем в прошлом году. Все, что было, выдавалось красноармейцам. Манифестаций я не видал, но местами они были жидки, местами на них сгоняли принудительно. Такими средствами набирались толпы манифестантов, которые вместе с войсками составляли в нужных местах достаточное количество людей [Готье 1997: 324].

Конечно, внутри Советской России торжества подвергались критике, но в тех выражениях, которые лишь укрепляли целостность повествования о революции. По мнению некоторых критиков, если торжества и терпели неудачу, то только в технической или эстетической неспособности их создателей отдать должное

Октябрю¹⁰⁰. В статье, опубликованной в журнале Отдела изобразительных искусств Наркомпроса, звучало сожаление, что из-за недостатка времени и опыта была реализована лишь пятая часть планов. Но еще большее беспокойство вызывало то, что праздничные мероприятия и оформление поразительно напоминали дореволюционные «царские дни». Проблема заключалась не в недостаточно развитом «пролетарском вкусе», а в тех художниках, которые не слишком задумывались о значении праздника¹⁰¹. Художники, писал критик Л. В. Пумпянский, «еще не “вчувствовались” в революцию, не впитали в себя той великолепной грозовой энергии, которой насыщен самый воздух современности». Они не смогли уловить дух Октябрьской революции, потому что не являлись «конденсаторами и хранителями этой энергии для будущих поколений»¹⁰². Футуристы особенно критиковали роль интеллигенции, не осознавшей, что пролетариату нужно искусство, «которое родилось из шума фабрик, заводов, улиц», а не «тихие жалкие звуки гитар и скрипок, ласкавших слух буржуа, замкнувшегося в уютной квартире»¹⁰³. Такая критика «молчания искусства» после Октября требовала новых подходов в соответствии с изменившимся временем¹⁰⁴. «Все участники спора о стиле, — по словам фон Гельдерна, — были согласны с тем,

¹⁰⁰ Советские историки оценивали художественную продукцию этого времени по тому, насколько удачно или неудачно она передавала необходимые революционные элементы. Один из исследователей критиковал отдельные элементы торжеств — например, революционные панно «Штурм Зимнего» В. Волкова и «Революция» И. Владимирова — именно за отсутствие в них «плакатной броскости и праздничной эмоциональной выразительности». Характерно, что «безликость образов» первой годовщины автор объясняет тем, что после Октябрьской революции прошло слишком мало времени, чтобы художники «до конца разобрались в сущности происходящих событий» [Немиро 1973: 22, 24].

¹⁰¹ Искусство коммуны. 1918. 7 дек. См. также: Пламя. 1919. № 35. 5 янв.

¹⁰² Пламя. 1919. № 3. 5 янв. Аналогичные настроения высказал В. Керженцев в неопубликованной рукописи от 10 февраля 1919 года [Из статьи... 1984: 83–84]. Анализ различных новых проявлений послеоктябрьского искусства см. в: Творчество. 1919. № 10–11. С. 38–45.

¹⁰³ Искусство коммуны. 1918. 15 дек.

¹⁰⁴ Подробнее об этом см. [Nilsson 1979: 9–53].

что художники должны посвятить себя революции. Настоящее разногласие заключалось в характере этого долга и способах его выполнения» [von Geldern 1993: 93]¹⁰⁵. Художественные споры часто представляют как борьбу полных воодушевления художников, добывающихся свободы творчества от консервативного по своей сути большевистского режима, однако партия большевиков на тот момент не имела решающего влияния на работников искусства. Как отмечает Катерина Кларк, в период военного коммунизма петроградская интеллигенция работала практически без ограничений со стороны большевистских властей, а органы культуры возглавлялись в основном беспартийными интеллигентами [Кларк 2018: 156–157]. В те первые годы интеллигенция еще могла поддерживать революцию, не поддерживая непосредственно большевиков.

Красные и белые

У тех, кто создавал все эти «красные похороны», политические демонстрации и революционные праздники в 1918 и 1919 годах, легитимность Октября не вызывала сомнений. Они сознательно и неосознанно противопоставляли порядок и смысл революционной приверженности — беспорядку и пустоте пассивности. В напряженной атмосфере Гражданской войны все идеологические и эстетические усилия были направлены на поляризацию политической жизни, которая в конечном итоге потребовала бы от все более широких слоев населения бескомпромиссного выбора: рабочий или буржуазия, мы или они, красные или белые¹⁰⁶. Гражданская война в представлениях большевиков была войной между революцией и контрреволюцией, а не, как утверждали на конференции меньшевистской РСДРП в конце декабря 1918 года, гражданской войной внутри различных демократических сил [Партийное совещание... 1919: 4]. Большевики не видели причин

¹⁰⁵ О художественных спорах в области театра см. [Кларк 2018: 154–187]; о спорах, связанных с празднованием 1918 года, см. [von Geldern 1993: 93–102].

¹⁰⁶ Например, [Jangfeldt 1979: 111].

для объединения таких «сил» для борьбы с «настоящей» контр-революцией, ведомой иностранцами, российскими капиталистами и помещиками, как ее определяли меньшевики и эсеры. Большевики считали, что революцию можно обеспечить только через резкую социальную и политическую поляризацию.

Владимир Маяковский ярко запечатлел этот процесс поляризации в драме 1918 года «Мистерия-буфф». Восхваляя ее как редкую пьесу, отвечающую запросам времени, «понятную всякому», Луначарский выражал опасение, что футуристы, которым предстояло ее ставить, совершат «миллион ошибок», добавив в нее «экстравагантности», унаследованные от «старого мира»¹⁰⁷. По замыслу Маяковского, пьеса была одой Октябрьской революции, созвучной времени:

Славим
восстаний,
бунтов,
революций день —
тебя,
идущий, черепа мозга!
Нашего второго рождения день —
мир возмужал [Маяковский 1955–1961, 12: 169].

По сюжету пьесы, семь пар «чистых» (буржуа) и семь пар «не-чистых» (пролетарии) спасаются в ковчеге от стихийного потопа революции. Пьеса показывает главных героев начиная с восстановления буржуазией старого порядка до момента, когда рабочие возвращаются из изгнания в трюме ковчега, чтобы захватить власть и выбросить буржуазию за борт. В финальных сценах они вновь встречаются в аду: буржуазия, не измененная своим опытом, обречена томиться в прошлом, а пролетариату, закаленному в революции, суждено отправиться в Землю Обетованную и наслаждаться будущим¹⁰⁸. «Мистерия-буфф» отличалась отсутстви-

¹⁰⁷ Петроградская правда. 1918. 5 нояб.

¹⁰⁸ Описание сюжета см. в: Жизнь искусства. 1918. № 1. 29 окт. Интересный анализ эстетики и стиля пьесы см. в [von Geldern 1993: 63–71; Кларк 2018: 179–181].

ем оттенков и нюансов в характеристиках и сюжете. Ее мир, по словам фон Гельдерна, «отличался неспособностью к компромиссу <...> На сцене встреча миров была невозможна <...> Конфликт — революция — был встречей противоположностей, которая не могла закончиться перемирием» [von Geldern 1993: 67–68]. Маяковский опирался на общую тенденцию к поляризации послеоктябрьской политической и культурной жизни, а другие, в том числе Горький и Луначарский, выступали против «полутонов» в театре, стремясь сделать пьесы более доступными и однозначным для зрителей [Кларк 2018: 181]¹⁰⁹.

Однако на данном этапе эта тенденция к поляризации не предполагала выбора за или против большевиков как таковых. В «Мистерии-буфф» не было большевиков, но не потому, как полагает фон Гельдерн, что она была задумана до октября 1917 года [von Geldern 1993: 63–64]. Ведь Маяковский писал ее большей частью в 1918 году, завершив незадолго до юбилейных торжеств. Да и вообще в это время было нормой писать про Октябрьскую революцию, не упоминая большевистскую партию. Вездесущая фигура рабочего, изображавшаяся на советских плакатах, стала явно *большевистской* только в 1920-е [Bonnell 1997: 27–28].

...И большевики

Нежелание большевистских лидеров прописать однозначную роль большевистской партии в Октябрьской революции контрастировало с тем центральным местом, которое отводилось ей в перевороте оппозиционной прессой. Это также несколько противоречило усилиям самих большевиков по созданию международного облика партии, где бы они выступали в качестве полноправных лидеров нового Коммунистического Интернационала (Коминтерна), созданного в марте 1919 года. Зиновьев, сильно обеспокоенный плохой узнаваемостью большевиков в России, утверждал (видимо, без иронии), что в международном

---

¹⁰⁹ О «народном» приеме пьесы, особенно о ее «недоступности», см. [Февральский 1971: 66 и далее].

плане «правда, теперь, “большевизм” стало почетным словом, ибо, когда Карл Либкнехт вышел на волю, он послал первую свою телеграмму большевикам, а не меньшевикам. Теперь уже говорят о мирном большевизме»¹¹⁰. На иностранное признание (и, надо сказать, критику) большевизма режим часто ссылался, когда пытался заявить о его жизнеспособности¹¹¹.

Однако в условиях все более поляризующегося общества времен Гражданской войны понятия «большевик» и «коммунист» обретали все большую определенность, поскольку призывы новой власти становились день ото дня все более бескомпромиссными. Празднование годовщины 1918 года ознаменовало год «лихорадочной борьбы... с темнотой в низах, не понимавших своей собственной выгоды, с безразличием уставших от трехлетней бойни и постоянных лишений товарищей»¹¹². При этом объектом призывов к самоотверженности были, как правило, не бывшие революционные конкуренты, такие как меньшевики или эсеры¹¹³, а все еще не до конца определившиеся в своих политических симпатиях «народные массы». Беспартийные конференции были характерны для политической жизни масс вплоть до 1921 года, и на них часто высказывались пожелания всем парти-

¹¹⁰ Год пролетарской революции. 1918. 7 нояб.

¹¹¹ Петроградская правда. 1918. 22 сент.; Известия. 1918. 25 окт.

¹¹² Год пролетарской революции. 1918. 7 нояб. Автор обвинил тех, кто ранее выступал против нового революционного режима, в застарелой пустоте и недостаточной целеустремленности, что лучше всего иллюстрировалось их призывами во время выборов в Учредительное собрание выбрать «только, ради Бога, не большевика».

¹¹³ Просьбы небольшевистских радикалов (в том числе интернационалистов, революционных коммунистов, эсеров, меньшевиков и т. д.) в 1919–1920 годах о выделении средств на издание собственных газет и сборников статей, о разрешении выступать на массовых митингах и вести агитацию на фронте, о разрешении преподавать в МГУ рассматривались, а зачастую и отклонялись, на самом высоком уровне Коммунистической партии — в Политбюро (см. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 4. Л. 1–2; Д. 5. Л. 2; Д. 6. Л. 3; Д. 29. Л. 1; Д. 33. Л. 1–2; Д. 37. Л. 1–3; Д. 43. Л. 1; Д. 48. Л. 3; Д. 49. Л. 1; Д. 58. Л. 3; Д. 75. Л. 2; Д. 84. Л. 1; Д. 85. Д. 88. Л. 3; Д. 89. Л. 3; Д. 108. Л. 2; Д. 125. Л. 2).

ям объединиться в интересах рабочего класса¹¹⁴. Беспартийные считались людьми с менее запятнанным революционным авторитетом, чем те, кто в то или иное время был приверженцем одной из оппозиционных радикальных партий. В редакционной статье «Петроградской правды» в сентябре 1918 года среди беспартийных была выделена категория «сочувствующих». Эти люди не просто руководствовались убеждением, что «против нас идти опасно, и с нами быть — опасно», но и должны были на деле поддерживать революцию, поскольку в противном случае «Октябрьская революция была бы авантюрой»¹¹⁵. Стихотворения, появившиеся в прессе в 1918 году, призывали население не сомневаться, не быть слабовольными: «О, знаю! тяжкое сомненье / На сердце черною змеей / Тебя терзает»¹¹⁶. Пришло время выбирать, — обращается к «колеблющимся» другое стихотворение: «Не может быть средь боя беспартийных, / Где в смертной схватке бьется ратью рать»¹¹⁷.

Год спустя лидеры большевистской партии, возможно, несколько удивленные, что им все еще удалось удержаться у власти, и ободренные успехами в Гражданской войне, стали более открыто продвигать свою идеологическую программу, теперь уже прямо ссылаясь на победы *большевиков*. Большевистские газеты часто цитировали враждебные сообщения иностранной прессы о неспособности держав Антанты остановить «эпидемически распространяющееся влияние» большевизма¹¹⁸. Объявленный к октябрьским праздникам «День раненого красноармейца» предполагал явное отождествление красноармейцев с коммунистами¹¹⁹. Успехи, до-

¹¹⁴ О политической пассивности и преобладании беспартийных настроений на заводах и фабриках Петрограда в 1917–1921 годах см. [Яров 1999а: 6, 53–55, 62; Яров 1999б: 24, 86–88; Левина 1965: 30–56].

¹¹⁵ Петроградская правда. 1918. 21 сент.

¹¹⁶ Там же. 1918. 29 сент. См. также [Потемкин 1918: 18; Королев 1918: 23].

¹¹⁷ Красная газета. 1918. 30 нояб.

¹¹⁸ Петроградская правда. 1919. 1 нояб.

¹¹⁹ Правда. 1919. 4 нояб. Курсив наш. — Ф. К. В этом же ключе см.: Правда. 1919. 2, 11 нояб. Народный рассказ об образцовом мужестве и отваге красноармейцев-коммунистов во время атаки на Юденича см. в «Петроградской

стигнутые в стране сетью Советов за последние два года, теперь однозначно связывались с Коммунистической партией. Неуклонно растущий процент большевиков на съездах Советов с октября 1917 года, утверждали «Известия», свидетельствует о том, что «советское строительство *все время* находилось под руководством Российской коммунистической партии»¹²⁰. Быть «беспартийным» перестало означать просто быть непричастным. Беспартийность все чаще представлялась как угроза Октябрьской революции. «В советской прессе, — писал в своих воспоминаниях об этом периоде Андрей Терне, — постоянно встречаются указания на то, что отсутствие политических убеждений есть абсурд. Каждого гражданина Советской России коммунисты хотят втянуть в занятия политикой» [Терне 1922: 64]. Терне имел в виду, что подавляющее большинство людей в эти годы не причисляли себя ни к одной из политических партий. Тем не менее в годы Гражданской войны беспартийность стала означать приверженность врагу. ««Будь беспартийным!» — говорят наши враги рабочим, — писал Зиновьев. — Будь беспартийным — стой в стороне, не разбирайся в той борьбе, которая сейчас разделила весь мир на белых и красных. Не поддерживай коммунистов... Будь ни теплый, ни холодный»¹²¹. Объявляя 7 ноября 1919 года о начале недельной вербовки, «организация коммунистов-большевиков» г. Екатеринбург обратилась

правде» от 7 декабря 1919 года. Кроме того, красноармеец и коммунист прямо связаны в статье о всплеске популярной поэзии как признаке «революции в сознании» после октября 1917 года: одно из таких стихотворений написал красноармеец под псевдонимом «Коммунист», «очевидно гордящийся этим своим, вероятно, недавно приобретенным званием» (Уральский рабочий. 1919. 7 нояб.).

¹²⁰ Известия. 1919. 6 нояб. Автор добавил, что по партийной принадлежности большевики — члены исполкомов распределялись следующим образом: 4 % имели историю в партии до 1905 года, 18 % работали в подполье с 1905 по 1917 год, 14 % вступили в партию после февраля, но до октября 1917 года, 65 % — после октября. Аналогичную связь удаче профсоюзов с партией см. в «Петроградской правде» от 7 ноября 1919 года. Для сравнения: в брошюре, посвященной достижениям трех лет после октября 1917 года, партия почти не упоминается [Невский 1920].

¹²¹ Правда. 1919. 14 окт.

ко всем «беспартийным трудящимся массам» с призывом подумать «серьезно и глубоко о том, что такое партия коммунистов, за что она борется», отдельно выделив красноармейцев, которые «много и много раз... хоть мимолетно» задумывались над этими вопросами¹²². Беспартийным предстояло решить вопрос уже не о вере в революцию, а о вступлении в ряды Коммунистической партии: «Петроградские рабочие знают, что в случае победы враг [белые] не будет делать различия между рабочими и коммунистами, они понимают, что он будет вешать всех, у кого мозолистые руки, и они спешат в ряды своей партии»¹²³. В ноябре 1919 года в прессе появились воспоминания вновь вступивших в партию рабочих¹²⁴. Точно так же «примитивные и малограмотные» стихотворения, наводнившие прессу в это время, предлагались в качестве доказательства спонтанного, хотя и плохо сформулированного желания рабочих вступить в партию¹²⁵. К последним неделям 1919 года пространство для неопределившихся постепенно исчезало: «Ты должен твердо знать, / С кем хочешь рядом стать»¹²⁶.

---

¹²² Уральский рабочий. 1919. 7 нояб.

¹²³ Петроградская правда. 1919. 30 окт. См. также [Минин 1919]. Подобные обращения к беспартийным включали в себя даже «евангельских христиан», которых в Петрограде насчитывалось несколько тысяч и которых большевики называли «сектантами-коммунистами» (Петроградская правда. 1919. 11 нояб.).

¹²⁴ Правда. 1919. 6 нояб.

¹²⁵ Уральский рабочий. 1919. 7 нояб.

¹²⁶ Там же. Аналогичное отношение см. в «Правде» от 31 октября и 7 ноября 1919 года.

Глава 3

Апофеоз Октября

И свергнут тирании древний оплот.
Свобода завоевана! Победные песни,
Шум великих разрушений и внезапное зарево:
Это огонь победоносно врывается в дрожащие небеса.
Руперт Брук. Бастилия, 1905

Зимой 1919–1920 годов Красная армия одержала значительные победы над силами белых, и казалось, что наступление весны в России ознаменует также окончание Гражданской войны. Однако если непосредственная угроза Октябрю со стороны белых войск и белой пропаганды, казалось, ослабла, то проблема, связанная с социальными лишениями и страданиями жителей Советской России, представлялась многим большевикам как никогда острой. Такие опасения угрожали целостности большевистской партии и большевистской идентичности внутри самой партии.

«Есть такая партия!»

Разумеется, разногласия и даже организованное диссидентство не были новостью для высших эшелонов большевистской партии. В 1918 году группа левых коммунистов, в которую входили такие известные большевики, как Николай Бухарин, Андрей Бубнов, Александра Коллонтай и Евгений Преображенский, подвергла критике решение партии заключить Брест-Литовский мир с Германией вместо того, чтобы вести революционную войну. Так на основе недовольства использованием военных специалистов в Красной армии, а также других военных вопросов возникла

военная оппозиция, в которую входили некоторые из этих левых коммунистов¹. По мере того как конкретный повод для недовольства терял свою актуальность, а выделившаяся группа потеряла поддержку внутри партии, разногласия сходили на нет.

Однако в течение 1920 года критика со стороны демократических централистов и рабочей оппозиции стала все чаще сосредоточиваться на роли партии в революции и отношения партии к рабочим, от имени которых она якобы действовала. На IX съезде партии в марте 1920 года они выступили за создание независимых профсоюзов как лучшей защиты экономических прав трудящихся в советском государстве. Для Ленина, как и для многих других, сама идея отделения политической власти от экономической была абсурдом, наследием царской системы. Кроме того, отделение власти предполагало глубокое недоверие к способности партии подготовить рабочих к управлению экономикой в долгосрочной перспективе и контролировать управление ею в краткосрочной. Это недоверие в сочетании с критикой бюрократизированного и авторитарного стиля руководства партией (и поправлением демократических процедур на местах) создавало образ партии, который отчаянно расходился с устремлениями ее лидеров². Несколькими месяцами позже, на девятой партийной конференции, ЦК уделил особое внимание конфликтам и трениям, вызванным кажущимися нарушениями в общении между руководящими верхами и рядовыми членами партии. Лидеры коммунистов были глубоко обеспокоены тем, что партия не имела существенной, надежной и правильно подготовленной базы поддержки на местах [Девятая конференция... 1972: 139–167].

К 1920 году большинство членов партийного руководства убедились в *острой* необходимости более четкого определения партии, в частности, ее исторических заслуг и революционной генеалогии. До этого момента подобные призывы носили эпизодический характер. С рвением неопита Троцкий опубликовал в 1918 году брошюру «Октябрьская революция», в которой не

¹ См. об этом [Schapiro 1966: 108–110, 235–252; Bettelheim 1976: 156–159].

² Подробнее об этих внутрипартийных конфликтах см. [Daniels 1960: гл. 4–5].

стеснялся подчеркивать решающую роль в событиях Октября хорошо организованной большевистской партии. Он написал брошюру, опасаясь, что хитросплетения событий будут забыты их участниками, а также потому, что до октября 1917 года весь аппарат буржуазной прессы был движим одной идеей — «сделать большевиков невозможными, как политическую партию» [Троцкий 1924–1927, 3: 257, 263–264]³. Большевикам со стажем, наверное, было неприятно читать о дореволюционной деятельности «нашей партии» и частых обращениях к «нам, большевикам» от выскочки, вступившего в их партию лишь незадолго до октября 1917 года и сделавшего политическую карьеру, в которой он чаще всего ставил себя выше всех политических партий и фракций [Там же: 259]⁴. Их не привлекла бы и его критика того, что он назвал «выжидательным настроением... на верхах нашей партии» накануне Октября [Там же: 275]. Вместо этого Троцкий проследил процесс самореализации большевистской партии во второй половине 1917 года. Июньские демонстрации рабочих, подхватившие большевистские лозунги, подчеркнул он, показали «не только нашим врагам, но и нам самим, что мы в Петрограде гораздо сильнее, чем предполагали» [Там же: 265]. Партия большевиков, по его мнению, выгодно отличалась от «бесформенности» партии социалистов-революционеров и политически проницательных, но организационно слабых меньшевиков до Октября [Там же: 288].

«Азбука коммунизма», написанная Николаем Бухариным и Евгением Преображенским в 1919 году, представляла собой более общедоступную попытку партии определить себя как ключевую силу в истории. В трактате, написанном как комментарий к новой партийной программе, принятой на VIII съезде в марте 1919 года, показывалась последовательность партии: «Наша партия первой выставила и провела в жизнь требование Советской власти» [Буха-

³ Брошюра была вскоре переведена и опубликована западными социалистами: [Trotzky 1919].

⁴ В эмиграции Троцкий посвятил значительную часть своей публицистической энергии агитации среди рабочих внутри России. Аналогичным образом его Межрайонная организация (Межрайонка), существовавшая в 1913–1917 годах, была призвана преодолеть разрыв между верхами и низами.

рин, Преображенский 1920: 130]. Однако читатель не найдет в «Азбуке коммунизма» никаких доказательств последовательной и независимой дореволюционной эволюции большевистской партии. Вместо этого авторы открыли свой том историческим очерком, в котором отметили отсутствие «точной программы, записанной на бумаге», и прокомментировали общие корни большевиков и меньшевиков вплоть до их раскола в 1903 году. Возможно, проницательному читателю даже могло показаться, что они оправдываются перед лицом обвинений меньшевиков в том, что их новая программа представляет собой отказ от старой [Там же: 10].

Единственное и наиболее однозначное представление о партии большевиков (и большевизме) как теоретическом и организационном двигателе Октябрьской революции вышло из-под пера Ленина в 1920 году. В работе «Детская болезнь “левизны” в коммунизме», распространенной на II конгрессе Коминтерна в июле 1920 года, Ленин нарисовал протоимифическую картину большевистской партии времен Гражданской войны как образцовой организации, отличавшейся тесной связью вождей с массами и руководимой политическим авангардом, имеющим последовательное и ясное представление о своей политической стратегии и тактике. Непременным условием такой организации было убеждение «самой широкой массы... *собственным опытом*» (курсив Ленина) в правильности политического руководства. Верность партии, таким образом, предполагала как понимание правоты общего дела, так и отождествление с ним. Ленин относил большевизм «как течение политической мысли и как политическую партию» к 1903 году, но отметил, что опыт партии опирался на «гранитную теоретическую базу» марксистской революционной теории, сложившейся в 1840–1890-е годы. Он пересказал российский революционный опыт как историю «беспощадной борьбы с мелкобуржуазной, полуанархической... революционностью, каковая традиция имела всегда у революционной социал-демократии» [Ленин 1967–1975, 41: 15]⁵. Он пересказал европейский революционный опыт с точки

⁵ Ср. неумолимое развитие большевистской партии по определенным этапам с 1902 по 1917 год в работе Г. Зиновьева «В. И. Ленин и наша партия», опубликованной в «Петроградской правде» от 23 апреля 1920 года.

зрения отсутствия такой борьбы. Некогда прославленное германское социал-демократическое движение — о котором Троцкий впоследствии говорил как о «матери, наставнице и живом образце» для русских социал-демократов в эмиграции [Троцкий 1991: 209], — теперь подвергалось критике за неспособность создать партию, «которая нужна революционному пролетариату, чтобы он мог победить» [Ленин 1967–1975, 41: 16]. Так Ленин начал всерьез переписывать историю революционного прошлого России, в которой европейская и русская социал-демократия нашли свое воплощение в большевизме⁶. Неоспоримый политический статус Ленина в Советской России и процесс его мифологизации как «вождя», начавшийся после неудавшегося покушения 30 августа 1918 года, обеспечили его голосу особый резонанс [Тумаркин 1997: глава 3].

Однако на тот момент эти фрагментарные и явно большевистские устремления еще не определяли октябрьский нарратив полностью. Партию по-прежнему беспокоили негативные образы коммунистов и большевиков, типичный представитель которых в одной из брошюр 1920 года описывался как «темный и малосознательный рабочий или крестьянин». «Куда идти беспартийному?» — спрашивала брошюра, и отвечала, что «между ним [беспартийным] и коммунистами нет никакой разницы» [Ходоровский 1920: 20, 28]⁷. Притчеобразные рассказы о вступлении рабочих и работниц в партию стали характерны для официальной прессы⁸, как и заверения в том, что большевиков уже нельзя свергнуть силой оружия⁹.

⁶ Это переписывание означало переоценку Парижской коммуны, неудача которой теперь объяснялась отсутствием сильной руководящей партии (т. е. такой, как партия большевиков). См., например, специальный выпуск, посвященный Парижской коммуне: Красноармеец. 1920. № 36–38.

⁷ См. также «Правду» от 24 и 26 декабря 1920 года.

⁸ Петроградская правда. 1920. 14 нояб.; Там же. 1920. 23 нояб.; Правда. 1920. 21 нояб.; Там же. 1920. 19 дек. Даже неоспоримый моральный авторитет начала XX века, Л. Н. Толстой, по уверению «Известий», заявил «себя горячим сторонником коммунизма» в письме в поддержку духоборов — гонимой русской религиозной секты, которая бежала в Канаду в конце XIX века и «при царском режиме воплотила в своей жизни коммунизм» (Известия. 1920. 24 нояб.).

⁹ В официальной прессе публиковались враждебные сообщения иностранных газет, свидетельствующие об этом (см.: Известия. 1920. 6 нояб.).

Бастилия для Октября

Таким образом, в конце 1920 года в основе центрального советского нарратива по-прежнему лежали *революционные* фантазии, а не конкретно большевистские устремления. Третья годовщина Октября дала властям возможность приукрасить истории своих военных побед и подчеркнуть неизбежность светлого коммунистического будущего, вместо того чтобы вспоминать о тяготах Гражданской войны. Пресса отмечала успехи в экономике (в частности, в продовольственном и транспортном секторах), в здравоохранении, образовании, и даже ослабление былой враждебности со стороны некоторых социальных групп¹⁰. Этот «святой праздник» был посвящен «нашим красным страдальцам» революции и Гражданской войны¹¹. Осажденный Октябрь уступил место Октябрю победоносному.

Революционные художники оживили праздник на улицах Петрограда с невиданным ранее размахом и грандиозностью. Массовые зрелища — плод экспериментов красноармейцев и театральных мастерских Пролеткульта — уже проводились в городе годом ранее¹². В 1920 году празднование третьей годовщины стало возможным благодаря неожиданному союзу беспрецедентной государственной поддержки и безудержных творческих инстинктов выдающихся деятелей русского искусства. Массовые зрелища были революционными, а не большевистскими праздниками, и от их организаторов не требовалось предъявления партийных документов. Более того, некоторые художники рассматривали слабо выраженный большевизм 1917–1919 годов лишь как предварительный этап на пути к «революции духа» [Auscouturier 1984: 18]. Но все они были вдохновлены драматизмом и страстью революции. Юрий Анненков, Николай

¹⁰ Известия. 1920. 6 нояб.; Там же. 1920. 7 нояб.; Правда. 1920. 7 нояб.; Там же. 1920. 29 окт.; Известия. 1920. 6 нояб.

¹¹ Известия. 1920. 3 нояб.

¹² В марте 1919 года в Петрограде театральная группа Красной Армии поставила спектакль «Падение самодержавия», который в течение последующих семи месяцев был показан 250 раз на разных площадках города [Stites 1989: 94].

Евреинов, Сергей Радлов, Владимир Соловьев, Адриан Пиотровский, Александр Кугель, Софья Масловская, Владимир Щуко, Гуго Варлих и Николай Петров поставили на службу советскому государству свой немалый художественный талант и опыт дореволюционной работы в экспериментальном театре, кабаре и музыке. Своей программой «Театральный Октябрь» радикальные художники (среди них Всеволод Мейерхольд и пролеткультовцы) объявили традиционный театр новым фронтом Гражданской войны и стремились изобрести новые драматические формы взамен старых. Хотя не все радикальные художники придерживались единого подхода, их объединяла общая цель — существенно изменить общественное сознание с помощью нового театра¹³. Они использовали театр не для изображения или отражения революционных событий дня, а как активного участника строительства истории Октября. Подобно «красным похоронам» и более ранним юбилейным демонстрациям, массовые театрализованные зрелища были попыткой не только отразить суть более широкого революционного повествования в одном знаковом представлении, но и представить революцию, по словам Кларк, не только политическим, но и эстетическим и политически-социальным переворотом. Целью организаторов было буквально создание новых зрителей — и новых граждан [Кларк 2018: 188–207].

Эти массовые постановки использовали в том числе идеи теоретика Платона Керженцева, видного деятеля Пролеткульта, изложенные им в книге «Творческий театр»: целью их было взорвать традиционные театральные пространства и практики и привнести политику в драматургию. Керженцев буквально вывел спектакль на улицы, заменив традиционные труппы профессиональных актеров подготовленными любителями. В своих представлениях он не пытался в буквальном смысле воспроизвести события октября 1917 года, а скорее дал свою революци-

---

¹³ О разнонаправленных тенденциях в творчестве этих радикальных художников см. [Kleberg 1984: 57–70; Cassiday 2000: 10–19]. Об ограничениях «Театрального Октября» см. [Rudnitsky 1988: 59–64].

онную интерпретацию царившего вокруг хаоса. Разрушая традиционные границы между исполнителем и зрителем, Керженцев стремился поколебать пассивную роль зрителей и открыть им возможность личного восприятия Октября. Вдохновленные работой Ромена Роллана по созданию «народного театра», художники, подобные Керженцеву, считали, что этот новый театр наиболее важен с точки зрения общих эмоций, которые он может вызвать у публики [Leach 1994: 23]. Такие художники пытались передать возможности коллективного революционного действия и ощущение динамизма, драматизма и растущей самоотдачи, которых требовало от населения новое революционное государство. Таким образом, их цели совпадали с целями государства, обозначенными Луначарским в октябре 1920 года: «распространять революционный образ мыслей, чувствований и действий во всей стране» [Луначарский 1920].

Даже если речь шла об эпизодах далекого прошлого, массовые зрелища всегда были так или иначе связаны с Октябрьской революцией [Мазаев 1978: 329]. Развитию нарратива Октябрьской революции особенно способствовали три таких массовых мероприятия, организаторы которых стремились эстетизировать революционный опыт. Два из них были проведены на месте бывшего здания Биржи на Васильевском острове в Петрограде¹⁴. Первого мая 1920 года две тысячи человек, за которыми на площади перед Биржей наблюдали около 35 тысяч зрителей, приняли участие в представлении под названием «Гимн освобождения труда — мистерия» под руководством Ю. П. Анненкова, А. Р. Кугеля и С. Д. Масловской. 19 июля вдвое больше участников были задействованы в еще более амбициозном спектакле «К мировой коммуне», приуроченном ко Второму конгрессу Коминтерна. В спектакле, поставленном Н. В. Петровым, С. Э. Радловым, К. А. Марджановым и др. и собравшем 45 тысяч зрителей, высшие классы — угнетатели — располагались на верхней площадке биржи с колоннами, а низшие классы — угнетенные — занимали

¹⁴ Творческие прочтения этих мероприятий см. в [Deák 1975: 8–15; von Geldern 1993: 156–163; Кларк 2018: 188–218].

площадь под ней. Местом действия служили разделяющие их ступени, по которым поднимались массы в стихийном акте революции.

Как видно из сценариев, спектакли были призваны реконструировать (а на деле — создать заново) историческую генеалогию Октябрьской революции. «Мистерия» создавала ощущение неумолимости революции благодаря последовательности исторических сцен, изображавших сначала восстание римских рабов под руководством Спартака, затем — крестьян под руководством Степана Разина и, наконец, — Октябрьскую революцию, свершенную силами рабочих¹⁵. «К мировой коммуне» представляла русскую коммуну как окончательное воплощение обещаний Парижской коммуны. Небольшая часть парижских рабочих, организовавших обреченную на провал Парижскую коммуну, потерпела неудачу из-за отсутствия поддержки со стороны рабочих других стран. Инсценировка Радлова стала аллегорией пробуждения рабочих всего мира к собственным интересам, — пробуждение, которое было замедлено действиями лидеров Второго Интернационала, поддержавших мировую войну и тем самым расколовших мировой пролетариат. Российская коммуна 1917 года позволила сознательным рабочим увидеть, что их прежние лидеры заблуждаются, и создать Третий Интернационал, отражавший их истинные интересы и открывающий путь к «мировой коммуне».

Общим и основным мотивом этих зрелищ стал штурм — самый мощный символ из иконографического репертуара рассказчиков Французской революции. До этого момента художники и пропагандисты чаще всего использовали образ революционного штурма для изображения осажденной России, рабочих и крестьян, нашедших укрытие в крепости¹⁶. В массовых представлениях

¹⁵ Сценарии «Мистерии» и «Коммуны» перепечатаны соответственно в [Юфит 1968: 263–264] и [История... 1933: 272–275].

¹⁶ На плакатах фабрика (или даже советское государство) часто изображалась в виде крепости с зубчатыми башнями, иногда в объятиях змеи империализма или под ударами иностранных держав, голода или грабежа (см. [По-

1920-х годов штурм стал главным событием в нарративе Октября, способным одновременно передать страсть и драматизм коллективных революционных действий. И действительно, как отмечал один из современников, здание Биржи было выбрано местом проведения «Мистерии» именно из-за широких ступеней, которые «свободно вместили толпы угнетенных и восставших рабов»¹⁷ и предоставляли огромные возможности для действия. Римские рабы, русские крестьяне, парижские коммунары — все штурмовали эти ступени, но только рабочие и солдаты Октябрьской революции добились успеха, поднявшись по ним в царство мира, свободы, радостного труда и всемирной коммуны. Театрализованные штурмы были, пожалуй, самым эффективным способом донесения до зрителей идеи общности, заложенной в этих зрелищах. Отдельный актер был здесь практически незаметен, вписан в широкие социальные категории (правители, угнетатели, буржуазия, против которой выступают рабы, рабочие, солдаты), которые двигали действие — и всю историю.

Взятие Зимнего дворца

Намного более значительную роль в создании образа русской Бастилии сыграло зрелище, затмившее все предыдущие попытки и названное прессой «апофеозом — торжественным увенчанием трехлетия власти Советов»¹⁸. По замыслу организаторов, амбициозное «Взятие Зимнего дворца», состоявшееся 8 ноября 1920 года, должно было стать «всеобъемлющим событием» Октября, сведением всего революционного повествования к эмо-

---

лонский 1924: 34, 38, 40, 48, 134; Бабурина 1984: плакаты 19, 28, 37; White 1988: 45, 44]; ср. со штурмом «желтой крепости» Московского союза печатников, необходимым для превращения его в революционный союз (Правда. 1920. 7 нояб.). Редкое упоминание Зимнего дворца как Бастилии капитализма можно найти в стихотворении, помещенном внизу одного плаката 1920 года [Бабурина 1984: плакат 15].

¹⁷ Жизнь искусства. 1920. № 442. 4 мая.

¹⁸ Петроградская правда. 1920. 31 окт.

циональному и ясному символу¹⁹. Представление было разыграно во дворце и вокруг него с участием до восьми тысяч артистов и 100 тысяч зрителей²⁰. Мероприятие открывало широкие возможности для коллективного действия: целая группа режиссеров (в том числе Евреинов, Кутель, Петров и К. С. Державин), декорации и костюмы от художника Анненкова, музыка Г. Варлиха и оркестр из 500 человек.

Режиссеры с самого начала заявили, что театру «не свойственны... задачи протоколиста истории» [Юфит 1968: 272]. Напротив, «Взятие Зимнего» должно было открыть великую истину, сосредоточить в одном знаковом событии основные качества Октябрьской революции. Евреинов чувствовал «радостную необходимость вспомнить всенародно об этом знаменательном событии в ярких и убедительно наглядных формах» — событию, которое «знаменует падение старой революционной власти... и начало новой»²¹. Он разместил в газетах объявления о привлечении к участию в ключевых сценах «по возможности... действительных участников Октябрьского штурма», а также инвалидов Первой мировой войны. Режиссер обещал максимально правдоподобно воспроизвести это «памятное событие» и инсценировать прошлое «до полной иллюзии». Несмотря на обещания, «театр воспоминаний» Евреинова был в значительной степени трансляцией его собственного мнемонического представления об Октябре для зрителей, а задача состояла в том, чтобы зрители прожили его видение как часть *своей* памяти. В своей работе «Театр для себя» (1915–1917) Евреинов писал: «В своем “театре для себя” я с наслаждением ему доказываю, что доколе я жив, — дотоле ничто не умрет для меня! ничто *не может* умереть в границах моего

¹⁹ Термин «тотальное событие» был введен Люсебринком и Райхардтом применительно к Французской революции [Lüsebrink, Reichardt 1983: 77–102]. Отметим, что одна из газет назвала это зрелище «осадой Зимнего дворца» (Жизнь искусства. 1920. № 562–563. 21–22 сент.).

²⁰ Наиболее творческое прочтение этого зрелища можно найти в [Deák 1975: 15–21; von Geldern 1993: 199–207, 122–124; Leach 1994: 46–50]. См. также воспоминания Юрия Анненкова [Анненков 1966: 118–128].

²¹ Красный милиционер. 1920. № 14.

хотенья, в границах силы моей памяти, в границах магии моего преображающего духа!» [Евреинов 2002: 401]. Впервые в рассказе об Октябре Зимний дворец стал главным пространственным и тематическим локусом или, по выражению Петрова, «гигантским актером» в этой драме:

Режиссеру нужно было сделать так, чтобы заговорили камни, чтобы зритель почувствовал, что совершается там, внутри, за этими холодными и красными стенами. И мы разрешили эту проблему оригинальным способом, применив метод кинематографический, каждое из 50 окон 2-го этажа своими миганиями будет показывать тот или иной момент развития внутренней борьбы²².

Представление сопровождалось эмоционально заряженной музыкой, при этом Державин отмечал, что «смысловое значение слова в массовом театре равняется нулю <...> Массовый театр знаком только лишь со звуковой стороной речи и с шумовым содержанием своих эффектов»²³. Анонс спектакля «приглашал» зрителей присоединиться к хоровому пению «Интернационала» по окончании штурма²⁴.

Представление проходило на площади Урицкого (бывшая Дворцовая) и частично в самом дворце поздно вечером 8 ноября. Напротив дворца в полукруге, образованном зданиями Главного штаба, были установлены две огромные платформы — красная и белая. Зрители заняли место в центре площади. На красной платформе находился пролетариат, на белой — Временное правительство. Обе платформы были соединены арочным мостом, на котором в разные моменты спектакля сходились в бою два лагеря. Белой сценой заведовали Кугель и Державин, красной — Петров, а третьей «сценой» — Зимним дворцом с 62 гигантскими окнами второго этажа — Евреинов. Действие началось с Июль-

²² Жизнь искусства. 1920. № 596–597. 30–31 окт.

²³ Державин К. Масса как таковая (По поводу инсценировки «Взятие Зимнего дворца») // Жизнь искусства. 1920. № 607. 12 нояб.

²⁴ Петроградская правда. 1920. 7 нояб.

ских дней и закончилось символическим штурмом дворца. Как и в предыдущих массовых представлениях, большевики здесь в основном отсутствовали: они упоминались лишь в связи с провальной попыткой повести массы против правительства в июле, после чего рабочие «организовались самостоятельно» и взяли Зимний дворец в октябре²⁵.

Тема коллективного действия повторялась на каждом этапе и в каждой сцене спектакля. История «Взятия Зимнего» рассказывалась не только через содержание и структуру самого спектакля, но и предварялась объявлениями о предстоящем представлении и резюмировалась в его описаниях после. «Жизнь искусства» сообщала, что в создании спектакля участвовал «коллективный автор» в лице десяти человек из Петрограда, которые «работали чрезвычайно единодушно и увлеченно: не было заметно никаких трений, никакой борьбы самолюбия. Мысль одного товарища подталкивала мысль другого, развивала и украшала ее. В результате появилось грандиозное задание»²⁶. В одной короткой заметке сообщалось, что Евреинов говорил участникам репетиций, которые шли днем и ночью в Зимнем дворце, что они «части коллективного актера»²⁷.

Главное, спектакль должен был дать «массе» представление о том, что она не является праздной толпой. Движения массовых групп участников спектакля, писал Державин, должны были создать «у зрителей впечатление мощного организма плотной и насыщенной толпы»²⁸. Еще до «Взятия Зимнего» Луначарский оценивал подобные массовые зрелища по тому, насколько они

---

²⁵ Петроградская правда. 1920. 10 нояб. К середине 1920-х годов спектакль был переведен на откровенно большевистские рельсы. Белая и красная сцены теперь олицетворяли «режим Керенского» и «большевизм», а «большевизация масс» определялась как важнейший инструмент в осуществлении Октября (Державин К. Н. «Взятие Зимнего дворца» в 1920 г. // Советский театр. 1925. № 274. 7–10 нояб.).

²⁶ Державин К. Масса как таковая (По поводу инсценировки «Взятие Зимнего дворца»).

²⁷ Петроградская правда. 1920. 4 нояб.

²⁸ Жизнь искусства. 1920. № 607. 12 нояб.

позволяют зрителям воспринимать себя частью истории: «Для того чтобы почувствовать себя, массы должны внешне проявить себя, а это возможно только когда... они сами являются для себя зрелищем». Луначарский надеялся, что «организованные массы», участвующие в таких масштабных представлениях, привлекут «остальные, неорганизованные массы», наблюдающие со стороны, и тогда «весь народ демонстрирует сам перед собой свою душу» [Луначарский 1981: 84]. В отзывах о спектакле отмечался желаемый эффект в аудитории: «Зрители наэлектризованы, еще момент, и, кажется, толпа вырвется за ограду и вместе с автомобилями и толпами солдат и рабочих бросится на приступ последней твердыни ненавистной керенщины» [Юфит 1968: 273]. Массовые сцены на красной половине резко контрастировали с гораздо более индивидуализированными сценами на белой. В частности, Керенский был одной из немногих узнаваемых личностей: он занимал самый высокий помост на сцене и, по некоторым данным, управлял членами Временного правительства, как марионетками на ниточках [Deák 1975: 21]. Он олицетворял собой изолированный и элитарный характер власти Временного правительства, а неестественная жестикация в момент произнесения речей передавала отчаянное бессилие его положения. Финальное бегство из дворца в женской одежде символизировало его окончательную демаскулинизацию.

В начале спектакля Временное правительство, находящееся «на вершине своей славы» в начале 1917 года, противопоставлялось «царству полной дезорганизованности» красных. Однако по мере того как рабочие массы начали организовываться, страх и нерешительность овладели Временным правительством, которое в конце концов скрывалось в стенах Зимнего дворца²⁹. В первой части представления ярко освещенная белая платформа представляла собой картину решительной организованности: громко и четко звучала «Марсельеза» — гимн Временного правительства. На красной платформе в глаза бросалась растерянность солдат и рабочих, их утомительный путь домой сопрово-

²⁹ Петроградская правда. 1920. 7 нояб.

Рис. 5. Сценические декорации к «Взятию Зимнего дворца»
Н. Н. Евреинова, 7 ноября 1920 года (предоставлено
Государственным центральным музеем современной истории России)

ждался нерешительными строфами «Интернационала», гимна Парижской коммуны: «Еще несорганизовавшийся пролетариат напряженно прислушивается к стотысячному зрителю, ожидая от народа... совета или призыва к конечному действию. Но робок еще народ и не слышится из уст его нужного слова!»³⁰ По ходу представления «умы и сердца» масс были завоеваны коммунистическими идеями при посредничестве «агитаторов», и массы перешли на сторону рабочих³¹. С этого момента белая платформа превратилась в образец хаотичного, беспорядочного движения под нестройное исполнение «Марсельезы», в то время как красная платформа олицетворяла революционную слаженность: на ней

³⁰ Красный милиционер. 1920. № 4.

³¹ Петроградская правда. 1920. 17 окт. См. также [Юфит 1968: 273].

Рис. 6. Взятие Зимнего дворца, 7 ноября 1920 года (предоставлено Государственным центральным музеем современной истории России)

рабочие и солдаты сходились к большому красному флагу, чтобы присоединиться к хоровому исполнению «Интернационала». Описание Евреиновым драматического финального штурма оказало огромное влияние на тон последующих представлений о спектакле:

Из-под арки Главного Штаба ринулись броневики и вся красная гвардия тогдашнего Петрограда! С Мойки Павловцы! С Адмиралтейского Проезда вооруженные матросы — «краса и гордость Революции», как назвал их тогда т. Троцкий. Их общее устремление, их единая цель — Зимний Дворец! Из-под ворот этой осажденной крепости слышится теперь гул выдвигаемых орудий! Юнкера маскируют их огромной поленицей, и начинается исторический бой, в котором принимает участие виднеющийся вдали красный

крейсер «Аврора». В освещенных окнах Зимнего Дворца силуэты сражающихся! — это красные быстрым натиском проникли внутрь дворца и обезоруживают, с боем, защитников призрачной власти! Трескотня пулеметов, выстрелы винтовок, грохот артиллерийских орудий — все смешалось в оглушительную симфонию решительного боя. Две-три минуты сплошного грохота уже кажутся вечностью слишком натянутым нервам³².

Попытка Евреинова создать новое взятие Бастилии явно была осознанной. Он уже использовал образы Французской революции в своих ранних работах, посвященных Февральской революции, и хвастался, что о масштабе «Взятия Зимнего» «могли только мечтать в Париже 14 июля 1790 года, на Празднике Федерации»³³. Однако, как показали Рольф Райхардт и Ханс-Юрген Люсебринк, «банальное, почти незначительное в военном отношении событие 14 июля 1789 года» в Париже стало символом и доминирующим образом в народном воображении Французской революции, потому что философы и писатели давно подготавливали его как «пророческое, “ожидаемое” событие», «предпосылку новой эры свободы». «Символ оправдывал, — пишут они, — и даже провоцировал символическое действие». После разрушения тюрьмы 14 июля 1789 года для исполнения пророчества будет использован широкий спектр графических, скульптурных, театральных и повествовательных приемов [Lüsebrink, Reichardt 1990: 78, 241, 37].

Взятие Зимнего дворца не было ожидаемым событием Октябрьской революции. Зимний дворец в 1917 году для русского народа не был символом угнетения, подобным Бастилии во Франции. Он никогда не служил тюрьмой ни в прямом, ни в пе-

---

³² Красный милиционер. 1920. № 14. Еще одно драматическое описание штурма оставил Артур Холичер [Holitscher 1921: 130–132]. Его зарисовка и изложение Евреинова часто широко цитируются, предположительно в стремлении передать «присущий» оригиналу драматизм ([Carter 1924: особенно 106–109]; ср. [Deák 1975: 7–22]).

³³ Красный милиционер. 1920. № 14.

реносном смысле³⁴. Он не подвергался демонизации в радикальной прессе в течение предшествующих событий. После февраля 1917 года в нем разместилось Временное правительство, а уже в январе 1918 года новое большевистское правительство создало здесь Комиссию по охране памятников искусства и старины. Концентрированные военные действия в Зимнем дворце и вокруг него 25 и 26 октября 1917 года предоставили писателям, искавшим аналог Бастилии, возможно, лучший материал, однако он не был идеальным. После октябрьского захвата Зимний дворец превратился в символ политического бессилия всех сторон. Даже когда он стал сценой для евреиновского спектакля, сообщения в прессе оставались неоднозначными: Зимний продолжали использовать как символ бессилия, старого режима и сменившего его «буржуазного» правительства. В течение последующих трех-четырёх лет его способность менять символичность сохранялась: в залах дворца в разное время находились военнопленные из старой армии, делегаты съезда комитета бедноты с севера России, делегаты съезда работниц, дети дошкольного возраста, организаторы Первомайских праздников и т. д. [Суслов 1928: 62–63].

Если отзывы на «Взятие Зимнего» рассказывали о финальной сцене, в которой «восставший народ начинает атаку этого последнего оплота уже свергнутой власти»³⁵, то Евреинов описывал силуэтные сцены боя в ярко освещенных окнах дворца как борьбу с защитниками «призрачной власти». Ими, по его насмешливому замечанию, были «опереточный женский батальон» и «группа несчастных калек» (то есть раненых)³⁶. Структура и организация «Взятия Зимнего» также свидетельствовали об определенном недоверии к народным массам и их склонности

---

³⁴ Тем не менее один из очевидцев упоминает тюрьмы — «большие, красные, живописные сооружения с зарешеченными окнами», открывающие свои двери во время представления «Взятия Зимнего», чтобы выпустить большие толпы людей [Holitscher n.d.: 20].

³⁵ Петроградская правда. 1920. 7 нояб.

³⁶ Красный милиционер. 1920. № 14. Инвалиды были готовы отдать Керенскому «остатки сил» (Петроградская правда. 1920. 10 нояб.).

к слаженным действиям. Хотя в отзывах регулярно сообщалось, что спектакль был проведен «с участием больших масс», это было не совсем так³⁷. Постановка одновременно и ограничивала участие зрителей и вовлекала их в действие, начиная с символической социальной поляризации красной и белой платформ и заканчивая приравниванием активных масс к пролетариям: «Две стороны, два лагеря, два класса», как выразилась «Петроградская правда». Вход для зрителей был «свободным», но для прохода на сцены требовались специальные билеты, а передвигаться по площади во время представления было строго запрещено. Опасаясь массовой паники, пресса опубликовала предупреждения о стрельбе, заводских sireнах и отрядах вооруженных солдат, которые будут задействованы в представлении³⁸. Луначарский выступал за то, чтобы распределять в толпе зрителей профессиональных актеров для поднятия настроения в ключевые моменты представлений, и даже добавлял, что в этом отношении могло бы быть полезным и вино, хотя это потенциально привело бы к «безобразным последствиям» [Луначарский 1981: 87].

Луначарский в принципе сомневался в том, что массы, участвующие в этих представлениях, вообще способны к творчеству: «Никак нельзя ждать, чтобы толпа сама по себе могла создать что-нибудь, кроме веселого шума и пестрого колебания празднично разодетых людей» [Там же: 85]³⁹. И действительно, в статьях, посвященных массовым зрелищам, отмечалась огромная степень организации, контроля и синхронности, которых они

---

³⁷ Там же. 1920. 31 окт.

³⁸ Там же. 1920. 7 нояб.

³⁹ Ср. [Луначарский 1981: 118–119]. Еще один критик массовых зрелищ — Сергей Казакевич (Казакевич С. В масштабах открытого неба // Жизнь искусства. 1920. № 600/601. 5 нояб.). Другие выступали против какого-либо взаимодействия зрителя и актера, например, Радлов утверждал, что в театре зритель всегда «пассивен» (Радлов С. Массовые постановки // Жизнь искусства. 1920. № 536/537. 21–22 авг.). Ср. высказывания Рене Фюлопа-Миллера в 1926 году о массовых зрелищах: «Эти произведения созданы не пролетариями, а интеллигенцией и свидетельствуют лишь о том, какого плохого мнения большевистские вожди об уровне “массового человека”» [Fueoer-Miller 1965: 151].

требовали. Радлов выражал нескрываемое удовольствие от степени контроля, который он осуществлял над актерами одного из представлений на Бирже⁴⁰. Анненков вспоминал о «почти непреодолимых» технических трудностях, связанных с освещением и декорациями [Анненков 1966: 120–122]. Пиотровский же в статье «Петербургские празднества» высказывал мнение, что излишняя организованность подрывает главную цель зрелищ:

Весь вопрос в том, насколько *сознательно* действуют организованные для празднества массы. И здесь празднества 1920 года, несомненно, шли по ложному пути. Мобилизовать совершенно неподготовленные рабочие клубы, привести под командой воинские части, — и в неделю подготовить их к действию, — это действительно может привести к механичности, к *плац-параду*, убить живой дух празднеств [Пиотровский 2019, II: 18] (курсив наш. — Ф. К.).

Это была действительно жесткая критика. Для чего же проводились эти празднества, если не для того, чтобы передать «живой дух» революции?

Акт памяти, смысловой акт

Драматическое воплощение Октябрьской революции на сцене в первые три года предоставило сценарий, пусть и неполный, который позволил людям увидеть себя в роли актеров Октября. Собирая свидетельства очевидцев об основополагающем событии нового режима, власти обращались к устоявшимся представлениям о ценности очевидцев как непосредственного источника информации и убеждали самих очевидцев в их значимости для события, свидетелями которого они стали. Независимо от опасений по поводу объективности очевидца, отмечает Эндрю Ласс, «рассказ индивидуума ценится, так как он удостоверяет подлинность того, о чем повествует: событий в прошлом и их причин. Взгляд свидетеля — это также взгляд памяти» [Lass 1994: 91]. Как

⁴⁰ Цит. по: [Мазаев 1978: 343].

отмечал в 1919 году Николай Суханов, его воспоминания о 1917 годе — это «*личные воспоминания*, не больше. И пишу только то, что помню, только так, как помню. Эти записки — плод не размышления, и еще меньше *изучения*: они плод *памяти*» [Суханов 1991: 44] (курсив Суханова. — Ф. К.).

В первые дни после Октябрьского переворота газета «Социал-демократ» обратилась к населению с просьбой присылать списки убитых и раненых в боях в Москве, а также листовки и бюллетени, любую информацию о ходе боев в городе⁴¹. В ноябре 1918 года на первой полосе «Известий» появилось объявление, призывавшее всех «товарищей — участников Октябрьского переворота» присылать статьи, воспоминания, стихи и «материал, касающийся Октябрьской революции» для специального юбилейного номера⁴². Власти объявили о планах издать сборники воспоминаний об октябрьских днях большим тиражом за немалые деньги⁴³. Поощряя акты памяти об Октябре, власти помогали людям осознать себя современниками и участниками великих событий и поддерживали Октябрь в том состоянии, которое Пол Коннертон назвал «временем метафизического настоящего»⁴⁴.

Запись воспоминаний была инициирована верхушкой власти в столицах, но как индивидуальные смысловые акты эти воспоминания не стали менее достоверными и искренними. В наиболее драматическом театре памяти — «Взятии Зимнего дворца» в ноябре 1920 года — некоторые из участников оригинального штурма получили возможность пересмотреть свои действия в прошлом и представить их как действующие лица в связном и понятном повествовании, имеющем историческое значение. Драматические решения власти на каждом шагу давали понять, что все неуклонно движется к великим свершениям. В Петрогра-

⁴¹ Социал-демократ. 1917. 4 нояб.

⁴² Известия. 1918. 1 нояб.

⁴³ Издательский отдел Московского Совета предусматривал тираж одного такого сборника в 50 тысяч экземпляров при стоимости 400 тысяч рублей (Известия. 1918. № 240. 2 нояб.). Аналогичные планы юбилейных изданий были составлены и в провинциях (Правда. 1918. 1 нояб.).

⁴⁴ Он имеет в виду «пивной путч» Гитлера 1923 года [Connerton 1989: 43].

де в это время, писал один из современников, Владимир Василевский, «чувствовалось, что вот-вот что-то совершится, что-то большое, великое, уже осязаемое и в то же время неожиданное»⁴⁵. В сообщениях прессы революция представлялась как неумолимая, но очищающая сила природы, буря, иногда лавина или землетрясение. Революционный вихрь, писал Горький в июне 1918 года, «излечит нас, оздоровит, возродит к труду и творчеству» [Горький 1990: 7]⁴⁶. Впечатленные стремительным развитием событий, очевидцы считали попытки разгадать их смысл доказательством подлинности своих воспоминаний. В то же время они считали, что истинный и полный смысл эти события смогут обрести только с течением времени. Невский, участвовавший в организации военной подготовки восстания и занимавший видное место в работе по сбору воспоминаний в 1920-е годы, так завершил свои мемуары: «Предыдущие страницы — не история, а простое воспоминание к великой годовщине, воспоминание неполное, отрывочное и, вероятно, окрашенное доброй долей субъективизма, но для истории еще не настало время»⁴⁷.

Несмотря на мнение Невского, все, кто согласился записать свои воспоминания по случаю юбилеев, сделали это в рамках акта воспоминания, в котором смысл следовал за опытом. Рассказывая об Октябре, его очевидцы стремились придать *революционный* смысл своему прошлому опыту. Наиболее амбициозной и последовательной из этих попыток была книга Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир», задуманная в 1918 году как часть «борьбы печатных станков», которая бушевала с 26 октября 1917 года из-за разного понимания смысла событий в России [Рид 1968: 357]⁴⁸. Написанная убежденным американ-

⁴⁵ Петроградская правда. 1919. 7 нояб.

⁴⁶ См. также «Красную газету» от 30 ноября 1918 года.

⁴⁷ Красноармеец. 1919. № 10–15.

⁴⁸ Историки, такие как А. Дж. П. Тейлор, критикуют работу Рида за недостоверность или предвзятость и в то же время хвалят его способность «*воссоздать* дух тех волнующих дней» [Reed 1982: ix] (выделение автора книги). Ср. замечание о том, что книга «справедливо славится своим драматизмом, если не всегда точностью» [Daniels 1967: 251].

ским радикалом с целью продвижения дела революции, книга «Десять дней» опиралась на события 25 октября, свидетелем которых был Рид. Повествовательную структуру своей работы Рид, по всей видимости, заимствовал из более ранней брошюры Троцкого «Октябрьская революция», в которой Октябрь впервые рассматривался в широком политическом контексте — с Июльских дней 1917 года и заканчивая Брестским миром в марте 1918 года [White 1985: 334–337]. Как отметил Рид, он дополнил «запись» событий, которые сам наблюдал и лично пережил, другими «достоверными свидетельствами» из радикальной прессы, а также информацией, полученной во время работы в Коммунистическом отделе международной революционной пропаганды (позднее — Отделе иностранной политической литературы) [Рид 1968: 254]. «Десять дней» широко распространялась за рубежом в изданиях на иностранных языках, прежде всего на английском и немецком. Самую известную оценку книге дал Ленин, назвавший ее в 1919 году «правдивым и необыкновенно живо написанным изложением событий» [Там же: 251]⁴⁹. Повествовательные полотна Рида (и Троцкого) были в это время исключением, так как большинство воспоминаний появились в ответ на призывы властей описать детали тех или иных событий и представляли собой лишь краткие зарисовки.

Тем не менее все эти смысловые акты обладали определенными особенностями. Личные воспоминания о событиях прошлого по определению вписывают автора в эти события, по крайней мере в качестве наблюдателя, а нередко и участника (в широком смысле этого слова). В некоторых из них авторы оказываются на местных собраниях, отстаивая большевистские идеи перед лицом враждебной безграмотной толпы. В итоге автор неизменно одерживал верх над собравшимися в пламенном акте убеждения⁵⁰. Другие подчеркивали индивидуальную роль, которую они сыграли в ключевые моменты принятия решения о начале восстания:

⁴⁹ Комментарии Ленина составили предисловие к русскому изданию книги Рида в 1923 году.

⁵⁰ Правда. 1919. 7 нояб.; Там же. 1919. 6 нояб.

Попросил я слова, как представитель «двинцев»; загорелась моя душа, вместе с душою аудитории, встретив друг друга аплодисментами, под крики: «Да здравствует пролетарская революция», «Да здравствует III Интернационал», взошел я на трибуну и сердцем, горящим счастьем борьбы, я рассказал рабочим, кто такие двинцы... И загорелись сердца рабочих местью произвола, и полился гимн «Интернационала» над седою головою председателя этого митинга, тов. Смидовича [Федотов 1919: 25].

Немало воспоминаний связано с моментами личного преобразования на массовом митинге или в горячке боя. Люди могли вспоминать, как их тронуло стихийное и хоровое исполнение «Интернационала» или как они смотрели на «горящие глаза пролетариев, на хмурые брови солдат» [Норов 1919: 16; Федотов 1919: 19]. Все чаще к концу 1919 года эти моменты начинают заполняться большевистской риторикой. Один агитатор, отправленный в конце 1917 года Московским Советом в небольшой городок Юхнов Смоленской губернии, вспоминал, как говорил собравшимся рабочим, что большевики — единственная партия, которая достойна возглавить государство⁵¹. По другим воспоминаниям, обыватель слушал буржуазию, многие фабричные рабочие были «меньшевистски-настроенными», но «организованный пролетариат» прислушался к большевикам⁵².

В большевистской прессе стали появляться рассказы о личных прозрениях рабочих и работниц, которые драматизировали причины своего вступления в партию⁵³. Личная идентификация с историей Октября придавала человечности тем социальным группам, которые двигали историю, и наполняла октябрьский нарратив героическими персонажами, подталкивавшими его в решающие моменты. В романе Рида «Десять дней» затянувшие-

⁵¹ Правда. 1919. 7 нояб.

⁵² Там же. 1919. 6 нояб.

⁵³ Там же. 1919. 9 октября. См. также [Берюшина 1919]. В таких отзывах неизменно подчеркивалась многолетняя сплоченность и самобытность (особенно по отношению к меньшевистской партии) большевиков как фактор, обусловивший их решение.

ся дебаты на Втором съезде Советов были разрешены не кем-то из присутствующих интеллигентов, а «обывателем», чья мудрость пробилась сквозь бесконечные разговоры:

...на трибуну взбежал молодой солдат с худощавым лицом и горящими глазами. Он драматическим жестом поднял руку:

«Товарищи! — воскликнул он, и наступила тишина. — <...> Вы выслушали заявление двух представителей армейских комитетов, и эти заявления имели бы какую-нибудь ценность, если бы их авторы являлись действительными представителями армии...» (Бурные аплодисменты.) «Они не представляют солдат... — Оратор потрясает кулаком. — <...> латышские стрелки уже неоднократно заявляли: “Больше ни одной резолюции! Довольно слов! Нужны дела. Мы должны взять власть в свои руки!” Пусть эти самозванные делегаты уходят! Армия не с ними!»

Зал разразился бурей рукоплесканий [Рид 1968: 341–342].

Такие отдельные моменты озарения должны были означать постижение значимости событий. В условиях поляризованного политического ландшафта времен Гражданской войны те, кто вспоминал о 1917 годе, делали это в столь же поляризованных выражениях. В 1919 году одна из работниц вспоминала Петроград в дни Октября как город, разделенный на противоположные и легко идентифицируемые районы: в одних жили солдаты и красногвардейцы («пролетариат»), в других — юнкера, студенты и т. д. («буржуазия и соглашатели») ⁵⁴. Михаил Ольминский, инициатор усилий по сбору воспоминаний об Октябре, писал: «небывало резкое, наглядное расслоение в эти дни на линии, отделяющей буржуазные и полубуржуазные слои от пролетариата и крестьян (солдат): октябрьские дни в Москве прояснили классовое сознание так, как не смогли бы прояснить его десятки лет пропаганды и агитации» [Ольминский 1919: 37] ⁵⁵.

⁵⁴ Правда. 1919. 6 нояб.

⁵⁵ Бонч-Бруевич также вспоминал, как в эти дни «быстро и отчетливо» образовалось «одно классовое объединение» пролетариев, крестьян и солдат (см. «Известия» от 10 ноября 1918 года).

В первых воспоминаниях 1918 года резкое определение социальных групп контрастирует с более туманными представлениями о политических лидерах и организациях, вырвавшихся на революционную сцену вместе с Октябрем. В повествовании Рида, отмечает Джеймс Уайт, большевики ни разу не проявили инициативу, а пришли к власти через ВРК в ответ на угрозу применения силы со стороны своих противников. Инициатива восстания исходила от рабочих, а не от партии [White 1985: 334–337]. Рид отмечал, что в Петрограде во время Октябрьских дней царил путаница в том, что касалось точной идентичности и принадлежности различных групп деятелей за границей. Накануне захвата власти на углу Морской и Невского, по воспоминаниям Рида, отряды солдат с примкнутыми штыками останавливали все частные автомобили и выволакивали из них пассажиров, но «никто не знал, за кого эти солдаты — за Временное правительство или за Военно-революционный комитет» [Рид 1968: 322]. В книге Рид пересказывает пикантный анекдот о том, как 25 октября Троцкому было отказано во входе в Смольный охранником из-за отсутствия у того удостоверения личности: «Троцкий... Слышал я где-то это имя» [Там же: 307]. В Москве очевидцы вспоминали, как ЦК партии не соглашался даже с собственными партийными работниками, говорил, но не действовал, уклонялся перед лицом «массы [которая] рвется в бой» [Овсянников 1919: 13]. Ольминский вспоминал, что в Москве накануне революции «организованных сил... было очень мало»: «контрреволюционный» Совет солдатских депутатов, «дезорганизованный и безоружный» солдатский корпус. Что касается ВРК, то он был скомпрометирован «соглашательскими» тенденциями. После ожесточенных столкновений на улицах Москвы в конце октября ВРК, имея в своем распоряжении побывавших в бою юнкеров в Кремле, предпочел принять их капитуляцию и отпустил, как отмечал Ольминский, снова сражаться:

Неполная победа в Москве получилась исключительно благодаря действиям В.-Рев. Комитета. И если победа все-таки была, то мы обязаны ею всецело стихийному подъему

массы, а также стойкости и энергии районных руководителей, бывших все время с массой и шедших с нею в ногу [Ольминский 1919: 37].

Сдержанность ВРК резко контрастировала с решимостью масс отбить Кремль у «белогвардейцев» и юнкеров: «Загремела артиллерия, шум, грохот... ведут пленных... “Ура!”, первая победа, вдохновителями которой были двинцы. Еще ярче загорелись глаза, еще радостнее забилося сердце» [Федотов 1919: 27]. Московская артиллерия, нацелив пушки на Кремль, проявляла революционную сдержанность, обстреливая Кремль только в тех случаях, когда приходилось выбирать между «жертвой людьми и жертвой кремлевскими зданиями» [Ольминский 1919: 36].

Очевидцы часто сосредоточивали свое внимание на определенных моментах или местах революции, что позволяло им описать связный «эпизод» все еще неуловимой революционной истории. Иногда эту функцию выполняло и *отсутствие* места. Например, за кажущимся спокойствием на улицах Петрограда 25 и 26 октября Рид увидел признаки «жизнеспособности общественного организма»:

Утро застало город в неистовом возбуждении. Целый народ поднимался под грохот бури. На поверхности все было спокойно. <...> В Петрограде ходили трамваи, магазины и рестораны были открыты, театры работали <...> Сложная рутина повседневной жизни, не нарушенная и в условиях войны, шла своим чередом [Рид 1968: 355].

Чаще всего воспоминания строились вокруг одной или нескольких драматических кульминаций, чтобы передать ощущение неумолимости, даже неизбежности, революции. Троцкий в своих воспоминаниях опирался на событие 22 октября в Петрограде, за три дня до захвата власти большевиками, когда были предприняты важнейшие организационные шаги к восстанию:

День 22 октября стал днем смотра сил пролетарской армии. Он во всех отношениях прошел прекрасно. Несмотря на шедшие справа предупреждения о том, что на улицах Пе-

Петрограда будет литься рекою кровь, народные массы валом валили на митинги Петроградского Совета. Все ораторские силы были приведены в движение. Все общественные помещения были заполнены. Митинги шли непрерывно в течение ряда часов. Выступали ораторы нашей партии, съезжавшиеся на Советский Съезд делегаты, представители с фронта, левые с.-р., и анархисты. Общественные здания были затоплены волнами рабочих, солдат и матросов. Таких собраний было немного в Петрограде даже за время революции <...> Десятки тысяч народа омывали волнами здание Народного Дома, перекатывались по коридорам, заполняли залы. На железных колонках висели огромные гирлянды человеческих голов, ног, рук, как гроздь винограда. В воздухе царил то электрическое напряжение, которое знаменует наиболее критические моменты революции. «Долой правительство Керенского! Долой войну! Вся власть Советам!» Никто из среды прежних советских партий уже не решался выступать перед этими колоссальными толпами со словом возражения. Петроградский Совет господствовал безраздельно. Кампания была уже, в сущности, выиграна. Оставалось нанести призрачной власти последний военный удар [Троцкий 1924–1927, 3: 256].

Представляется следующая картина: в этот знаковый момент массы, руководствуясь революционной выдержкой и целеустремленностью, погнали революцию перед собой неумолимой волной, в то время как большевики в лучшем случае плыли по течению.

В качестве редкого исключения можно привести воспоминания Зиновьева 1919 года, который назвал Зимний дворец одним из главных мест революции. Он описывал, как его «штурмовали» 25 октября 1917 года «десятки тысяч благороднейших пролетариев Петрограда»⁵⁶. Смольный, резиденция нового правительства и оперативный центр как партии большевиков, так и ВРК, чаще всего занимал видное место в ранних воспоминаниях. Рид, например, говорил об «огромном здании Смольного», которое «сверкало огнями и жужжало, как улей» [Рид 1968: 327]. 7 ноября

⁵⁶ Петроградская правда. 1919. 7 нояб. См. также: Год пролетарской революции. 1918. 9 нояб.

1918 года Зиновьев выступил на торжественном заседании Петроградского Совета, подчеркнув центральное место Смольного в Октябрьской революции и его выход на «авансцену истории»: «Год с небольшим тому назад мало кто знал это здание, мало кто интересовался им. Но теперь нет во всем мире ни одного честного пролетария, который не знал бы, что существует Смольный»⁵⁷. Каменев и другие вспоминали о собрании в Петрограде, на котором переодетый Ленин вышел из укрытия, чтобы убедить партию в необходимости организовать свержение. На собрании присутствовало 15–20 человек, по его словам, — «главнейшие деятели октябрьского переворота». Более того, на совещании «политическое руководство» свержением было передано Ленину, Троцкому, Иосифу Сталину, Феликсу Дзержинскому и Каменеву. Эта группа собиралась в различных тайных местах в окрестностях Петрограда; выделяется прозорливость и сила воли Ленина как решающий фактор в организации восстания⁵⁸. Троцкий изобразил Смольный, этот «правительственный центр», превратившийся в «крепость», как информационный центр, координирующий различные военные и политические операции в Петрограде в эти дни [Троцкий 1924–1927, 3: 298].

Партийные лидеры всегда сдерживали свое внимание к узко военным операциям Смольного и ВРК рассуждениями о глубинных движущих силах революции. Так, Подвойский ссылаясь на напряженное настроение «революционных солдат», которые были «все окрылены одной мыслью» — свергнуть правительство и провозгласить «Вся власть Советам»⁵⁹. Троцкий вспоминал о неуверенности ВРК в своих силах и нежелании командного состава в Смольном брать на себя ответственность за проведение операций⁶⁰. Каменев

⁵⁷ Год пролетарской революции. 1918. 8 нояб. Другие воспоминания, в которых Смольный был выбран местом принятия всех важнейших решений, см. в статьях Подвойского, Каменева и Антонова-Овсенко в «Известиях» от 6 и 10 ноября 1918 года и «Красноармейце» № 10–15 от 1919 года.

⁵⁸ Известия. 1918. 10 нояб.; Правда. 1918. 6 нояб.; Известия. 1918. 6 нояб.

⁵⁹ Известия. 1918. 6 нояб.

⁶⁰ Правда. 1919. 7 нояб. Аналогичную картину событий в Москве см. в статье Юрия Саблина в «Правде» от 9 ноября 1919 года.

был более уверен, отмечая, что «для нас было совершенно ясно, что не только рабочее население Петрограда, но и весь петроградский гарнизон стоит за нами», как и подавляющее большинство делегатов, прибывших на съезд Советов⁶¹. Невский также представлял роль организаторов как ответ на народные требования рабочих и солдат, которые в течение 1917 года убедили крестьянство в «общности интересов всех трудящихся». Он проследил историю Военной организации (или Военки), созданной в начале марта 1917 года несколькими товарищами (в том числе и им самим) под эгидой Петроградского комитета РСДРП(б) с целью подготовки солдат к восстанию. Невский изобразил эту организацию как небольшую группу, которая очень быстро оказалась не лидером, а последователем солдатских призывов к революционным действиям. От нерешительности ее спасло нетерпение «народных масс», а также уверенные призывы Ленина к немедленному восстанию. Во время октябрьского переворота рабочие и солдаты («под влиянием нашей партии») были стихийными инициаторами событий, и *в ответ на* рост недовольства масс большевики создали Военно-революционный комитет, который стал «главной направляющей силой всех последующих событий»⁶². Сталин представил действия большевиков как «быстрое и строго организованное восстание», к которому партию вынудили нарастающий экономический спад и нежелание частей на фронте продолжать войну, несмотря на усилия Временного правительства⁶³.

В этих ранних воспоминаниях «гигантский актер» театрализованного зрелища 1920 г. еще оставался на втором плане, в тени основных событий⁶⁴. Троцкий вспоминал, как в ночь на 25 октября «все важнейшие пункты города» были взяты «почти без сопротивления, без боя, без жертв». В Зимнем дворце разместилось

⁶¹ Известия. 1918. 10 нояб.

⁶² Там же. 1918. 6 нояб. См. также статью Невского в «Красноармейце» № 10–15 1919 года.

⁶³ Правда. 1918. 6 нояб.; Известия. 1918. 6 нояб.

⁶⁴ Ср. скупые сообщения о взятии дворца в хронологическом описании Октябрьской революции, составленном по материалам источников [Попов 1918: 184–185].

правительство, которое «уже стало только тенью самого себя. Политически оно уже не существовало» [Троцкий 1924–1927, 3: 300–301]. Днем 25 октября Рид вместе с коллегами-журналистами Брайантом и Альбертом Рисом Уильямсом посетил Зимний дворец и не нашел в нем ничего драматичного. Проходя по темным пустым коридорам, он увидел комнату, полную солдат, которые бездельничали, пили и курили, и узнал, что женщин-солдат разместили в задних комнатах «в безопасности» [Рид 1968: 332–333]. Такие отчеты вряд ли делали Зимний дворец ненавистным символом тирании, заслуживающим революционного штурма. Рид предложил беглый отчет о взятии дворца, ссылаясь на следующий рассказ красногвардейцев:

«А знаете, как был взят Зимний дворец? — спросил какой-то матрос. — Часов в одиннадцать мы увидели, что со стороны Невы не осталось ни одного юнкера. Тогда мы ворвались в двери и полезли вверх по лестницам, кто в одиночку, а кто маленькими группами. На верхней площадке юнкера задерживали всех и отнимали винтовки. Но наши ребята все подходили да подходили, пока нас не стало больше. Тогда мы кинулись на юнкеров и отобрали винтовки у них...» [Рид 1968: 401].

Воспоминания Рида о массах как о «черной реке, заливающей всю улицу, без песен и криков», вряд ли передают их подлинный революционный настрой [Там же: 346]⁶⁵.

Другие вспоминали о взятии дворца более подробно, но не представляли это событие как революционный переворот. Антонов-Овсенко, помогавший координировать штурм, вспоминал, что «вообще вся атака Дворца носила к этому времени совершенно беспорядочный характер». Защитники дворца быстро редели: казачья сотня ушла, а юнкера и женский батальон стали сдаваться в плен, когда начался артиллерийский обстрел. Попытки небольших групп нападавших проникнуть во дворец были отбиты,

---

⁶⁵ Аналогичное обращение, написанное уже 17 ноября 1917 года, см. в депеше Рида в газету «The Liberator» [Homberger, Biggart 1992: 74–95].

некоторые из них даже были захвачены юнкерами в плен. По словам Антонова-Овсеевко, только когда он и Чудновский убедились, что юнкеров осталось мало, они приказали атакующим войти во дворец и проникли в него без сопротивления⁶⁶. Подвойский, которому также было поручено организовать взятие дворца, завершил свои краткие воспоминания довольно разочаровываяще:

Как только заговорили орудия и снаряды стали попадать в Зимний Дворец, последние колебания кончились. Юнкеры выбежали из-за баррикады и закричали, что они сдаются. Тогда наши войска огромными массами вливаются во дворец. Здесь производится обыск и Временное Правительство, оказавшееся в одном из покоев дворца, арестовывается⁶⁷.

Штурм Зимнего дворца в памяти, как и на сцене, начал происходить только по мере того, как люди стали опираться на мощные образы и символы, созданные юбилейными торжествами. Несмотря на то что в опубликованных в 1920 году воспоминаниях об Октябре дворец продолжал играть неоднозначную роль, он стал приобретать и более драматический облик. В отличие от своих ранних воспоминаний 1918 года, в 1920 году Подвойский стал говорить о «штурме» дворца. Он по-прежнему представлял это место как символ бессилия Временного правительства; «классовая борьба» настолько подорвала поддержку правительства, что защитники дворца растаяли, не сделав ни единого выстрела. Однако теперь воспоминания Подвойского приобрели драматическую кульминацию, хотя и мотивированную революционными настроениями солдат и красногвардейцев, а не взвешенными намерениями большевиков:

Несколько гранат разорвалось в коридорах Зимнего. Колесам бы положен конец. Матросы, красногвардейцы, солдаты, под пулеметную перекрещивающуюся трескотню,

⁶⁶ Известия. 1918. 6 нояб. См. также статью Антонова-Овсеевко в «Красноармейце» № 10–15 1919 года.

⁶⁷ Известия. 1918. 6 нояб.

перелетали через баррикады у Зимнего, смяли их защитников и ворвались в ворота Зимнего... Двор занят... Летят на лестницы... На ступенях схватываются с юнкерами... Опрокидывают их... Бросаются на второй этаж... Разметают защитников правительства... Рассыпаются... Несутся в третий этаж, везде по дороге опрокидывая юнкеров и поражая их... Юнкера бросают оружие... Солдаты, красногвардейцы, матросы потоком устремляются дальше... Ищут виновников бедствий⁶⁸.

К концу 1920 года октябрьский нарратив приобрел более четкие очертания и актуальность параллельно тому, как социальные идентичности и выбор, который они представляли, становились более ясными в ускорившееся время Гражданской войны. Подстегиваемые, возможно, совсем другой историей о значении Октября, которую рассказывали антисоветские движения подконтрольному им населению [Holquist 2002: 5]⁶⁹, большевики начали осознавать необходимость более четкого и (как они надеялись) доступного изложения истории *своей* революции. В структуре и постановке похорон, демонстраций и зрелищ Октябрь изображался в подавляющем большинстве случаев как мужская, рабочая революция, в критические моменты возглавленная Красной армией. Крестьянство и женщины символически и физически отстранялись от нее как политически несознательные и, следовательно, безусловно ненадежные. Октябрь в его версии 1920 года был представлен рабочим, который в эти неопределенные времена с ясностью и уверенностью смотрел в будущее, и занимал первый план на многих плакатах⁷⁰.

⁶⁸ Пролетарская революция. № 10. 1922. № 10.

⁶⁹ Холквист отмечает, что термин «Гражданская война в России» — результат более позднего процесса гомогенизации того, что он предпочитает называть «гражданскими войнами и национальными конфликтами».

⁷⁰ Только в 1920-е годы появилась фигура рабочей — «новой советской женщины». Большевики попытались задним числом продемонстрировать давнюю приверженность своей партии правам женщин, «закрепив в истории» «большевистское женское движение», в частности, с помощью праздничных ритуалов, которые прославляли, а не игнорировали или принижали женщин [Chatterjee 2002: 60, 18].

Он стал собственной, несовершенной Бастилией. Эта Бастилия могла быть физическим зрелищем, как у Евреинова, или пересмысленным воспоминанием, как у Подвойского.

От театров памяти к институтам памяти

Однако для многих большевистских лидеров за силой юбилейных празднеств скрывалась принципиальная слабость. Театрализованное представление Октябрьской революции во время первых трех годовщин было направлено на то, чтобы вызвать у человека прежде всего чувственные переживания. Красный колорит шествий, массовых собраний и торжественных похорон, буквальное и фигуральное выделение значимых моментов во «Взятии Зимнего дворца», постоянно звучащий «Интернационал» — все это было призвано представить личный опыт празднования как часть коллективного опыта, помочь человеку получить визуальные и слуховые сигналы, чтобы потом вернуться к этим воспоминаниям. Этот опыт в значительной степени зависел от личного присутствия на этих общих собраниях. Репортажи в прессе не могли передать тем, кто отсутствовал, непосредственность и яркость впечатлений от этих «театров памяти». Комментаторы еврейновского «Взятия Зимнего» сокрушались по поводу того, что такое «грандиозное задание» затевается ради «часового зрелища, которое нельзя будет завтра повторить», хотя и приветствовали намерение «увековечить» его на кинолентке⁷¹. Зрелища были дорогими, их эффект — эфемерным, и многие запланированные представления остались нереализованными⁷².

---

⁷¹ Петроградская правда. 1920. 4 нояб. Действительно, в 1920 году был снят фильм «Взятие Зимнего дворца», снабженный поясняющими интертитрами. Неизвестно, насколько широко он был показан в России. Я благодарю Альму Лоу за предоставленную мне возможность посмотреть ее копию фильма.

⁷² Среди нереализованных запланированных массовых зрелищ — «Штурм Бастилии» и «Борьба и победа» Всеволода Мейерхольда [История... 1933: 271; Leach 1994: 102–103].

Партийные лидеры, безусловно, считали, что театрализация Октября несет многообещающие и мощные повествовательные возможности, но на первом месте для них всегда стояла идея и ее доступность. Абстрактность, символизм и мистицизм многих революционных спектаклей 1919–1920 годов, по мнению большевиков, зачастую мешали ясному высказыванию, а в некоторых случаях и вовсе искажали его. Большевики не всегда относились с пониманием к непредсказуемым талантам художников-футуристов и Пролеткульта, которые с такой вызывающей гордостью заявляли о своих революционных намерениях⁷³. Более того, их беспокоило спонтанное участие, которого некоторые художники требовали от публики, пытаясь разрушить традиционный театральный барьер между исполнителем и зрителем. Смысл Октября в этих спектаклях, казалось, слишком сильно зависел от прихоти художника и зрителя [Cassiday 2000: 21]. К 1920 году Луначарский начал сомневаться в том, что этих художников можно считать *легитимными* арбитрами революции: «Это художественное служение идеальным устремлениям революции может являться соответствующим лишь в том случае, когда сам художник... действительно проникнут революционной сознательностью и полон революционного чувства». Его замечание о том, что эти «служители искусства» должны сами стать «насущной задачей» коммунистической пропаганды, предвещало движение советского режима к большей централизации и институционализации⁷⁴. Вдохновленные тем же желанием дистиллировать и передать существенный революционный опыт новой жизни, художники продолжают свою работу над новым театром в 1920-е годы, хотя им придется делать это в условиях сокращения ресурсов и усиления нападок со стороны большевистских властей⁷⁵.

⁷³ О праздничных оценках этими художниками своих достижений в новом режиме см. [Lorenz 1969: 108–178].

⁷⁴ Тезисы художественного сектора НКП и ЦК Рабис об основах политики в области искусства // Вестник театра. 1920. № 75. 30 нояб.

⁷⁵ О распаде в начале 1920-х годов таких зачинателей движения «Октябрь в театре», как Пролеткульт и Театр революционной сатиры (ТЕРЕВСАТ), см. [Leach 1994: глава 4].

Недоверие официальных властей привело к тому, что дни массовых зрелищ были сочтены, хотя их дух и воскреснет несколько лет спустя на кинолентке⁷⁶. «Взятие Зимнего дворца» Евреинова не породило множество местных Бастилий. Даже в Москве, где в октябре 1917 года происходили уличные бои, оказалось трудно найти момент, вокруг которого можно было бы выстроить октябрьский нарратив. В 1920 году в воспоминаниях петроградский переворот изображался обычно как искра, положившая начало восстанию в Москве, но массовые праздники, запланированные для Москвы, остались нереализованными⁷⁷. По мнению Катерины Кларк, «Петроград остался колыбелью революции и сохранил за собой права на ритуальное торжество в память об этом событии» [Кларк 2018: 190]. К юбилею 1920 года в Москве и других городах Советской России вместо более масштабных и дорогостоящих шествий и фестивалей проводились массовые собрания и лекции, а также улицы украшали плакатами и красными флагами⁷⁸. В провинции Октябрь часто отмечался юбилейными выпусками местных газет и сборниками речей «лидеров Советской власти»⁷⁹. Большевики высказывали

---

⁷⁶ Кларк утверждает, что Эйзенштейн спародировал сцену штурма биржи из «Мистерии освобожденного труда» в сцене массового расстрела на одесской лестнице в «Броненосце «Потемкине»» [Кларк 2018: 199].

⁷⁷ Петроградская правда. 1920. 10 нояб.

⁷⁸ В регулярных отчетах о торжествах в небольших городах подчеркивались подобные собрания (см. «Петроградскую правду» от 10 ноября 1920 года; «Известия» от 11, 12 и 13 ноября 1920 года). Описание будничных ноябрьских торжеств 1920 года в Ростове-на-Дону глазами наблюдателя, испытывающего отвращение к привычкам и претензиям «советской буржуазии», см. в [Терне 1922: 304–305]. Исключением стало запланированное в нескольких городах на севере России театральное представление под прозаическим названием «История революции с февраля по октябрь 1917 года» (см. «Петроградскую правду» от 5 ноября 1920 года).

⁷⁹ См. специальный юбилейный номер местной уральской газеты («Уральский рабочий», приложение к № 81 от 7 ноября 1919 года), а также «Документы социалистической революции: ноты, декреты, речи вождей Советской власти» (Самара, 1919); ср. «Краткий очерк революционного движения и развития пролетарской революции в России» (Калуга, 1919).

опасения, что Октябрь будет отождествляться исключительно с Петроградом и не найдет отклика в провинции. Такое предположение было несостоятельным, учитывая чувствительность большевиков к критике изолированного характера их революции и понимания, что люди на местах не смогут самостоятельно осознать значение Октября. На одном из вечеров воспоминаний Троцкий отмечал, что Ленин

не боялся восстания и даже настаивал на нем, но связывал судьбу этого восстания не только с одним ходом конфликта в Питере <...> Наша точка зрения была питерская <...> а Ленин исходил из точки зрения восстания не только в Питере, а *во всей стране*, и он не отводил такого большего места и значения исключительно восстанию Питерского гарнизона⁸⁰.

Большевики также были глубоко озабочены трудностями поддержания революционного энтузиазма первых пореволюционных лет. Вера в страстность и драматизм Октября уравновешивалась убежденностью, почерпнутой из уроков европейских революций предыдущего столетия, в том, что эти качества не могут сохраняться долго. Революционная решимость, по словам одной из газетных статей 1919 года, могла пошатнуться «с наступлением революционных будней, сменивших первый революционно-праздничный подъем»⁸¹. «Душа революции... революционные идеи, — писал в 1921 году П. С. Коган, — теряют свой феерический свет... Мученики против воли своей стали господами, разрушители — государственными людьми. Их горение становился медленным и ровным, вдохновение — урегулированным, энтузиазм — скрытым» [Коган 1921: 5–6]⁸².

⁸⁰ Пролетарская революция. 1922. № 10. Курсив Троцкого. — Ф. К.

⁸¹ Уральский рабочий. 1919. Приложение к № 81. 7 нояб.

⁸² См. также [Maguire 1972: 103]. Магуайр отмечает, что в литературе 1920-х годов также отразилось представление о том, что надежда, порожденная смыслом и целью первых революционных лет, уступила место отчаянию беспросветной обыденности.

В 1920-е годы поэзия революционного спектакля Октября уступит место прозе его институционализации, хотя, как отмечает Майкл Дэвид-Фокс, «ритуальность, сценарность и даже театральность большевистской политической культуры» продолжала определять жизнь этого десятилетия [David-Fox 1997: 12]. На пленуме Московского Совета накануне празднования третьей годовщины Ленин говорил о переменах, необходимых для выполнения новой задачи, «большей по трудности» — построения нового общества: «Тот энтузиазм, которым мы заражены теперь, может протянуться еще год, еще пять лет. Но нам нужно помнить, что в той борьбе, которую нам придется вести, нет ничего, кроме мелочей» [Ленин 1967–1975, 42: 6]. Ежегодные празднования Октябрьской революции продолжатся, их форма и структура будут определяться советскими властями в зависимости от экономических, социальных, политических или культурных потребностей режима в конкретном году⁸³.

Грандиозные и драматические театры памяти 1920 года с их яркими, но эфемерными образами ушли в прошлое: на их месте возникли «институты памяти», к которым в итоге должен обращаться каждый новый режим, если он хочет обеспечить материальную основу для своей идеологии. По мере завершения Гражданской войны большевистский режим создавал академии и общества с филиалами по всей Советской России для подготовки нового поколения ученых-марксистов и систематизации издания канона работ отцов-основателей — Маркса, Энгельса и особенно Ленина [David-Fox 1997; Tolz 1997]. Были созданы органы, призванные осветить историческую роль профсоюзного и коммунистического движения молодежи в революционной борьбе, почтить память старых большевиков, политкаторжан

---

⁸³ Так, например, ЦК постановил, что празднование четвертой годовщины в 1921 году будет посвящено восстановлению экономики и «неразрывной связи нашей новой хозяйственной политики с основной линией Октябрьского переворота» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр. 38. Л. 2). Темой 1922 года стал Конгресс Коминтерна и ознакомление рабочих и крестьян с деятельностью Третьего Интернационала (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр. 163. Л. 21).

и ссыльных, пострадавших при царизме⁸⁴. Каждому учреждению требовались свои кадры и издания; создавались новые архивы, библиотеки и музеи для систематизации, хранения — и освящения — собранных материалов. Постепенно накапливая всевозможные «свидетельства», новая система настойчиво провозглашала Октябрьскую революцию своим основополагающим событием. Она заложила краеугольный камень в проект построения социалистического рабочего государства, обладающего собственными экономическими, политическими, культурными и идеологическими институтами, способными создавать хранилище знаний — новую социалистическую науку. Хотя, по утверждению большевиков, этот проект был заложен в революцию с самого начала, он стал актуальным в результате потрясений первых месяцев 1921 года, когда рабочие, крестьяне и матросы бросили самый прямой вызов большевистской власти и большевистским требованиям Октября.

---

⁸⁴ Подробнее об этом см. [Алексеева 1968: глава 1; Иванова 1968: часть 3].

Часть II

ПАМЯТЬ
ОКТЯБРЯ

Глава 4

Истпарт и институционализация памяти

Наше отношение к документам революции должно быть таким же активным, как и наше отношение к событиям революции.

Истпарт, 1920

В течение 1920 г. по всей провинциальной России неуклонно росли волнения рабочих и крестьян. В начале 1921 года они достигли критической точки. Серия «крестьянских войн», как называет их Орландо Файджес, представляла, по мнению Ленина, «опасность, во много раз превышающую всех Деникиных, Колчаков и Юденичей, сложенных вместе» [Ленин 1967–1975, 43: 18]¹. Эпидемия забастовок и волнений, охватившая большинство промышленных районов страны, представляла собой далеко не только экономический вызов правительству. Для революционного государства, одержимого идеей наблюдения за населением и его преобразованием, пропасть в общении между центром и периферией, выявленная этими волнениями, представляла серьезную угрозу². Хуже того, когда требования бастующих на нескольких петроградских заводах в конце февраля пе-

---

¹ См. также [Figs 1989: 321; Шишкин 2000].

² Подробнее о большевистской слежке см. [Holquist 1997: 415–450].

решили от экономических (таких как регулярное снабжение пайком, обувью и теплой одеждой) к явно политическим, включая предоставление политических и гражданских прав, большевистским лидерам стало казаться, что под угрозой находится сама Октябрьская революция³.

Вызов Кронштадта

Месяц спустя группа матросов Балтийского флота, находившихся в крепости Кронштадт в Финском заливе, подняла мятеж в знак солидарности с демонстрантами Петрограда и потребовала проведения экономических и политических реформ. Ленин в «Петроградской правде» назвал это событие «совершенно ничтожным инцидентом» [Ленин 1967–1975, 43: 129], но моряки бросили прямой политический вызов партии и ее представлениям об Октябре, которые перекликались с предыдущими действиями меньшевиков и эсеров. Кронштадт долгое время превозносился большевиками как идеологический оплот Октябрьской революции. Однако в начале марта 1921 года Революционный комитет матросов заявил, что выступает «за власть Советов, а не партий», и публично обвинил Коммунистическую партию в том, что ее лидеры были «глухи ко всем нашим [рабочих, крестьян и красноармейцев] требованиям и нуждам, и мы в ответ получали лишь расстрелы» [Виноградов, Двойных 1999, 1: 254; Наумов, Косаковский 1997: 55]⁴. Как прежние споры меньшевиков и эсеров об Октябрьской революции неизменно сводились к партии большевиков, так и Коммунистическая партия как угнетающая сила занимала видное место в представлениях комитета о собственной революции. Большевистская власть оказалась втянутой в борьбу с ветеранами Октября, среди которых были красные

³ В последнее время ученые утверждают, что в историографии недооценивается масштаб этих волнений и серьезность вызова, брошенного большевистскому государству [Aves 1996: глава 4; Raleigh 2001: 82–104].

⁴ Один из участников рассказал о своем решении покинуть «презренную жидовскую партию коммунистов» [Виноградов, Двойных 1999, 1: 361].

матросы с линкоров «Петропавловск» и «Севастополь», за право определять концепцию революции. Троцкий отказал этим матросам в звании революционеров, заявив, что настоящие ветераны Октября уже давно были передислоцированы, а их место заняли «случайные» элементы⁵.

Показателем серьезности идеологического вызова стала не только жестокость реакции на него коммунистов, но и решение партии, принятое в марте на X съезде, принять новую экономическую политику (НЭП), отказавшись от многих непопулярных мер политики времен Гражданской войны, в частности, от реквизиции зерна. Подавление «кронштадтского преступления» большевики назвали актом революционной необходимости, к которому они пришли только после длительной демонстрации революционной сдержанности, когда они всеми силами пытались убедить матросов сложить оружие и избежать кровопролития. Вместо того чтобы напрямую атаковать представления кронштадтских повстанцев о революции, они назвали «мятеж» результатом «провокаторской работы эсеров, меньшевиков, анархистов и объединенных с ними белогвардейцев» [Виноградов, Двойных 1999, 1: 622–623]. Троцкий обвинил «центры контрреволюционных заговоров» за рубежом, а именно русские эмигрантские круги и иностранных империалистов, в подстрекательстве к мятежу с целью сорвать советские попытки заключить мир с Польшей и торговый договор с Англией⁶. Старая аргументация была перевернута: теперь в зарубежной эмиграции меньшевики кричали о революции, в России большевики кричали о заговоре. Возглавляемые Мартовым меньшевики-интернационалисты в эмиграции подчеркивали стихийность кронштадтского восстания, ставшего следствием экономических трудностей и чрезмер-

⁵ Правда. 1921. 16 марта. Три четверти участников мятежа, по всей видимости, служили на флоте по крайней мере со времен Первой мировой войны [Mawdsley 1973: 508–509]. Группа членов РКП, служивших в Кронштадте, покинула партию в 1920 году, видимо, разочаровавшись в ее бюрократизации и в «шайке карьеристов и разбойников», руководивших ею [Виноградов, Двойных 1999, 1: 360].

⁶ Правда. 1921. 16 марта.

ного бюрократизма советского режима⁷. Мартов подчеркивал, что инициатива восстания исходила «от тех самых масс, которые до сих пор были оплотом большевизма»⁸. Он вновь проводил аналогии с Парижской коммуной, говоря о судьбе этой пролетарской революции⁹. С большевистской стороны Зиновьев подчеркивал пустоту кронштадтских событий, утверждая, что Парижская коммуна провалилась именно потому, что не имела прочной базы в виде партии с долгой историей и прочными традициями [Виноградов, Двойных 1999, 1: 638]. 18 марта, на следующий день после подавления восстания, петроградские газеты отмечали 50-ю годовщину Парижской коммуны. Впоследствии большевики не без иронии переименовали «Севастополь» в «Парижскую коммуну» [Avrich 1970: 213].

Кронштадтские события поставили под вопрос легитимность партии. Мартов ссылаясь на внутривластную борьбу, которая, по его прогнозам, возникнет после окончания Гражданской войны и создаст «политические и психологические предпосылки» для выступления пролетариата против большевистского режима, называя Кронштадт кульминационным проявлением этого кризиса¹⁰. Ведущий зарубежный журнал меньшевиков много писал про «разложение правящей партии» под влиянием эконо-

---

⁷ По словам меньшевика Федора Дана, сидевшего в Петрограде в одной камере с некоторыми из матросов, восстание было совершенно неожиданным даже для них самих [Дан 1922: 154]. Кронштадт привел в движение различные эмигрантские группы, такие как Национальный центр и эсеров, но не смог стать для них точкой совпадения интересов [Avrich 1970: 88–130].

⁸ Социалистический вестник. 1921. № 5. 5 апр.

⁹ См. также сравнение в: Martow L. Zum 50: Jahrestag der Pariser Commune // Freiheit. 1921. March 18. Меншевик Рафаэль Абрамович позднее уподоблял матросов парижским коммунарам и подчеркивал стихийный характер их восстания [Abramovich 1962: 201]. В историографии Кронштадт, как правило, романтизируется исследователями, которые ищут признаки «законного» народного самовыражения в раннем советском обществе. Гецлер назвал его «самоуправляемой, эгалитарной и высоко политизированной советской демократией, подобной которой не было в Европе со времен Парижской коммуны» [Getzler 1983: 246].

¹⁰ Социалистический вестник. 1921. № 5. 5 апр.

мического и политического давления, а также про вытеснение старой гвардии отдельными лицами, руководствующимися только своими корыстными интересами¹¹. Зыбкий компромисс, достигнутый Лениным на IX съезде партии в марте 1920 года и направленный на сохранение единства в условиях вражды фракций, уже через год рассыпался в прах. Наиболее резкие внутривнутрипартийные критики — Рабочая оппозиция и демократические централисты — не имели самостоятельной организационной базы, но продолжали высказывать свое несогласие на всех уровнях партии и правительства, а также в прессе [Schapiro 1966: 231–234]. Это несогласие сводилось к старому, но принципиальному вопросу о том, было ли рабочее государство порождено стихийной революцией масс или же навязано партией сверху.

В январе 1921 года Ленин публично заявил о кризисе в партии, сказав, что она «больна»:

Надо иметь мужество смотреть прямо в лицо горькой истине. Партия больна. Партию треплет лихорадка. Весь вопрос в том, захватила ли болезнь только «лихорадящие верхи», да и то может быть исключительно московские, или болезнью охвачен весь организм. И в последнем случае, способен ли этот организм в несколько недель (до партсъезда и на партсъезде) излечиться полностью и сделать повторение болезни невозможным или болезнь станет затяжной и опасной [Ленин 1967–1975, 42: 234].

Чуть позже партия представила отчет с довольно неутешительными результатами. Военные трудности Гражданской войны лишь замаскировали внутривнутрипартийные «болезни», а между партией и широкими массами рядовых рабочих существовал «известный отрыв». Обнищание всей страны и неспособность правительства удовлетворить новые экономические запросы усугублялись притоком в партию оппортунистов, чуждых революционному коммунизму. «В бурные октябрьские дни» эти люди заняли губернские и уездные посты, для которых не годились и от

---

¹¹ Социалистический вестник. 1921. 16 февр.

которых теперь не хотели отказываться. Эти «элементы разложения стали чуть ли не вожаками низов». Еще хуже то, что герметичные условия развития местных партийных организаций породили «официальную верхушку», которая отвергала новичков, направленных центром, и ревностно оберегала свои prerogatives. Она стала препятствием для роста и проявления инициативы в организации, что выразилось в снижении числа новых членов и падении авторитета партийных организаций. В отчете рекомендовалось вовлечь в процесс принятия решений широкие круги партии и перенести акцент партийной деятельности с комитетов и кружков на заводы и фабрики. Центр партии, заключали авторы, должен был давать конкретные указания провинции по всем вопросам¹².

Социальные рамки Истпарт

События первых месяцев 1921 года активизировали усилия большевиков по институционализации Октября. Большевистские лидеры остро реагировали на внутрипартийную критику оторванности от сторонников и не хотели подтверждать это ощущение разобщенности выявлением фрагментарной истории революции и партии. Новые социалистические институты, многие из которых основаны после Октября 1917 года, стали жизнеспособными только после 1921 года, когда государство стало выделять на них больше средств. В частности, одной из организаций было поручено написать последовательную историю революции и партии ради пробуждения чувства сплоченности и осознания общей истории, которого так не хватало рядовым партийцам. Комиссия по истории Октябрьской революции и Российской коммунистической партии (далее — Истпарт) была создана при Народном комиссариате просвещения (Наркомпросе) постановлением Совнаркома от 25 сентября 1920 года. Первоначальный состав Комиссии не питал иллюзий относительно масштабов возложенных на него задач. В конце 1921 года Невский предоставил

---

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр. 36. Л. 13–26.

Истпарту жалкую картину положения в Петрограде: заводы и дома лишены топлива, пролетариат находится в оппозиции, квалифицированные рабочие уходят из города, женщины бегут от экономических трудностей в проституцию. «Я, впрочем, пессимист», — заключал он¹³. Задача написания истории Октября теперь находилась совсем в других руках: ее направляли не эклектичные художники и ученые, слабо связанные между собой истовой верой в революцию, а небольшая группа мужчин и женщин, которых на протяжении многих лет объединял схожий жизненный опыт и мировоззрение¹⁴.

В своих исследованиях социальных рамок памяти Морис Хальб-вакс подчеркивает, что любая групповая реконструкция событий прошлого должна исходить из общих представлений членов группы и что только те переживания, которые волнуют наибольшее число членов, будут сформулированы как часть групповой памяти. И действительно, общие переживания и представления имеют решающее значение для внутренней согласованности и жизнеспособности воспоминаний о событиях, придавая им достоверность и подлинность благодаря взаимному подкреплению, поскольку люди в этой группе единомышленников стремятся согласовать свои интерпретации событий прошлого. При этом, по словам

¹³ РГАСПИ. Ф. 91. Оп. 1. Ед. хр. 231. Л. 4.

¹⁴ Советские историки начиная с 1960-х годов создали целую индустрию исследований центрального Истпарта и его местных филиалов, написанных, по словам одного из критиков, «как бы по единому плану, по единой схеме» [Корнеев 1986: 7]. На Западе серьезные исследования Истпарта практически не проводились, отчасти потому, что партийные архивы, где хранятся эти материалы, долгие годы были закрыты для западных ученых, а отчасти из-за сложившихся представлений о том, что такого рода учреждения занимают манипулированием исторической информацией в политических целях и поэтому не могут служить легитимными или надежными источниками информации о советской действительности. В редких западных работах Истпарт рассматривается как проигранная битва между независимыми учеными и восходящими политическими силами внутри партии [Burgess 1981; Holmes, Burgess 1982: 378–398]. Это символическое отделение «фактической» революции от написания ее истории подчеркивало «подчиненность марксистской идеологии текущим политическим целям» большевиков [White 1994: 253].

Хальбвакса, «память людей зависит от тех групп, в которые они входят, и от тех идей и образов, которыми более всего интересуются эти группы» [Хальбвакс 2007: 180]. Люди опираются на множество взаимодополняющих факторов, определяя, что их интересует или что можно считать уместным. Их собственные идеологические, политические и культурные представления действуют в тесной взаимосвязи с идеологическими, политическими и культурными целями системы, в которой они живут.

Изначально Совнарком назначил девять человек в коллегию Истпарта: Ольминского — председателем, В. В. Адоратского, Н. Н. Батурина, Бубнова, Быстрянского, Невского, С. А. Пионтовского, М. Н. Покровского и Д. Б. Рязанова. Постановлением Оргбюро ЦК партии от 2 декабря 1921 года Истпарт перешел в ведение ЦК и пополнил состав коллегии другими видными партийными деятелями, в том числе А. Я. Аросевым, Н. Н. Авдеевым, Ц. С. Бобровской (Зеликсон), А. И. Елизаровой, П. Н. Лепешинским, М. Н. Лядовым, С. И. Мицкевичем, Подвойским, М. А. Савельевым, О. А. Варенцовой. Председатель Ольминский, движущая сила Комиссии, был непоколебимым марксистом почти 60 лет. Он вступил в РСДРП в 1898 году, был давним соратником Ленина как в России, так и в эмиграции, и вместе с другими марксистами, такими как Батурин и Лепешинский, считал себя хранителем истории большевистской партии. Концептуальный и идеологический мир этих людей формировался под влиянием ряда общих впечатлений. Их объединяло открыто революционное мировоззрение, ограниченное партийными рамками. За исключением сравнительно молодого Пионтовского, вступившего в Коммунистическую партию только в 1919 году и отметившего в 1920 году 29-летие, все остальные члены коллегии долгое время были профессиональными революционерами, вступив в РСДРП примерно на рубеже веков. Их мир состоял из местных партийных групп или комитетов (Адоратский и Аросев ранее работали в Казани, Бубнов — в Иваново-Вознесенске, Бобровская и Лядов — в Баку, Варенцова и Батурин — в ряде различных местных партийных организаций) и периодов работы в центральных партийных организациях в Москве и Петрограде.

Для подавляющего большинства этих людей периоды напряженной партийной работы в России чередовались с периодами столь же напряженной, но изолированной внутренней или зарубежной ссылки. Они привыкли обкатывать свои идеи в небольших и закрытых политических кругах российской социал-демократии в Европе. Напряженные условия «кружковщины» эмиграции Федор Дан впоследствии назовет «печальным наследием печального прошлого»¹⁵. Еще в 1891 году Фридрих Энгельс опасался, что доктринальные споры в русских эмигрантских кругах подорвут силы противостояния царизму:

Все знакомы друг с другом, все находятся друг с другом в личных дружеских или враждебных отношениях, и, следовательно, всякое движение вперед, обязательно сопровождаемое разногласиями, расколами, полемикой, приобретает в высшей степени личный характер. Это свойственно всякой политической эмиграции... Я тогда же убедился, что партия, обладающая достаточной моральной силой, чтобы первой стать выше этой атмосферы личных счетов и не поддаться влиянию этих распрей, приобретает благодаря этому большое преимущество перед другими партиями [Переписка 1951: 322].

«Кружковщина» дарила утешение, дружбу и поощряла интеллектуальное развитие. Она также способствовала, как отмечает Хаймсон, «элитарности, сектантству и нетерпимости» [Haimson 1987: 4]¹⁶. Дан писал, что «спертый воздух узких кружков и тайных собраний... [в] российской социал-демократии» позволил большевикам тактикой раскола эффективно «отравить» фракционную борьбу (цит. по: [Martow 1926: 236]). Эти же условия способствовали формированию у членов организации чувства

---

¹⁵ Рабочая газета. 1917. 13 окт. О «кружковщине» и ее последствиях см. [Martow 1926: 236].

¹⁶ О сохранении кружковой культуры в литературных кругах и о том, как ее возрождение в ранний советский период обеспечило некоторые каналы влияния литераторов и их отношения с советским государством, см. [Walker 2002: 107–123].

Рис. 7. М. С. Ольминский
(предоставлено РГАКФД
в Красногорске)

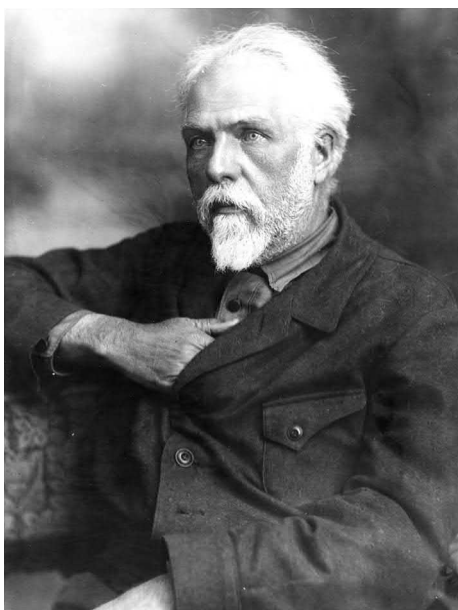
преемственности и веры в историческую значимость собственного революционного прошлого. Некоторые из них, включая Покровского, Батурина, Рязанова, Лядова и молодого Пионтковского, попали в Истпарт благодаря своей академической подготовке или опыту исторических исследований¹⁷.

В местных партийных объединениях России до 1917 года также было много «кружковщины». Образ органичной сети взаимосвязанных и функционирующих комитетов в действительности был продуктом позднейшей мифологизации Октябрьской революции. Хотя отдельные люди часто работали в этих группах вне фракций, они все же в значительной степени определялись своим партийным опытом. Партийные рамки стали определяющими для Аросева, который сначала работал в организациях

---

¹⁷ Некоторые из них уже предпринимали попытки написать историю своего движения, см., в частности, [Батурин 1906; Лядов 1906].

Рис. 8. П. Н. Лепешинский
(предоставлено РГАКФД
в Красногорске)

эсеров в Казани, Петрограде и Москве; Рязанова, который вышел из большевистской партии из-за разногласий с Лениным и вернулся в нее только в 1917 году; Бубнова, который присоединился к левым коммунистам в 1918 году; Авдеева, который после февраля 1917 года примкнул к меньшевикам-интернационалистам; Лядова, который после заигрывания с меньшевиками был вновь принят в коммунистическую партию только в 1920 году.

Многие из тех, кто возглавлял Истпарт, до 1917 года занимали различные редакторские должности в социал-демократической или большевистской прессе. Радикальные издания были самым осязаемым, а порой и единственным физическим проявлением партийной жизни в России. Эти центральные органы местных радикальных партий и групп создавали ощущение преемственности и единства цели в период размытых и беспорядочных политических убеждений и идентичностей. Мало кто понимал положение радикальных партий до 1917 года и состояние знаний

Рис. 9. М. Н. Покровский, И. И. Ходоровский и А. В. Луначарский на XV съезде РКП(б), 1927 год (предоставлено РГАКФД в Красногорске)

об их революционном движении лучше, чем те, кто работал в редакциях преследуемых цензурой и полицией газет. Наконец, некоторые из членов коллегии физически участвовали в военных приготовлениях к октябрьскому захвату власти большевиками, а также в различных событиях в Москве и Петрограде. Подвойский, Невский и Бубнов были членами ВРК в Петрограде в октябре и участвовали в захвате Зимнего дворца. Аросев и Варенцова входили в состав ВРК в Москве. Опыт, накопленный ими к тому моменту, позволил сделать так, что октябрьские события стали по-настоящему знаковыми в их индивидуальных революционных биографиях.

Эти люди были официально уполномоченными хранителями памяти Октября в частности и памяти революционного движения в целом. Их общий жизненный опыт и мировоззрение позволяли им рассматривать свою задачу не просто как важную, а как жиз-

ненно необходимую для революционного дела, для нового советского государства — и для их собственных автобиографий. Они могли спорить о специфике поставленной задачи — создать историю Октябрьской революции, — но ценность самой задачи для них не вызывала сомнений. Истпарт представлял собой место, где эти люди могли встретиться, сформулировать свои опасения в последовательной форме, а также выработать согласованную стратегию решения найденных проблем. Со временем из этой большой группы активистов Истпарта выделилась подгруппа: Ольминский, Адоратский, Лепешинский, Невский, Батулин, Мицкевич, Варенцова и Елизарова — болезни, отсутствия, замкнутость или непригодность сократили активное членство в коллегии до нескольких человек и сильно ограничили ее деятельность в течение первых трех лет существования¹⁸. Несмотря на все ограничения, постоянные участники совета Истпарта помогли сформировать структуру и содержание материалов по Октябрю на протяжении нескольких последующих лет, создав тем самым устойчивое физическое присутствие Октябрьской революции¹⁹.

¹⁸ В середине 1921 года Ольминский жаловался, что Рязанов не посещает собрания, Быстрянский живет в Петрограде, Батулин болен, у Невского мало времени для работы, Бубнов уехал в Ростов (а Лепешинский скоро уедет), Покровский лишь посещает собрания, а Адоратский занимается только административной работой. Пионтовский работал, но он десять лет был меньшевиком, большевиком стал только в 1919 году и выпустил одну работу в «кадетско-меньшевистском духе», которая была уничтожена. Сам он, отмечал Ольминский, не был способен на большую работу (РГАСПИ. Ф. 91. Оп. 1. Ед. хр. 177. Л. 7). В апреле 1923 года Лепешинский сообщил на Всероссийском совещании работников Истпарта, что хотя штат центрального Истпарта в итоге составил около 35 человек, многие из них не могут выполнять свои обязанности по болезни (Бюллетень Истпарта. 1924. № 2. С. 5). В январе 1924 года Ольминский жаловался в ЦК, что болезнь сильно мешает его работе и что большинство сотрудников работает на 20–40 % от своих возможностей (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 3).

¹⁹ Взаимоотношения между «красными архивистами», которые рассматривали свои архивные обязанности как оружие в революционной борьбе, и дореволюционными архивистами, которые часто оставались в этих учреждениях на руководящих должностях до начала 1920-х годов, рассматриваются в работе Антонеллы Саломони [Salomoni 1995: 3–27].

Природа доказательств

Все члены коллегии Истпарта были остро озабочены количеством и качеством имеющихся материалов как по революции, так и по партии. «Источников почти нет», — прямо заявил Ольминский на девятой партийной конференции в сентябре 1920 года [Девятая конференция... 1972: 98]. С октября 1917 года в большевистской печати регулярно появлялись призывы к сбору любой информации. В статьях неопределенно говорилось об «огромном количестве исторических ценностей» и в пример приводились неопубликованные отчеты о революционной деятельности, революционные песни, личные впечатления о событиях, воспоминания, плакаты, листовки, транспаранты и т. п. Читателей призывали искать новые источники, из которых можно было бы получить «революционный материал» об Октябре и РКП²⁰. Одной из главных своих задач Истпарт считал сбор документов, «рисующих бытовую сторону революционной эпохи — переписку, дневники, заметки»²¹.

В случае с партией недостаток информации был критическим, и ЦК в середине 1918 года обратился ко всем партийным организациям с просьбой присылать «каждую газету, каждую прокламацию малейшей организации для будущего историка Великой Русской Революции»²². В какой-то мере этот недостаток считался вполне объяснимым. Нельзя было ожидать, что люди смогут осознать значение такого великого события, как Октябрь, без необходимой перспективы, которую может дать только время. Кроме того, долгие годы подпольного существования революционных партий вряд ли способствовали сохранению материальных свидетельств их деятельности. Как писал Покровский, архивы в то время «носились в карманах секретарей и десятки раз уничтожались» [Девятая конференция... 1972: 102]. Неудивительно

---

²⁰ Петроградская правда. 1920. 26 окт.

²¹ См. РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 21.

²² Правда. 1918. 6 июня; Вечерние известия. 1919. 9 нояб.

поэтому, что, как писала «Правда» в начале 1919 года, «среди товарищей очень немногие знают историю партии» и особенно «Первого учредительного съезда»²³.

На кону, как хорошо понимали все эти революционеры, стояло само прошлое. Их борьба с врагами за репрезентацию прошлого была вечной, и уже велась ранее за Французскую революцию. «Буржуазия» приспособила Французскую революцию «к своим нуждам», — говорилось в первом обращении Истпарта. Для этого она выбрала только те «события, которые важны с точки зрения классовых интересов буржуазии, [и] нашла героев, которых буржуазному сердцу приятно вспомнить». Так, например, предпочитая писать о штурме Бастилии и игнорируя восстание левых якобинцев, восхваляя Жоржа Дантона и игнорируя Максимилиана Робеспьера, буржуазия «заставляет прошлое служить настоящему» [Ко всем... 1920: 2–3]²⁴.

Поскольку информацию необходимо было «довести до ума», лица, отвечающие за ее производство, отбор и компиляцию, имели решающее значение. В своих указаниях верным партийцам о том, какую информацию необходимо собирать, Истпарт предупреждал, что «[наши враги] будут стараться и уже стараются перетолковать Пролетарскую Революцию в своих классовых интересах»²⁵. На Девятой партийной конференции Ольминский посетовал на «плачевное состояние» знаний о партии, добавив, что те немногие архивы, которые существовали, «в значительной степени находятся в руках меньшевиков», а собираемые сейчас документы попадают «в чужие руки». Что же касается истории партии, он риторически вопрошал: «можно ли рассчитывать на корректность Мартова и [Александра] Потресова?» [Девятая конференция... 1972: 98]. «Это архивное дело», — заключил он,

²³ Правда. 1919. 22 февр.

²⁴ На девятой конференции партии Покровский привел примеры из истории Французской революции о том, какую форму приобретали те или иные эпизоды в руках «чужих людей» [Девятая конференция... 1972: 100].

²⁵ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 5. Л. 22.

во всяком случае не поручалось нашим политическим противникам в этой области. В других областях архивного дела это — особая статья, а в области чисто партийной истории и истории революции, отношений между партиями одними и другими очень желательно, чтобы все это поручалось не посторонним лицам, не враждебным нам политическим течениям [Там же: 100].

Беспартийные, хорошо известные и проявившие полную лояльность партии, могли получить доступ с помощью специального разрешения от «соответственного органа». И только члены РКП были «вполне надежны» и должны были отвечать за эти материалы [Ко всем... 1920: 15]. Но даже они, как указывалось в других документах, могли не справиться с этой задачей из-за своей неопытности в архивных делах или «неправильных взглядов на значение документов». Они должны были понимать, что «архивные фонды есть достояние республики»²⁶. В течение последующих лет доступ к ним будет контролироваться с каждым разом все строже²⁷.

Большевики, безусловно, знали о том, что кадеты, эсеры и меньшевики, которых они вынудили эмигрировать, распространяют свои представления об октябрьских событиях. Покровский был недоволен тем, что кадет Павел Милюков издавал «том за томом историю революции», а «у нас по этой части ничего нет» [Девятая конференция... 1972: 101]. Вынужденная эмиграция очевидно лишала критиков большевистского режима возможности формулировать и распространять свои представления о событиях в сколько-нибудь значимых масштабах внутри Советской России. Однако большевистские лидеры явно недооценили возможности, которыми располагали изгнанники для утверждения контрнарратива в качестве доминирующего представления событий октября 1917 года на За-

²⁶ См. РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 27.

²⁷ К 1925 году для публикации любых документов из партийных архивов требовалось прямое разрешение центрального Истпарта (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 104).

паде²⁸. В то время Покровский был гораздо больше озабочен усилиями по хронике Октября, предпринимаемыми *внутри* Советской России. Он подверг критике Общество изучения истории освободительного движения в России, созданное в Петрограде в конце 1919 года «не вполне контрреволюционерами» В. Н. Фигнер и Н. А. Рожковым, а также М. К. Лемке, П. Е. Щеголевым и известным дореволюционным историком Е. В. Тарле. Несмотря на «их желание написать объективно эту историю», Покровский предполагал, что они не смогут этого сделать, так как не имеют коммунистической предвзятости и будут «собирать материалы и освещать под своим углом зрения» [Там же]. Он назвал сбор революционных материалов «борьбой», проигрыш в которой означал бы, что «нашим детям придется учиться истории революции по белогвардейским книжкам» [Там же: 102].

Признание силы репрезентации революции поставило Истпарт перед другой проблемой: опасностью исследования «контрреволюционных» событий на основе царских документов. В докладной записке в центральный Истпарт Московское бюро рекомендовало использовать такие документы умеренно и крайне осторожно, ни в коем случае не перепечатывать их просто так, даже если они снабжены примечаниями. Проблема, добавляли в бюро, заключалась в том, чтобы решить, с какой точки зрения рассматривать контрреволюционные события; просто пересказать их считалось неприемлемым²⁹. В аналогичном ключе была написана статья в тульском журнале, в которой читателей предупреждали, что не

²⁸ Этот контрнарратив, изложенный в таких эмигрантских изданиях, как меньшевистский «Социалистический вестник» и эсеровская «Революционная Россия», в значительной степени сформировал западное восприятие Советской России. Дразнящие проблески этого повествования можно увидеть в книге Либиха «С другого берега» [Liebich 1997] (см. мою рецензию в: The Harriman Review. 1999. Vol. 12. Iss. 1. P. 31–32) и в предисловии Хеймсона [Haimson 1987]. Его устойчивость лежала в основе повышенного интереса ученых (на Западе с 1960-х годов и в постсоветской России) к тем партиям, которые противостояли большевикам во время и после Октября. Эту практику бывшие советские историки КПСС называли «бездумной апологетикой» противников большевизма [Булдаков 1996: 180].

²⁹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 217. Л. 7.

следует принимать за чистую монету информацию, содержащуюся в «контрреволюционных» материалах. Авторы критиковали документы из архива Тульского жандармского управления за то, что власть того времени «постаралась изобразить поведение черносотенцев, — “националистов” (“патриотов”) в весьма мягких красках, и, наоборот, сгустить краски при изображении действий противной стороны». В статье отмечалось, что такое представление в сочетании с вероятной неспособностью местных следователей зафиксировать свидетельства очевидцев черносотенных эксцессов породило «вражду к “революционерам”, “студентам”, “ораторам”... как в крупно-, так и в мелко-буржуазных слоях тульского населения»³⁰.

Тот же образ мышления порождал порой навязчивые «правила конспирации», регламентировавшие работу партийных органов высокого уровня в годы Гражданской войны и после нее³¹. Он лег в основу подробных инструкций о том, как следует засекречивать и архивировать собранные документы, как их нужно хранить, какие учреждения отвечают за те или иные источники³². На X съезде партии весной 1921 года Ольминский, говоря о важности сохранения документов (и памяти, которую они в себе заключают), нарисовал мрачную картину недалекого будущего, когда молодые коммунисты, которым на момент Февральской революции было 14–15 лет, будут спрашивать: «А что такое Февральская революция? А что такое Октябрьская революция?» Ольминский вспоминал, как в 1912 году, в момент возрождения рабочего движения, ЦК партии призвал к забастовке 9 января

---

³⁰ Революционное былое. 1923. № 1. С. 7. Учебник истории 1910 года, использовавшийся на курсах подготовки жандармов, содержал серию из 180 вопросов и ответов, призванных ответить на такие вопросы, как «Кто есть главный враг царя и отечества?» (правильный ответ — «Большевики, жида и студенты») [Козлов 1992, 2: 352].

³¹ Эти правила были нужны, по выражению Сталина, для того, чтобы информация не попала к «нашим врагам» (см. [Лебедев 1993: 88]). Эти правила, разосланные ЦК в местные партийные организации, воспроизведены там же, документы 1–4, 11, 13.

³² РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 21.

(годовщина расстрела рабочих в Петрограде в 1905 году) и в редакцию «Правды» пришли молодые рабочие, которые выразили свою готовность бастовать, но спросили, а что же произошло 9 января [Протоколы... 1933: 135]. Неудивительно, что проект Истпарта стал мобилизующим: Батурин призвал

к самому основательному и всестороннему освещению истории Октябрьского переворота и его вдохновителя и творца — РКП <...> История развития этой партии, ее побед и поражений должна быть написана возможно скорее. Она должна появиться не «в назидание потомству»; она необходима как орудие непрерывающейся борьбы, как путеводная нить к окончательной победе³³.

Учитывая неуверенность большевистских лидеров в восприятии их партии населением и постоянные попытки придать большевистской идентичности более четкие контуры, неудивительно, что вопрос о состоянии истории партии представлялся им особенно актуальным. «Для истории нашей партии не сделали почти ничего», — писал Быстрянский в «Петроградской правде» в октябре 1920 года:

...не имеется вовсе ни популярных пособий, ни серьезных работ. Это понятно. Только члены коммунистической партии могли бы дать настоящую историю ее прошлого, верную, неискаженную в кривом зеркале буржуазных предрассудков, картину сплочения пролетариата и его классовую партию <...> Но коммунистам было не до того, чтобы писать историю, ибо их силы были направлены на творчество исторического процесса, на активное участие в нем³⁴.

Изначально Истпарт должен был стать ответом на эти опасения. В августе 1920 года в партии была создана Комиссия по истории РКП(б) во главе с Ольминским, в которую вошли также

³³ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 29.

³⁴ Петроградская правда. 1920. 10 окт.

Бубнов, Батури́н, Невский, Адоратский и Покровский. В течение следующего месяца Комиссия была занята почти исключительно вопросом о том, как лучше подойти к изучению истории партии. Отдельным лицам (или небольшим группам) было поручено найти соответствующие материалы в библиотеках и архивах, связаться с местными партийными комитетами и выяснить, какие работы по истории уже выполнены, подготовить поручение членам партии о необходимости срочно написать воспоминания, а также составить соответствующую анкету для рассылки ветеранам местных организаций³⁵.

В первых планах, составленных к началу сентября, не удалось определить четкую взаимосвязь между историей большевистской партии и историей Октябрьской революции. Были созданы четыре подкомиссии: по истории партии большевиков до 1903 года (Батури́н, Рязанов, Ольминский), 1903–1917 годы (Батури́н, Ольминский, Невский, Рязанов), по истории РКП с октября 1917 года (Батури́н, Бубнов, Невский) и по истории революции с октября 1917 года (Адоратский, Пионтковский, Покровский)³⁶. Именно Покровский предложил создать отдельную комиссию по изучению Октября [Комаров 1958: 154]; история партии и история революции, хотя и исследовались под одной крышей, поначалу не были объединены, каждой из них занимались отдельные подкомиссии Истпарта³⁷. Отчасти это объяснялось убеждением большевиков в том, что истории предназначались для совершенно разных аудиторий: история Октября — для широких слоев населения, а учебники и книги по истории РКП — для членов партии и агитаторов.

Первый план работы, составленный в сентябре 1920 года Невским для партийной подкомиссии, был ориентирован на случаи, «когда лектора, пропагандисты и вообще партийные работники почти не имеют не только собрания материалов для

³⁵ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 1, 10.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 10.

³⁷ Московское бюро Истпарта также имело отдельные секции по истории революции и истории партии (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 216. Л. 3).

подготовки к лекциям, но не могут указать слушателям самых простых и доступных руководств, рисующих жизнь партии, октябрьский переворот и историю собственно РКП»³⁸. Первоначальные планы работы, подготовленные местными органами, такими как Уральское областное бюро, озадачили руководителей Истпарта своим стремлением отразить раздвоение партийной и революционной истории. Уже в ноябре 1920 года руководители на местах выделили отдельных лиц для руководства секциями по изучению истории партии и истории рабочего движения до 1917 года. Центральная коллегия Истпарта быстро предостерегла их от такого разделения, заметив: «Как можно излагать историю советского строительства, гражданской войны... вне истории партии?»³⁹ В первом выпуске «Бюллетеня Истпарта» в 1921 году Ольминский официально их объединил:

Не только история Великой русской революции, но и история Р. К. П. (по крайней мере с момента зарождения социал-демократии в России) — генезис и рост той движущей силы, которая неуклонно толкала стихию русской революции, начиная от кануна 1905 года к октябрьским дням 1917 года — не может не быть в центре внимания историка современных нам социальных бурь⁴⁰.

В этой борьбе за репрезентацию решающее значение имел вопрос о природе информации. Так как материалы были крайне скудны, что можно было считать легитимными документами — и где их можно было найти? Ольминский выделил три вида потенциальных источников: партийная литература, постановления и протоколы съездов и конференций, а также полицейские архивы. При этом полицейские архивы, предупреждал он, были проблематичным источником, поскольку давали искаженное отражение истории партии [Михайлова 1973: 218–219]. Более того, Батурин отмечал, что жандармские и полицейские архивы,

³⁸ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 45. Л. 21.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 406. Л. 1.

⁴⁰ Бюллетень Истпарта. 1921. № 1. С. 4.

которые, как полагали многие революционеры, могут содержать много ценной информации о подпольных партиях, разочаровали исследователей: они были однообразными и далеко не такими обильными, как ожидалось⁴¹. Но и первые два источника, упомянутые Ольминским, также не были безупречными. Как доложил Ольминский на X съезде партии, необходимость долго скрываться от полиции привела к тому, что материалы, которые остались от ранних периодов существования партии, были сухими и не освещали «закулисной стороны» жизни и деятельности», а также «мотивировки», лежавшие в основе некоторых резолюций. Эти источники также оставляли много пробелов в истории партии. Они начинались с мелких групп, которые вели агитацию среди рабочих в начале 1880-х годов, и сразу перескакивали к появлению в 1895 году Союза борьбы за освобождение рабочего класса. «А в эти десять лет, — риторически вопрошал Ольминский, — что же, пролетариат спал, не было развития социал-демократической партии?» [Протоколы... 1933: 133–134].

Недоверие Ольминского и правления Истпарта к этим источникам лежало в основе представлений о подлинном характере и месте революции. Они считали, что история революции и партии наиболее полно раскрывалась на местном уровне. Неспособность сохранить документацию в провинции могла привести к тому, что единственным источником информации о революционном движении оставались неполные газетные полосы:

А, между тем, воплощалась в дело революция именно на местах — в центрах вырабатывались, главным образом, ее план и ее лозунги. Потеряв провинциальный материал, мы не в состоянии будем представить себе, как революция делалась и что ею действительно сделано [Ко всем... 1920: 5].

Итак, партию нужно было искать на местах. Невский писал в ЦК в декабре 1922 года, сетуя на отсутствие локальных материалов, из-за чего история партии не могла быть «освещена

---

⁴¹ Петроградская правда. 1920. 11 нояб.

и разработана»⁴². История Октября и партии не только не должна быть оставлена на усмотрение руководителей партии, она *должна* была быть написана с нуля. Революционеры разных направлений выражали схожее убеждение. «Для истории советской власти время еще не настало, — говорил Ленин на IX съезде партии в марте 1920 года. — Если бы и настало, то мы, скажу за себя, — думаю, и за ЦК, — историками быть не собираемся» [Девятый съезд... 1920: 10].

Еще накануне захвата власти большевиками меньшевик Борис Николаевский отмечал, что центральная пресса, несмотря на бóльшую свободу в 1917 году, почти не выпускала материалов по истории партии (под которой он подразумевал РСДРП в целом). Такая скудость материалов о прошлом, отмечал он, и почти полная «неразработанность истории партии, особенно по отношению к фактам» означали, что провинциальная пресса была едва ли не единственным местом, где можно было найти необходимую документацию. Там говорилось об активистах, которые строили партию кирпичик за кирпичиком, но скрывались в тени, а потом уходили в безвестность, оставляя после себя «преемников и продолжателей»⁴³. Только демократическая провинциальная пресса, писал другой комментатор в 1919 году, вызванная «из подполья» Февральской революцией, могла предоставить необходимую «бытовую ситуацию» для мемуаров, которые будут написаны (а отчасти уже написаны) «партийными лидерами». Автор выделил недавно опубликованные мемуары Суханова как пример работы, которая ничего не раскрывает о революционной жизни и «настроении масс», столь необходимых для понимания периода после февраля 1917 года⁴⁴. Подобные мнения звучали и в правлении Истпарта. «Нужно воскресить быт, восстановить,

⁴² РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 206. Л. 90.

⁴³ Искра. 1917. № 6. 27 окт. Николаевский, невольно предвосхищая проблемы, которые повлечет за собой этот проект, критиковал местных самарских авторов мемуаров за то, что они плохо представляются, ограничиваются «поверхностными замечаниями» и допускают фактические ошибки в истории партии.

⁴⁴ Жизнь искусства. 1919. № 291. 13 нояб.

как жили тогда», — говорил Ольминский на X съезде партии в марте 1921 года:

Ничего не поймешь в революционном рабочем движении, если мы не будем знать тогдашних условий жизни рабочих, — не только высоту их тогдашней заработной платы, но и всю обстановку их жизни: квартирные, бытовые, фабричные условия, как обращались с ними на фабриках [Протоколы... 1933: 133].

Крупницы истины

Истпарт был рожден потребностью в стабильности и однозначности в изменчивое и непостоянное время. Последовательная история революции и партии должна была обеспечить режиму незыблемое прошлое, на которое он бы опирался. «Посредством сопоставления, взаимной проверки можно выяснить истину, — говорил Ольминский на девятой партийной конференции. — Везде есть ошибки, везде есть и крупницы истины» [Девятая конференция... 1972: 99]. Истпарту предстояло не только собрать эти крупницы, но и создать из них цельное революционное повествование. Созданию такого повествования, достаточно гибкого для того, чтобы самые разные группы и личности могли найти в нем свою роль, в немалой степени способствовало то, что Ольминский раздвинул временные границы Октября и большевистской партии:

По отношению к «Октябрьской революции», — что эта революция не ограничивается октябрьскими днями 1917 года: она еще продолжается, и нельзя даже предвидеть, когда можно будет сказать, что этот революционный период закончен; по отношению к истории Росс<ийской> Комм<унистической> Партии (большевиков) было бы неправильно ограничивать задачу временем появления слова «большевик» (1903 год), а нужно брать историю со времени первого в России самостоятельного политического выступления пролетариата [Из эпохи... 1921–1923, 1: 4]⁴⁵.

---

⁴⁵ Эти мысли он повторил на X Съезде партии [Протоколы... 1933: 135].

В его речи Октябрьские дни рассматривались как поворотный момент в гораздо более широком, аморфном процессе революции, а РСДРП была включена в состав большевистской партии, а не наоборот.

С каждым новым шагом создатели Истпарта стремились сделать изложение революционного нарратива более последовательным. Уже административная структура организации была одним из таких шагов: Истпарт был задуман как сеть местных бюро, в центре которых помещался губистпартотдел, созданный при губернском комитете партии. Сеть разрасталась из центра по губерниям, хотя одна новгородская организация утверждала, что занималась подобной деятельностью еще до создания Истпарта⁴⁶. К октябрю 1921 года Истпарт насчитывал 21 действующее местное бюро, а уже через год их количество выросло до 72 (14 на областном уровне и 58 на губернском)⁴⁷. Каждое бюро должно было иметь свой совет, состоящий не менее чем из трех человек, при этом в нем обязательно должен был быть хотя бы один член местного комитета партии, который отбирал остальных по стажу членства в партии, социальному положению и научной квалификации. Местные бюро должны были собирать и систематизировать любые материалы по истории рабочего движения, партийных организаций и «октябрьского переворота» в конкретном регионе. Все это должно было осуществляться в тесном контакте с Москвой, согласно ее «желаниям и инструкциям»⁴⁸.

---

⁴⁶ Утверждалось, что организация узнала о создании Истпарта только из первого выпуска бюллетеня (Бюллетень Истпарта. 1924. № 2. С. 14).

⁴⁷ Первые бюро были созданы в Петрограде, Екатеринбурге, Перми, Твери, Нижнем Новгороде, Воронеже, Омске, на Северном Кавказе, в Иваново-Вознесенске, Гомеле, Брянске, Одессе, Екатеринославе, Минске, Смоленске, Самаре, Новгороде, Ярославле, Калуге, Сибири, также появилось Татарское бюро. Через год к ним добавились Архангельское, Астраханское, Башкирское, Вологодское, Дальневосточное, Кубано-Черноморское, Курское и Рязанское бюро. Большинство союзных республик также имели свои отделения [Корнеев 1986: 14–16].

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 1.

Бюро имели право требовать любые материалы у любых учреждений и частных лиц, а также обращаться за помощью в их получении ко всем «органам советской власти». В его обязанности также входили организация библиотек, музеев, выставок, публикация работ в местных журналах и в виде книг, устройство публичных лекций и собраний по истории Октября и РКП, проведение вечеров воспоминаний. Целью всей этой деятельности было «теоретическое изучение истории и объединение ветеранов рабочего движения». Местные бюро должны были ежемесячно представлять подробные отчеты о своей деятельности в соответствующий губернский комитет партии, в бюро Истпарта вышестоящего комитета партии и даже в центральный Истпарт⁴⁹. На основе этой системы последний мог составить полную картину революционного движения из отдельных его частей — то есть буквально составить карту революции.

Истпарт задумывался как централизованная сеть, но в работе местных бюро должны были участвовать и местные жители. Истпарт призвал готовить на местах краткие популярные истории революции и привлекать к их составлению молодежь из партийных школ [Ко всем... 1920: 8]. С самого начала в помощь местным отделениям Истпарта планировалось создать кружки содействия: они должны были объединять старейших членов партии и «непосредственных участников революционных событий, по возможности с различных местностей»⁵⁰. Локальным бюро также предписывалось собирать материалы о деятельности членов местных организаций или участников местного рабочего движения: искать и опрашивать их родственников и знакомых, а также собирать фотографии и переписки⁵¹. Казалось, стоит задать правильные вопросы правильным людям в правильных местах, и прошлое революционного движения прояснится, как и роль партии в этом прошлом. Лучшее всего это убеждение выразил Ольминский:

---

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 9.

⁵⁰ Петроградская правда. 1920. 26 окт.

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 1; Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр. 36. Л. 37.

Я думаю, что в конце концов в каждом городе найдется сочувствующий нам или член партии, какой-нибудь старикашка, не ведущий видной политической работы, которого не перетаскивают из города в город и который может этим делом заняться с любовью [Девятая конференция... 1972: 100].

Даже в конце 1921 года, анализируя медленный рост и результаты работы организации на местах, Ольминский по-прежнему не считал нужным посылать «специальных людей» для руководства работой и полагал, что работа автоматически улучшится: «когда на местах возникает интерес, находятся люди, которые берутся за это дело» [Протоколы... 1933: 136].

Сперва организации Истпарта на местах получали много указаний и рекомендаций из Москвы. В 1922 году центральный Истпарт обязал местные бюро подчиняться местным губернским или областным комитетам партии⁵². Передача сети Истпартов из ведения Комиссариата просвещения в ведение партии делала для них доступной (по крайней мере, в теории) существующую партийную сеть по всей Советской России. Первые циркуляры Истпарта местным партийным организациям ясно указывали на то, что местное бюро Истпарта должно связывать свой район с общероссийским революционным движением. В 1921 году Истпарт информировал местные бюро о том, что они должны разъяснить работу местного рабочего движения, раскрыть взаимоотношения партии с другими партиями, установить роль местных организаций в революционном движении до февраля 1917 года и с февраля по октябрь 1917 года, а также подчеркнуть роль партии в социалистическом строительстве. Кроме того, члены каждого бюро должны были пригласить для работы в нем пять-шесть товарищей, а также собрать и упорядочить в хронологическом порядке все материалы по истории местного рабочего движения, местных партийных организаций и Октябрьского переворота, заложив таким образом основы революционного архива⁵³.

⁵² Там же. Ед. хр. 3. Л. 42, 46, 53, 66, 66а.

⁵³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр. 36. Л. 37.

Архивная целостность

К архивной целостности стремились в первую очередь революционные лидеры, которые противопоставляли свои целостные партийные идентичности более общему восприятию политических партий как образований, раздробленных в пространстве и во времени. Труйо отмечал: «Работа по их [архивов] сбору не ограничивается более или менее пассивным актом коллекционирования. Скорее, это активный акт производства, который подготавливает факты к историческому осмыслению. Архивы создают как содержательные, так и формальные элементы повествования» [Trouillot 1995: 52]. Еще в начале 1919 года «Правда» призывала к созданию партийного архива как хранилища источников для последующего изучения⁵⁴. Однако до конца Гражданской войны планы создания централизованной сети таких архивов существовали в основном только в виде непринятых законов⁵⁵. Эти стремления получили импульс с созданием Истпарта. В своем первом обращении к членам партии Истпарт отметил, что «архив не значит просто груда документов, сваленных в шкаф. Архив — это есть масса документов, разобранных и приведенных в порядок, классифицированных, распределенных или по содержанию или... в хронологическом порядке» [Ко всем... 1920: 7]. Истпарт поручил своим бюро разыскать архивы местной милиции и архивы местных партийных организаций, выделив для выполнения последней задачи своих сотрудников, которые должны были работать при местных партийных комитетах⁵⁶. Организация также немедленно выпустила подробные инструкции о том, как хранить документы, чтобы уберечь их от потери, кражи или повреждения [Там же: 14–16].

Объединение под одной метафорической (и физической) крышей скудных документов о разрозненных и зачастую недолговечных организациях дооктябрьской РСДРП создавало ощу-

⁵⁴ Правда. 1919. 22 февр.

⁵⁵ Подробнее об этих первых попытках см. [Максаков 1969; Корнеев 1979].

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 1.

щение преемственности, которая была незнакома местным организациям. На практике это проявилось в работе Петроградского бюро, где при Щеголеве была создана историческая комиссия из 30 человек. В ноябре 1920 года эта группа приступила к изучению всех имеющихся материалов и распределению их по периодам, соответствующим «более или менее завершенным моментам в истории РСДРП». В результате этой работы уже было получено около 723 прокламаций РСДРП, в основном охватывающих период с 1903 по 1912 год⁵⁷. Эти прокламации были собраны вместе и расположены в хронологическом порядке, чтобы создать впечатление последовательного и непрерывного развития РСДРП.

Одним из первых актов Истпарта стала отправка представителей за границу для поиска и по возможности вывоза «заграничных архивов» партии. Речь шла не только об официальных документах зарубежных делегаций РСДРП, но и о бумагах отдельных революционеров периода их эмиграции и даже о материалах бывших российских военнопленных⁵⁸. В ходе одной из таких поездок в 1923 году из Парижа было вывезено большое количество материалов, составлявших примерно пятую часть библиотеки и архива, основанного большевиками в Женеве в конце 1903 года. Среди этих материалов, по словам работника Истпарта, были почти все эмигрантские издания, выходившие за границей, при этом «большинство» книг были «меньшевистскими»⁵⁹. В феврале 1924 года Ольминский предложил ЦК партии создать архив Истпарта для хранения этих материалов и их организации в хронологическом порядке для будущих исследований. Лидеры обоих флангов РСДРП долгое время боролись

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 206. Л. 24.

⁵⁸ Коваленко, председатель Группы бывших русских военнопленных за границей, предложил эти материалы коллегии Истпарта в качестве источника информации о революционном движении. Эта работа была поручена Варенцовой (см.: РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 1). Архив одного из основателей российской социал-демократии Георгия Плеханова был перевезен из Парижа в Москву после переговоров с его женой [Комаров 1958: 164].

⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 5.

Рис. 10. Делегаты Второго Всероссийского съезда архивных работников, 1929 год (предоставлено РГАКФД в Красногорске)

с бытовавшим в России мнением, что затяжное пребывание в эмиграции отдалило их от российских масс. В этом центральном архиве эмиграция стала физически и символически интегрирована в российское революционное движение⁶⁰.

Гораздо менее успешными были усилия Истпарта по сбору архивов партийных органов внутри России за период после 1917 года и в течение 1918-го. В конце 1924 года Истпарт сообщил в секретариат ЦК РКП о том, что архивы самого ЦК, Московского комитета партии, а также Высшего совета народного хозяйства

⁶⁰ К апрелю 1924 года архив насчитывал две тысячи нелегальных и редких книг; 18 тысяч брошюр и журналов, в основном дооктябрьского периода; 10 674 листовки и 57 газет, некоторые из которых были представлены полными комплектами.

(ВСНХ), Комиссариата юстиции (Наркомюста) и Комиссариата просвещения за этот период были утеряны⁶¹. Тем не менее на протяжении 1920-х годов единый институционализированный партийный архив оставался одной из главных целей Истпарта и продолжал рассматриваться его руководителями как конкретная альтернатива «личным воспоминаниям и субъективным переживаниям», которые так энергично собирались всего лишь несколькими годами ранее⁶².

Литературная целостность

Амбициозные издательские планы Истпарта также включали другую цель — добиться последовательности и гибкости повествования. Назначенный в Петроградское бюро Невский в конце 1921 года призвал составить рациональный план работы и предложил структурированный график изданий для своего бюро, выпускаемых под постоянным руководством. План включал в себя издание работ по истории Петроградской организации РСДРП, составление списков состоявших в ней «социал-демократических революционеров», подготовку монографий по отдельным периодам рабочего и социал-демократического движения в Петербурге, а также выпуск «прагматического... сжатого очерка» о петербургской социал-демократической партийной организации⁶³.

Разные бюро Истпарта распределяли свою работу в соответствии с различными периодизациями революционного движения. Московское бюро использовало следующую хронологическую разбивку: кружки 1890-х годов; борьба с популизмом; 1900–1903 годы («Искра»); 1903–1904 годы до 2 января («Зубатовщина»); 1905 год — 9 января; Первая и Вторая Думы до 3 июня 1907 года; реакция, 1907–1912 годы; подъем 1912–1914 годов; война; Фев-

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Ед. хр. 765. Л. 29.

⁶² РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 161. Л. 37.

⁶³ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 206. Л. 37.

ральская революция; Октябрь 1917 года; после Октября⁶⁴. Несмотря на то что периодизация в разных регионах могла несколько различаться, она непременно рассказывала целенаправленную историю о неизбежности революции, и все местные бюро собирали и систематизировали свои материалы в соответствии с этой историей⁶⁵. Как и широкое определение Октябрьской революции и партии, сформулированное Ольминским, такая модель была достаточно гибкой, чтобы вписать местные события в общую картину⁶⁶. Она позволяла местным бюро работать над любым периодом последних двух десятилетий и при этом развивать общий нарратив⁶⁷. Юбилеи побуждали Истпарт создавать новые

⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 216. Л. 1. Ср. следующую периодизацию, согласованную Петроградским бюро: 1874–1880; 1881–1894; 1894–1903; 1903–1905; 1905–1906; 1906–1912; 1912–1914; 1914–1917 (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 206. Л. 24).

⁶⁵ Тверское бюро считало, что отсутствие системы в работе и разрозненность лучше всего может быть устранена известным планом и разделением работы на несколько временных периодов. В конце 1922 года оно предложило следующую широкую периодизацию: период нелегальной работы до Февральской революции 1917 года; февраль 1917 года — Октябрьская революция; история партии и советской власти с октября по настоящее время (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 11).

⁶⁶ В начале 1923 года Иркутское бюро использовало следующую периодизацию: период до Февральской революции 1917 года; Февральская революция; Октябрьская революция; начальный период после Октября (включая интервенцию чешских войск); колчаковщина; организация устойчивой советской власти в Сибири. Эти периоды подразделялись на следующие отделы: подпольная работа РСДРП (большевиков и меньшевиков) до 1917 года; раскол в партии; ссылка и каторга в Иркутске; чехословацкое движение; партизанское движение; становление советской власти; партийное строительство; агитационно-пропагандистская работа; развитие профсоюзного движения; роль крестьянства в пролетарской революции; кооперативное движение и его роль в пролетарской революции; деятельность других партий; «зеленый бандитизм» («зелеными» называли дезертиров из красной и белой армий в годы Гражданской войны, которые нападали на обе стороны) и т. д. (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 21).

⁶⁷ В течение первых трех лет работы Саратовское бюро изучало дела Саратовского губернского жандармского управления за 1883–1898 годы на предмет выявления материалов, свидетельствующих об эволюции программы и тактики губернских революционных кружков и их постепенном переходе

подкомиссии или отделы, чтобы рассказать очередную часть революционной истории. Так, в 1923 году в связи с предстоящим 100-летним юбилеем восстания декабристов 1825 года специально созданная подкомиссия планировала выпустить серию монографий по истории революционного движения, начиная с этого восстания⁶⁸. К концу 1923 года Истпарт уже готовился к 20-летию революции 1905 года, поручив Ольминскому подготовить планы сборников статей и стихов, а также списки кинематографических картин и революционной беллетристики⁶⁹.

Визуальная целостность

Попытка достичь литературной целостности исторического нарратива сочеталась в планах Истпарта с попыткой достичь целостности визуальной. В конце 1918 года оргкомитет Октябрьской годовщины обратился ко всем участникам с просьбой прислать по одному экземпляру каждого издания, выпущенного в честь этого события, для планируемого Музея Октябрьской революции⁷⁰.

Через год художникам, участвовавшим в оформлении декораций октябрьских торжеств 1919 года, было предложено передать все эскизы эмблем, плакатов и других украшений для проектируемого Музея народных торжеств⁷¹. К 1920 году Музей революции в Петрограде организовал всенародную экспедицию по сбору исторических материалов о революционном движении. Советские власти даже пригласили в нее видных политических деятелей из-за рубежа, в том числе анархистов Александра Берк-

---

от анархизма и популизма к марксизму и социал-демократическим идеям. В этих делах, а также в делах Охраны за 1898–1907 годы была найдена информация о деятельности саратовской организации РСДРП и рабочего движения в эти годы (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 6–7).

⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 1.

⁶⁹ Там же. Ед. хр. 4. Л. 1, 8.

⁷⁰ Известия. 1918. 6 нояб.

⁷¹ Жизнь искусства. 1919. № 286–288. 9 нояб.

Рис. 11. Е. М. Ярославский и С. Н. Савельев в Музее Октябрьской революции, Москва, 1928 год (предоставлено РГАКФД в Красногорске)

мана и Эмму Гольдман (хотя Беркман считал, что участие в такой «неполитической» деятельности означает его отстранение от «более важной работы» со стороны все более враждебного коммунистического режима⁷²).

Одной из важнейших задач всех бюро Истпарта в 1920-е годы было создание выставок и музеев, посвященных Октябрьской революции и партии. По выражению Новгородского бюро, задача музея заключалась в сборе, хранении и систематизации материалов по истории революции как необходимого условия

⁷² Вскоре Беркман разочаровался в посягательствах на «независимый, беспартийный характер» музея со стороны Истпарта, который был «враждебен свободной инициативе и максимальным усилиям» [Berkman 1925: 157–163]. См. также [Goldman 1970: 75–79].

для распространения «правильных понятий» революции и внедрения революционных идей⁷³. В июне 1923 года С. Н. Савельев заявил на заседании коллегии Истпарт, что московский Музей революции рассчитан на другую аудиторию, чем выставка Истпарт, которая экспонировалась в коридорах Кремля. Если первый был «музеем реликвий», ориентированным на массовую аудиторию, то второй имел явные «педагогические цели», будучи «партийным семинаром» для «более подготовленных партийных товарищей»⁷⁴. И действительно, выставка Истпарт была организована летом 1921 года в Доме союзов специально для знакомства партийных членов с историей партии и была приурочена к X съезду, темой которого была необходимость единства партии [Комаров 1958: 160].

Независимо от целевой аудитории и несмотря на опасения Беркмана и Гольдман, эти музеи и выставки, собирая и организуя (обычно в хронологическом порядке) под одной крышей все имеющиеся материалы по определенной теме, придавали разрозненным документам сильное и целостное визуальное воздействие. Особую ценность представляли фотоматериалы. По заданию Московского бюро небольшие группы рабочих местных заводов фотографировали здания, которые считались «замечательными» с точки зрения истории революции⁷⁵. Подольское бюро прочесывало местные жандармские архивы в поисках фотографий и досье на членов РСДРП и ПСР, оформляя их в выставки о революционном движении⁷⁶. В 1922 году Истпарт ходатайствовал перед ЦК о выделении 50 миллионов рублей на фотографии для выставки, которые предполагалось возместить продажей этих фотографий⁷⁷. Временные выставки по отдельным

⁷³ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 4.

⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 13–15. Лепешинский сообщил на конференции Истпарт в 1923 году, что выставку посетили 82 экскурсии (около 2500 человек) в год (Бюллетень Истпарт. 1924. № 2).

⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 217. Л. 35.

⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 4.

⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 1.

темам часто становились основой будущих постоянных музеев революции на местах⁷⁸.

Уже в 1921 году Екатеринославское бюро организовало выставку по «истории партии и революции», которую посещало в среднем 150 человек в день: в основном это были группы учеников местных школ и служащих воинских частей Екатеринослава⁷⁹. Музеи и выставки варьировались в зависимости от района. Они могли быть небольшими: например, музей при Витебском бюро, где хранились «некоторые фотографии» и несколько местных и центральных газет за период после 1917 года, или выставка, открытая в рабочем клубе Симбирска, — несколько фотографий местных партийных работников, взятых из архива охранного отделения, несколько экземпляров газеты «Искра» и устав местной партийной организации Ардатовского уезда, «долгое время не получавшей после февральской революции никаких сведений из центра»⁸⁰. Они могли быть такими же объемными, как созданный Новгородским бюро Музей революции, в котором к 1923 году хранилось 215 прокламаций, 318 фотографий, 500 образцов нелегальной литературы и 210 плакатов. В музее была организована выставка, состоявшая из двух частей, «История Октябрьской революции» и «Марш Великой Октябрьской революции», и включавшая почти две тысячи экспонатов, которую за полтора года посетило более 17 тысяч человек⁸¹. Местные бюро неизменно гордились высокой посещаемостью своих музеев и выставок и, как и Новгородское бюро, подчеркивали, что ими «горячо» интересуются красноармейцы, рабочие и крестьяне⁸².

Эти музеи и выставки задумывались как места не пассивного просмотра, а активной пропаганды. Представленные экспонаты

⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 6, 7; Ед. хр. 5. Л. 15.

⁷⁹ Бюллетень Истпарта. 1924. № 2.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 1а–2; Бюллетень Истпарта. № 2. 1924. Ср. выставку, организованную Истпартом Украины, на которой было представлено 2700 экспонатов и которую посетили 2200 человек (Там же).

⁸² РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 2.

часто дополнялись публичными лекциями на соответствующие темы или курсами по истории партии, что помогало поместить экспонаты в определенный контекст⁸³. Как отмечали в Новгородском бюро, «колоссальное» количество посетителей экспозиции было обусловлено тем, что музей находился в дискуссионном клубе, где регулярно проходили местные конференции⁸⁴. Высокие показатели посещаемости были, конечно, и результатом групповых экскурсий, организованных местными комитетами, организациями и заводами.

В поиске всеохватных мемуаров

Несмотря на то что руководители Истпарта стремились создать последовательное революционное повествование, они все же опасались, что всех их усилий будет недостаточно, чтобы передать присущую жизненному опыту революционера яркость и драматизм. Передать его могли только личные воспоминания современников. Но ведь «мы, теперешние русские коммунисты... о нашей революции просто знаем? — спрашивал Истпарт с оттенком раздражения. — Каждый помнит то, что он видел вокруг себя в том уголке России, куда его забрасывала судьба за последние три года» [Ко всем... 1920: 4]. Это высказывание, конечно же, было адресовано членам партии. В крайне идеологизированной атмосфере ранней Советской России не все очевидцы были равны, как и их мемуары. Значительная часть советской революционной культуры до этого времени была направлена на отделение в новом обществе легитимных голосов от нелегитимных. Но даже голос партийной интеллигенции, сыгравший важнейшую роль в Октябре, не мог быть услышан в ущерб голосу «рабочей социал-демократии» [Из эпохи... 1921–1923, 1: 190]. Утверждая, что Истпарт в своей работе не делает «различия

⁸³ В Москве курсы по истории партии были организованы Музеем революции и рассчитаны на группы в 60–70 человек (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 216. Л. 19).

⁸⁴ Бюллетень Истпарта. 1924. № 2.

между рабочими и интеллигенцией», Ольминский предупреждал, что

интеллигенция, особенно в дореволюционное время, жила одной, а рабочий — другой жизнью <...> Поэтому, если у нас история будет писаться только по воспоминаниям рабочего, то это будет одна история, по воспоминаниям интеллигента — другая история. Это будут две разные истории [Протоколы... 1933: 136].

Тем не менее, как полагали в Московском бюро, более легитимной из этих двух историй в условиях пролетарской диктатуры была история рабочих, имевших «революционное прошлое», и «даже беспартийных рабочих»⁸⁵. Но сам по себе их социальный статус не гарантировал безупречности их воспоминаний. Руководитель Витебского бюро говорил на конференции Истпарта в 1923 году, что «рабочий... массовик большей частью знает только свой уголок работы и поэтому цельной картины в воспоминаниях дать не может»⁸⁶. Поэтому даже для рабочего приходилось ограничиваться отдельными революционными эпизодами или определенными темами, например, деятельностью местных партийных организаций (особенно на отдельных заводах). Коллективные воспоминания считались наиболее надежными. Объединение групп товарищей, принимавших участие в работе партийных организаций в одно и то же время и на одном и том же заводе или в разные периоды на одном заводе, должно было помочь составить там «полную картину партийной организации»⁸⁷.

Задача Истпарта заключалась не просто в сборе материалов, а, по выражению Ольминского, в «создании литературы мемуаров (воспоминаний) [Из эпохи... 1921–1923, 1: 3]. Он мог бы добавить, что в нее входило и создание легитимного автора. Только личные воспоминания нужных людей могли наполнить смыслом сухие факты прошлого из опубликованных материалов. Один из авто-

⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 216. Л. 42.

⁸⁶ Бюллетень Истпарта. 1924. № 2.

⁸⁷ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 216. Л. 42.

ров писал, что задуманные воспоминания должны обрамляться контекстом повседневной жизни⁸⁸. Ольминский призывал членов партии вспоминать как можно больше и подробнее:

И желательно, товарищи, чтобы к этому отнеслись не формально... а напротив, чтобы каждый раз вспоминали как можно более подробно не только содержание резолюций, постановлений и листовок, но и психологические, бытовые особенности того момента [Девятая конференция... 1972: 99].

В то же время Совет Истпарта прекрасно понимал, что изменчивость памяти делает проблематичным сам акт воспоминания. Кратковременность памяти, писала «Петроградская правда», ставила под угрозу само существование Октября⁸⁹. Без необходимой перспективы времени и контекста нельзя было ожидать, что человек осознает более широкое — революционное — значение своих воспоминаний. Ольминский проводил аналогию с судебными процессами, в которых «все свидетели врут поневоле, поэтому перспектива искажается» [Там же]. Кроме того, когда люди вспоминают, они склонны преувеличивать свою собственную роль в событиях. Наиболее ценными среди рукописей, дневников и записок, составлявших революционные документы, по мнению Истпарта, были те, которые составлялись для повседневной жизни, а «не нарочно для оповещения потомства»⁹⁰. Эти проблемы усугублялись сложностью получения информации от большого количества зачастую неграмотных людей.

Стремление компенсировать естественные недостатки, присущие памяти, способствовало установке на связность получаемых воспоминаний. Местным бюро было дано указание из центра регистрировать и опрашивать старых партийных активистов, которые до 1917 года были большевиками или меньшевиками, и предлагать им написать свои воспоминания. Эти воспоминания

⁸⁸ Жизнь искусства. 1919. № 291. 13 нояб.

⁸⁹ Петроградская правда. 1920. 23 окт.

⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 26.

перечитывались членами бюро, а пробелы восполнялись путем дополнительных расспросов автора. Еще один уровень потенциального посредничества добавлялся, когда местным работникам бюро разрешалось записывать воспоминания тех, кто не мог писать⁹¹. Истпарт также указывал, что в силу хрупкости, присущей личной памяти, вполне допустимо при написании воспоминаний обращаться к документам, газетным статьям или книгам [Из эпохи... 1921–1923: 4]. Истпарт просил присылать в комиссию любые документы, «дополняющие, подтверждающие, подкрепляющие» использованную авторами информацию [Ко всем... 1920: 9]. Это считалось особенно необходимым при использовании материалов охранного отделения или жандармерии, которые нужно было сверять с воспоминаниями «пожилых партийных товарищей»⁹².

Явной целью Батурина и других лидеров Истпарта был набор воспоминаний о революции от нужных людей. Прошлое требовалось восстанавливать по крупицам, отмечала «Петроградская правда»: «Разрозненные и отрывочные в отдельности, они [личные воспоминания], в своей совокупности, должны восполнить друг друга и дать возможно полную сводку сведений и иллюстраций партийной жизни в разное время и в разных районах»⁹³. Истпарт составил список видных павших товарищей, о которых необходимо было собрать биографические материалы, и опубликовал их имена в революционных журналах⁹⁴. Одними из первых письма из центрального Истпарта с призывом записать свои воспоминания получили высокопоставленные члены партии. Необходимо было найти пожилых большевиков, зарегистрировать их и пригласить для составления мемуаров либо для записи устных воспоминаний⁹⁵.

⁹¹ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 1.

⁹² Там же. Ед. хр. 206. Л. 97.

⁹³ Петроградская правда. 1920. 11 нояб.

⁹⁴ Печать и революция. 1921. № 2. С. 246. В этот список вошли Инесса Арманд, Вера Бонч-Бруевич, А. А. Богданов и др.

⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр. 36. Л. 37.

Структура памяти

Очевидно, что поиск связных воспоминаний и легитимных голосов сделал этот проект гораздо более сложным, чем «простая» запись воспоминаний участников или современников (если такой акт вообще можно назвать простым). Сам процесс сбора структурировал форму и содержание. Чаще всего люди формулировали свои воспоминания об Октябре в виде ответов на вопросы в анкетах, составленных центральными или местными органами власти [Тихонова 1964: 99–103; Коровайников 1997]. Форму определял контекст, в котором заполнялись эти анкеты. Они часто раздавались на партийных или государственных собраниях или на специально организованных вечерах воспоминаний, как это было в третью годовщину Октябрьской революции. Помощь в заполнении анкет оказывали партийные работники, обычно командированные из центрального бюро Истпарта. Местные активисты к моменту заполнения анкет иногда уже находились в Москве и Петрограде, переехав туда для занятия той или иной партийной или государственной должности, и, возможно, уже рассматривали свой прежний опыт в провинции с точки зрения Октябрьской революции⁹⁶.

Анкеты, распространенные партией среди своих комитетов по всей России в 1918 году, выявили глубокую неосведомленность партийных руководителей о состоянии собственной организации (они выпытывали мельчайшие подробности о местных бюро и их связях с центральными партийными органами во время и после Октября)⁹⁷. В то же время эти анкеты создавали нарратив Октября с помощью сложного процесса сбора информации. Вопросы о названии местной партийной организации, численности ее членов (местных или «привлеченных» из других регионов), времени создания, наличии собственной печати, партийной школы или библиотеки, а также о том, действовали ли в том же регионе другие социалистические партии, ставили индивидуаль-

⁹⁶ Бюллетень Истпарта. 1924. № 2.

⁹⁷ ЦДНИАЮ. Ф. 394. Оп. 1. Д. 30. Л. 23–24; Петроградская правда. 1920. 11 нояб.

ные воспоминания в сильную зависимость от партийной культуры. Вопросы о фамилиях отдельных членов партии, их возрасте, уровне образования, стаже партийной работы, наказаниях, которые они понесли в результате своей партийной деятельности, формировали представление о партии как о деле всей жизни человека. Вопрос о том, направляла ли местная организация делегатов на VII съезд партии в марте 1918 года в Петрограде (и «Если нет, почему нет?») намекал на определенный уровень ответственности⁹⁸. Краткий опросник по основным событиям периода Гражданской войны в деревнях и селах, состоявший из 14 вопросов, указывал, какие события считаются значимыми («беспорядки, восстания, заговоры, бои») и какой момент — переломным (организация «советских учреждений» в деревне)⁹⁹.

К 1920 году подробнейшие анкеты, составленные Истпартом, предлагали настойчивый сценарий неотвратимого революционного движения *как следствия* целостной партийной организации. Весь сценарий, разумеется, сводился к Октябрьской революции как кульминации этого движения. Респондентам задавался вопрос о том, насколько они были осведомлены о революционных событиях в других регионах страны, что давало возможность представить собственные действия как часть более широкого и внутренне связанного революционного движения¹⁰⁰. Независимо от того, утвердительно или отрицательно они отвечали на эти вопросы, респонденты определяли себя и свою деятельность как часть революционного нарратива.

Формульность революционного повествования выражалась с помощью серии хронологических анкет, посвященных поочередно каждому этапу революции. Более того, внутри каждой анкеты хронологическая последовательность передавалась через определенную последовательность вопросов. Пролог к Октябрю рассматривался в чрезвычайно подробной анкете, охватывавшей «первый период», предшествовавший Февральской революции.

⁹⁸ ЦДНІЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 30. Л. 23–24.

⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 69. Л. 239.

¹⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 406. Л. 33–39.

Вопросы последовательно излагали основные моменты революционного повествования вплоть до февраля 1917 года: война с Японией, расстрел рабочих в Петрограде 9 января 1905 года, октябрьские забастовки, реакция, Ленский расстрел, война. Респондентам было указано, какие местные события можно было считать важными («стачки, столкновения с войсками и полицией, экспроприации, террористические акты»), и предлагалось рассказать, какую роль в этих событиях сыграли они сами и их партийные организации¹⁰¹. Эта история была продолжена в отдельной анкете, посвященной февралю 1917 года, вопросы которой прослеживали основные моменты этого периода (февральские дни, отступление в Галиции, июльские дни, выступление Корнилова). Повествование завершалось наводящей подсказкой: «Приказ о выводе революционных войск из Петрограда. Лозунги. Агитация среди войск и рабочих. План действия и подготовительная работа. Связь с центром. Борьба за власть. Победа»¹⁰².

В анкетах, посвященных Октябрю, вопросы четко определяли, как должен видеть партию и революцию настоящий революционер. Респондентов просили рассказать о своих действиях и действиях товарищей в «решающие моменты» Октябрьских дней, а также описать путь организации «рабоче-крестьянской власти» в своей местности. Их просили высказать свое мнение о других местных организациях, например о профсоюзах, и указать, насколько их мнение отличается от мнения большинства. В анкетах спрашивалось об отношении «крестьянских и рабочих масс» к тем или иным событиям или организациям. Аналогичным образом им предлагали описать «борьбу с эсерами, меньшевиками и другими контрреволюционными партиями». Линии борьбы в новом обществе обретали наиболее четкие контуры в вопросах, касающихся последствий Октября. Предложенные опросы очерчивали социальный сценарий, который не оставлял у респондентов сомнений относительно легитимных и нелегитимных голосов в обществе. Респондентов просили оценить деятельность коми-

---

¹⁰¹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 406. Л. 33–39.

¹⁰² Там же. Л. 40.

тетов бедноты (комбедов) после Октября в отношении «бедняков, середняков и кулаков». Также предлагалось определить, кто из следующих групп участвовал в местных «контрреволюционных» эпизодах: бывшие помещики, бывшая буржуазия, бывшие офицеры царской армии, бывшие царские чиновники, духовенство, интеллигенция, студенты, кулаки, дезертиры, группы рабочих и крестьян, кадеты, эсеры или меньшевики. Необходимо было также назвать группы, которые поддерживали советскую власть. В последнем вопросе респондентам предлагалось назвать любые известные им «остатки старого режима» [Ко всем... 1920: 10–13]¹⁰³.

Эти ранние анкеты не рисовали картину исключительно большевистского Октября. Например, в них был такой вопрос: «Какие партии, кроме РКП, участвовали в перевороте?» Однако РКП отдавалось предпочтение: предлагалось рассказать о взаимоотношениях местных организаций с центральными партийными учреждениями, о зарубежных центрах партии, а также о IX и X съездах. Вопросы о дооктябрьском периоде были следующими: «отношение населения к РСДРП (Большевик)? Работа партии после Июльских дней? Шестой съезд партии? Рост партии?». Анкета рисовала картину устойчивого выхода партии на политическую арену, несмотря на серьезные испытания. Очевидцам предлагалось вспомнить эпизоды репрессий, которым подвергались их организации со стороны царских властей, а также ситуации, в которых они лично пострадали от рук царской полиции. Их также просили описать случаи совместной работы с другими партиями и фракциями, хотя формулировки вопросов заставляли задуматься о добросовестности этого сотрудничества. В одной из анкет спрашивалось: «Какие вопросы (организационные, тактические, программатические, философские)...» более всего отличали «организации, в которых вы были членом, от меньшевистских организаций?» Аналогичный вопрос касался контактов местной партийной организации с «общественными организациями... учреждениями, официальными личностями, видными общественными беспартийными работниками»; отвечающему

---

¹⁰³ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 406. Л. 41.

на вопросы необходимо было обосновать необходимость этих контактов, рассказав, кто их поддерживал и какую пользу они принесли партийной организации. Формулировка вопросов предлагала респондентам описать свою прошлую деятельность при помощи гораздо более поляризованных терминов, чем те, которые они, вероятно, использовали в свое время. Неопределенный социальный враг («власти», «правые элементы», «монархисты», «буржуазия») уступал место властной элите, в которой проступали все более четкие партийные контуры (меньшевики, эсеры, анархисты и даже «меньшевистски мыслящие элементы»).

В этих анкетах большевистская партия была безошибочным мерилom революционной преданности. Вопросы о действиях отдельной ячейки и *отдельного человека* в решающие моменты были не чем иным, как призывом к несению организационной и личной ответственности перед революционным делом и партией. Респондентов неоднократно просили поименно назвать членов партии, которые активно занимались партийными делами, тех, кто выделялся на конференциях и собраниях, и тех, кто руководил местными организациями. В последнем вопросе, содержавшем недвусмысленные намеки, предлагалось ответить на вопрос, состояли ли они в другой партии, и если да, то в какой и как долго; какой работой они занимались, где; и, пожалуй, самое злое — где, когда и почему они вышли из этой партии [Там же]¹⁰⁴.

Многие из этих элементов повторялись в анкетах, составленных местными бюро и адаптированных к местным условиям. Так, в одной из самарских анкет были указаны основные события революционного движения в городе: покушение «анархистов, максималистов и левых эсеров» на советскую власть в мае 1918 года и борьба с чехами. Формулировка вопросов давала представление о безыдейной в конечном счете контрреволюции, приводя в пример «мелкобуржуазное» Самарское Учредительное собрание, которое распалось изнутри и разбежалось в панике перед победоносной Красной армией. Важность этой анкеты состояла в том, что ее целью была демонстрация контуров политического тела в Самаре в этот

¹⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 406. Л. 33–41.

период. Респондентам предлагалось опознать, какие слои были за советскую власть или против нее во время взятия города и как они отреагировали на «мелкобуржуазное» правительство Самарского Учредительного собрания, пришедшее к власти в середине 1918 года. Далее были заданы вопросы о том, какую роль в арестах и расстрелах в период работы Учредительного собрания сыграли «эсеры, меньшевики, интеллигенция и духовенство», а также о роли местной партийной организации, в которой состоял респондент, и его *личной роли* в эти моменты. Отдельный блок вопросов касался деятельности местных «большевиков-коммунистов» при чехах: просили назвать их, рассказать об их деятельности, разногласиях по принципиальным вопросам, а также о случаях отказа от основной «партийной линии»¹⁰⁵.

Форма и содержание анкет стали результатом того же стремления к связности повествования, которое определяло все другие попытки написать, прославить или вспомнить историю Октября с момента захвата власти большевиками. Начиная с 1920 года Истпарт стал привлекать к этому процессу новую группу рассказчиков с общим жизненным опытом, что отличало их от предыдущих. Большинство из них смотрели на мир через призму революционной и партийной деятельности и воспринимали Октябрьскую революцию через эту же призму. Для этих людей роль партии в революционном движении была очевидна, и они стремились к тому, чтобы она была признана широкими слоями населения. Они были убеждены, что эта история должна, и более того, может быть рассказана только на местах. Однако они недооценили масштабы политических, административных, финансовых и личных препятствий на пути к этой цели. Хотя им и не пришлось бороться с мощной контрпропагандой внутри Советской России, в течение следующих трех-четырёх лет их повествовательные усилия подверглись серьезным испытаниям, поскольку на местах не удавалось создать ту историю, на которую рассчитывали партийные идеологи.

---

¹⁰⁵ Красная быль. 1922. № 1. С. 118–120. Ср. аналогичную структуру анкеты по Ярославлю (ЦДНБЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 64. Л. 40–41).

Глава 5

Как не нужно писать историю Октября

Через Октябрь до-октябрьская партия впервые узнала себе настоящую цену.

Лев Троцкий. Новый курс, 1923

Реакция провинции на Октябрьскую революцию обычно изучается с точки зрения нестандартных или отложенных путей ее осмысления [Кеер 1968: 180–223; Pethybridge 1972; Wade 1991: 132–142]. Лишь в редких случаях местные истории рассматриваются как часть более широкого государственного проекта по созданию Октября как основополагающего события для Советской России [Hickey 2000: 1–19; Northrop 2001: 125–145]. Для создателей Истпарта было принципиально, чтобы революционная история рассказывалась в каждом уголке Советской России самими местными жителями, но под руководством центра. После раздробленности периода Гражданской войны и ее непосредственных последствий руководители Истпарта создали связную историю революции, насыщенную генеалогией и знаковыми событиями, великими и малыми героями и четко обозначенными врагами. Однако, как показали первые годы работы, революционные фантазии *местных* активистов сдерживались огромным количеством финансовых, организационных и политических факторов¹. Созданные и направляемые центральной организа-

---

¹ Как это часто бывало в советской историографии, ученые 1930-х годов рассматривали 1920-е как «золотой век краеведения», когда у отдельных людей была возможность свободно рассказывать о своем прошлом и о сво-

цией, местные бюро Истпарта, безусловно, производили драматические истории о революции. Но у центра возникали претензии к ключевым аспектам этих рассказов.

Истпарт на практике

Настойчивое стремление центрального Истпарта к созданию единой истории революции и партии после первоначального заигрывания с ее разделением было сдержано острым осознанием плачевного состояния партии в настоящий период. Отчеты Отдела агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) (Агитпропа) о состоянии местных партийных организаций в 1922 году, видимо, усугубляли сомнения членов Истпарта в возможности найти нужные им материалы. Низкая политическая грамотность многих членов партии ослабляла агитацию среди беспартийной массы рабочих и крестьян. Партийные организации Урала (Екатеринбургской, Челябинской, Уфимской, Тюменской и Пермской губерний) — крупного промышленного центра — рисовали катастрофическую картину голода, нищеты, преступности, безработицы и враждебности среди рабочих. Местные партийные организации отличались повальным пьянством, пропуском собраний, местничеством и «отходом от партийных интересов». Даже из крупных местных организаций (например, Екатеринбургской) люди уходили с огромной скоростью из-за материальной нужды, оторванности от высших партийных комитетов, отсутствия партийной литературы и «не уяснения современного курса партии».

По всему региону члены партии переезжали в другие области, не ставя в известность местный комитет, или использовали любые предлоги, чтобы быть вызванными или отозванными в центр.

ем настоящем опыте. Как показано в моем исследовании, изучение Октября на местном уровне уже по определению было частью революционного метанарратива, разрабатываемого в центре. Это, однако, не исключало локальных изменений революционного сюжета (см. [Provincial Landscapes 2001: 4–6]). И действительно, как показывает Марк Стейнберг в исследовании пролетарских поэтов, метанарратив одновременно и ограничивал, и разжигал их воображение [Steinberg 2002].

Участились случаи исключения из партии за «партпреступления», ослабла партийная дисциплина, во многих районах губернские комитеты находились на грани распада. В некоторых регионах члены партии не платили партийные взносы или были вынуждены пренебрегать партийной работой, поскольку от наличия оплачиваемой работы вне партии зависело их выживание. Связи с беспартийным населением часто были слабыми, а местные партийные органы нередко выступали в роли изолированной фракции, ведущей репрессии на основе личных или местных интересов². Слабость партийной идентичности и плохое состояние организации были хроническими проблемами. В разгар кризиса 1921 года Невский уловил растерянность населения: «Да, мы знаем, что было в октябре, — говорили рабочие и крестьяне, — но то было в октябре и тогда были еще большевики и было хорошо, а теперь остались коммунисты и потому теперь, мол, очень плохо». Для некоторых людей в то время слово «коммунист» означало лишь «насилие, и принуждение, и холод, и голод» [Невский 1921: 26, 27].

Когда постановлением ЦК от 2 декабря 1921 года Истпарт был передан из Комиссариата просвещения в ведение ЦК РКП(б), всем существующим местным бюро было предписано перейти в ведение губернских и областных комитетов партии³. Местные бюро Истпарта получили прямой приказ подчиниться губернским бюро партии, которые должны были обеспечить их руководством и индивидуальными заданиями⁴. Но вместо того чтобы создать управляемую сеть, как рассчитывал центральный Истпарт, это событие лишь навлекло на бюро многочисленные проблемы, с которыми сталкивались местные партийные организации. Кроме того на местах бюро Истпарта приняли без особого энтузиазма и даже относились с высокомерием к самому проекту. Зачастую местные партийные комитеты просто игно-

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр. 388. Л. 26–34.

³ Ср. письма, направленные в различные местные бюро: РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 42, 53, 66, 66а.

⁴ Там же. Ед. хр. 3. Л. 46.

рировали указания центрального аппарата Истпарта о создании бюро в своих регионах или выполняли их лишь формально. Иногда местные организации просто закрывали подчиненные им бюро Истпарта и конфисковывали их ресурсы⁵.

Некоторые бюро в первые два года существовали только номинально, другие не имели ни помещений, ни материальной базы. Служащие Истпарта часто были перегружены прочими партийными обязанностями или получали должность в бюро, поскольку были слишком стары или немощны для выполнения другой работы⁶. В некоторых случаях местные бюро были реорганизованы в конце 1922 — начале 1923 года, фактически вместо них были созданы новые бюро⁷. Например, местные бюро жаловались на то, что в Казанском бюро образно называли «свободой действий», — а именно на отсутствие указаний как от губернского комитета партии, так и от центрального Истпарта⁸. Уже в сентябре 1925 года руководитель Оренбургского бюро Марковский говорил о трудностях работы «без положений и указаний, даже без местной ориентации». Через месяц он обратился в центральный Истпарт с просьбой помочь его «молодой организации» наметить путь работы. Он запросил издания (специальные юбилейные номера «Рабочей Москвы»), а также инструкции по организации выставок и других подобных мероприятий. Наконец, ввиду недостаточного опыта тех, кто занимался работой Истпарта, он выразил настоятельную потребность в посещении хотя бы короткого курса по организации такой работы⁹.

⁵ Как это произошло с Крымским и Саратовским бюро (см. соответственно: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Ед. хр. 539. Л. 27; Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 6).

⁶ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 3, 7; Ед. хр. 5. Л. 1а, 3, 9–15; Ед. хр. 59. Л. 28; Ед. хр. 248. Л. 10; Ф. 17. Оп. 84. Ед. хр. 539. Л. 27; см. также: Бюллетень Истпарта. 1924. № 2. С. 11–17. «Офисом» костромского бюро был стол в прихожей Агитпропа (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 9).

⁷ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 6–8, 12, 17; Бюллетень Истпарта. 1924. № 2. С. 11.

⁸ Там же. Ед. хр. 2. Л. 3.

⁹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 248. Л. 2. Л. 4.

У проекта Истпарта не было иного выхода, кроме как полагаться на индивидуальную инициативу на центральном и местном уровнях. В конце концов, это не противоречило убеждению таких лидеров, как Ольминский, что историю партии и революции нужно искать не только среди коммунистов, но и среди «всех граждан России»¹⁰. Тверское бюро считало, что без заинтересованности общественности «продуктивная работа» невозможна¹¹. Некоторые бюро для активизации работы обращались к созданным в начале 1920-х годов местным отделениям Общества старых большевиков, а те, в свою очередь, обращались к бюро Истпарта в надежде на сотрудничество¹². Как сообщало московское бюро, работа опиралась на отдельных уполномоченных, которые собирали людей для получения информации. При этом бюро жаловалось, что после спущенного «сверху» заказа на изучение той или иной эпохи их сотрудникам приходилось буквально выходить на улицу, искать людей и заказывать у них статьи, — и сетовало на то, что многие ничего в результате не писали¹³. Это также вынуждало местные бюро использовать все имеющиеся у них связи для борьбы с общим безразличием по отношению к их усилиям, что открывало путь к всевозможному институциональному соперничеству¹⁴.

Трудности Истпарта были не только локальными. Московское и петроградское бюро, и даже центральное бюро Истпарта столкнулись с теми же проблемами перегруженности чиновников, а также организационной путаницы и институционального соперничества. В конце 1921 года Невский сообщал, что работа его петроградского бюро зависела от заинтересованности одного человека — Прасковьи Куделли, которая была перегружена другой работой. Остальные члены были также перегружены,

¹⁰ Бюллетень Истпарта. 1921. № 1. С. 5–6.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 11.

¹² Там же. Л. 10; Ф. 17. Оп. 84. Ед. хр. 368. Л. 4; Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 2.

¹³ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 216. Л. 13. На районном уровне эти уполномоченные существовали в основном только на бумаге.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 216. Л. 22–23; Ед. хр. 5. Л. 10.

отсутствовали или были вынуждены заниматься другой работой, пытаясь материально обеспечить себя в это трудное время. Невский жаловался на отсутствие руководства со стороны Историко-революционного архива с тех пор, как Щеголев был снят с должности директора; досадовал, что Куделли привлекла к работе над историей петроградской организации социал-демократов 10–12 молодых людей, но их работа тормозилась из-за отсутствия конкретного плана и указаний. Один неопытный товарищ работал над «Рабочей мыслью» периода РСДРП и не увидел присущих материалам предубеждений. Он добавил, что главные деятели движения оказались неизвестными личностями второго плана, на которых источники охранной полиции делали слишком большой акцент¹⁵.

К 1923 году бюро практически не вело организационной работы на местах в Петрограде, а различные комиссии, созданные для изучения конкретных тем и периодов, так ничего и не сделали¹⁶. Если работа и велась, то, как правило, в ситуациях, когда для помощи в реализации конкретных проектов привлекались сотрудники других организаций, например Историко-революционного архива или нижестоящих Истпартов¹⁷. В апреле 1923 года эти трудности вызвали реорганизацию Петроградского бюро, в результате которой в его состав вошли новые сотрудники из губернского комитета ВКП(б). За последующие полгода, вплоть до сентября, Петроградское бюро добилось впечатляющих успехов. Сотрудники бюро создали простейшую сеть Истпартов в районах Петрограда. Ряд таких районных Истпартов сообщили об успехах в направлении уполномоченных на предприятия и в различные учреждения для сбора материалов по Октябрьским дням, а бюро Выборгского и Володарского районов даже организовали подкомиссии на нескольких местных предприятиях. В некоторых районах были созданы уездные бюро, которые рассылали планы работ по сельским округам и заводам. В Тро-

---

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 206. Л. 36–37.

¹⁶ Там же. Л. 41–43.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 210. Л. 36.

ицком уездном бюро не менее 24 товарищей собирали материалы по подпольной партийной работе в 1917–1918 годах¹⁸.

Московское бюро быстро сформировало штат из пяти человек и сеть из семи районных и 20 уездных бюро в Московской губернии. Однако в реальности активную деятельность вело только руководство центрального бюро. У сотрудников местных бюро Москвы было мало возможностей встречаться и координировать свою деятельность, и они не получали наставлений и последовательного руководства¹⁹. К началу 1922 года не было проведено никакой систематической работы — главным образом потому, что местные бюро в Москве были укомплектованы и без того загруженными людьми. Зачастую работа зависела от усилий одного заинтересованного человека. Московское бюро жаловалось на равнодушие Московского комитета партии; бюро пыталось преодолеть это равнодушие, поручая уполномоченным на уездном уровне создавать комиссии по коллективной работе над историей партийной организации. Оно также пыталось привлечь к сотрудничеству по определенным проектам ученых из Института красной профессуры и Коммунистической академии²⁰. Московское бюро было реорганизовано в конце 1924 года, а его петроградский аналог — в апреле 1923-го²¹.

Ни московское, ни петроградское бюро не поддерживали устойчивых связей с центральным Истпартом. Руководители последнего жаловались, что ведущие партийные органы игнорируют их. В октябре 1922 года центральный Истпарт поручил трем членам московского бюро — А. И. Елизаровой (сестре Ленина), С. И. Черномордику и Бобровской — разработать проект взаимоотношений между центральным Истпартом и московским бюро²². XII Съезд партии в апреле 1923 года выделил Ольминского как преданного члена партии, но при этом проигнорировал

¹⁸ Там же. Ед. хр. 206. Л. 40, 46 и далее.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 216. Л. 22–23, 28–29.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 216. Л. 12; Ед. хр. 217. Л. 19.

²¹ Там же. Ед. хр. 217. Л. 34–35.

²² РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 8.

его работу в Истпарте [XII съезд 1923: 503]. Год спустя XII съезд лишь вскользь одобрил деятельность Истпарта, призвав партийные организации уделять ей «серьезнейшее внимание» [Тринадцатый съезд... 1924: 703].

Однако изменений не последовало. На конференции Истпарта в 1923 году Лепешинский жаловался, что партия посылает на работу в центральный Истпарт только больных людей²³. В январе 1924 года Ольминский обратился в ЦК с жалобой, что тот не уделяет Истпарту достаточного внимания. Центральный комитет не направлял почти никаких директив и материальных средств, личное общение с членами ЦК сводилось к беглому рассмотрению административных вопросов, а другие ключевые организации, в том числе Государственное издательство, не оказывали никакой издательской поддержки. Личные усилия отдельных членов ЦК были исключением²⁴. Решение о реорганизации Петроградского бюро в начале 1923 года Истпарт расценил как одностороннее решение Петроградского комитета партии и посягательство на прерогативу Истпарта. Он обратился в Секретариат ЦК с просьбой утвердить Невского в должности заведующего Петроградским бюро, хотя при этом рекомендовал оставить в штате несколько человек, назначенных партийным комитетом²⁵. Материальное положение сотрудников центрального аппарата Истпарта было не таким плачевным, как на местах, но вызывало достаточную тревогу, чтобы Истпарт обратился в ЦК с требованием срочно улучшить ситуацию²⁶. Из 100 местных бюро, жаловался Истпарт в августе 1923 года, только 39 были способны вести работу [Комаров 1958: 158].

²³ Бюллетень Истпарта. 1924. № 2. С. 5.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 3. Ольминский отдельно выделил Льва Каменева и Емельяна Ярославского, приславших материалы в Истпарт для публикации в журнале.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 8. В конце 1922 года Невскому было поручено распределить свое время между Центральным и Петроградским Истпартами, чтобы способствовать установлению более тесных связей между ними (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 8).

²⁶ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 7.

Очевидно, что чудовищные политические и инфраструктурные проблемы, с которыми столкнулся Истпарт, ставили под угрозу доказательную базу, которую он пытался заложить для нарратива Октября. Центральный Истпарт, безусловно, рассчитывал на максимально широкое распространение по всей Советской России местных изданий Истпарта, и неоднократно (и напрасно) требовал от местных бюро присылать ему экземпляры всех своих изданий²⁷. На практике же стало быстро件нятно, что на местные бюро нельзя положиться в плане продажи и распространения изданий по собственной инициативе, поэтому Истпарт попытался заключить официальное соглашение с Госиздатом о снабжении такими книгами и журналами²⁸. В начале 1922 года в ответ на просьбу местной администрации о предоставлении литературы по истории партии и революционного движения центральный Истпарт был вынужден ответить, что такие работы все еще являются «библиографической редкостью»²⁹.

Как местные, так и центральные бюро выражали озабоченность качеством свидетельств об Октябре, которые им удавалось собрать, а также полномочиями их этих свидетельств. Так, в 1923 году Екатеринбургское бюро жаловалось на пропажу архивных материалов и на «самое варварское» обращение с документами³⁰. Архивные материалы часто хранились в сырых, кишасших мышами сараях или не были собраны в надежном месте³¹. Их можно было свободно купить на рынках, а Главный комитет по делам бумаги (Главбум) даже использовал их в качестве сырья для производства бумаги³².

При попытке получить царские архивы местные Истпарты нередко сталкивались с совершенно иным мировоззрением до-революционных архивистов. Например, Новгородское бюро

²⁷ Бюллетень Истпарта. 1924. № 2. С. 8.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 3.

²⁹ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 39; Ед. хр. 5. Л. 8.

³⁰ Бюллетень Истпарта. 1924. № 2. С. 12.

³¹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 5.

³² Бюллетень Истпарта. 1924. № 2. С. 14.

жаловалось на «старых буржуазных специалистов», которые не хотели с ними работать и не давали материалов, а Подольское бюро — на «петлюрских профессоров» Подольского университета, которые не хотели сдавать местный жандармский архив. Новгородское бюро обратилось за помощью к губернскому комитету партии и губернскому исполкому Совета, чтобы разрушить «старый классовый аппарат Губархива» и создать «наш новый красный Губархив из партийных работников»³³. Поиск достаточно подготовленных коммунистов для руководства архивной работой был постоянной проблемой³⁴. Из центрального аппарата Истпарта в районы направлялись представители для проведения трех-четырёхмесячных курсов по подготовке новых архивистов, но и они встречали препятствия со стороны старых архивных работников Губархива, считавших новичков необразованными и малоподготовленными для такой работы³⁵. Кроме того, Истпарт был не единственным конкурентом в борьбе за эти архивы. Без ведома центрального Истпарта отдельные лица по заданию Комиссариата просвещения и Центрального архива объезжали несколько губерний, собирая архивы местных землевладельцев, чтобы увезти их в Москву³⁶.

Местные образы Октября

К началу 1923 года бюро Истпарта выпустило около 33 книжек об Октябрьской революции, многие из которых состояли из воспоминаний и рассказов о местном опыте³⁷. Эти ранние публикации иллюстрируют момент столкновения устремлений центрального аппарата с локальными трудностями. В 1924 году центральный Истпарт жаловался на ряд уклонений от прямой работы на местах. В частности, Киргизский Истпарт собирался

³³ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 2–4.

³⁴ Бюллетень Истпарта. 1924. № 2. С. 12; РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 3.

³⁵ Бюллетень Истпарта. 1924. № 2. С. 14.

³⁶ Там же. С. 15.

³⁷ Там же. С. 5.

отметить 150-летие пугачевского движения, Киевское бюро готовило выставку, посвященную 110-летию со дня рождения украинского поэта Шевченко, а Дальневосточное бюро выпускало специальный сборник статей, посвященный 100-летию со дня рождения декабристов. «Являются ли все эти юбилеи революционными юбилеями?» — вопрошал Истпарт. Все эти события и фигуры занимают свое место в истории, продолжали работники центрального бюро, но не имеют прямой связи с историей партии и историей пролетарской революции³⁸. Однако ни один из этих юбилеев не представлял собой концептуальной угрозы революционному повествованию. Изучение терминов и категорий, а также используемых местными рассказчиками литературных механизмов и нарративных конвенций — все это показывает стремление осмыслить свой местный опыт как *часть* Октябрьской революции. Сама структура проекта по написанию истории революции предполагала создание связного рассказа, хотя и не могла гарантировать его точных очертаний.

В определенном смысле Октябрьская революция обрела свою наиболее осязаемую и цельную форму в брошюрах и журналах, описывающих местные представления об Октябре. Например, бюро Истпарта в Рыбинске — городе на Волге недалеко от Ярославля — собрало воедино не связанные между собой впечатления рабочих железных дорог, фабрик и заводов в таких разрозненных городах, как Углич, Мышкин и Рыбинск, и придало им символическую целостность как проявлению Октябрьской революции в Рыбинской губернии [Рыбинск... 1922]. Постепенно накапливаемые материалы из Кунгура, Ижевска и Уфы создали картину Октября в Уральском регионе, которая оказалась больше, чем сумма ее частей [Кунгур 1922; Ижевск 1922]. Редакторы журнала «Сибирские огни» стремились «вовлечь распыленные до сих пор силы Сибири в единое творческое дело»³⁹. Журналы «Красная быль» и «Революционное прошлое» собрали фрагменты разрозненных воспоминаний и представили их в виде образа

³⁸ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 187. Л. 4.

³⁹ Сибирские огни. 1922. № 5. С. 225.

самарского и уфимского Октября; то же самое сделали и журналы «Революционное былое», «Пути революции» и «Пролетарская революция на Дону» для Тульской, Казанской и Ростовской областей.

Центральные директивы и инструкции, анкеты и вечера воспоминаний были призваны создать основу для понимания значимости местных событий как составных частей более широкого революционного контекста. Местные революционеры, занятые в этих процессах, проявляли то же стремление к согласованности, что и центральные организации. В своих журналах и газетах они часто дополняли собранные воспоминания перепечатками официальных документов или хрониками событий, составленными бюро для подтверждения достоверности рассказов. Например, редакция местного журнала Кунгурского бюро Пермской губернии «Крот» давала пояснения «с целью установления точного хода событий». Такие приложения, по их мнению, должны были «облегчить товарищам работу над воспоминанием прошлого»⁴⁰.

В этих местных журналах Истпарта прошлое стало предреволюционным, а именно хронологией знаковых событий, намечавших путь к Октябрю (а не к Февралю). Революция 1905 года закрепилась как «генеральная репетиция», мировая война — как отсрочка, а февраль 1917 года — как необходимый первый шаг к Октябрю. Всего лишь один из сборников «Пролетарской революции на Дону» был посвящен Октябрьским дням, в то время как остальные — их длинному прологу, начиная с ростовской стачки 1902 года, сыгравшей «огромную роль в истории революционного движения в России»⁴¹. Самарское бюро Истпарта сообщало читателям «Красной были»: «Вы увидите, как тесно связано пролетарское революционное движение Самарской губернии с общероссийским движением»⁴². Революционная родословная Самары иллюстрировалась таблицей, в которой сравни-

---

⁴⁰ Крот. 1923. № 6. Октябрь. С. 1.

⁴¹ Пролетарская революция на Дону. 1922. Сб. 3. С. 2.

⁴² Красная быль. 1922. № 1. С. 1.

вался ход рабочего движения в России и Самаре с 1902 по 1916 год одновременно с развитием социал-демократической партии ⁴³.

Статьи и воспоминания, заполнившие страницы местных журналов, были собраны в соответствии с этой новой периодизацией. Все они отражали резкий разрыв старого мира с новым, символом которого стала дата захвата власти большевиками в Петрограде. «25-е октября на... обывателя свалилось как снег на голову», — писал Н. Красильников из г. Красный Холм, хотя «либеральное» городское самоуправление «не придав ему особого значения, успокоилось, и по-прежнему также спокойно продолжало вершить судьбами города» [Рыбинск... 1922: 58]. Вина городской администрации, по мнению Красильникова, заключалась в том, что та не сумела распознать неизбежность Октября. Если разрыв между старым и новым не стал очевидным сразу после передачи власти местному Совету, то авторы воспоминаний могли определить приход Октября другими способами: «Правда, с внешней стороны Мышкин мало чем изменился по сравнению с прежним видом; зато психологическая трещина в идеологическом настроении населения есть на лицо» [Рыбинск... 1922: 47].

В регионах, где Октябрь наступал медленно, в местных отчетах выделялись как люди и социальные группы, ответственные за эту задержку, так и те, кто в итоге ее преодолел. В статье журнала «Крот» передача власти Советам на местах описывалась как «безвластие», в котором «неорганизованные слои населения — обыватели, шкурники» дали волю своим инстинктам, расхитив винные погреба и устроив антиеврейский погром. Только после того как местный революционный комитет организовал местные силы — «вокруг ядра большевиков», — беспорядки удалось подавить. Примечательно, что воспоминания заканчивались выводом о революционном смысле насильственных действий: «Как впоследствии рассказывали сами солдаты, они, темные, не воспитанные политически, видели в разгроме магазинов борьбу с буржуазией, а в разгроме пивных законное вознаграждение за пережитые за годы войны лишения»⁴⁴.

⁴³ Там же. 1922. № 2. С. 15–45.

⁴⁴ Крот. 1923. № 4. Август. С. 4–5.

В местных образах Октября символический разрыв с прошлым выражался если не через кульминационный штурм, то через физическое столкновение со старым. Тульские рабочие вспоминали, как они героически в едином порыве вышли на улицы с красными флагами, запели «Марсельезу» и вступили в кровавую схватку с черносотенцами и их пособниками — городскими полицейскими и жандармами⁴⁵. Драматизм находили и в других событиях: тихое пришествие Октября в Ижевск на Урале сопоставлялось с боями, которые велись «силой агитации еще до Октября, в чем и заключается заслуга Ижевской организации Р. К. П. большевиков» [Ижевск 1922: 17]. В предисловии к сборнику воспоминаний из Рыбинска хорошо передано это стремление найти в местных событиях драматизм революции:

Знающие Рыбинскую губернию и не знающие ее, но прочитавшие сборник, могут спросить: «Что же это за революция?» «Да и могла ли здесь быть революция в том смысле, как мы ее понимаем, т. е. революция, сопровождаемая баррикадными боями, героическими схватками враждебных классов?» Вот вопросы, которые могут возникнуть у некоторых читателей по прочтении сборника... Приступая к изданию настоящего сборника, мы учитывали бедность революционных событий в губернии... Тех раскатов революционной бури, героических подвигов и жертв, которые можно было наблюдать в наших пролетарских столицах и других промышленных центрах, здесь не было. Однако то, что здесь происходило, представляет в Рыбинских условиях величайшую драму, глубину и смысл которой не все еще осознали [Рыбинск... 1922: 3].

Суть местных образов Октября заключалась не в том, что он наступил лишь через несколько месяцев после захвата власти большевиками в Петрограде, а в том, что он таки наступил. Чаще всего приход Октября в провинцию описывался достаточно прозаично: как переход власти к местному Совету, в котором большевики одержали или одерживали верх. Однако в местных

---

⁴⁵ Революционное былое. 1923. № 1. С. 34–36.

воспоминаниях Октябрь служил условным обозначением более масштабного процесса, символом чего-то гораздо большего, чем простая передача власти. Он был мерилом, по которому концептуально определялось все остальное. Без включения Октября в число определяющих событий захват Ростова атаманом Калединым и его казаками в декабре 1917 года, в результате которого была свергнута просуществовавшая месяц Советская республика на Дону, не мог бы быть описан как «буржуазная контрреволюция», «ненавистная контрреволюция Каледина» или даже осмыслен как часть «белогвардейщины» в более поздних воспоминаниях⁴⁶. Концептуально красные не могли существовать без белых; точно так же без Октября рыбинские коммунисты не смогли бы понять и сформулировать свой прошлый опыт в терминах «советской власти», противопоставленной «буржуазному институту удушения революции». Используя это расплывчатое понятие, авторы воспоминаний могли осудить «Комитет Государственной Думы» марта 1917 года, «буржуазно-либеральный Комитет общественных организаций» середины 1917 года, «желтые профсоюзы» и «Комитеты спасения Родины и революции» после Октября, а также «СР-Учредилка-иллюзии», на которых основывалось Ярославское восстание в июле 1918 года. Словом, без советской власти не может быть буржуазной власти, без «огромного великана — пролетариата» не может быть «мещанского болота» [Рыбинск... 1922: 49, 25, 9, 52, 49, 10, 30].

Образ партии на периферии

Структура Истпарта гарантировала, что любое обсуждение Октябрьской революции включало обсуждение партии большевиков, хотя конкретная структура партии и ее отношение к революции оставались неясными. В 1922 году Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев все еще могло без последствий для себя сообщить центральному Истпарту, что оно наме-

⁴⁶ Пролетарская революция на Дону. 1922. Сб. 2. С. 35, 46, 45. См. также [Алексеев, Усагина 1926].

рено подчиниться партии, но желает оставаться формально «внепартийным учреждением». Истпарт обязался привлекать к сотрудничеству всех лиц, независимо от «политического направления», способных предоставить ценные материалы, и решил сосредоточиться на том периоде, когда партия большевиков была лишь «одним течением в одном общем марксистском движении»⁴⁷. В ранних публикациях советского режима акцент на инициативе рабочих резко контрастировал с ролью, приписываемой любым партийным организациям, в том числе и большевикам [Краткий очерк... 1919]. Эти работы, безусловно, противопоставляли стихийный и неподготовленный характер Февральской революции плановой организации Октябрьской, но тем не менее организованная большевистская партия появилась в них только в начале 1917 года [Яковлев 1922]⁴⁸. Официальный журнал Истпарта «Пролетарская революция» в 1921 году писал о том, как «небольшая сравнительно группа большевиков, опираясь на настроение масс, на неорганизованность и идеологическую беспочвенность коалиционного правительства, захватила власть в свои руки»⁴⁹. Подобная двойственность прослеживается и в попытках Ольминского создать для Октября и партии последовательную революционную родословную. В 1921 году он указал на «пробел в нашей истории», а именно на то, что в десятилетие с 1885 по 1895 год «не было ни рабочего движения, ни роста элементов для образования пролетарской партии». Собранные для восполнения этого пробела воспоминания свидетельствуют, что рабочая среда «проявляла неизмеримо больше самостоятельности и самодеятельности, чем ей до сих пор приписывалось» [Ольминский 1921: 3, 5].

Неудивительно, что местные бюро Истпарта воспроизводили эту двойственность в своем отношении к местным партийным организациям до и во время Октября. Самарский Истпарт посвятил второй номер своего журнала за 1923 год 25-летнему

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 9.

⁴⁸ Об этом см. [White 1994: 257].

⁴⁹ Пролетарская революция. 1921. № 3. С. 29.

юбилею «РСДРП, вождя революции», но при этом высоко оценил усилия, которые приложила «рабочая Самара как сплоченное дисциплинированное единение членов РКП, один из наиболее прочных столбов, на коих покоится все здание РКП». И зловеще добавил, что в Самаре осталось очень мало партийных работников, помнящих «самарское прошлое». К этому же юбилею другие местные бюро Истпарта также неумело «скрестили» РСДРП и РКП(б). Так, саратовское бюро в начале 1923 года отчиталось об успехах в сборе воспоминаний об истории «Саратовской организации РКП (РСДРП) и позаботилось о том, чтобы специальные выпуски местных газет, а также вечера воспоминаний были посвящены празднованию юбилея партии⁵⁰. Даже крупное Московское бюро в 1923 г. отказалось от попыток издать монографию к 30-летию Московской партийной организации, поскольку она была бы слишком «поверхностной», и выпустило вместо нее более скромный сборник⁵¹.

Иногда местные бюро озвучивали намерения, которые расходились с реальным содержанием публикуемых материалов. Так, в журнале «Крот» была напечатана прокламация РСДРП за 1907 год, в которой утверждалось, что 1905 год показал рабочему классу необходимость единства и организованности и что РСДРП выступала в первых рядах этого движения⁵². Однако воспоминания и статьи в самом журнале свидетельствовали о том, что организация ранней деятельности в регионе не была делом рук партии и что нелегальный гектографированный журнал, издававшийся с 1906 года, был совместным предприятием социалистов-революционеров и социал-демократов⁵³. Воспоминания

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 6.

⁵¹ Там же. Ед. хр. 216. Л. 13. Из 40 авторов, которым было предложено внести свой вклад в сборник, статьи прислали только шестеро, и те охватывали «далеко не все периоды» в развитии московской организации (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 216. Л. 31).

⁵² Крот. 1923. № 8. Декабрь. С. 16. В качестве доказательства жизнеспособности кунгурской группы Пермского комитета РСДРП был приложен рисунок ее официальной печати.

⁵³ Там же. № 7. Ноябрь 1923. С. 13. № 8. Декабрь 1923. С. 11.

в журнале Тульского бюро на тему «партийные организации в 1905 году» также дают представление о слабых кружках, судьба которых в решающие моменты зависела от действий одного влиятельного лица. Эти группы были слабо связаны с бастующими рабочими тульских заводов и потому в 1905 году не смогли оказать им поддержки и содействия. Местных социал-демократов и социалистов-революционеров часто изображали отстающими от движения рабочих-революционеров, и даже отмечали, как они тщетно пытались удержать стихийные выступления рабочих «в известных рамках» на массовых собраниях⁵⁴.

В конце 1923 года представитель Истпарта из Волоколамска (Московская губерния) объяснил, почему так трудно получить сведения о местной партийной организации 1905 года: она состояла всего из одного кружка под руководством Катанского [Матрасевича], и у этого кружка не было никаких связей и даже времени для работы⁵⁵. Бюро в Подолье также сообщило, что до февраля 1917 года в районе вообще не существовало никакой партийной организации⁵⁶. Не улучшали ситуацию и воспоминания о революционном периоде. Некоторые местные бюро жаловались, что после Февральской революции их партийная организация вообще не получала никакой информации из центра⁵⁷. Воспоминания о «Рыбинской организации РСДРП(б) <sic!>» датировали ее образование не раньше июня 1917 года, а легально — только концом 1917-го. Также отмечалось, что до 1918 года «большевистского влияния не чувствовалось», а меньшевики и эсеры везде были «хозяевами положения» [Рыбинск... 1922: 12, 26]. По словам очевидца, присутствовавшего на сходке эсеров незадолго до октября 1917 года, он увидел «пестрое собрание», на котором присутствовали не только социалисты-революционеры; он также вспоминал, что в то время в Рыбинске была популярна большевистская организация, но население города

⁵⁴ Революционное былое. 1923. № 1. С. 8.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 216. Л. 18.

⁵⁶ Там же. Ед. хр. 5. Л. 4–5.

⁵⁷ Бюллетень Истпарта. 1924. № 2. С. 13.

«плохо разбиравшееся в политических партиях, враждебно смотрело на большевиков». И действительно, такое изображение «Октябрьской революции» в регионе создавало впечатление, что большевики пришли к власти только после того, как меньшевики и эсеры потеряли авторитет в глазах рыбинского пролетариата [Рыбинск... 1922: 7–11].

Коммунисты — участники «вечера воспоминаний», организованного 25 октября 1921 года в московском военном госпитале, описывали Октябрь в Ростове как импровизированную и нелепую авантюру. Один из них вспоминал, как в конце октября 1917 года небольшая большевистская организация, к которой он принадлежал, создала в Ростове военно-революционный комитет, узнав о «рабоче-крестьянской революции» в Петрограде, хотя, по его словам, ВРК был в значительной степени изолирован от каких-либо «сведений извне». Его, молодого, неопытного большевика, назначили редактором органа местного Совета, приставив к нему «анархиста по убеждениям и большевика тогда по своим действиям» для обучения «новичка». Он писал приказы, декреты и статьи для газеты, хотя публиковать их было трудно из-за отсутствия большевиков среди наборщиков. Газету распространяли по Ростову красногвардейцы⁵⁸. Воспоминания одного красногвардейца о процессе захвата власти в Ростове не добавляли уверенности в наличии у этой революции какой-либо цели или планирования:

Тогда была вооруженная борьба вроде равномерного рабочего восьмичасового дня: пообедать и идти опять воевать. Просто — нас была толпа рабочих, которые шли неорганизованно на это дело, которые смотрели на это дело, как будто это составляет необходимость, а с другой стороны, как будто это было игрушка⁵⁹.

Как все это непохоже на хорошо отлаженную революционную машину, образ которой рисовала большевистская революционная легенда! Но эти рассказчики историй о раздробленных органи-

⁵⁸ Пролетарская революция на Дону. 1922. Сб. 2. С. 34–35.

⁵⁹ Там же. С. 58.

зациях, слабой партийной идентичности и прошлых политических неудачах прекрасно понимали сценарий революции и сигналы, исходящие из центра. Недостаток политической компетентности в прошлом, во время местных Октябрей, был для этих революционеров показателем политического взросления. «Мы уходили из Ростова с горьким сердцем, — писал один из местных коммунистов о решении своей небольшой группы бежать от наступающих казаков, — но с твердой решимостью продолжать борьбу и победить или умереть»⁶⁰. Рабочие уже слишком долго жили в «слепом сумраке», — вспоминал один из рыбинских активистов, — когда «упавшая искра ярким маяком засветила темному рабочему люду» [Рыбинск... 1922: 20].

В 1922–1924 годах эти рабочие, ставшие большевиками, описывали свои прежние трудности как ступени на пути к нынешнему уровню сознательности. В воспоминаниях одного из рабочих о пребывании в Казани в 1917 году прослеживается его путь от зарождения политической зрелости в феврале в «подпольных студенческих кружках» до поступления на завод № 40, который считался «цитаделью большевизма»⁶¹. Рабочий из Донской области отметил, что он (как и другие названные им нынешние члены РКП) в момент революции был меньшевиком, хотя все время подчеркивал приоритет своей классовой принадлежности: «Когда события развернулись, то каждый рабочий, будет ли он меньшевик или кто другой, он прежде всего рабочий»⁶². Иногда на подозрительное политическое прошлое своих авторов указывали редакторы журналов⁶³. Подобные личные признания и официальные объявления о прежних политических пристрастиях не подразумевали репрессий, а свидетельствовали о движении к политическому просвещению. Похоже, что в начале 1920-х годов путь к большевизму на местном уровне еще мог пролегать через меньшевизм. Некоторые рассказчики противопоставляли свою

---

⁶⁰ Там же. С. 36.

⁶¹ Пути революции. 1923. № 3. С. 86–92.

⁶² Пролетарская революция на Дону. 1922. Сб. 2. С. 39.

⁶³ См. там же и [Рыбинск... 1922: 30].

растерянность или неосведомленность о ранних политических организациях во время октябрьских событий твердой приверженности большевистской партии *в их нынешней жизни*. Один революционер отметил, что в Рыбинске партия создала Народный дом для культурного просвещения рабочих и их семей. После этого, по его словам, «ячейка РКП» пользовалась «абсолютным» авторитетом среди населения [Рыбинск... 1922: 23–24].

Многие в своих воспоминаниях о первых политических организациях ссылались на изменчивость памяти. В частности, некоторые утверждали, что в условиях угнетения, когда революционные партии были вынуждены соблюдать строгую секретность, они вполне могли не знать о существовании большевиков в своих регионах. Как отметил один из членов тульской партийной организации, «даже трудно было знать отдельных членов комитета»⁶⁴. Тем не менее это говорило о том, что при определенных обстоятельствах и приложив некоторые усилия, отдельных членов все-таки можно было найти⁶⁵. В октябре 1925 года Центральный Истпарт неиронично попросил Куделли, руководительницу Истпарта в Ленинграде (Петроград был переименован в 1924 году), записать свои воспоминания о тульской партийной организации в 1905 году, поскольку ее роль лидера в то время была очевидна⁶⁶. Другие авторы признавались, что *в те времена* не осознавали ни значения партии, ни масштабов начинающейся революции. Люди вступали в существовавшие организации, объяснял один революционер, потому что они «в то время были беспартийными, в партиях разбирались слабо, рабочей партии в Кунгуре не было»⁶⁷. Кунгурское бюро говорило о «слабом понимании идей социальной революции у ясыльских товарищей»

⁶⁴ Революционное былое. 1923. № 1. С. 34; 37–38.

⁶⁵ На заседании Московского бюро в январе 1922 года кто-то из Сергиевска заметил, что до Февральской революции никакой подпольной организации не существовало. Бобровская вспомнила, что такая организация была, и что надо было бы разыскать старых товарищей (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 216. Л. 10).

⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 211. Л. 11.

⁶⁷ Крот. 1923. № 5. Сентябрь. С. 1.

в 1918 году, а также об «узкопатриотическом местническом подходе в классовой борьбе». В свое оправдание бюро указало, что по сравнению с сегодняшним днем «в 1918 году мы были еще политическими младенцами»⁶⁸. «Если в 1917 году, — отмечал Рыбинский Истпарт, — мы были слабы, не имели опыта, не знали, с чего начинать нашу работу, то сейчас, имея позади себя пять лет напряженной борьбы и работы, мы с гордостью можем смотреть в будущее» [Рыбинск... 1922: 5]. Так прошлое невежество стало мерилom нынешней политической зрелости.

Несмотря на все эти оговорки, проект написания истории Октябрьской революции, вдохновляемый и продвигаемый центром, стремился установить зависимость дореволюционной политической культуры от большевистской партии. Авторы воспоминаний описывали свои впечатления от Октября, используя категории класса и партии, получившие распространение в Советской России в начале 1920-х. Описание Рыбинска 1917 года отражает яркую социальную поляризацию, присущую новому режиму, и пронизано не только угрозой, но и обещанием революции:

Купцы ходили в биржу, в гостиницы, в церковь и в баню. Их жены и дочери, разряженные по последней моде, гуляли на бульваре и на Крестовой улице. Мещанство проводило время в пивных и трактирах. Рабочие, приказчики и крючники, проклиная свой каторжный 13–14-часовой рабочий день, запивали свое горе водкой <...> Молодежь занималась флиртом, посещая клубы, вечеринки, танцульки <...> Сыто, пьяно, весело жил бойкий торговый Рыбинск [Рыбинск... 1922: 7].

Заполняя анкеты нового режима, люди неизбежно причисляли себя к определенному классу или определенной партии. Авторы воспоминаний часто переносили конкретную партийную идентичность на местные «беспартийные» организации в своих регионах, отмечая про отдельных членов: «*затем* — кадеты» или «*впоследствии* — большевик»⁶⁹. В небольшом сборнике воспоминаний

---

⁶⁸ Там же. С. 11–12.

⁶⁹ Крот. 1923. № 5. С. 1; № 7. Ноябрь. С. 5. Курсив автора. — Ф. К.

о крестьянских восстаниях в Кунгурском уезде эти выступления рассматривались как столкновения между революционно настроенными гражданами и мятежниками, причем партийная принадлежность определялась автором задним числом в мимолетном замечании: «мы... сделались приверженцами большевиков» [Кунгур 1922: 4]. В конце 1922 года четыре или пять местных активистов в Кунгуре собрались, чтобы вспомнить «историю Кунгурской организации РКП(б)» в различные периоды с 1910 по 1918 год. На встрече постоянно звучала идея о том, что и рядовые рабочие, и члены партии в Кунгуре искали объяснения разногласиям между большевиками и меньшевиками. Кунгурская «партийная» организация была в лучшем случае рудиментарной, практически не существовала в 1905–1910 годах, в ней был один «большевик» (печатавшийся в местной «меньшевистской» газете) и один неопределенный, а созданный ими в 1910 году «социал-демократический кружок» не был «партийной ячейкой»⁷⁰. Не зная о позиции ЦК по военному вопросу, члены кружка выступили решительно против войны в силу своего «классового инстинкта и большевистской закваски» последних лет. Но даже с тезисами Ленина, переданными из Москвы в Рождество 1914 года, «кружок еще не дошел до правильного понимания этих вопросов». В отсутствие большевистских газет кружок опирался на издание меньшевиков-интернационалистов «Голос», которое в эти годы сыграло «большую роль в революционизировании рабочих. Если к концу 1916 года все депо было большевистским, то это следует приписать не только пропаганде кружка, но и влиянию “Голоса” (как это ни странно, меньшевистская газета большевичила рабочих)»⁷¹. В конце 1916 года кружок получил из Екатеринбурга инструкции по организации партийной работы и, по всей видимости, впервые был готов послать своих представителей на областную партийную конференцию, которая в итоге так и не состоялась. Накануне революции настроение рабочих депо было «определенно большевистское

⁷⁰ Крот. 1923. № 1. Май. С. 1–5; № 2. Июнь. С. 1–2.

⁷¹ Крот. 1923. № 4. Август. С. 1–2. Когда «Голос» перестал выходить, кружок подписался на меньшевистскую «Пермскую жизнь» (С. 3).

(влияние кружка и “Голоса”)). В начале 1917 года кружок насчитывал 15 постоянных членов и пользовался поддержкой нескольких надежных беспартийных сочувствующих⁷². В отсутствие целостной местной партийной организации в этих материалах стал повсеместно использоваться термин «сочувствующий», позволяющий передать большевистскую поддержку и индивидуальную храбрость⁷³. Так, к Кунгурской организации РКП причислили группу молодых людей, организовавшую при Колчаке небольшую «ячейку сочувствующих РКП»⁷⁴. Даже в некрологах местных активистов, собранных для восстановления истории партии, неизменно подчеркивался их статус: «беспартийные» или «не был большевиком»⁷⁵. Аналогичным образом авторы часто приписывали дореволюционную партийную принадлежность, указывая, что умерший «близко стоял к членам социал-демократической ячейки на ст. Кунгур и выписывал “Правду”» или «ведет агитацию за большевиков». Иногда отмечалось, что из того или иного человека «доделали большевика белые»⁷⁶. Таким образом из фрагментов дореволюционных политических организаций в конечном итоге формировалась отчетливая большевистская идентичность в рамках поляризованной партийной политической культуры.

Жизнь большевика

Жизненный путь большевика можно проследить в автобиографии А. Марциновского из Саратова, представляющей собой ретроактивное объяснение беспартийной жизни в партийных терминах. Используя обычные для мемуаров того времени по-

⁷² Крот. 1923. № 4. Август. С. 3.

⁷³ В одном из некрологов в кунгурском журнале приводится следующий диалог в 1918 году между пленником белых (ныне покойным) и его тюремщиком: «Кто ты, большевик?» — Байдерин отвечал: «Нет, я еще не числюсь в списках большевиков, я не успел записаться, но я сочувствующий большевикам!» (Крот. 1923. № 4. Август. С. 11).

⁷⁴ Там же. № 3. Июль. С. 1–2.

⁷⁵ Там же. № 1. Май. С. 11–13.

⁷⁶ Крот. 1923. № 5. Сентябрь. С. 9–11.

вестовательные формы и литературные приемы, Марциновский посвятил свои воспоминания 1923 года «25-летию юбилею Российской Коммунистической партии, в рядах которой я работаю долгие годы». Называя себя «рабочим-большевиком», Марциновский не имел в виду свою официальную партийную принадлежность, а скорее пытался выстроить логическую последовательность организаций в своей жизни и проследить развитие политической (в частности, большевистской) сознательности. Этот бедный необразованный еврей из Киевской губернии в 1900 году не знал, «что существуют какие-то партии (уже не говорю о их названии)». Он помнил, что в 1904 году вступил в РСДРП, но мало что понимал о ее деятельности и в основном расклеивал листовки, хотя тут же добавлял: «о чем не помню». В 1906 году Марциновский был членом местной боевой дружины в г. Умань Киевской губернии, хотя, по воспоминаниям, его часть дружины была скорее социалистическо-революционной, чем социал-демократической. Арестованный и сосланный в Сибирь, он вступил в «беспартийный союз ссыльных». В Одессе с 1910 года он работал в профсоюзах, поскольку партийная работа вообще не велась. Согласно Марциновскому, «партийная идея» в его жизни начала получать распространение с 1912 года. Переехав в марте 1913 года в Екатеринослав, он вновь столкнулся с плохо налаженной партийной работой и потерпел неудачу в организации кружков на заводах. В итоге странствия привели его в Саратов, где, по его воспоминаниям, он почувствовал «приподнятое настроение» рабочих в феврале 1917 года: «чувствовалось приближение решительных событий и только ждали руководящих указаний». Оглядываясь на свое политическое прошлое, он отмечал, что местные партийные комитеты, в которых ему довелось работать, «почти везде» состояли из рабочих: «Нам, подпольным работникам, пришлось работать без интеллигенции... зато после февральской революции появились они, появились с красными бантиками в петлицах, били себя в грудь и кричали: “мы революционеры”» [Марциновский 1923: 1, 4, 11, 29, 38–39, 40, 77, 90]. В воспоминаниях Марциновского 1917 год стал неумолимым маршем к Октябрю с партией во главе, причем самого себя он

представил истинным большевиком по духу, хотя и без каких-либо деятельных связей с большевистской организацией, которую он, по понятным причинам, не сумел распознать в свое время.

Взгляд из центра

Рассказы о личном прозрении и политическом взрослении, ставшие главной темой партийной прессы после Октябрьских дней, должны были радовать советских руководителей. Ведь роль революционного учителя и проводника заключалась именно в том, чтобы выводить таких людей, как Марциновский, на путь сознательности, не правда ли? Однако, познакомившись с воспоминаниями революционеров-провинциалов, руководители Истпарта увидели лишь недостатки этих текстов, а не их положительный потенциал. Уже в 1923 году Лепешинский объявил на Всероссийской конференции работников Истпарта, что хотя значительная часть усилий была направлена на составление «хроники Октябрьской революции» и на то, чтобы представить «полную картину русской революции», выпущенные издания «не оправдали наших надежд». В них не было «определенной точки зрения, не было определенного плана». Его опасения поддержал руководитель Киевского бюро, который посетовал на то, что если архив бюро был «очень богат» материалами с 1890-х годов до революции, то с 1917 года от них почти ничего не осталось, к чему привели также частые эвакуации советской власти в годы Гражданской войны⁷⁷.

Анализируя в 1923 году литературу Истпарта, Невский отмечал, что «большинство... воспоминаний провинциальных сборников либо говорит о мелочах и общеизвестных фактах, либо в кратком объеме охватывают такие большие периоды, что представляют простой и неинтересный перечень всем известных событий». Хуже того, они часто публиковались в журналах без примечаний и пояснений, поэтому даже ценные статьи, таким образом, «теряют свое значение» и даже «могут дать неверное представление»⁷⁸. Предо-

⁷⁷ Бюллетень Истпарта. 1924. № 2. С. 5, 12.

⁷⁸ Пролетарская революция. 1923. № 4. С. 288.

ставление контекста или перспективы, конечно же, имело решающее значение для целей всего проекта по написанию партийной истории. По мнению руководителей Истпарта, достижению поставленной цели не способствовали тенденции к разобщенности, присутствовавшие в некоторых провинциальных работах. В письме центрального Истпарта на имя руководителя Пермского бюро, в частности, содержалась жалоба на то, что кунгурский журнал «Крот» напечатал «отрывочные, субъективные, бессвязные, непроверенные воспоминания» с примесью «<э>с-ровщины»⁷⁹. Подобная критика не нашла понимания в некоторых бюро на местах. Члены Кунгурского бюро ответили, что они не собирались выпускать статьи, «написанные на основе научного исследования», а хотели «рыться, как кроты, в исторических документах и в уцелевших в голове воспоминаниях»⁸⁰. Даже в 1925 году местные бюро продолжали жаловаться на трудности с поиском документов по истории Октябрьской революции и партии в своих районах⁸¹.

Но больше всего руководителей Истпарта огорчала неспособность провинциальных активистов объединить две цели проекта. На конференции Истпарта в 1923 году Лепешинский отметил, что работа над историей большевистской партии идет лучше, но «конечно, прошлое наше еще не слишком ясно», и добавил, что Истпарт «почти что ничего» не сделал «по части систематического изложения истории партии», главным образом потому, что ни личные воспоминания, ни опубликованные архивные материалы не проливают свет на значительные периоды времени⁸². В конце 1924 года центральный

⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 263. Л. 32.

⁸⁰ Бюро назвало подобную критику одной из причин прекращения издания своего журнала после выхода всего восьми номеров (Крот. 1923. № 8. Декабрь. С. 18–19).

⁸¹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 61. Л. 6. Оренбургское бюро в это время жаловалось, что у него почти нет материалов за 1917, 1918 и 1919 гг. и нет никаких официальных материалов по октябрьским событиям в Оренбурге (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 248. Л. 4).

⁸² Бюллетень Истпарта. 1924. № 2. С. 5. Саратовское бюро, например, к 1923 году располагало источниками по 1890-м и началу 1900-х годов, когда в Саратове «существовала уже крепкая организация Р.С.-Д.Р.П.» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр. 633. Л. 112). В Татарском бюро были собраны материалы отдельных лиц, относящиеся к Казанской организации РСДРП, в основном касающиеся под-

Истпарт жаловался на отсутствие публикаций Брянского бюро и с некоторым раздражением спрашивал, было ли вообще у Брянской партийной организации «революционное прошлое»⁸³. В своем обзоре литературы Невский осудил отдельные журналы (в Саратове, Твери, Гомеле, Новгороде и Туле) за то, что в них не уделялось должного внимания истории местных партийных организаций, или, что еще хуже, утверждалось, будто таких организаций вообще не существовало. Например, в целом положительно оценивая работу Тульского бюро по составлению истории революционного движения в 1905 году, он критиковал полное отсутствие информации о партийной организации, в частности, сведений о ее руководителях, взаимоотношениях большевиков и меньшевиков, партийной печати и видах проводимой ею работы⁸⁴. Аналогичным образом один сотрудник Истпарта в 1925 году раскритиковал работу о событиях в Москве 1917 года за чрезмерное использование документов «черносотенных и контрреволюционных групп». Самым вопиющим примером было то, что при описании произошедшего 9 января 1905 года автор опиралась исключительно на прокламации эсеров, полностью игнорируя большевистское воззвание, хотя «оно было». Также хорошо известно, добавил работник Истпарта, что с 1914 по 1917 год «московская организация» распространяла листовки, устраивала собрания, увеличивала объем работы; тем не менее в монографии, о которой идет речь, наблюдается

отсутствие (почти на протяжении всей работы) данных о работе партии. [Автор] ограничивается упоминаниями вскользь. Этого недостаточно. Особенно это чувствуется в вводной части [где]... работа партии совсем отсутствует, наоборот автор утверждает, что ее вовсе и не было⁸⁵.

полья и периода Октябрьской революции (Бюллетень Истпарта. 1924. № 2. С. 16). Самарское бюро к 1923 году располагало лишь воспоминаниями, охватывающими 1904–1908 и 1914–1916 годы (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 12).

⁸³ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 59. Л. 28.

⁸⁴ Пролетарская революция. 1923. № 4. С. 289–296.

⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 183. Л. 148–149. Упомянутая работа — «Москва в 1917 г.» Розовой.

Официальное отношение к таким провинциальным работам было симптомом гораздо более серьезной проблемы, вставшей перед партией в те годы — кризиса в вопросах истории и прошлых политических деяний. В ноябре 1924 года Московский Истпарт встретился с уполномоченными от районов и уездов Московской губернии и подчеркнул, что вновь назрела необходимость создания последовательной истории РКП и ее роли в Октябрьской революции. Говоря о важности сбора материалов об Октябре, один из докладчиков заметил, что основные принципы партийной организации 1917 года до сих пор неизвестны и что сейчас как никогда важно их восстановить, поскольку есть люди, которые утверждают, будто Октябрьское восстание не было подготовлено партией⁸⁶.

Вызов Троцкого

Эти опасения усилились в контексте так называемой «литературной дискуссии», развернувшейся в высших эшелонах партии после публикации в 1924 году «Уроков Октября» Троцкого, а также ряда других его работ [Об «Уроках Октября» 1924: 220–262]⁸⁷. Вышедшая из-под пера одного из представителей революционного пантеона, за год до этого восхваляемого за военный вклад в революцию⁸⁸, эта работа вызвала беспрецедентный спор в партии. С одной стороны, «Уроки Октября» были откровенной попыткой Троцкого сгладить свои разногласия с Лениным, подчеркнув, что их политические и идеологические взгляды совпадали в критические моменты революции. В декабре 1921 года Троцкий обратился к Ольминскому с просьбой не публиковать

---

⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 217. Л. 39.

⁸⁷ Статья Троцкого впервые появилась в октябре 1924 года в качестве введения к двум томам трудов о первом годе революции под названием «1917». Критике подверглись и две другие его работы того времени, в которых он затрагивал схожие темы («О Ленине» и «Новый курс» [Троцкий 1990: 164–203]).

⁸⁸ См. специальный выпуск «Красной нивы» № 8 от 23 февраля 1923 года, посвященный Красной армии.

некоторые из его писем Николаю Чхеидзе (давнему члену фракции меньшевиков, возглавлявшему в 1917 году Петроградский Совет), потому что в них содержалась критика большевизма. «Вряд ли в партии найдется два старых эмигранта, — писал Троцкий, — которые круто не обругали бы друг друга в переписке под влиянием идейной борьбы, минутного раздражения и проч.». Троцкий утверждал, что публикация корреспонденции «всех тех, кто участвовал в числе “драк”», приведет лишь к возрождению старых разногласий, особенно если, как просил Ольминский, корреспонденты добавят пояснения к своим письмам⁸⁹.

В «Уроках Октября» Троцкий не стал публично распространяться о своих прошлых разногласиях с лидерами большевиков. Однако он не постеснялся перечислить моменты, в которых они демонстрировали нерешительность, чтобы подчеркнуть последовательную и твердую позицию Ленина (а значит, и свою собственную) в преддверии Октябрьского переворота. В частности, он отметил, что Каменев и Зиновьев отказывались поддержать призывы Ленина взять власть в октябре, «чудовищно недооценивая силы революции и даже отрицая наличие боевого настроения масс (за две недели до 25 октября!)» [Об «Уроках Октября» 1924: 240]. Как утверждает Джеймс Уайт, в основе «Уроков Октября» лежала идея о том, что роль в Октябрьских событиях (или революционном движении) была тесно связана с нынешним политическим статусом — это выяснили Каменев и Зиновьев благодаря Троцкому; позже он сам выяснит это благодаря своим бывшим товарищам [White 1994: 258].

«Уроки Октября» были не просто способом свести личные счета или циничным методом борьбы за политическое положение. Это было первое систематическое описание однозначно *большевистской* революции, а именно прочной связи Октября с *большевистской партией*. Неудачи мировой революции после

⁸⁹ Правда. 1924. № 280. 9 дек. Противники Троцкого добились того, что это письмо часто включалось в опубликованные сборники критики «Уроков Октября» как доказательство его ереси. Однако к концу 1920-х годов в сборниках работ, посвященных «дискуссии», уже не было прямого голоса Троцкого, его место занял термин «троцкизм» (см., например, [Попов 1929]).

Октября и недавнее поражение в Болгарии и Германии Троцкий объяснял тем, что эти страны не извлекли необходимого урока из революции в России: «При отсутствии партии, способной руководить пролетарским переворотом, самый этот переворот становится невозможным. Стихийным восстанием пролетариат не может взять власть». И добавлял: «Наш октябрьский опыт не только не вошел в плоть и кровь хотя бы только наиболее зрелых коммунистических партий Запада, но и прямо-таки неизвестен им с фактической стороны». А явные разногласия в партии, по мнению Троцкого, свидетельствовали лишь о трудности уже пройденного ею пути, ибо «кризисы внутри партии... возникают на каждом серьезном повороте партийного пути» [Об «Уроках Октября» 1924: 220–222]. В этом контексте и с учетом этих уроков Троцкий выступил с настоятельным призывом представить всестороннюю картину Октябрьского переворота, которая до сих пор отсутствовала в Советской России.

Лидеры большевиков развернули настоящую кампанию против представлений Троцкого об Октябре и о партии. С утверждением Троцкого о том, что Октябрь плохо представлен в печати, они не спорили. Но как ранние работы Суханова сподвигли большевистских лидеров попытаться самостоятельно представить произошедшее, так и произведения Троцкого грозили заполнить вакуум неприемлемой для многих партийных деятелей версией. «Восполнить этот пробел [в истории Октября] и ставит своей задачей тов. Троцкий, издавая свои сочинения, — утверждал Пионтковский. — Естественно, что при таком подходе к вопросу вопрос о том, что дается в собрании сочинений тов. Троцкого и как дается, приобретает огромный исторический интерес»⁹⁰. Других беспокоило влияние этих представлений на партийную молодежь из-за отсутствия «самых элементарных сведений у многих членов партии о том, как складывалась история нашей партии», и огорчало, «что часто факты эти товарищи узнавали из источников... издаваемых меньшевиками за границей» [За ленинизм 1925: 40, 41].

⁹⁰ Пролетарская революция. 1925. № 1. С. 220.

В представлении Троцкого Ленин выделялся на фоне нерешительных партийных лидеров, которые выступали против любого захвата власти без санкции II съезда Советов. Вместе с тем он изобразил Ленина хитрецом, готовым на словах поддержать санкционированное свержение, создав «ловушку советской легальности», в которую заманивал противников как вне, так и внутри партии. Как прямо выразился Троцкий: «Они хотели быть обманутыми, и мы доставили им полностью эту возможность» [Об «Уроках Октября» 1924: 250]. Ответы на «Уроки Октября» были не менее резкими. Эммануил Квиринг писал, что «обвинение Ленина в заговорщичестве, бланкизме» было «одним из ходячих обвинений со стороны меньшевиков на протяжении долгих лет ожесточенной борьбы». Особенно его возмутил намек Троцкого на то, что только благодаря его (Троцкого) решительным советам Ленин 25 октября отказался от захвата власти путем «конспиративного заговорщичества» [Там же: 145, 147]⁹¹. Биографический очерк Троцкого «О Ленине», также опубликованный в 1924 году, по словам Дмитрия Лебеда, создавал впечатление, что Октябрьская революция не была «революционным массовым организованным восстанием», как того требовала ленинская идеология, а что «большевизм подходил к октябрьскому перевороту с неправильной тактикой в деле массового восстания и только перед самым Октябрем нашел эту правильную тактику» [Там же: 261].

Как это ни парадоксально, хотя в работах Троцкого этого периода большевистская партия превозносилась как главное действующее лицо русской революции, само ее представление вызвало жесточайшую критику, и в итоге коммунистический режим предал автора «Уроков Октября» анафеме. Он описывал партию в первые годы ее существования как организацию, совершенно неизвестную «миллионам рабочих и крестьян... как выразительницу своих стремлений». Но проницательность, дальновидность и политический гений Ленина, благодаря которым он направлял партию, созрели не в России, намекал Троцкий, а стали резуль-

⁹¹ Автор критиковал работу Троцкого «О Ленине».

татом 15 лет пребывания Ленина в эмиграции, где он совершенствовал свои политические взгляды. Он приехал в Петербург «с готовыми революционными обобщениями», которые затем проверил на рабочих массах России. Ясное революционное видение Ленина до Октября контрастировало с близорукостью «нашей партии... [которая] еще не поняла всей своей потенциальной силы, и потому она [была] “в сто раз” правее рабочих и крестьян» [Троцкий 1924: 56, 61]. Даже после Октября, писал он, в партии было много «мало сознательных элементов трудящихся» и «явно чуждых элементов», которые держались только на «внутренней диктатуре старой гвардии». Для Троцкого после Октября партия жила на два этажа: «В верхнем — решают, в нижнем — только узнают о решениях» [Троцкий 1990: 167, 168].

Хуже того, Троцкий представил партию как продукт ее внутренних разногласий, а не неуклонного политического созревания в течение длительного времени. «Уроки Октября» неоднократно упоминали оплошности Каменева и Зиновьева. Однако Троцкий критиковал не только этих двоих: он нападал на лидеров большевиков, на партийную газету «Правда» и даже на рядовых членов партии за революционную непоследовательность. В его представлении большевистскую партию шатало от кризиса к кризису, и только прозорливость Ленина удерживала ее от распада. Такая организация была неспособна на революционный мятеж. В то время, когда многие руководители Советской России пытались найти смысл Октября в революционном наследии, идеологической последовательности и организационной зрелости, Троцкий менял местами причину и следствие: «Через Октябрь до-октябрьская партия впервые узнала себе настоящую цену» [Там же: 167].

Григорий Сокольников назвал работу Троцкого не более чем хроникой разногласий в руководстве большевиков в 1917 году и раскритиковал его обвинительный тон [За ленинизм 1925: 26–39]. Каменев даже привел высказывания самого Троцкого в 1911 году о том, что «Ленинцы — это кучка интеллигентов, которые под руководством не стесняющегося никакими средствами человека — Ленина — держат темными путями в своих руках движение

русского пролетариата... Задача должна заключаться в том, чтобы освободить пролетариат России от засилия этой кучки и их лидера Ленина» [Об «Уроках Октября» 1924: 18]⁹². Один из главных объектов критики Троцкого, Зиновьев, утверждал, что «Новый курс» Троцкого, опубликованный в 1924 году, проповедует отношение «живи и жить давай другим» по отношению к «группам и течениям», которые входили в партию в прошлом. Он подчеркнул опасность такого представления о большевистской партии *для настоящего*: «Партия не может превратиться в Ноев ковчег, где каждой твари по паре, партия не может превратиться в конгломерат отдельных групп и “течений”»; партия, которая работает в обстановке Нэпа, достаточно пестрой обстановке, должна быть единой большевистской партией, со старой ленинской закалкой. Иначе — мы погибли» [За партию... 1924: 132]. Наиболее бескомпромиссным в своей критике был Николай Бухарин в статье «Как не нужно писать историю Октября»:

Прежде всего, у тов. Троцкого исчезает партия. Ее нет, ее настроения не чувствуется, она исчезла. Есть Троцкий, издали виден Ленин, есть какой-то непонятливый анонимный ЦК. Отсутствует целиком петроградская организация, действительный коллективный организатор рабочего восстания. Вся историография т. Троцкого скользит исключительно по «верхнему верху» партийного здания. Что же касается всего партийного костяка <...> «Где партия?» [За ленинизм 1925: 16].

Бухарин также критиковал Троцкого за то, что тот считает период истории партии до Октября «совершенно второстепенным» и недооценивает неуклонный рост большевизма как самостоятельной идеологии и большевистской партии как целостной и монолитной организации в масштабах страны: «Тов. Троцкий... рассматривает дело так, что по сути у него партия большевиков

⁹² В том же сборнике утверждалось, что нефракционная газета «Венская правда», издававшаяся Троцким с 1908 по 1912 год, изображала большевизм как «узкую, изолированную доктринерскую группу» [За ленинизм 1925: 41].

начинает существовать “по-настоящему” лишь с октябрьских дней» [Там же: 10, 12–13]. Проблема, утверждали критики Троцкого, заключается не в партии, а в ранней политической деятельности самого Троцкого и его позднем приходе в партию. Подобные истории Октября, в которых победа произошла «вопреки большевистской организации, наперекор ей», утверждал Иван Степанов, вышли из-под пера историков, которые, хотя и принимали энергичное участие в последних боях, «не проделали всех походов большевистской партии и не пережили с нею и в ней всей ее истории». Неверное толкование Октябрьской революции Троцким было не внезапным помутнением рассудка, а хроническим непониманием значения революционного процесса, целостности большевистской партии и ее роли в революции. Октябрь свершился рабочими и крестьянскими массами, и они победили потому, что их «боевыми выступлениями» руководил Ленин и его партия. Непонимание Троцким этого, продолжал Степанов, привело к «величайшему искажению действительной перспективы», к неспособности изобразить широкую и сильную партийную организацию, которая встретила Ленина на Финляндском вокзале в апреле 1917 года:

Не два-три центра правдивости, о чем он мечтал в 1915 году, а десятки и сотни таких центров, — во всех промышленных и губернских городах и во многих уездах. Эти революционеры-правдивисты были живым воплощением непрерывной цепи развития, живым воплощением той исторической преемственности, которая связывает декабрь 1905 года с октябрём 1917 года, и которая, сохраняясь в партийной организации, дала возможность превратить декабрьское поражение в октябрьское торжество [Там же: 267, 271, 272].

Споры, разгоревшиеся вокруг скандального анализа Троцким Октябрьской революции, а также большевистские оценки ранних работ Истпарта обострили неразрешенные проблемы истории Октября и партии. По мнению многих высших партийных чиновников, не только партия большевиков, но и сам большевизм еще не имел достаточно четкого определения и места в революционной

истории. Лидеры Истпарта давно жаловались на недостаток внимания и уважения к их усилиям со стороны партии. В январе 1924 года Ольминский обратился в ЦК с письмом, в котором выражал надежду на «коренное изменение отношения ЦК к работе Истпарта»⁹³. Приближающаяся 20-я годовщина 1905 года, «первой русской революции», отмечал он, предоставляет партии идеальную возможность активизировать проект по написанию истории Октября. Поскольку 1905 год был «прелюдией к октябрьскому перевороту», а интерес «широких рабочих масс» к революции 1905 года сегодня так велик, убеждал Ольминский секретаря ЦК партии, было бы ошибкой не использовать юбилей «как агитационно-пропагандистское средство для укрепления Советской власти»⁹⁴. До сих пор 1905 год не получил, как отмечал другой автор, «адекватно большевистского изображения» [Там же: 266]. И. Гелис заметил, что период с 1925 по 1927 год будет отмечен «двумя знаменательными годовщинами: двадцатилетия “пролога” и десятилетия “апофеоза” пролетарской революции в России»⁹⁵. Выбранные им термины говорили о многом.

Но человек, который был движущей силой «Истпарта», не увидел нового времени. Товарищи по совету обвинили Ольминского в излишней тирании и пренебрежении к их мнению. Ольминский напрасно жаловался Сталину и другим большевистским лидерам: в конце концов в октябре ему пришлось уйти со своего поста из-за стресса, вызванного тем, что он назвал нынешний период в Истпарте временем «падения или разложения»⁹⁶. Его преемник кардинально изменил подход к изложению истории Октября.

---

⁹³ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 3.

⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Ед. хр. 539. Л. 15.

⁹⁵ Пролетарская революция. 1925. № 7. С. 197.

⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Ед. хр. 765. Л. 154–155, 158.

Глава 6

Уроки Октября: 20-я годовщина революции 1905 года

...революция шла вперед и прокладывала себе дорогу не своими непосредственными трагикомическими завоеваниями, а, напротив, тем, что она порождала сплоченную и крепкую контрреволюцию, порождала врага, в борьбе с которым партия переворота только и вырастала в подлинно революционную партию.

*Карл Маркс. Классовая борьба во Франции
с 1848 по 1850 г., 1850*

Несмотря на все усилия Истпарта, связанная и последовательная история революции и партии так и не была создана. Собранные Ольминским «крупницы истины» многим внутри партии казались недостаточными для духовного поддержания советского населения. Более того, скандальная трактовка смысла Октября Троцким еще раз поставила вопрос о том, кто именно должен судить об истории произошедшего, и повысила символические ставки всего проекта по написанию истории революции.

Годы, прошедшие между юбилеями 1905 года и Октября, оказались решающими в попытке создать целостную картину большевистской партии и революции. Впервые с 1920 года советские власти выделили столько финансовых и материальных ресурсов на попытку рассказать об Октябре и партии как о едином целом, а поиск «всякого рода вещей и предметов»

велся во всех уголках молодого Советского Союза¹. Помимо стандартного набора изданий, центральный Истпарт планировал выпустить к юбилею альбомы фотографий, книги стихов, а также беллетристические, визуальные и кинематографические изображения событий 1905 года². В рамках празднования годовщины первой русской революции в деревнях рекомендовалось не только собирать воспоминания «участников, очевидцев и современников» этих событий, но и устраивать в «избах-читальных» постановки «живых газет», иллюстративных докладов, чтений сатирических стихов и частушек, а в день празднования организовать шествия и экскурсии «к месту, где происходили революционные события в данном районе»³. Благодаря этим методам индивидуальное переживание Октября обогащалось эстетическим опытом поэтической романтики, визуального драматизма и непосредственной физической связи с «местом» революции. Эти амбициозные празднования, безусловно, ознаменовали шаг вперед в попытке партии создать основополагающее событие. Но они же неизбежно заставили власти заняться глубоким самоанализом.

Канатчиков и борьба за партию

Когда в январе 1925 года Семен Канатчиков возглавил Истпарт, он уже успел поучаствовать и в «литературной дискуссии», и в критике работ Истпарта. Как и Ольминский, Канатчиков был преданным членом партии, но в отличие от старшего коллеги его давняя неприязнь к старой эмигрантской интеллигенции в партии делала его особенно нетерпимым к внутрипартийной оппозиции. Он считал себя представителем новой породы рабочей интеллигенции, рожденной исключительно русским опытом. Член РСДРП с 1900 года и большевистской фракции — с 1905-го,

---

¹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 429. Л. 5, 14; Ф. 17. Оп. 85. Ед. хр. 319. Л. 25; Ед. хр. 37. Л. 3.

² РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 8.

³ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 96. Л. 129.

он прошел партийную службу в Москве, на Урале, в Петербурге и Казани, за что поплатился сибирской ссылкой. Его роль в просвещении рабочих после Октября и опыт работы на местах не оставляли у него сомнений в том, где следует искать судей истории революции⁴.

О своем приходе в Истпарт Канатчиков объявил взрывной статьей в рамках «литературной дискуссии», опубликованной в «Пролетарской революции» в январе 1925 года. Он призвал Истпарт к борьбе за партию и осудил тех, кто «искажает нашу большевистскую теорию». Он привел высказывание Ленина, что рабочий класс сможет утвердить свое лидерство только в том случае, если «лучшие и преданнейшие [представители] этого класса будут организованы в централизованную, дисциплинированную партию». Отметив, что борьба большевиков за создание такой партии началась еще до 1905 года, Канатчиков присоединился к общему осуждению Троцкого, которое, по его мнению, свидетельствовало о том, что «основы ленинизма проникли и восприняты не только верхушкой нашей партии, но и усвоены в основных его чертах огромным, подавляющим большинством низовых ячеек нашей партии»⁵.

В марте 1925 года Канатчиков направил в местные бюро Истпарта секретный меморандум, в котором недвусмысленно выразил свои опасения и требования. Он сетовал на разнообразие трактовок поставленных перед ними задач. Одни бюро, писал он, считали, что история РКП не должна мыслиться отдельно от общего революционного движения; другие полагали, что нельзя писать об истории большевиков и при этом игнорировать роль других социалистических партий; третьи думали, что прежде чем составлять «полную историю нашей партии и всего революционного движения», Истпарт должен был изучить особенности регионов, вовлеченных в революционную борьбу. Четко увязывая свои высказывания с развернувшейся дискуссией о работе Троц-

---

⁴ Эти биографические подробности взяты из [Burgess 1981: 149–151].

⁵ Пролетарская революция. 1925. № 36. С. 5, 8–9, 13. Также см. [Holmes, Burgess 1982: 393 и далее].

кого, Канатчиков дал понять местным бюро, что перед ними стоит одна-единственная задача: «собрать и изучить материалы для составления истории партии *большевиков*, начиная с зарождения большевизма и кончая вчерашним днем нашей партии»⁶.

Вскоре после вступления в должность председателя Истпарта Канатчиков приказал всем местным бюро отказаться от проведения любых других юбилеев и сосредоточиться исключительно на предстоящем 20-летию первой русской революции⁷. Подготовка к юбилею началась еще при Ольминском, в феврале 1924 года, когда по инициативе Истпарта была создана Всесоюзная комиссия по празднованию 20-й годовщины 1905 года⁸. Комиссия разработала планы по созданию сценариев фильмов, а также серии брошюр для широкого потребления. Кроме того, комиссия поручила Мицкевичу разработать план юбилейной выставки как в центрах, так и на местах, а также назначила на 22 января и 21 декабря 1925 года проведение выступлений, шествий и демонстраций⁹. Истпарт запланировал выпуск сборника статей о крестьянском опыте 1905 года и подчеркнул необходимость разъяснения крестьянам значения празднования революции и их роли в ней. Эти статьи должны были подробно разобрать разногласия между большевиками и меньшевиками по крестьянскому вопросу «как центральному моменту, определившему исход борьбы», и разъяснить работу партии по подготовке и организации вооруженного восстания¹⁰.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Ед. хр. 765. Л. 81. Курсив Канатчикова. — Ф. К. Местные бюро отреагировали на эти призывы положительно (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 429. Л. 14).

⁷ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 187. Л. 4.

⁸ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 10. Комиссия в составе Ольминского, Елизаровой, Батурина, Невского, Варенцовой, Лядова и Мицкевича была утверждена 18 декабря 1923 года (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1, 10). По настоянию Истпарта в Обществе старых большевиков также была создана комиссия по подготовке юбилея 1905 года (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Ед. хр. 539. Л. 16).

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Ед. хр. 539. Л. 16.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 96. Л. 128.

К октябрю планы Ольминского стали скромнее — возможно, из-за быстро заканчивавшегося времени и из-за того, что председателем Всесоюзной комиссии стал М. И. Калинин, глава Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов (ВЦИК) и формальный глава государства. Комиссия была разделена на литературную и организационно-зрелищную подкомиссии, и постановлением Организационного бюро ЦК ей было поручено «демонстрирование боевой смычки рабочих с крестьянами». Задача Истпарта была дать картину только местных событий, опираясь на все имеющиеся материалы и «большевистскую и вообще с<оциал>-д<емократическую> литературу (корреспонденции в заграничных изданиях и листки)», с тем чтобы выпустить сборник статей для региона, «например, “1905 год в Киеве”, “1905 год в Нижнем Новгороде”» и т. д. Книги должны были быть изданы к августу 1925 года, «не позже ни в коем случае»¹¹.

Канатчиков быстро установил более жесткий административный контроль над юбилеем, создав под своим руководством совет, который должен был собираться каждые три недели, контролировать работу Истпарта в целом и заниматься отдельными кампаниями, связанными «с вопросами момента». Что касается текущей кампании 1905 года, то новый совет прямо заявил, что Истпарт занимается вопросами «внутренней истории партии»¹². В «Пролетарской революции» печатались передовицы с изложением приоритетов и задач предстоящего юбилея. Николай Авдеев указывал всем авторам истории РКП и Октябрьской революции, что они должны объяснить «с марксистской точки зрения причинную закономерность» описываемых событий, а именно «постоянную связь явлений». Без правильного понимания этой причинной закономерности, продолжал он, невозможно написать полноценную историю РКП и Октябрьской революции.

В качестве иллюстрации Авдеев привел следующий пример. В июле 1914 года от имени Петербургского комитета РСДРП была распространена прокламация, призывавшая к трехдневной

---

¹¹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 187. Л. 3.

¹² РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 11, 12.

забастовке в знак протеста против расстрела и избиения полицией путиловских рабочих 16 июля. В то же время другая прокламация за той же подписью призывала рабочих к штурму арсенала, захвату оружия и вооруженному восстанию. Применяя указанную методологию, писал Авдеев, можно определить, что первое воззвание было однозначно подлинным, поскольку оно соответствовало тактике Петербургского комитета того времени, а второе — нет, следовательно, второе было фальшивым¹³. (Важно отметить, что логика Авдеева предполагала существование идеологически последовательной партийной организации.) После правильной оценки материалов, продолжал Авдеев, историк должен был удостовериться, что использует их для «правильного» описания событий. Задача историка — создать целостную картину событий, и ему часто приходится «восполнять недостающие звенья [фактов]... посредством гипотезы или аналогии». При этом он должен был руководствоваться «марксистским методом материалистического понимания истории», которое, в отличие от идеалистического, подчеркивало не божественное вмешательство или роль отдельных «великих личностей», а значение массовых действий, идеалов и институтов. Важно отметить, что лучшим пособием в этом отношении Авдеев назвал книгу Ленина «Государство и революция», «в которой он диктатуру пролетариата, как форму государственной власти, объясняет и освещает историей Парижской Коммуны»¹⁴.

В «Пролетарской революции» также были напечатаны новые указания по написанию мемуаров и воспоминаний об истории партии и Октября. В соответствии с настроениями времени, автор указаний предупреждал, что воспоминания поступают не только от рабочих, но и от интеллигенции «самого разнообразного политического происхождения», и что теперь остро встала задача «улучшения качества источников». Признавая, что личные воспоминания часто зависят от наблюдений человека за происходящими вокруг «общественно-историческими явлениями», автор

---

¹³ Пролетарская революция. 1925. № 1. С. 149, 151–153.

¹⁴ Там же. № 2. С. 213–215, 216.

предполагал, что при анализе различных искажений и субъективных факторов необходима правильная точка зрения. Ни в коем случае нельзя отождествлять работу организации с личным участием в ней, «так как это неизбежно ведет к подмене роли партии и масс своей личной ролью, как “героя” своего времени»¹⁵.

Объективные потребности революции в настоящем явно перевешивали субъективное тщеславие тех, кто о ней вспоминал. В разгар «литературной дискуссии» бюро Истпарта постановило, что все произведения, созданные на тему Октября в широком смысле, принадлежат Истпарту, и Истпарт может их редактировать как с согласия, так и без участия автора¹⁶. В октябре 1925 года Канатчиков сообщил заведующему бюро Истпарта Уральского областного комитета, что все материалы, подготовленные к юбилею 1905 года, должны пройти проверку в литературной подкомиссии в Москве, даже если это могло повлечь задержку с публикацией¹⁷. В ряде секретных записок в ЦК партии в течение 1925 года он также запрашивал информацию о потенциальных авторах, в том числе об их партийной принадлежности в текущий момент и в 1905 году. Канатчиков оценивал (а зачастую и запрещал) статьи о 1905 годе, исходя из ранней принадлежности авторов к меньшевикам или эсерам или наличия у них соответствующих настроений¹⁸. Аналогичные запросы он делал и в местные бюро Истпарта¹⁹. Как минимум в одном случае Канатчиков вступил в конфликт с Московским Истпартом и заместителем председателя юбилейной комиссии 1905 года из-за включения в сборник Московского Истпарта статей двух лиц,

¹⁵ Пролетарская революция. 1925. № 7. С. 197–199, 207.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 15.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 411. Л. 18. Литературная подкомиссия служила координационным центром для всех публикаций о 1905 годе, которые в итоге выходили под грифом Государственного издательства (Госиздата), комиссии при ЦИК СССР и Истпарта (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 17).

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Ед. хр. 876. Л. 224; Ед. хр. 765. Л. 141; Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 15.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 430. Л. 6.

которых он назвал «слишком одиозными» и не заслуживающими публикации, независимо от содержания их трудов²⁰. В другом случае в мае 1925 года Канатчиков указал, что, хотя «бывший правый эсер», писавший о 1905 годе, не был больше «врагом советской власти», все его работы «неминуемо проникнуты <э>с-ровской идеологией»²¹.

Подобная открыто политическая проверка проводилась и при Ольминском. Вопрос о прошлых политических пристрастиях авторов и степени их влияния на написанные воспоминания всегда был актуален. Не все источники считались одинаково ценными, и Истпарт потратил немало усилий, чтобы определить, какие из них обладают революционной легитимностью. С особым подозрением Истпарт относился к одному из самых распространенных источников по событиям 1905 года — местным полицейским архивам. Заместитель директора Истпарта Савельев в конце 1924 года предупреждал местные бюро, что такие источники могут быть использованы для создания «истории полиции, а не революции»²². Рецензия на сборник статей о 1905 годе, основу которого составили полицейские документы, указывала, что книга нуждается в политической и стилистической переработке, поскольку воспроизводит «язык полицейско-жандармского рапорта»²³. Аналогичным образом «материалы белогвардейские» считались важными, только если содержали информацию «о наших организациях»²⁴.

Однако ревностное внимание Канатчикова к партии большевиков как к единственному *легитимному* мерилу прошлой политической активности обострило политическую поляризацию, изначально присущую Истпарту. Под его руководством Истпарт (и другие организации, например, Юбилейная комиссия 1905 го-

---

²⁰ Канатчиков передал этот вопрос на рассмотрение Оргбюро ЦК (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 98).

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Ед. хр. 765. Л. 127.

²² РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 185. Л. 1.

²³ Пролетарская революция. 1925. № 12. С. 251–253.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 185. Л. 1.

да) активизировал начавшуюся с Октября работу по приданию большевистской партии характера организационной целостности и революционной преемственности.

Строительство партии

Первоначально усилия по «созданию партии» носили фрагментарный характер и, как мы видели, плохо вписывались в общую задачу «рассказывания Октября». В первом же бюллетене Истпарта Андрей Бубнов предложил план по изучению партии, который начинался с периода с 1917 по 1920 год²⁵. Через два года Истпарт разработал подробный издательский план послеоктябрьской истории партии, предложив серию монографий, освещающих эту историю в связи с Брестским миром, профсоюзным движением, строительством экономики в условиях военного коммунизма, деревней, национальными отношениями, мелкой буржуазией и «интеллигенцией после Октября», работницами, молодежью и т. д.²⁶

План по написанию истории большевистской партии дооктябрьского периода оказалось труднее составить и осуществить, в том числе и потому, что в 1922–1927 годах среди ведущих историков-коммунистов часто возникали разногласия по поводу генеалогии партии — споры, которые ЦК отказывался разрешать в ту или иную сторону [Frankel 1966: 569–578]. Одна из первых публикаций о дореволюционном прошлом партии была составлена на основе не самых надежных документов царских полицейских архивов²⁷. Для составления «биографической библиотеки»

---

²⁵ Бюллетень Истпарта. 1921. № 1. С. 12–14.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1–3.

²⁷ Документы были отобраны из архивов, чтобы показать неумолимо развивающуюся большевистскую идентичность, подчеркивающую отличие большевиков (в частности, от меньшевиков), начиная с раскола РСДРП в 1903 году. Цель сборника — показать, что большевики, которые «с таким шумом» вырвались из подполья на открытую политическую арену в феврале 1917 года и о которых теперь «заговорили миллионы», несли с собой самобытность, складывавшуюся на протяжении многих лет [Цявловский 1918:

революционеров работники Истпарта попросил присылать имена тех, кого следовало туда поместить или о ком нужно было найти информацию в старых номерах провинциальных газет, и некрологи ушедших товарищей²⁸. Несомненно, многие из умерших вряд ли узнали бы организацию, которую они теперь помогали создавать. Кроме того, Пантелеймон Лепешинский сообщил, что «великий» спрос на «систематическое изложение истории партии» будет частично удовлетворен изданием специальной хрестоматии²⁹. В 1922 году центральный Истпарт неоднократно призывал выпустить «общедоступную историческую хрестоматию», а также учебник по истории РКП, и в сентябре была создана комиссия в составе Н. Н. Батурина, С. И. Мицкевича и Лепешинского для выработки конкретного плана, но, видимо, без особого успеха³⁰. ЦК партии также создал свою комиссию по разработке учебника, и Истпарт связался с ней, чтобы избежать двойной работы³¹. Подобные публикации, как выразился Лепешинский на конференции Истпарта в 1923 году,

---

iii]. Горячий интерес полиции ко всем радикальным группам вплоть до 1917 г. не следует отождествлять с популярностью этих групп. Задача охраны в то время заключалась в выявлении причин политических волнений и оценке потенциальной угрозы со стороны революционеров, которая иногда измерялась таким странным показателем, как физический вес антиправительственной литературы [Козлов 1992, 2: 353].

²⁸ Печать и революция. 1921. № 2. С. 246–247.

²⁹ Бюллетень Истпарта. 1924. № 2. С. 5–6. Тома, посвященные судьбе популизма до 1900 года, периоду «Искры» и реакции 1907–1910 годов, уже находились на завершающей стадии редактирования. Также велась работа над освещением событий 1905–1906 годов и войны, причем последний том охватывал период вплоть до Февральской революции. Любопытно, что хрестоматия не освещала революции 1917 года, поскольку, по словам Лепешинского, «о февральской и Октябрьской революции имеется уже обширная литература» [Там же].

³⁰ В 1922 году Батурину было поручено представить план хрестоматии в течение недели, а Лепешинскому — план учебника в течение двух; ни тот, ни другой этого не сделали (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 3, 4, 7). После доклада Батурина о ходе работы над хрестоматией Истпарт решил принять «крайние меры» для скорейшего издания первого тома (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 1).

³¹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 4.

должны были дать материал «в значительной мере заменяющий историю партии», стать «суррогатом по истории партии»³². Этот суррогат должен был заменить и раздробленную историю большевистской организации, и слабую большевистскую идентичность до октября 1917 года.

Существование большевистской партии в эти годы лучше всего отражали издания материалов ее съездов и конференций. Эти нерегулярные собрания давали лидерам возможность отследить преемственность партийной истории, чего они не могли добиться другими способами. В 1922 году Истпарт составил сборник резолюций, принятых на съездах и конференциях РКП с 1898 по 1921 год, и тем самым раскрыл принципы отбора, которые использовались при составлении подобных документальных сборников. Эта книга, отметил Каменев в предисловии, была ответом на предыдущее подобное издание, вышедшее в свет в Петрограде в 1921 году, которое оказалось неудовлетворительным, поскольку содержало резолюции не только большевистских, «но и меньшевистских съездов» и потому «дает неполную и неправильную картину развития партийной большевистской мысли» [выделено Каменевым] [РКП(б) 1922: iii]³³. Настоящий сборник должен был «представить развитие *большевистской* мысли и организации» и содержал только большевистские предложения или проекты резолюций. Официально принятые резолюции включались в книгу только в том случае, если они совпадали с проектами, предложенными большевиками [РКП(б) 1922: iii–iv]. Аналогичный презентистский подход Центральный Истпарт использовал, чтобы решить, какие вопросы следует выделить в готовившихся к публикации протоколах ЦК большевистской партии за 1917 и 1918 годы³⁴.

³² Бюллетень Истпарта. 1924. № 2. С. 6.

³³ Курсив Каменева. — Ф. К. Издание, о котором шла речь, — [РКП(б) 1921].

³⁴ В него были включены, в частности, вопросы о Демократическом совещании и правая позиция по нему товарища Рыкова; заявление Ленина от 20 сентября 1917 года об исключении из партии Каменева и Зиновьева; позиция правых по вопросу о допуске меньшевиков и эсеров в правительство; пози-

Протоколы III съезда РСДРП 1905 года, опубликованные в 1924 году, были снабжены введением, написанным старым большевиком и историком Мартыном Лядовым. Он назвал «революционное рабочее движение» силой, пробуждающей все социальные слои к политической активности, и заметил, что успех этой инициативы зависит от способности «выделить» собственную классовую партию для руководства надвигающейся революцией. Такой партией, продолжал Лядов, безусловно, была РСДРП, хотя после раскола на II съезде в 1903 году «повсюду действовали конкурирующие друг с другом большевистские и меньшевистские организации. И те и другие говорили от имени единой Социал-Демократической Партии, но преподносили массам совершенно разную тактику, давали разную оценку текущего момента». Рабочая масса «не могла разобраться в этом хаосе тактических разногласий и оттенков мнений» [III съезд 1924: 7–8]. На практике фракции тесно сотрудничали между собой на местах и не имели явно обозначенных границ, но в представлении Лядова организация была настоящим полем боя, на котором столкнулись два четко определенных и идеологически последовательных противника: «решительные лозунги» большевиков и «туманные, оппортунистические, склизкие резолюции» меньшевиков [Там же: 13–14]. Третий съезд, на котором присутствовали «исключительно большевики», сделал РСДРП большевистской партией, в то время как меньшевики, устроив свою собственную конференцию в Женеве, физически и идеологически оказались вне РСДРП [Там же: 12].

Толчком реализации многих проектов послужила серия юбилейных торжеств 1923 г. К 20-летию II съезда РСДРП 1903 года Лепешинскому было поручено подготовить к изданию протоколы съезда, а также полные тиражи газет «Пролетарий» и «Впе-

---

ция Ленина против Бухарина и за Троцкого в роли главреда «Правды»; заявление Сталина накануне Октябрьского переворота об уходе из «Правды»; предложение Каменева уничтожить все экземпляры писем Ленина о восстании и предложение Сталина распространить их среди организаций (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 484. Л. 4).

ред»³⁵. В это же время 25-я годовщина «рабочей партии» в России (1898 — март 1923 года) стала еще одним направлением деятельности Истпарта. В соответствии с наметившейся в это время тенденцией к включению истории РСДРП в историю РКП руководители Истпарта постановили отмечать двадцатилетие «большевистской фракции» одновременно с 25-летием РСДРП. Они также предложили Центральному комитету объявить Всероссийский партийный праздник. Планировалось издать иллюстрированный сборник статей и специальный номер органа Истпарта, посвященный этому празднику, а также организовать в Москве выставку «Двадцать пять лет партии». В доме в Минске, где проходил I съезд РСДРП, предлагалось устроить Музей истории партии³⁶. Отдельным членам Истпарта поручалось написать конкретные статьи: например, Елизарова должна была написать об участии московской организации в I съезде РСДРП для сборника к юбилею съезда³⁷. В своем годовом отчете в апреле 1924 года Истпарт перечислил работы, описывающие «главные этапы» и «отдельные эпизоды» в жизни партии, которые он успел подготовить к этому моменту³⁸.

Эти юбилеи, судя по всему, нашли отклик у работников местных бюро Истпарта. В Москве при уездном комитете РКП была создана специальная комиссия по организации празднования 25-летия РСДРП³⁹. Комиссия развернула широкую агитационную кампанию по изучению истории партии и организовала собрание, на котором обсуждались вопросы истории РКП, XII съезда

³⁵ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 5.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 2.

³⁷ Там же. Л. 1.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 87–88.

³⁹ Зимой 1923–1924 годов Московское бюро, следуя директиве Московского комитета партии, решило привлечь студентов Института красной профессуры и других коммунистов для составления научно-популярных очерков истории революционного движения и РКП (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 217. Л. 18). Симбирское бюро датировало свое существование начиная с 25-го юбилея партии (Бюллетень Истпарта. 1924. № 2. С. 13).

партии, роли партии в рабочем движении и в борьбе за Советскую власть и другие⁴⁰. В целях разъяснения массам значения РКП было предложено провести «кампанию отчетности партии перед рабочим классом», для чего были созваны общие собрания рабочих на предприятиях⁴¹. На заседании коллегии Истпарта в конце 1923 года, на котором присутствовали лица, проводившие работу на низовом уровне, отмечалось, что сбор материалов о местных партийных организациях имеет целью не только дать материал для историков, но и «*обрисовать физиономию организации*»⁴².

Со смертью Ленина в январе 1924 года партия приняла определенно ленинский облик, продолжив традиции «Что делать?» [White 2001: 178–179]. С начала 1924 года партия все больше ставилась в зависимость от Ленина-человека и ленинской идеологии, расширив начавшийся ранее культ вождя⁴³. В марте Истпарт разработал план работы, который переосмысливал все революционное движение с точки зрения теоретического и практического вклада Ленина. Этот план охватывал прозорливый анализ Лениным важнейших вопросов дореволюционной России: проблемы захвата власти, природы империализма, учения о государстве, аграрного и национального вопросов. В плане также предлагалось рассмотреть Ленина в связи с централистской схемой партии профессиональных революционеров, собиранием

---

⁴⁰ Центральный государственный архив общественных движений г. Москвы (ЦГАОДМ, ныне — Центральный архив города Москвы, ЦГА Москвы). Ф. 3. Оп. 11. Д. 134. Л. 1. Комиссия также планировала проведение партийных собраний совместно с комсомолом и другими коллективами на уровне волостей (Там же. Л. 2) и составила список литературы, которую необходимо издать к юбилею (Там же. Л. 15, 23).

⁴¹ ЦГАОДМ. Ф. 3. Оп. 11. Д. 134. Л. 15.

⁴² РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 216. Л. 18. Курсив автора. — Ф. К.

⁴³ В основных исследованиях, посвященных культу Ленина, подчеркивается либо влияние русской народной религиозности на успех этого мифотворчества [Тумаркин 1997], либо использование большевиками религиозных метафор для облегчения проникновения мифа в советское общественное мнение [Ennker 1996: 431–455; Ennker 1997].

Рис. 12. Демонстрация в Петрограде, посвященная 25-й годовщине создания РКП(б), 1923 год (предоставлено РГАКФД в Красногорске)

партии и ее расколом, кризисом Второго Интернационала и рождением Третьего⁴⁴. Недавно созданный Институт Ленина и Институт Маркса и Энгельса активно обсуждались на XIII съезде партии в 1924 году [Тринадцатый съезд... 1924: 560–573]. Неустанное издание Институтом Ленина его работ обеспечило большевистской партии идеологическую целостность. Творчество Ленина было, по выражению Каменева, «богатством, которым располагает партия» [Ленинский сборник, 2: 3]⁴⁵.

Работа Истпарта на местах активизировалась и стала более целенаправленной в период празднования юбилея 1905 года. Московское бюро в конце 1924 года предложило местным бюро

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 6.

⁴⁵ Ср. [Ленинский сборник, 1: 5–23].

активизировать сбор материалов по истории партии и назначить для этого уполномоченных, особенно на уровне предприятий, или задействовать их там, где они уже работали⁴⁶. В ноябре 1925 года при новом секретаре Оренбургское бюро заявило о своем намерении в связи с юбилеем 1905 года переделать всю работу от начала до конца⁴⁷. Даже практически бездействующее Уральское бюро Истпарта, испытывавшее в 1925 году острую нехватку активных сотрудников и почти игнорируемое центральными партийными органами, сумело создать специальную комиссию по празднованию юбилея 1905 года и издать некоторое количество литературы⁴⁸.

Некоторые местные бюро изобретали свои способы участия в том, что одно из них назвало «построением целого». Ленинградское бюро привело в «систематический порядок» протоколы первого большевистского Петроградского комитета за 1917 год, составило сборники биографий погибших партийных работников, а также сборники воспоминаний о «рабочих настроениях, переживаниях и борьбе» и о Ленине в 1905 году⁴⁹. Аналогичным образом Оренбургское бюро, бездействовавшее до юбилея 1905 года, потратило львиную долю своих усилий и средств на приведение в порядок партийного архива. Его работники прону-

---

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 217. Л. 13. Ярославское бюро привлекло группу из 15 студентов местного педагогического института для участия в семинаре по революции 1905 года, однако заведующий бюро позже жаловался, что студенты остались без наставников и сделали лишь поверхностную работу (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 431. Л. 28–29).

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 248. Л. 2. Своей первой задачей бюро объявило наведение порядка в партийном архиве (Там же. Л. 10). Вскоре оно также издало сборник воспоминаний и организовало выставку, посвященную 1905 году (Там же. Л. 8).

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 410. Л. 29–36.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 210. Л. 35. Ярославское бюро сообщило о начале работы по упорядочению находившихся «в самом хаотичном состоянии» архивных материалов по 1905 году в своем регионе, а также об организации библиотеки из шестисот книг по следующим разделам: «История партии», «Марксизм-ленинизм», «Социология» и т. д. (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 431. Л. 24).

меровали все дела всех отделов губернского комитета партии, уездных и волостных организаций, классифицировали архивы по личным делам членов партии, протоколам партийных собраний, съездов, конференций и т. п. Руководитель бюро Марковский рассказал о планах бюро на будущее, не оставив сомнений в том, что изучение роли партии в 1905 году — всего лишь часть более широкого процесса переосмысления роли партии в революционной истории России. По его словам, бюро готовилось изучать рост и развитие местной партийной организации, ее взаимоотношения с другими социальными группами, в том числе с другими партиями, возникновение «классового самосознания и его идейной формулировки», действия партий во время войны и вплоть до Февральской революции, а также вклад местной партийной организации в Октябрьскую революцию. Марковский подчеркивал необходимость обращаться к разным источникам, чтобы иметь возможность сопоставить различные точки зрения, но при успешном применении его подход мог бы породить только одну картину — последовательной организации большевистской партии как единственного системообразующего элемента революционного прошлого⁵⁰. Ярославский Истпарт разложил все материалы по истории Ярославской партийной организации по отдельным папкам в хронологическом порядке, составил описи содержания и даже выставил документы в витринах, «чтобы члены партии, интересующиеся историей Ярославской организации, могли в краткий срок с ними ознакомиться и иметь представление что имеется и чего недостает»⁵¹. Оренбургское бюро заявило о начале работы над сценарием кинематографического фильма о 1905 годе и обратилось в Зрелищную подкомиссию Юбилейной комиссии с просьбой прислать указания по организации выставок, предоставить гранты для их финансирования, а также отправить объекты для экспонирования (по возможности на безвозмездной основе)⁵².

---

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 248. Л. 10, 12.

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 431. Л. 24–25.

⁵² РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 248. Л. 2, 4.

Такая активность на местах лишь подтверждала идею о том, что подлинную историю Октября и партии нужно искать на местном уровне, — это убеждение стало особенно популярным после недавних разборок среди партийных лидеров по поводу их личной роли в Октябре. Выявляя «прозрачно скрытые... серьезные политические намерения» в работах Троцкого, Лебедь критиковал воспоминания, которые «являются весьма переработанными давностью времени в сознании авторов более в желательном им направлении, чем в направлении действительности» [За ленинизм 1925: 45]. Очевидно, что тщеславие и политические амбиции самовлюбленных лидеров нужно было уравновесить неприукрашенными воспоминаниями простых участников Октября. Такие воспоминания собирались массово и в управляемой обстановке, что помогало смягчить их субъективные тенденции. При подготовке к обоим юбилеям во главу угла был поставлен принцип «интереса общественности». Возникла сеть «групп содействия Истпарту», «кружков Истпарта» и «уполномоченных»: они должны были включать в себя в основном членов партии, хотя в процессе работы им разрешалось привлекать и беспартийных. Истпарт и партийные власти четко определили для этих групп задачу воссоздания хода развития революций 1905 и 1917 годов, в частности, выявления «роли и участия в них местных партийных организаций»⁵³. Они должны были собирать воспоминания, коллективно анализировать их и тем самым превращать мемуарный материал в «доброкачественный источник» для исследователей. В финансировании и поддержке они опирались на местные бюро Истпарта⁵⁴. Группам также поручалось составить списки партийных работников в том или ином регионе и изучить материалы, касающиеся партийных организаций в нем⁵⁵. В одном

⁵³ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 6. Подробнее об этих группах см. [Корвайников 1991: 112–123].

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 8. Л. 58–59. Наиболее продуктивные группы уже выпустили к тому моменту одобренные версии воспоминаний о революции в своих областях, в том числе в Днепропетровске, Одессе, Костроме и Минске.

⁵⁵ Пролетарская революция. 1925. № 6. С. 259.

отчете отмечался «определенный перелом» в привлечении к работе в Истпарте партийных товарищей с помощью групп такого рода⁵⁶.

Местные бюро подхватили призыв. Ярославский Истпарт заверил уездные и районные комитеты партии в важности проводимой работы и подчеркнул, что партийные кружки в клубах и ячейках, а также школы политграмоты должны подключиться к изучению истории партии и добиться того, чтобы все участвующие «ясно понимали и сознавали всю важность изучения прошлого опыта революционной борьбы *в интересах настоящего*»⁵⁷. Достичь этого, по мнению бюро, можно было, разъясняя при каждом удобном случае значение этой работы, собирая все необходимые исторические документы и организуя выставки, музеи и библиотеки. Кроме того, следовало назначить специальных представителей для организации ячеек по оказанию помощи в работе Истпарта и создать кружки по изучению «истории революционного движения и истории РКП(б)»⁵⁸.

В это время вечера воспоминаний, на которых собирались участники или современники определенных события для их обсуждения, стали важнейшими площадками для артикуляции памяти⁵⁹. «Проведенные вечера воспоминаний считаем весьма удачными, — отмечал Истпарт Украины, — ибо целые заводы принимали участие в их организации»⁶⁰. Казанское бюро отмечало, что ярким моментом его деятельности на первых порах была организация вечеров воспоминаний, которые «невольно» заставляли даже чрезвычайно замкнутых людей «рассказывать свои истории»⁶¹. Но не везде вечера воспоминаний проходили

---

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 135. Л. 9.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 429. Л. 5. Курсив автора. — Ф. К.

⁵⁸ Там же. Л. 14.

⁵⁹ К осени 1927 года 33 группы помощи, насчитывавшие в целом 728 человек, подготовили 149 стенограмм вечеров воспоминаний [Коровайников 1990: 75].

⁶⁰ Бюллетень Истпарта. 1924. № 2. С. 12.

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 3.

успешно. Так, например, руководитель Самарского бюро жаловался, что они были организованы очень плохо и давали мало материала⁶².

Создание оппозиции

Но усилия партии не сосредоточивались только на том, чтобы дать определение большевистской партии и большевизма — эффективным оказалось описание также того, чем она *не являлась*. Проект Истпарта строился в первую очередь на создании партийных и классовых категорий, что предполагало противопоставление партии большевиков и рабочего класса (или, в более широком смысле, «трудящихся») с одной стороны и всеми другими политическими или классовыми группами — с другой. Терне, иностранный очевидец событий 1922 года в Советской России, осуждал насильственное, по его мнению, навязывание партийных категорий населению, подавляющее большинство которого не симпатизировало ни одной из партий. Он считал это кампанией по карикатурному высмеиванию запрещенных политических партий, далеко не пропорциональное их реальной угрозе:

У коммунистических художников выработались даже определенные шаблоны для таких карикатур: если нужно изобразить черносотенцев, то советские карикатуристы рисуют бравого генерала или пузатого мужика-кулака; кадет — обязательно индивидуум в визитке с цилиндром и толстым брюшком, с массивно золотой цепочкой (иногда та же фигура изображает капиталистов вообще), социал-демократы — это худой высокий интеллигент с взъерошенными волосами, с небрежно повязанным галстуком, с темными очками, со свертком бумаги под мышкой; тот же вариант, но с дымящейся бомбой в руках вместо свертка — означает эсера; иногда карикатуристы таким же образом изображают и анархистов, хотя обыкновенно у них анар-

---

⁶² РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 12. Аналогичным образом заведующий Симбирским бюро отмечал в 1923 году «случайную» организацию вечеров (Бюллетень Истпарта. 1924. № 2. С. 13).

хист — это рыжий детина, в высоких сапогах и фуражке, с открытым ртом, с оскаленными зубами, в позе готового к прыжку с занесенной рукой, держащей дымящуюся бомбу [Терне 1922: 65–66].

Физическое подавление оппозиционных партий советским государством в первые месяцы после октября 1917 года привело к уничтожению организаций меньшевиков и эсеров внутри Советской России, хотя в краткосрочной перспективе они сохранялись как организационная угроза в некоторых регионах. Однако в течение 1920-х годов новый режим стремился установить жесткий контроль над меньшевистскими и эсеровскими версиями событий прошлого. Публикация за рубежом материалов о недавней истории, выходивших из-под пера членов иных партий, подстегивала усилия внутри Советской России. Политбюро партии создало ряд комиссий по изучению отдельных аспектов «преступной меньшевистской деятельности» до революции. В мае 1920 года для изучения «провокационной роли меньшевиков в возбуждении стачек во время войны» была создана комиссия, в состав которой вошли партийные лидеры⁶³. Суд над эсерами в 1922 году также стал частью процесса самоопределения⁶⁴. Решения о публикации тех или иных работ эсеров или меньшевиков в Советской России принимались на высшем партийном уровне⁶⁵. Вполне возможно, что «Социалистический вестник», издававшийся меньшевиками-интернационалистами в эмиграции, был обязательным чтением лидеров партии из-за критики Советской России. Однако минимальное распростране-

⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 84. Л. 1.

⁶⁴ Он также положил начало аналогичному процессу самоопределения среди обвиняемых эсеров (см. их речи в суде в [Шелохаев 2000: 855–921]).

⁶⁵ В 1919 году Политбюро разрешило издать сборник статей о правом эсеровском Комуче только при условии, что он не получит массового распространения (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 4. Л. 2; Д. 33. Л. 2; Д. 37. Л. 2). Ср. аналогичные решения Политбюро в 1919 году о меньшевистских и других изданиях (Там же. Д. 29. Л. 1; Д. 33. Л. 1; Д. 33. Л. 2) и решение ЦК в 1924 году о том, что мемуары меньшевиков могут быть опубликованы Госиздатом только с санкции коллегии Истпарта в каждом отдельном случае (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 9).

ние «Вестника» в стране — даже если допустить, что его передавали из рук в руки, — символизировало отсутствие организованной базы, с которой можно было бы бросить заметный идеологический вызов большевикам⁶⁶.

Таким образом, эти нападки были направлены не столько на существующие или предполагаемые меньшевистские или социалистическо-революционные организации, сколько на институциональную память меньшевиков и эсеров. Ведь именно в этой сфере большевистская партия постепенно обретала целостность. В результате «литературной дискуссии» меньшевизм тоже получил новое определение и за ним закрепился статус части более широкой «оппозиции», противостоящей неумолимому историческому развитию большевизма. «Далеко не все знают, — писал Каменев в 1924 году, — [но] 30-летняя история большевизма есть 30-летняя история его борьбы с меньшевизмом». Он противопоставлял это заявлению Троцкого в 1911 году, который назвал идею о том, что меньшевизм и большевизм пустили глубокие корни в пролетариате, «иллюзией». И как личный вызов Троцкому, добавил, что ленинизм выковывался не только в борьбе с меньшевизмом, но и «в постоянной систематической борьбе с троцкизмом», или, как он его называл, «маскировкой меньшевизма». Каменев считал своим «обязательным долгом» показать, что троцкизм появился в партии большевиков «не по отдельному данному вопросу, а... систематически в течение длинного ряда лет, на всех поворотах партийной истории» [Об «Уроках Октября» 1924: 6–7, 19, 7, 17].

В начале 1924 года Ольминский, тогда еще глава Истпарта, сообщил ЦК партии о своем решении «поставить на должную высоту изучение истории Р. К. П. и прежде всего — основных фактов борьбы большевизма с меньшевизмом»⁶⁷. Через год

⁶⁶ В 1921 году в Россию попало всего 50 экземпляров первых трех выпусков «Вестника». В последующие годы их количество увеличилось до 100–150 экземпляров. К концу 1922 года в Россию поступало около 300–400 экземпляров каждого номера [Двинов 1968: 34, 127].

⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 3.

Истпарт опубликовал сборник статей и писем 1903–1904 годов с целью изучения «сути борьбы большевизма с меньшевизмом (между II и III съездами партии)». Сборник представлял собой тщательно отобранные материалы, представлявшие дореволюционную политическую культуру России как определяемую последовательными и конкурирующими политическими партиями, и большевистской партией как *определяющим* элементом этой партийной культуры. В предисловии к сборнику Лядов разделил участников борьбы за власть в редакции «Искры» на «твердокаменных» и «мягкотелых». Если решительность Ленина порой изолировала его от партийного органа и ЦК — Лядов отмечал, что в Женеве в то время «литературных большевистских сил не было вовсе», — то его авторитет опирался на поддержку «большевиков-делегатов» II съезда и «большевистских организаций на местах» внутри России. Этот авторитет, намекал Лядов, старались подорвать «мелко-буржуазные (эс-эры) партии», а также «будущие меньшевики» и другие, кто «всегда переоценивал значение хорошо известной ему эмигрантщины». Еще сильнее ее подорвали, по мнению Лядова, менее решительные большевики в ЦК, которые пошли на компромисс с меньшевиками. Собравшись в Женеве, чтобы «действовать революционным путем», двадцать два большевика создали вместо ЦК Бюро комитетов большинства (БКБ) и использовали журнал «Вперед» в качестве «идейного центра большевизма». Таким образом, партия большевиков получила новое определение как группа лиц, чья легитимность измерялась не организационным большинством в старой РСДРП, а истинным революционным путем, который они выбрали. Свое предисловие Лядов закончил так:

Только насквозь проникшись этой партийностью в 1905 году, большевизм мог победить в октябре 1917 года. На анархическо-интеллигентском индивидуализме воспитался тогда же и меньшевизм и отколовшийся от него троцкизм. Они недооценивали тогда партии и поэтому были биты в течение всех 20 лет дальнейшей истории партии [Как рождалась... 1925: 8].

В годы Гражданской войны большевики регулярно объединяли различных критиков своего режима, которые не имели ни теоретических, ни практических точек соприкосновения и негодовали, когда их ставили в один ряд. Однако в середине 1920-х эти критики оказались причислены к «оппозиции», имевшей свои собственные исторические корни, и стали соперниками большевистской партии со столь же старыми корнями. Термин «оппозиция» стал обозначать всевозможные разногласия внутри партии в настоящем и прошлом: июльский пленум ЦК и Центральной контрольной комиссии (ЦКК) 1926 года констатировал «объединение троцкистов, “новой оппозиции” и шляпниково-медведевского течения [членов рабочей оппозиции] в общий блок против партии»⁶⁸. В октябре в редакционной статье «Правды» говорилось об «объединенной оппозиции», возглавившей нынешнее движение против большевистской партии:

В 1921 под руководством Ленина был преодолен анархо-синдикалистский уклон так называемой *рабочей оппозиции*, осуждено течение Шляпникова-Медведева, выродившееся впоследствии в чистосортный меньшевизм, а также были осуждены ошибки т. *Троцкого*. В 1923–24 году партия одержала победу над *троцкизмом*, который был признан ревизиющим ленинизм мелкобуржуазным течением; <...> на XIV съезде партий была разбита и осуждена *новая оппозиция*. Теперь победа одержана над *опозиционным блоком в целом*, над всеми этими группировками, сообща, сомкнутым фронтом двинувшимися против ЦК⁶⁹.

В то же время Центральный комитет и Центральная контрольная комиссия Коммунистической партии Украины совместно одобрили позицию XIV съезда партии по вопросу об оппозиции:

Так называемая новая оппозиция не только не проявила ни малейшей склонности к исправлению своих идейных ошибок, но пошла путем их дальнейшего углубления, создавши

⁶⁸ Правда. 1926. 17 окт. Курсив в оригинале. — Ф. К.

⁶⁹ Там же. 1926. 20 окт.

антипартийный, антиленинский блок, по примеру ликвидаторского мелкобуржуазного «августовского» блока, с остатками старых фракций и группировок, осужденных предыдущими постановлениями партии⁷⁰.

Объединение целого ряда оппозиционных критиков в антипартийный блок вызвало глубокое возмущение «отколовшихся» большевиков. Троцкий решительно выступал против такого мышления, утверждая даже в эмиграции, что его критика исходит изнутри пролетарской партии, а не извне. В заявлении покаяния и верности, которое он вместе с Зиновьевым, Каменевым, Пятаковым, Сокольниковым и Евдокимовым составил в октябре 1926 года, признавая нарушения партийной дисциплины и отказываясь от будущей фракционной деятельности, Троцкий все же взял термин «оппозиция» в кавычки, даже когда призвал к роспуску всех группировок, собравшихся вокруг него⁷¹. В итоге термин «оппозиция» чаще стали заменять «троцкистской оппозицией» или просто «троцкизмом»⁷².

Разумеется, это не отменяет того факта, что Троцкий, Зиновьев и Каменев выступали в то время с вполне реальной критикой. В 1926–1927 годах в результате своих политических убеждений и действий Зиновьев был выведен из состава Политбюро, Каменев убран с поста комиссара торговли, а Троцкий исключен из Центрального комитета партии. Однако многие большевики разделяли их озабоченность растущим бюрократизмом внутри партии, поддерживали критику внешнеполитических провалов нынешнего правительства и одобряли выступления за ускоренное плановое промышленное развитие СССР. Но на кону стояло нечто большее, чем отдельные действия оппозиционеров. Организованной большевистской партии должна была противостоять организованная «оппозиция». Зиновьев признал это, когда намекнул, что политическая борьба с Троцким в 1923–

---

⁷⁰ Там же. 1926. 17 окт.

⁷¹ Там же.

⁷² Правда. 1927. 12 окт. С. 7; 20 окт. С. 6; 26 окт. С. 1; 1 нояб. С. 2.

1924 годах, которую он развернул вместе с Каменевым и Сталиным, была частью борьбы за целостность партии. Им необходима была кампания против «троцкизма»: «...была борьба за власть. Все искусство состояло в том чтобы связать старые разногласия с новыми вопросами. Для этого и был выдвинут “троцкизм”»⁷³. В письме к нескольким товарищам незадолго до своей ссылки в Алма-Ату в январе 1928 года Троцкий обвинил Зиновьева и других в использовании его статьи «Уроки Октября» в качестве «предлога» для создания «легенды насчет “троцкизма”». Это было особенно вопиющим преступлением против партии, писал он позже из ссылки в Турции, потому расстроило многих оппозиционеров, действительно в нее поверивших⁷⁴.

Куда делась партия Ленина?

Более срочные приоритеты Истпарта не избавили его от хронических проблем с инфраструктурой и финансами. На протяжении всего 1925 года местные бюро продолжали жаловаться на недостаток материальных ресурсов, бедность архивных и печатных источников, беспорядочность источников, перегруженность местных сотрудников и бесцеремонное отношение Центрального комитета партии к работе Истпарта в целом⁷⁵. Центральный Истпарт высказывал аналогичные претензии к состоянию исходных материалов на местах и неоднократно обращался к руководству Центрального архива с настоятельной просьбой (которая так и не была исполнена) проверить биографии руководителей местных архивов и вычистить политически неблагонадежных⁷⁶. Столь важный юбилей требовал организационных усилий в масштабах всей страны, и работы одного Истпарта было бы недо-

---

⁷³ Цитата приводится по воспоминаниям Троцкого в «Бюллетене оппозиции» (1930. № 9. С. 32).

⁷⁴ Там же. С. 31–32.

⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 431. Л. 29–31.

⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 96.

статочно, как заметил Ольминский в 1924 году⁷⁷. Партия выделяла больше ресурсов местным бюро, но указала, что они должны пользоваться ими только для узко определенных задач, связанных с юбилеем 1905 года⁷⁸. В результате юбилейная литература была выпущена поздно, часто после 1925 года, и получила свою долю критики. Истпарт раскритиковал лозунги к юбилею, предложенные Агитпропом. Использованные термины «массы» и «народ», по мнению Истпарта, были слишком расплывчатыми и непонятными, и, хотя Ленин упоминался в некоторых лозунгах, «куда же девалась его партия?»⁷⁹

Упор на роль большевистской партии в истории революции не вызывал у местных бюро Истпарта никаких идеологических сомнений. Слишком малочисленное Ленинградское бюро Истпарта, состоявшее из сотрудников, партийный стаж большинства из которых восходил к 1903 году и ранее, в середине 1925 года определило своей основной задачей дать как можно более полную картину «развития большевизма в Ленинграде» и осветить работу партийных районов. Но эта задача не могла быть решена, жаловалось руководство бюро, пока не будет завершена сложная подготовительная работа по поиску и изучению всех необходимых архивных материалов, а также по исследованию отдельных периодов существования партии⁸⁰.

Просматривая хронику событий с января 1905-го по март 1906 года, опубликованную в 1926 году, проницательный читатель мог бы удивиться, не обнаружив упоминаний участия в этих событиях какой-либо партии или встретив упоминание о той или иной конференции или съезде социал-демократической пар-

---

⁷⁷ Ольминский утверждал, что юбилей должен быть официально одобрен ЦК партии, получать достаточное финансирование и опираться на ресурсы и авторитет Центрального Исполнительного Комитета Республики, Отдела агитации и пропаганды ЦК партии, Истпарта, Института Ленина, Центрального архива, Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев и Общества старых большевиков (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Ед. хр. 539. Л. 17).

⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 430. Л. 6.

⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 33–34.

⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 210. Л. 15, 35.

тии — событиях, весьма далеких от деятельности рабочих. Это была хроника рабоче-крестьянской революции. Отличие меньшевиков от большевиков заключалось в уроке, который они извлекли из неудачи 1905 года: первые советовали рабочему классу, как говорилось во введении, «забыть революционные мечты и поддержать конституцию», вторые же сделали вывод, «достойный пролетарской партии»: поражение 1905 года не означает поражения революции в целом [Мороховец 1926: 11].

В начале 1924 года центральный Истпарт похвалил себя за материалы, появившиеся в его журнале по ранней истории партии, и особенно за большой объем материалов о Ленине, но также добавил, что на местах было сделано гораздо меньше⁸¹. Местные бюро были вынуждены опираться на небольшой объем личных воспоминаний или сохранившихся опубликованных источников и не обладали долгой институциональной памятью, которую могло бы обеспечить постоянное присутствие партии в их регионах. В результате связность изложения революционной истории региона достигалась таким образом, который центр, а нередко и их собственные местные лидеры, считали неприемлемым. Рецензируя хроники революционных событий, подготовленные несколькими бюро в середине 1920-х годов, центральный Истпарт забраковал многие из них из-за того, что они не использовали «партийный материал» и слишком сильно полагались на источники, исходящие от «враждебных органов». Эти факторы, как отмечалось в отзыве, привели к появлению хроник «не революции, а контрреволюции», в которых роль партии была «искажена» или плохо объяснялась⁸².

Более того, официальные обзоры как опубликованных, так и черновых работ ставили под сомнение саму способность индивидуальных воспоминаний, которые занимали столь заметное место в местных исследованиях 1905 года, уловить (не говоря уже о том, чтобы передать) ощущение организационной целостности или революционного движения как такового. Секретарь изда-

---

⁸¹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 92.

⁸² РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 5.

тельства «Долой неграмотность» попросил Истпарт отредактировать рукопись брошюры по истории партии, написанной для крестьян. Брошюра подверглась критике за то, что в ней был «упущен ряд моментов» в истории партии. Также указывалось, что в ней «совершенно не освещено» существование некоторых разногласий между большевиками и меньшевиками на II съезде РСДРП в 1903 году, «недостаточно очерчено различие двух тактик» в социал-демократической партии в 1905 году и ничего не сказано о борьбе с «отзовизмом, ультиматизмом и примиренчеством» в годы реакции с 1907 по 1912 год. Наконец, в ней не был освещен «троцкизм в 1905 году»⁸³, что было уже идеологическим обвинением.

Аналогичным образом другая работа, посвященная роли Ленина в революционном движении, была раскритикована за использование термина «движение Р. С.-Д. Р. П. большевиков», за датировку начала меньшевизма 1896–1897 годами, за использование «неправильного» термина «рабоче-крестьянское движение» и за отсутствие упоминания о большевистской прессе. Показательной была критика о том, что большевистское движение, изображенное в работе схематично, «принимает уклоны, совершенно несоответствующие уклонам линии рабочего движения», и «неясно, каким событиям приурочивает автор “основные моменты революционного движения”: к съездам или к подъемам этого движения»⁸⁴. Другой рецензент отметил, что сборник воспоминаний о тульских рабочих удачно передал «осознание классовой противоположности» того времени, а также то, как тульские рабочие «из класса в себе делают постепенно классом для себя». Тем не менее работа отличалась «слишком индивидуалистическим и автобиографическим подходом», примером чему служили воспоминания, в которых автор описывает свое участие в «подпольном кружке» до 1905 года, но не дает никакой информации о самом кружке или влиянии его пропаганды на тульских

---

⁸³ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 160. Л. 2–4.

⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 91. Л. 11–12.

рабочих в целом⁸⁵. Рецензия на рукопись о событиях 1905 года на одном из уральских заводов была еще более резкой: автор полностью игнорировал «рост большевистской организации среди рабочих и ее руководящей, организующей роли». В работе, добавлял рецензент, все движение было представлено как «развертывающаяся стихия»⁸⁶. Хотя отдельные социал-демократы фигурировали в событиях на другом уральском заводе в 1905 году, говорилось в третьей рецензии, признаков «организации как таковой» в ней не было показано⁸⁷.

И действительно, работа о революционных событиях 1905 года на Урале, подготовленная Башкирским Истпартом, выражала идеологические проблемы, с которыми столкнулись ее составители в 1925 году. Первая треть работы была посвящена рабочему движению 1905 года на заводах и в городах Южного Урала, в котором социалисты-революционеры или социал-демократы принимали минимальное партийное участие. Следующий раздел о большевистских партийных организациях в Златоусте как будто отдалял местную большевистскую организацию от рабочего движения, которым она должна была руководить. Кроме того, горстка воспоминаний, представленных в этом разделе, создавала впечатление разрозненной и простейшей партийной организации, с небольшим числом вовлеченных в нее людей, спонтанными собраниями, на которых часто присутствовали эсеры и меньшевики, периодами бездействия и деятельностью, регулярно срываемой царскими репрессиями или одинокими провокаторами. Ганя Хрущева, лидер крошечной Златоустовской большевистской организации с 1906 года до ее ссылки в 1913 году, описывалась как «коренастая, хорошо сложенная фигура — она и сейчас производит впечатление чего-то твердокаменного», и этот образ вполне мог быть идеализированным образом будущего большевика, но вряд ли передавал ощущение энергичного, слаженного, повсеместного партийного движения, как того хотел

---

⁸⁵ Пролетарская революция. 1925. № 8. С. 272–273.

⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 411. Л. 24.

⁸⁷ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 411. Л. 11.

центр [Уфа 1925: 113]⁸⁸. Одновременно такие работы могли подвергнуться критике именно за то, что в них *не упоминается* ключевая фигура в местном регионе. Так, в рецензии Уральского Истпарта на работу о деятельности завода в Златоусте в 1905 году отмечалось, что в ней не указаны значение и роль «главнейшего организатора рабочего движения в Златоусте» Андрея Степановича Тютёва, «общепризнанного вождя» региона, и его матери, которая была активна на подпольном этапе рабочего движения⁸⁹. Рецензент даже предложил переименовать Златоуст в Тютёвск в их честь. Нерешенность вопроса о взаимоотношениях партии и революции, пожалуй, лучше всего отражена в стихотворении, открывающем упомянутый сборник и отводящем 1905 году роль главного исторического деятеля революционного движения:

Он разбудил рабочие кварталы
с трибуны зов его проник в подвал,
когда на баррикады, к стягам алым
он властно пролетариев позвал [Уфа 1925: 1].

По мнению Оренбургского бюро 1925 года, «беллетристические оттенки» воспоминаний подрывали фактический аспект материальных свидетельств 1905 года. Его сотрудники критиковали местную публикацию за то, что она представляет собой набор «воспоминаний», а не «повесть», и считали, что устранить подобные недостатки можно только с помощью правильного контекста⁹⁰. Один из рецензентов потребовал от Истпарта снабдить эти черновики предисловием, чтобы читатель мог узнать, являются ли события, описанные в них, «плодом фантазии автора, или они

---

⁸⁸ План публикаций к юбилею 1905 года, составленный официальным Ярославским юбилейным комитетом, был разделен на отдельные темы: работа большевистской партии в 1904–1907 годах и деятельность «буржуазных и мелкобуржуазных» партий; экономическое состояние губернии; крестьянское движение; и ход забастовок в эти годы (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 431. Л. 25).

⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 411. Л. 6.

⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 248. Л. 8; Ед. хр. 411. Л. 24.

происходили в действительности». В последнем случае, добавлял рецензент, читатель также должен знать, какие документы могут подтвердить истинность событий и достаточно ли они надежны⁹¹. В сборнике статей о событиях 1905 года на Урале читателю был предложен однозначный контекст:

Для большевиков было очевидно, что революция есть дело пролетариата, что они, большевики, обязаны принять в ней участие и руководство, взяв на себя роль организаторов и вожakov. Платформа же меньшевиков была совершенно иная: «Революцию не делают», твердили они, «революция — явление стихийное, не зависящее от воли каких бы то ни было вождей или политических партий» [Уфа 1925: 175].

Сомнения по поводу характера свидетельств сопровождали проект написания истории Октября с самого его начала. Озабоченность, выраженная в рецензиях на литературу о 1905 годе, не была новой — она была более остро сформулирована в контексте юбилея первой русской революции и раскола в партии. В августе 1924 года Дмитрий Сверчков, член юбилейной комиссии при ЦИК СССР, повторил призыв к написанию личных мемуаров, который напоминал самые первые повсеместные призывы Истпарта. Для того чтобы молодое поколение, которое только сейчас приходит к политической зрелости, писал он, имело хоть какое-то представление о революции 1905 года, необходимо записать любой опыт, от «старых деятелей революционного движения» до «старых работников» партии на заводах, фабриках, собраниях, забастовках, протестах, демонстрациях, в партийных организациях, кружках и т. д. Только тогда память будет спасена от «невозвратной потери»⁹². Отметив воззвание Сверčkова, Покровский, однако, через месяц написал, что мы не можем просто «кустарным образом припоминать “что было”». Покровский соглашался с тем, что полная картина событий 1905 года крайне необходима, добавляя, что в настоящий момент она выглядит как «куча случайностей».

⁹¹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 411. Л. 11.

⁹² Правда. 1924. 15 авг. С. 3.

Но «знать историю событий, — добавлял он, — значит знать их причины и следствия, их связь между собою», а этого нельзя достигнуть простым накоплением информации. Покровский предостерегал от «фетишизма документа», поскольку «революционных архивов по сути дела быть не могло», даже несмотря на то, что мемуары С. Ю. Витте (в 1905 году — Председателя Комитета министров Российской империи), подобно полицейским или жандармским архивам, приподняли «уголок завесы» над событиями Первой русской революции. Необходимо было найти и отсортировать материал, «в котором отразилось наше собственное прошлое, прошлое нашего вчерашнего дня». Говоря о неизбежном обращении к воспоминаниям, Покровский перечислил основные опасения по поводу характера такого рода свидетельств:

Мы пользовались исключительно индивидуальным методом, т. е. заставляли отдельных участников прошлых событий рассказывать, что они видели и слышали. Но, во-первых, не всякий умеет рассказывать, не прибавляя, и никто не может отрешиться от своей личной точки зрения на события, для всякого он сам всегда является центром. Отсюда всякие воспоминания являются переплетом «поэзии и правды», а не только названные так воспоминания Гёте; а во-вторых, каждое отдельное воспоминание дает лишь один уголок исторической картины. Чтобы дать картину цельную и выделить неизбежную — во всех мемуарах неизбежную — «поэзию», надо собирать воспоминания в массовом масштабе, от многих людей. Тогда только мы получим равнодействующую, близкую к исторической истине <...> не «поэзию», а «правду»⁹³.

Прошлое, полагал Покровский, не просто восстанавливается из источников — его смысл должен быть раскрыт. Решающее значение здесь имело, конечно, то, что именно этот смысл раскрывало. Предыдущие сборники о 1905 годе, утверждал Покров-

---

⁹³ Правда. 1924. 7 сент. С. 2. Савельев назвал эту статью обязательной для чтения всем, кто хочет знать историю 1905 года и историю партии, и особенно для тех, кто работал в местных бюро Истпарта (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 185. Л. 1).

ский, были собраны из материала, который «устарел на двадцать лет, и писались они не-революционерами, уже вполне готовыми превратиться в контрреволюционеров». Новый многотомный сборник, посвященный 1905 году, был собран им из более свежих архивных материалов «в большевистском, подлинно-революционном освещении». Но даже в этом сборнике, отмечал он, «целый важный отдел, “классы и партии”», который должен был быть представлен в каждом томе, рассматривался отдельно в последнем, четвертом томе [Покровский 1925, 1: v-vii]⁹⁴.

Поэзия субъективных воспоминаний считалась несовместимой с правдой, которой требует революционное движение. Эти настроения противоречили более раннему убеждению некоторых руководителей Истпарта, вдохновившему широкое использование воспоминаний, — тому, что романтический, если не поэтический, аспект отдельных воспоминаний «старых подпольщиков» был в некотором роде более соблазнителен для передачи правды революционного опыта. Из-под перьев этих активистов, отмечал Истпарт в своем годовом отчете в апреле 1924 года, «воскресает в ярких картинах захватывающая революционная романтика, на которой еще долго будут воспитываться наши молодые поколения»⁹⁵. Конечно, проект Истпарта в целом был в некотором роде исследованием границы между поэзией и правдой, на которое существенно повлияла «литературная дискуссия» тех лет. В своем отчете за апрель 1925 года центральный Истпарт отметил, что в работе местных бюро над историей 1905 года «ярко выявились различные уклоны», а именно «увлечение краеведением», эпохой популизма и различными юбилеями (Шевченко, декабристов, пугачевщины). Кроме того, слишком большое внимание уделялось истории меньшевистской фракции РСДРП в ущерб большевикам, включая даже публикацию статей об эсерах, *составленных последними*⁹⁶.

⁹⁴ Во втором томе, описывающем период с января по октябрь, на самом деле много места уделено РСДРП [Покровский 1925, 2].

⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 89.

⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 144. Курсив автора. — Ф. К.

Становление большевистской революции

Анализируя опыт празднования юбилея 1905 года, большевистские лидеры не могли не думать о предстоящей десятой годовщине Октября. На заседании совета Истпарта в апреле 1926 года Покровский утверждал, что к важной годовщине нужно подойти гораздо более последовательно, чем к юбилею 1905 года. Чтобы избежать промедлений и низкого качества выпущенной литературы, необходимо было наделить совет реальными организационными полномочиями и финансовыми возможностями. Мицкевич отметил отсутствие кинофильмов, плакатов и спектаклей, которые до этого предлагались октябрьской юбилейной комиссией. Многие участники совещания особо критиковали склонность «Пролетарской революции» к публикации воспоминаний и призвали журнал начать выпускать вместо них статьи «научно-исследовательского характера»⁹⁷. Сергей Гусев был более осмотрителен, осуждая в «Правде» в феврале 1927 года прежде всего затраты на издание такого количества материалов, которые обречены пылиться на полках. Он с сомнением относился к изначальному плану Истпарта выпустить к десятилетнему юбилею в три раза больше литературы, чем было выпущено к предыдущему. Однако гораздо большее беспокойство вызывал не масштаб изданий, а их характер. Несмотря на призывы Отдела печати ЦК, обращенные к издателям, сообщить о том, какую литературу планируется выпустить к юбилею, мало кто это сделал. Более того, появлялись произведения, которых не было ни в одном из планов государственных или партийных организаций, участвующих в проведении юбилея⁹⁸.

---

⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 3. Заместитель заведующего Отделом агитации и пропаганды ЦК Мальцев представил Бухарину и Молотову подробный план распределения обязанностей (планируемого президиума из пяти человек) между членами юбилейной комиссии (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Ед. хр. 14. Л. 4).

⁹⁸ Правда. 1927. 26 февр. С. 5.

В Истпарте опасения Гусева поддержала Мария Эссен. По ее мнению, «бумажная стихия», готовящаяся к десятилетнему юбилею, лишь усиливала отсутствие индивидуальной ответственности за повествования об Октябре: «Чем богаче организация, тем независимее он держится, тем шире ее планы, тем необдуманнее ее порывы». К десятой годовщине Октября каждому читателю нужно было предоставить «одну общую книгу, где будет рассказана история великих боев и достижений», а не 40–50 изданий, которые планировались на отдельную тему. Замечания Эссен о том, как *не должна* выглядеть эта одна общая книга, показывали, насколько далеко зашел процесс институционализации Октября с момента первых попыток драматизации и сакрализации октябрьского нарратива. Для почитания «погибших героев» революции, по словам Эссен, уже не нужно было публиковать «длинные скучные сборники... которые почти никто не читает, которые никто не покупает». Хроника местных революционных событий, которая считалась незаменимой для проекта, также оказалась неудовлетворительной, так как была составлена «по материалам газет враждебных нам, где роль партии замалчивается и зачастую искажается. В этих хрониках не отражена ни классовая, ни партийная борьба». Местные бюро нуждались в подробных инструкциях, которыми они могли бы руководствоваться при составлении хроники событий; в отсутствие их не следовало выпускать «итоговые сборники», а предоставить центру делать общие выводы на основе собранных материалов⁹⁹.

Некоторые из этих опасений были вызваны осознанием того, что Комиссия по организации и проведению празднования десятилетия Октябрьской революции появилась довольно поздно — она была создана при Центральном исполнительном комитете СССР только в конце 1925 года. В создании комиссии участвовали Иосиф Сталин и Вячеслав Молотов, консультируясь с Канатчиковым из Истпарта; вообще ведущие партийные функционеры значительно превосходили по численности делегатов от Истпарта (даже если считать Троцкого, Каменева и Зи-

---

⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Ед. хр. 960. Л. 1–3.

новьева), по крайней мере, некоторое время. Преобладание высокопоставленных партийных работников, вероятно, свидетельствовало о том, что партия придавала этой кампании большее значение, чем всем предыдущим, хотя сеть Истпарта по-прежнему получала значительную часть средств, выделяемых комиссией на подготовку необходимых работ¹⁰⁰. К середине 1926 года председательство в комиссии уже перешло от Бухарина к Калинин. И только к ноябрю 1926 года комиссия окончательно определила составы различных подкомиссий, необходимых для ее работы, и направила в ЦИК союзных республик распоряжения о формировании на местах своих комиссий по организации юбилейных торжеств¹⁰¹.

В докладе Секретариату ЦК партии Савельев выразил обеспокоенность тем, что руководство и контроль за издательской деятельностью в связи с юбилеем остается «не вполне обеспеченным». Он также отметил, что самостоятельные начинания центральных и местных издательств, общественных организаций и вузов оказались «недостаточно выясненными» и не находятся под чьим-либо контролем. И если работа центра в целом соответствовала стандарту юбилея, то работы на местах содержали значительные отклонения от рекомендаций¹⁰².

Однако в бюллетене юбилейной комиссии приоритеты были определены вполне четко. Была объявлена грандиозная выставка, призванная «осветить значение руководящего пролетарского авангарда — ВКП, ее крупнейших вождей и особенно В. И. Ленина <...> Массы и партия должны быть представлены в процессе непрерывной борьбы, в обстановке острых классовых столкновений»¹⁰³. Руководители Истпарта со своей стороны пытались донести эту явно партийную направленность бюро на местах.

¹⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Ед. хр. 14. Л. 2, 8, 1, 6–7.

¹⁰¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Ед. хр. 107. Л. 1–2.

¹⁰² Там же. Л. 34.

¹⁰³ Бюллетень Комиссии при Президиуме ЦИК Союза ССР по организации и проведению празднования десятилетия Октябрьской Революции. 1927. № 1. Июль. С. 12.

В ряде указаний по работе с материалами по истории Октября Истпарт связывал способность человека понять процесс или событие с его положением по «ту или другую сторону борющихся классов». Главной задачей Истпарта был не только сбор фактов и их критическая оценка, но и «широкие научные обобщения, связывающие революционное прошлое с революционными задачами настоящего». При исследовании истории Октября Истпарт должен был не только добиться «наибольшей последовательности» в критической оценке материалов, связать изучаемые события в регионе с ходом событий во всей стране, но и особенно тщательно работать над «*хронологией* событий данного района», которая должна была послужить «канвой для всех будущих научных работ в области истории партии послеоктябрьского периода и Октябрьской революции вообще»¹⁰⁴. Работа по «истории ВКП(б) и революции, начиная с <18>70-х годов», отмечалось в директиве Истпарта местным организациям, должна была сосредоточиться на

непосредственной истории партии. История рабочего движения, профсоюзного, крестьянского, Интернационала и других специальных вопросов — Истпарт касается постольку, поскольку в них отражается партийная жизнь, или поскольку они непосредственно связаны с массовым революционным движением¹⁰⁵.

В идеале юбилейные торжества должны были затронуть все стороны повседневной жизни¹⁰⁶. Поток меморандумов и инструкций из центрального Истпарта на места подкреплял эту цель и одновременно пытался устранить фактические или потенциальные нарушения со стороны местных бюро. В мае 1926 года Е. Штейнман направил Канатчикову записку, в которой указывал, что в связи с подготовкой к десятой годовщине Октября на местах

¹⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 54–55. Курсив автора. — Ф. К.

¹⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 192.

¹⁰⁶ Правда. 1927. 27 сент. С. 5; Известия. 1927. 1 нояб. С. 2.

встал вопрос о том, как писать историю Октября и Гражданской войны, «что можно писать, что нельзя писать, что нельзя печатать». Ранее Штейнман присутствовал на всеукраинском собрании работников Истпарта, которые не могли решить, как и кто должен писать историю «нашей борьбы на Украине с враждебными группировками, боротьбистами [членами некоммунистической Украинской коммунистической партии, созданной в 1919 году] и другими», поскольку некоторые бывшие боротьбисты стали теперь членами партии¹⁰⁷. Отвечая на вопросы Белорусского бюро Истпарта о том, какие документы можно и нельзя публиковать об Октябре, заместитель директора Центрального Истпарта Ф. Н. Самойлов подчеркнул, что к юбилею должна быть создана история Октябрьской революции, которая будет «целиком и полностью соответствовать ее исторической действительности». Материалы же, описывающие «борьбу нашей партии с другими партиями, или группировками», занимают достойное место в этой истории. К работам лиц, ранее боровшихся против партии, но теперь искупивших свои грехи и работающих на нее, нужно было относиться очень осторожно: их следовало рассматривать и обсуждать с Секретариатом ЦК КП Белоруссии¹⁰⁸. Юбилейная литература, как говорилось в секретном меморандуме Самойлова в начале 1927 года, создавалась «для выявления *нашего* понимания исторической действительности». Для местной же литературы, которая «не носит четко-большевистского характера и составлена политические не совсем грамотно», требовались соответствующие комментарии¹⁰⁹. В апреле бюро Брянского Истпарта подверглось резкой критике за намерение привлечь беспартийных для изучения местного революционного движения. Такие группы, указывал Самойлов, особенно в бывших меньшевистских районах или «кулацких волостях» могли «выродиться в политически враждебные нам ячейки»¹¹⁰.

¹⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 64–65.

¹⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 93.

¹⁰⁹ Там же. Л. 180. Курсив наш. — Ф. К.

¹¹⁰ Там же. Л. 192.

Тем не менее юбилейная комиссия предпочитала избежать «склок и сведения личных счетов» на местном уровне¹¹¹. Местные Истпарты часто просили центральное бюро принять решение о публикации отдельных рукописей, написанных бывшими противниками советской власти. В прошлом Истпарт действительно проводил политическую проверку таких авторов и нередко отклонял предложенные ими работы¹¹². Конечно же, центральный Истпарт не хотел, чтобы местные истории Октября были карикатурны. Группы содействия, столь важные для десятого юбилея революции, хотя и состояли из проверенных коммунистов, критиковались центром за то, что им не доставало смелости «сознаться в [прошлых] ошибках и в результате в прошлом все и вся были большевиками и непонятно, с кем же и почему боролись большевики»¹¹³.

Беспокойство, проявившееся в потоке инструкций из центра в местные бюро Истпарта, было, несомненно, связано с масштабом планов празднования. Чтобы компенсировать неудачи юбилея Первой русской революции, десятая годовщина Октября должна была быть впечатляющей. Однако в начале сентября 1927 года в некоторых местных отчетах сообщалось, что подготовка к юбилею уже приобрела «старые шаблонные формы» предыдущих кампаний: ответственные комитеты и комиссии отличались «узкостью» состава или дублированием обязанностей, а их работа затруднялась отсутствием четких инструкций и общей неосведомленностью молодого поколения о знаковых событиях Октябрьских дней и их значении¹¹⁴. И действительно, «Правда» утверждала, что местные газеты не в состоянии предложить «систематическое освещение событий 1917 года»¹¹⁵. Невский утверждал, что прошлые празднования годовщины

¹¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Ед. хр. 14. Л. 27.

¹¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Ед. хр. 765. Л. 105–141.

¹¹³ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 8. Л. 59.

¹¹⁴ Правда. 1927. 7 сент. С. 5; 14 сент. С. 5; 16 сент. С. 5.

¹¹⁵ Там же. 17 сент. С. 3.

Октября бледнели на фоне зрелищ и других проектов массовой агитации последних месяцев 1920 года. Традиционные митинги превратились в бесплодные, безжизненные сборища, не вызывавшие дискуссий и оживления. Заумный язык сменил простую народную речь, такие щекотливые вопросы, как религия, избегались, а не решались на месте, а восхваление советских достижений заменило любую критику, несмотря на то что «критика есть дело революции» [Невский 1925: 14]. В инструкции по организации таких праздников критиковалась «пустая церемония» организационных заседаний и других подобных собраний. Красная скатерть на столе, лозунги, портреты и бюсты вождей, исполнение «Интернационала» в начале собрания — все это лишало присутствующих активного чувства сопричастности и соучастия [Данилевский 1927: 5–8]¹¹⁶. По словам Сергея Третьякова, поэта и драматурга, связанного с радикальным художественным движением ЛЕФ, десятая годовщина Октября должна стать «невиданной еще встряской эмоций, по возможности всех слоев населения»¹¹⁷.

И действительно, Невский, казалось, ратовал за то, чтобы юбилейные торжества в середине 1920-х годов были более масштабными, пробуждали самостоятельную активность масс и напоминали о массовых постановках и зрелищах 1920 года. Театрально-музыкальной секции Агитационно-зрелищной подкомиссии Оргкомитета было поручено разработать для предстоящей годовщины сценарии массовых праздников под открытым небом¹¹⁸. Это привело к стремлению повторить успех «Штурма Зимнего дворца» ноября 1920 года, организовав семь лет спустя массовые зрелища на Неве и в Петропавловской крепости¹¹⁹. Аналогичный порыв привел к заказу советскими

---

¹¹⁶ См.: Новый ЛЕФ. 1927. № 7. С. 46–48.

¹¹⁷ Там же. № 4. С. 35.

¹¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Ед. хр. 107. Л. 7. К началу октября секция выпустила 29 пьес и инсценировок, многие из которых были переведены на национальные языки СССР (Правда. 1927. 2 окт. С. 6).

¹¹⁹ Известия. 1927. 5 нояб. С. 5.

кинематографическими организациями целого ряда фильмов об Октябре¹²⁰. Коллективные формы, такие как демонстрации, массовые инсценировки, массовые гулянья, клубные вечера и агитпроцесии, как указывала «Правда», позволят избежать «старых шаблонных форм» и помогут массам «разработать и усвоить смысл и значение Октября и послеоктябрьского пути»¹²¹.

В то же время Невский критиковал ранние массовые зрелища за их зачастую «поверхностную обработку темы» и считал, что музеи и выставки, сопровождавшие эти торжества, в прошлом были плохо систематизированы и не имели адекватных устных или письменных пояснений к экспонатам [Невский 1925: 42, 88–89]. Грандиозные планы организовать не менее десяти юбилейных выставок в Ленинграде, включая выставку «командных высот» экономики, выставку советской прессы и новые разделы для Музея революции, предположительно должны были попытаться избежать этих ошибок¹²². Николай Подвойский недвусмысленно высказался о цели празднования десятилетнего юбилея:

При продуманном программном, плановом использовании этих дней, они превратятся в систематический курс самообразования и самовоспитания масс. Рабочие гуляния и массовые действия строятся таким образом, что помимо элементов игры и развлечения (или через эти элементы) в них можно отразить политические задачи сегодняшнего дня, можно сделать их орудием политической, профсоюзной, кооперативной и т. д. пропаганды и агитации, а вместе с тем средством для выявления активности и творчества массы, которая вышла к жизни и получила свое лицо в классовой борьбе и революции [Подвойский, Орлинский 1927: 3].

¹²⁰ К концу сентября полным ходом шла подготовка к созданию целой серии фильмов, таких как «Броневики», «Генеральная линия», «Москва в Октябре», «Петербург-Петроград-Ленинград», «Десять лет» и многих других (Правда. 1927. 29 сент. С. 5).

¹²¹ Там же. 7 сент. С. 5.

¹²² Там же. 30 сент. С. 5.

Очевидно, что, несмотря на огромное количество проблем, которые подстерегали большевиков на каждом шагу в первой половине 1920-х годов, идеологи партии считали, что хорошо рассказанная история Октябрьской революции — это важный шаг на пути к новому советскому обществу. Однако среди большевиков все еще существовали серьезные разногласия по поводу того, что именно представляет собой хорошо рассказанная история. Несмотря на опасения Покровского о несовместимости «правды» и «поэзии», десятый юбилей Октября выявил тенденцию к поэтическому изложению революции и ознаменовал возвращение к более эстетизированному образу Октября, характерному для времен Гражданской войны.

Глава 7

Правда и поэзия: десятая годовщина Октября

Десять лет мы делали Октябрь,
Десять лет Октябрь делал нас.

*Из стихотворения к десятой годовщине
Октября, 1927*

Предметом была революция, а формой —
кинематографическая поэма.

Григорий Александров о фильме «Октябрь»

Амбициозный размах празднования десятой годовщины революции привел к созданию одних из самых выразительных рассказов об Октябре, с которыми могут поспорить только ранние массовые зрелища. Впервые с 1920 года коммунистические власти направили значительные рабочие, финансовые и временные ресурсы на очерчивание контуров октябрьского повествования. Это была, пожалуй, лучшая попытка рассказать общедоступную историю Октября и партии, и она значительно продвинула построение этого нарратива. Еще никогда столько людей не делились своими воспоминаниями об Октябрьской революции. Чиновники, активисты и художники с одобрения партийной верхушки взяли на себя обязательство рассказать понятную и связную историю революции. Но их работы тоже не принимались автоматически властями, которые с трудом контролировали ситуацию и постоянно беспокоились о том, как эти истории

влиять на население. Особенно это касалось такого мощного, но непривычного вида искусства, как кино, которое государство совсем недавно начало целенаправленно использовать в связи с двумя последними юбилеями революции. Десятая годовщина представляет собой прекрасный пример демонстрации возможностей и выстраивания ограничений в повествовании истории Октября.

Гармония Октября

Десятый юбилей был призван выставить достижения Советского Союза на всеобщее обозрение как внутри страны, так и за рубежом — на своеобразной Всемирной выставке социализма, на которую приглашались высокопоставленные лица из-за границы¹. Октябрьская революция была главным экспонатом на этой ярмарке, и во время юбилея была представлена наиболее последовательная ее история.

Структура и организация декораций, шествий и торжеств в Москве и Ленинграде должны были передать внутреннюю гармонию истории революции и ее действующих лиц. В основу планов оформления Москвы к юбилею был положен «принцип максимального единства украшения всего города». Все центральные точки должны были быть оформлены в соответствии с «одной общей идеей праздника». Так, площадь перед бывшим особняком М. Ф. Кшесинской должна была символизировать переход от Российской империи к Гражданской войне; площадь Жертв Революции посвящалась памяти павших воинов; Нарвские ворота — Красной гвардии; а Московские ворота — Красной армии. Оформление памятника Ленину перед Финляндским вокзалом выражало «апофеоз Октября»². Агитпропотдел ЦК

¹ Правда. 1927. 6 окт. С. 5; 11 окт. С. 5; 27 окт. С. 4. Приезжие возвращались на родину и создавали местные организации в поддержку советского проекта: например, Международное общество друзей Советского Союза в Кельне [Coeure 1995: 63–69].

² Правда. 1927. 8 сент. С. 5.

рекомендовал на местах читать на рабочих и крестьянских собраниях лекции на тему «Октябрь, его подготовка и значение», «Итоги культурного строительства», «Октябрь и общие итоги за 10 лет» и т. д.³ Агитпроп также подчеркивал необходимость обсуждать в лекциях и в прессе «важнейшие исторические факты, имевшие место в период сентября — октября 1917 года, освещаая также и местные революционные события»⁴. Репортеры хвастались размахом демонстраций в честь годовщины, отмечали «энтузиазм... единство и... солидарность рабочих масс», участвовавших в шествиях и митингах. В демонстрациях проявилась «революционная активность широчайших масс пролетариата и непролетарских трудящихся масс СССР», и это можно было наблюдать не только в крупных городах, но и в небольших поселках и деревнях⁵. В Ленинграде 800 000 человек прошли по улицам к площади Урицкого (Дворцовой) перед Зимним дворцом, демонстрируя «единодушие, сплоченность, бодрость и уверенность победившего пролетариата»⁶. Красная площадь в Москве в день праздника представляла собой образец «естественного порядка», где все были на своих местах. Шеренги солдат были, как писал один из зрителей, «подтверждением спокойствия и товарищеской близости». В этом параде он увидел отражение самой страны: «Это был СССР с орудиями производства в одной руке и оружием — в другой <...> страна веры и бескорыстия»⁷.

Однако возникшие ранее разногласия в высших эшелонах партии грозили нарушить гармонию торжеств. «Кто нарушает единство ВКП(б), — предупреждал один из юбилейных лозунгов ЦК, — тот изменяет Октябрю»⁸. В преддверии торжеств кампания против оппозиции набирала обороты: большевистская пресса обличала ее за то, что она служит знаменем для «всех

³ Там же. 27 окт. С. 4.

⁴ Там же. 3 сент. С. 6.

⁵ Там же. 10 нояб. С. 1. См.: Известия. 1927. 10 нояб. С. 4.

⁶ Ленинградский рабочий. 1927. 26 нояб. С. 7.

⁷ Известия. 1927. 11 нояб. С. 3.

⁸ Правда. 1927. 26 окт. С. 3.

контрреволюционных сил» и исповедует меньшевистские и буржуазные взгляды на пролетарскую диктатуру⁹. В прессе регулярно появлялись заявления отдельных лиц и групп, подтверждающие их решение выйти из оппозиции, извинения за прошлую деятельность и утверждения о желании не допустить превращения оппозиции во вторую партию внутри партии¹⁰.

Однако впервые, по-видимому, юбилейные торжества сопровождались контрдемонстрациями оппозиционеров. В 1929 году Троцкий вспоминал, как в день празднования десятой годовщины революции в Москве и Ленинграде прошли шествия оппозиционеров, которые несли плакаты, призывающие к единству партии. Автомобиль Троцкого обстреляли, из рук шествующих вырывали плакаты, а самих участников демонстрации избили, и сделали это не массы, как быстро заметил Троцкий, а «специальные дружины» [Троцкий 1991: 506–507]. Иностранные наблюдатели сообщали о заранее возросшей активности милиции и арестах оппозиционеров¹¹. Тем не менее немецкий корреспондент, посетивший Москву в то время, вспоминал, что практически не видел оппозицию во время празднования [Scheffer 1972: 293]. Несмотря на сообщение в прессе о «незначительных попытках нескольких “вождей” оппозиции нарушить гармонию» официальных торжеств¹², «Правда» продолжала критиковать контрдемонстрации в последующие дни после юбилея. Газета сообщила, что оппозиционеры в Ленинграде активно пытались организовать свои демонстрации, открывали подпольные типографии, воровали шрифт из редакции газеты «Ленинградская правда» и призывали приводить жен и детей, чтобы создать иллюзию многочисленности. А когда оппозиционеры пытались обратиться к собравшимся рабочим, добавлялось в статье, те каждый раз их перекрикивали¹³. В другом номере приводились

⁹ Известия. 1927. 4 нояб. С. 3–4; Правда. 1927. 15 нояб. С. 1.

¹⁰ Правда. 1927. 21 сент. С. 3; 25 сент. С. 3; 1 окт. С. 3; 4 окт. С. 3; 7 окт. С. 3.

¹¹ См. [Coeure 1995: 66].

¹² Ленинградский рабочий. 1927. 26 нояб. С. 7.

¹³ Правда. 1927. 10 нояб. С. 6.

выдержки из сообщений зарубежной коммунистической прессы, осуждавшей эти демонстрации как «антипартийные», и из буржуазных газет, сообщавших об их провале¹⁴.

Официальные отчеты и свидетельства очевидцев представляли демонстрации оппозиции фарсом, последним сумасбродным поступком небольшой группы видных деятелей, ослепленных тщеславием. Один из очевидцев отметил, что портреты партийных оппозиционеров в Москве висели не на домах рабочих, а в окнах собственных квартир лидеров оппозиции и разворачивались ими под «возмущенные крики» масс. В сцене, достойной «кинокоролей Чаплина и Ллойда», писал один автор, рабочий поднялся на крышу здания, на котором был вывешен красный транспарант с портретами Зиновьева и Троцкого, и попытался зацепить его проволокой с крючком. Находившиеся в квартире Зиновьев и Троцкий высунулись из окна и стали отмахиваться от крючка половой щеткой¹⁵. Другие рассказывали о том, как Троцкого во время публичного выступления заклеили «предателем» и как «оппозиционеров», наблюдавших за официальными шествиями и маршами 7 ноября с балконов, забрасывали яблоками, сапогами и всем, что попадалось под руку. Такие рассказы неизменно включали цитаты криков из толпы: «После Октябрьской революции [Троцкий] был с нами, а теперь, посмотрите-ка, нашу партию “поправляет”!» Авторы замечали, что некоторые рабочие приветствовали тех, кто находился на балконах, но делали это только потому, что принимали их за высокопоставленных иностранцев. Показательна история «пожилого рабочего», который, внезапно узнав стоявших на балконе, опустил руку и повернулся к ним спиной¹⁶. Отзывы центральных и местных партийных организаций, возмущенные действиями оппозиционеров, хлынули на страницы «Правды»¹⁷. «Партия в целом, — сообщил ЦК партийным организациям 10 ноября, — ясно и ре-

¹⁴ Там же. 11 нояб. С. 1.

¹⁵ Там же. 10 нояб. С. 6.

¹⁶ Известия. 1927. 10 нояб. С. 3; Правда. 1927. 10 нояб. С. 6.

¹⁷ См., например: Правда. 1927. 11 нояб. С. 4; 15 нояб. С. 4.

шительно отмежевалась от оппозиции»¹⁸. Таким образом, власть попыталась превратить потенциальный конфликт с оппозицией в иллюстрацию единства партии и народа.

Неизбежность Октября

Тщательная подготовка и планирование помогли передать неизбежность революционной истории. «Путь демонстрирующих масс, — писал Подвойский, — должен представлять ряд картин, иллюстрирующих собой десять этапов революционного пути». Он дал подробные инструкции по организации колонн демонстрантов, разворачиванию красных флагов и звучанию барабанов, труб и колоколов в ключевые моменты. Флаги должны развеиваться, а крики произноситься в унисон при слиянии двух колонн марширующих в заранее определенной точке шествия на пути к Красной площади. Маршрут шествия должен был проходить мимо «живых картин» — площадок с инсценировками и спектаклями, на которых разыгрывались эпохальные моменты: 1905 год — «генеральная репетиция Октябрьской революции»; 1914 год; 1917 год; Гражданская война. Последнюю платформу на центральной площади должны были занять официальные представители правительства, профсоюзов и партии, которые приветствовали бы демонстрантов. Подвойский предполагал, что демонстранты будут не просто проходить мимо этих платформ, а выказывать «организованную природу» масс. В свою очередь действия на платформах должны были вызвать у участников шествия «живой отклик», который преобразил бы их в «активную массу демонстрантов» [Подвойский, Орлинский 1927: 258–273]. Эти инструкции, казалось, предвещали возвращение к более ранним попыткам радикальных художников разрушить барьеры между наблюдателями и наблюдаемым и изменить концепцию зрителя в революционном обществе. «Зритель массового праздника» имел очень мало общего с более традиционными зрителем театра или цирка:

¹⁸ Там же. 11 нояб. С. 2.

Сплошь да рядом, вливаясь в ряды демонстрантов, присоединяясь к их играм и развлечениям, подтягивая песню, отбивая такт, заговаривая и обмениваясь шутками с актерами передвижной площадки, он стирает грань между зрителем и действующим и превращается непосредственно в активного участника шествия [Суслович 1926: 190–191].

Последовательность истории Октября

Другую мощную опору октябрьскому нарративу обеспечило повторное проведение торжеств в Ленинграде и Москве. Массовые зрелища вернулись в Ленинград, на этот раз в Петропавловскую крепость и на Неву, «твердыню самодержавия». Звуки «Марсельезы» и свет факелов вокруг крепости во время спектакля возвестили о Февральской революции. Октябрь был встречен подсветкой фабричных труб, виселиц, казематов крепости и одиночным выстрелом «Авроры». Гражданская война началась под звуки пулеметной стрельбы, воя сирен и заводских свистков. Смерть Ленина сопровождалась «траурной, заунывной симфонией сирен». Апофеоз спектакля наступил, когда плотный круг факельных огней вокруг Петропавловской крепости постепенно слился в «сплошное красное зарево», а с баржи на Неве взметнулся «величественный фонтан»: струя воды засверкала всеми цветами радуги и в небо взметнулись сотни фейерверков. В финальной сцене на фоне ленинградского ночного неба вырисовывались подсвеченные профили кораблей на Неве¹⁹.

В дни, предшествующие 7 ноября, в «Правде» был опубликован «Календарь Октября», который выстраивал хронологию действий четко определенных сторонников и противников революции в столицах. Первая статья была посвящена дню 10 октября 1917 года, когда Ленин убедил ЦК внять его призыву к немедленному вооруженному восстанию (единственными несогласными были названы Зиновьев и Каменев) на фоне «нарастания во всей Европе всемирной социалистической революции»; в то же время

¹⁹ Ленинградский рабочий. 1927. № 22. 26 нояб. С. 11. Ср.: Правда. 1927. 8 сент. С. 5.

в разных губерниях нарастали крестьянские восстания и забастовки рабочих. Последующие статьи календаря отражали растущую поддержку большевиков и их лозунгов со стороны Советов, крупных заводов и фабрик на фоне продолжающегося предательства линии партии со стороны Зиновьева и Каменева. Заметка, посвященная 25 октября 1917 года, отмечала почти единодушное одобрение Исполкомом Петроградского Совета решения о создании военно-революционного комитета, в то время как меньшевики и социалисты-революционеры твердили о «кризисе советской организации». В календаре были тщательно расписаны технические шаги большевиков по подготовке к восстанию в контексте нарастающих забастовок, крестьянских волнений, националистических движений и прогрессирующей мобилизации реакционеров против партии. Но пока большевики принимали свои дальновидные и хорошо продуманные решения, «контрреволюция» в лице меньшевиков и эсеров делала то же самое. Их группа «перешла в наступление» 24 октября 1917 года и почти вынудила революционеров действовать, когда Временное правительство в последний момент предприняло меры по подавлению подготовки к революции, недооценив волю рабочего класса к участию в ней. В ответ ВРК «перешел в решительное открытое наступление»²⁰.

Помимо этого, большевистская пресса определила литературную направленность октябрьского нарратива, составив список необходимых для ознакомления с ним книг. В него входили опубликованные труды Ленина за период с февраля по октябрь 1917 года, в частности те работы, которые отражали его решительную подготовку к восстанию в сентябре и октябре. Также читателям предлагалось обратить внимание на работы Ленина о внутреннем состоянии партии в этот период. Рекомендовались также труды об Октябре других ведущих деятелей партии — Сталина, Бухарина, Ольминского, Покровского, равно как и сборники документов и другие работы, дававшие «последовательную, день за

²⁰ Правда. 1927. 23 окт. С. 3; 25 окт. С. 2; 27 окт. С. 3; 28 окт. С. 3; 1 нояб. С. 5; 2 нояб. С. 2; 3 нояб. С. 3; 4 нояб. С. 3; 5 нояб. С. 2; 6–7 нояб. С. 8.

день, хронику» революции. В рекомендуемых работах основные участники октябрьских событий рассматривались в следующем порядке: партия, рабочее движение и Советы, крестьянство, армия и флот. В список попало очень мало пробольшевистских мемуаров (заметным исключением стала книга Джона Рида), хотя были перечислены мемуары нескольких «белогвардейцев». Самым значительным в этом списке, пожалуй, было то, что в него было включено очень мало литературы, опубликованной до 1925 года, и совсем не было местных исследований начала 1920-х годов²¹. Более ранняя литература, по выражению «Известий», в основном попадала в область «беллетристики»²².

Более пристальное внимание к октябрьским дням позволило получить воспоминания от людей в Москве и Петрограде, легшие в основу одних из самых ярких и романтизированных рассказов со времен первых изображений Октября. Эти воспоминания были лиричными и образными. Одна женщина вспоминала, как пылающий дом в Москве освещал соседнюю улицу «как гигантский прожектор»:

Медленно, медленно падали балконы <...> Корчились куски железа, заворачиваясь папиросными бумажками, извивались змеиными хвостами остатки крыш <...> Падали стены, превращенные в тончайшие кружева. Выли, свистели в пламенной пляске ажурные лестницы, взвивались в высь, как пушинки, и падали стремглав, притянутые силой земли.

Разрушение чего-то хрупкого и недолговечного контрастировало с созидательным потенциалом «волны энергии» народа, высвобожденной Октябрем, «волны сознания, что они живы» и что начинается «новая эра». Автор подытоживала: «Надо в жизни гореть, чувствовать ее ритм, ее современность»²³.

²¹ Там же. 14 окт. С. 7. Ср. другой подобный список, в который вошла пьеса «Десять дней», основанная на книге Джона Рида, и другая постановка под названием «Октябрьский эпизод» (Правда. 24 сент. С. 5).

²² Известия. 1927. 1 нояб. С. 2.

²³ Известия. 4 нояб. С. 5. Курсив автора. — Ф. К.

Михаил Владимирский особо отметил «Октябрь в Москве»: восемь дней и ночей «упорной... вооруженной борьбы». Его воспоминания были посвящены роли московской организации большевистской партии, которая еще с февральских дней готовила революционную борьбу своей работой среди рабочих и солдатских масс, работой, которая сделала ее «фактически руководителем этих масс». Неуклонный рост влияния партии в Московском Совете, выборы в районные думы и другие организации привели к формированию ВРК в Москве и военному захвату, который начался 25 октября. Несмотря на признание важной подготовительной роли партии, он также отмечал, что каждый критический этап борьбы решался «восставшими рабочими», «революционными отрядами» и «революционными войсками»²⁴.

История московского Октября рассказывалась как часть более общей истории Октябрьской революции — но не как второстепенная по отношению к событиям в Петрограде. Московский Октябрь был порожден особыми революционными условиями, характерными для Москвы, а новости о событиях в Петрограде послужили толчком, но не вдохновением для революционеров в будущей столице. Один из членов московского ВРК вспоминал, насколько «скудны и отрывочны» были известия о событиях в Петрограде, в основном поступавшие к ним от местных меньшевиков и эсеров. «Попытка восстания в Ленинграде <sic>, — вспоминал он, — изображалась как юмористическая авантюра, лишенная сколько-нибудь твердой почвы». Даже сам Ленин, по слухам, «не верил в серьезность своей авантюры». На восьмой или девятый день восстания Московский ВРК узнал от посыльных из Петрограда, что власть там была взята без серьезных уличных боев, которые наблюдались в Москве. Эта новость воодушевила Московский ВРК бросить все свои силы на вооруженное восстание, несмотря на неуверенность в готовности города к революции как в рядах большевиков, так и среди видных меньшевиков и даже в военных кругах. Автор заметки противопоставлял неуверенность лидеров «здоровому инстинкту масс, [который] категорически требовал

²⁴ Там же. 5 нояб. С. 6. Ср. рассказ Покровского: Правда. 1927. 6–7 нояб.

решительного и срочного завершения борьбы»²⁵. А Покровский в своей статье даже, по-видимому, намекал, что московский опыт Октября был более глубоко прочувствован и, возможно, был более искренним, чем петроградский, именно из-за невзгод затяжной борьбы: «Массы здесь глубже втянулись в дело, и голос их звучал решительнее... Низы были тверды, верхушка чувствовала их давление и легко и быстро выпрямлялась»²⁶.

Военные и политические события, непосредственно предшествовавшие 25 октября, присутствовали во многих воспоминаниях и придавали им связность в рамках единого повествования. Павел Дыбенко расписал по дням подготовку Балтийского флота к грядущей революции, отметив, в частности, отказ «Авроры» подчиняться приказам Временного правительства; вместо этого «верный часовой остался на своем посту» [Дыбенко 1928: 161]. Подвойский снова и еще более подробно вспомнил военные приготовления, предшествовавшие штурму Зимнего дворца, описав планы ВРК по размещению различных батальонов и полков на стратегических позициях в городе в конце октября. При этом он постарался увязать эти действия с осознанием ЦК большевиков необходимости «подготовить массы к восстанию» после корниловского мятежа²⁷. Его понимание большевизма этого периода выходило за строгие партийные рамки: в октябре «редкий солдат уже не был большевиком, разумеется, относясь с полной несознательностью к самому большевизму как учению, он просто был большевиком по настроению» [Подвойский 1927: 6]. Другие подчеркивали революционную дальновидность и целеустремленность Ленина — тем более похвальные, учитывая его долгие периоды отсутствия в Петрограде. Зиновьев и Каменев же, лишенные, по мнению этих авторов, подобных качеств, были обречены на совершение «фундаментальной ошибки» относительно немедленного восстания²⁸.

²⁵ Известия. 1927. 4 нояб. С. 5.

²⁶ Правда. 1927. 6–7 нояб. С. 6.

²⁷ Известия. 1927. 2 нояб. С. 3.

²⁸ Известия. 6–7 нояб. С. 9; 5 нояб. С. 3.

Как и в случае юбилейных торжеств 1920 года, выбор Зимнего дворца в качестве центрального объекта многих рассказов стал связующим элементом значительной риторической и символической силы. В «Известиях» воспоминания Подвойского о взятии дворца сопровождались фотографией его самого, Антонова-Овсеенко и Чудновского — тройки, руководившей операцией. Под ней был помещен кадр (из фильма С. Эйзенштейна «Октябрь», без указания авторства) с надписью «Штурм Зимнего дворца» и указанием времени штурма — полночь 25 октября 1917 года. Подвойский вспоминал о проблемах со связью и развертыванием войск, из-за которых решение тройки о штурме дворца в ночь на 25 октября было отложено до 6–7 часов утра следующего дня. Несмотря на революционные устремления войск, осаждавших дворец, лидеры решили проявить сдержанность и сперва потребовать сдачи дворца: «Революция стремилась всеми средствами избежать кровопролития». Неоднократные отказы министров вызвали нетерпение войск, и они «по собственной инициативе» стали выдвигаться к Дворцовой площади, ведя перестрелку с защитниками. Подвойский вспоминал хаос внутри Зимнего дворца: его защитники были обмануты своими лидерами, думая, что Керенский отправился за подкреплением. Когда раздалась холостые выстрелы с «Авроры», женский батальон первым сдался в плен, что стало прелюдией к штурму. Хотя эта версия воспоминаний Подвойского *в деталях* не сильно отличалась от его мемуаров несколькими годами ранее, его живой и захватывающий рассказ о «штурме Зимнего» теперь опирался на десятилетие культурного осмысления Октября и включал в себя все элементы гармонии, неумолимости и драматизма, которые были отличительными признаками этого процесса. Это был подлинный сложившийся нарратив:

Это был героический момент революции, ужасный, кровавый, но прекрасный и незабываемый. Во тьме ночной, в тумане и дыму, озаренные бледным, светом и кровавыми мечущимися молниями выстрелов, со всех прилегающих улиц и из-за ближайших углов, как грозные, зловещие тени, неслись цепи красногвардейцев, матросов, солдат, спотыка-

ясь, падая и снова поднимаясь, но ни на секунду не прерывая своего стремительного ураганоподобного потока. Когда смолкли дикие завывания и грохот трехдюймовок и шестидюймовок с Петропавловской крепости, в воздухе, заглушая сухую непрерывную дробь пулеметов и винтовок, раздался сплошной победный крик «ура», страшный, захватывающий, объединяющий воедино всю разнородную массу. Одно мгновение — и самые баррикады, и их защитники, и наступающие на них слились в одну темную сплошную массу, кипящую, как вулкан, а в следующий миг победный крик уже был по ту сторону баррикад. Людской поток заливает уже крыльцо, входы, лестницы дворца. По сторонам валяются трупы, громоздятся разваленные баррикады и стоят толпы людей без шапок, с бледными лицами, трясущимися челюстями, с поднятыми вверх, как призыв к пощаде, руками. Дворец взят. Единственный кусок территории, державшийся в течение дня в руках «Временного правительства всяة Руси», вырван руками народа²⁹.

Октябрь в кино

Учитывая помощь Подвойского в создании готовящегося к выходу фильма Сергея Эйзенштейна «Октябрь» (по некоторым данным, он даже сыграл в нем небольшую роль), неудивительно, что воспоминания Подвойского приобрели почти кинематографический оттенок³⁰. Кино стало для организаторов юбилейных торжеств 1925 и 1927 гг. принципиально новой формой повествования, которая использовала действенный язык *долговечных* визуальных образов. Начиная еще с февральских дней революции изучали возможности этого нового вида искусства нести идеи в массы. Кинематографисты бросились снимать фильмы для нового режима, часто переделывая старые фильмы «в духе времени,

²⁹ Известия. 5 нояб. С. 6. Этот эпизод почти дословно повторяется в качестве кульминационного эпизода в книге воспоминаний Подвойского [Подвойский 1927: 41].

³⁰ Согласно закадровому голосу Александрова в начале версии «Октября», переработанной им для мирового проката в 1967 году, Подвойский сыграл в фильме самого себя. См. также [Красовский 1965: 49].

вклеивая революционные надписи, лозунги, символические концовки» [Ханжонков 1937: 104]³¹. После Октября военно-революционный комитет сразу же попытался взять кинематограф под контроль, разрешив съемки в Петрограде лишь нескольким ведущим режиссерам «в целях зафиксирования наиболее выдающихся моментов революции»³². В годы Гражданской войны регулярные постановления властей и городов еще больше ограничили доступ к съемкам³³. Даже уполномоченным кинокомитетам приходилось выпрашивать разрешения на проход в здания и на собрания; операторов иногда задерживали за несанкционированную съемку во время парадов и праздников [Болтянский 1925: 35]. Большевистские власти понимали, что кинохроника призвана «вызывать [в населении] патриотические чувства и преданность “престолу и отечеству”», поэтому царизм снимал только «блестящие парады, победоносных генералов, встречи царственных особ» [Болтянский 1926: 8]. Им нужно было, чтобы их собственный режим освещался надлежащим образом.

Большевистские лидеры, безусловно, обсуждали потенциал кино, хотя Троцкий в 1923 году публично раскритиковал неспособность властей использовать формат, способный создать «неистощимый источник впечатлений и переживаний» и «врезающийся в память»³⁴. Однако именно в середине 1920-х годов начал активно применяться принцип монтажа, который открыл бесконечные стилистические возможности. В руках талантливых

---

³¹ В начале марта 1917 года Союз кинодеятелей пообещал показать всем «свободным гражданам» фильм «Великие дни революции в Москве» [Ханжонков 1937: 104].

³² См. «Удостоверение Е. М. Модзелевскому на право кинематографических съемок в Петрограде и его окрестностях выдающихся революционных событий» в [Петроградский... 1966, 2: 124]. Аналогичное разрешение режиссеру Г. М. Болтянскому см. в [Большевистские... 1958: 117]. Не все просьбы о разрешении съемок были удовлетворены; см. «Протокол вечернего заседания Петроградского военно-революционного комитета» в [Октябрьское... 1957: 740].

³³ См. [Листов 1970: 51; Leyda 1983: 132–133, 142], а также: Обязательное постановление // Правда. 1920. 27 окт. С. 4.

³⁴ Правда. 1923. 12 июля. С. 2.

молодых кинематографистов Советского Союза эта техника придала искусству повествования духовность, к которой Риды, Подвойские и Антоновы-Овсеев могли только стремиться даже в своих самых смелых поэтических полетах воображения. Подобно акту воспоминания, техника монтажа, которая в то время применялась во многих областях искусства, разрушала узы линейного повествования, собирая и противопоставляя фрагменты, чтобы создать то, что киновед Дэвид Бордуэлл называет «радикально новыми отношениями между частями целого» [Bordwell 1972: 10]. Подобно монтажу, воспоминания — это всегда нечто большее, чем сумма вспоминаемых событий. Эйзенштейн создал несомненную *революционную* правду, смонтировав вместе сцены, которые часто не совпадали в реальности. В то время его критиковали за то, что он придумывает исторические события в своих фильмах, на что он отвечал цитатой из Гете: «Противоположность правде во имя правдоподобия» [Эйзенштейн 1964–1971, 1: 127]. Он, как и небольшая группа режиссеров, снимавших фильмы к юбилейным торжествам 1905 и 1917 годов, стремился произвести «социально полезный эмоционально и психически заряжающий аудиторию эффект» [Там же: 117].

В рамках празднования важных юбилеев советское государство привлекло на свою службу кинематографические таланты Бориса Барнета, Эйзенштейна, Всеволода Пудовкина и Эсфирь Шуб. К юбилею 1905 года были сняты фильмы «Мать» Пудовкина, а также «Стачка» и «Броненосец Потемкин» Эйзенштейна. К десятой годовщине Февральской революции Шуб выпустила «Падение династии Романовых». Фильмы «Москва в октябре» Барнета, «Конец Санкт-Петербурга» Пудовкина, «Великий путь» Шуб и, как хорошо известно, «Октябрь» Эйзенштейна и Григория Александрова были заказаны специально к десятилетию революции 1917 года³⁵. В центре этих фильмов явно или неявно стоял именно Октябрь. Все они были рассказаны как части его истории. И все были мистическими артефактами широкого

---

³⁵ Фильмы Шуб и Барнета не будут включены в последующее обсуждение юбилейных фильмов.

культурного процесса создания основополагающего события — и анализировать их нужно в рамках этого процесса³⁶.

Режиссеры, повествуя о революции, стремились передать связность, неумолимость и драматизм Октября, а эта задача, как явствует из первоначальных постановочных планов, требовала соответствующего размаха³⁷. Через «Стачку», «Броненосца Потемкина» и «Октябрь» Эйзенштейн представил Октябрь как хронику неуклонно растущего осознания и целеустремленности рабочего движения, вооруженного восстания как единственного реального действия для растущего пролетарского сознания и конечной реализации этих возможностей в «штурме Зимнего». В экранизации романа Горького «Мать» и в «Конце Санкт-Петербурга» Пудовкин передал революционную одиссею через конфликт поколений в одной семье в 1905 году и через глубоко личный опыт крестьянина из Пензенской губернии, вынужденного приехать в Петербург в поисках работы и нашедшего вместо нее революцию. Благодаря тщательному противопоставлению кадров, подобранных из огромного количества оригинальных

³⁶ Существует мнение, что «Октябрь» Эйзенштейна был признанием сталинской политики «социализма в отдельно взятой стране» 1926 года и представлял собой гимн не «революции-завоевательнице», а скорее завоеванию «пространства, недоступного для влияния извне» [Sorlin 1980: 178–179]. Чаще всего эти фильмы анализируются с точки зрения их исторической точности [Wenden 1981: 37–61]. Опасности использования «реконструированных фильмов» обсуждаются в [Ferro 1968: 46]. Даже тем исследователям, которые подходят к этим фильмам с точки зрения их мифической структуры и функции, трудно устоять перед соблазном сопоставить их с «реальными» событиями, которые в них представлены [Bordwell 1993: 79–84; Goodwin 1993: 58, 83–84]. Критику этой тенденции и аргумент в пользу изучения «Октября» как отдельного произведения и изобретения см. в [Rosenstone 2001: 255–274].

³⁷ Шуб планировала снять трилогию фильмов. «Падение династии Романовых» и «Великий путь» были завершены, но от третьего фильма, «Россия Николая II и Лев Толстой», не осталось и следа [Roberts 1999: 157, прим. 14]. Эйзенштейн задумал семисерийный цикл фильмов под названием «К диктатуре», из которого была закончена только пятая часть, «Стачка» (1925). «Октябрь» также начинался как цикл из семи частей [Красовский 1965: 42]. Фильмы Пудовкина тоже рождались из сценариев амбициозного масштаба [Leyda 1983: 222–223].

киноматериалов, в фильме «Падение династии Романовых» Шуб выступила с критикой царского режима с точки зрения новых коммунистических социальных и политических категорий.

В этих фильмах дореволюционная Россия представляла поляризованной страной с четко определенными действующими лицами и отсутствием органических связей между правителями и подданными. Массы обращались к государству через его упрямых и зачастую жестоких агентов — не только полицейских, солдат и тюремщиков, но и железнодорожников, фабричных надзирателей и приказчиков. Сама структура фильма Шуб иллюстрирует эту пропасть — длинные сцены, в которых мы видим замкнутые касты образованного общества, противопоставляются кадрам с изображением столь же замкнутых каст угнетенных масс; на фоне кинохроники бесконечных парадов богато одетых офицеров и дворян России, Германии, Австрии и Англии выделяются кадры с бедно одетыми рабочими и крестьянами, снятыми за работой. В фильмах Эйзенштейна тучные офицеры возвышались над истощенными простолюдинами, а камера переходила от разряженных представителей правящих классов, наслаждающихся незаслуженным отдыхом, к рабочим в лохмотьях, занятым честным отдыхом или трудом. Как отмечает киновед Джеймс Гудвин, это был контраст «между нагой честностью рабочего класса и вычурной двуличностью класса доминирующего» [Goodwin 1993: 41]³⁸. Для Шуб эта пропасть существовала не только в России, но и во всем мире. В продолжительных батальных сценах личности солдат сложно определить — они стираются в этой тотальной расправе над трудящимися массами мира (также и сцены в «Октябре», в которых русские и немецкие солдаты братаются в окопах после Февральской революции, указывали на единодушие рабочих классов отдельных стран). Последствия войны демонстрировались интертитрами с подсче-

---

³⁸ В «Потемкине» Эйзенштейн противопоставил мускулистых и грузных матросов стройным и элегантным офицерам, и открытые и откровенные взгляды первых — коварным и прищуренным взглядам вторых [Goodwin 1993: 65].

том человеческих потерь, без указания национальности павших: «Убитых, раненых, искалеченных в мировой войне — 35 миллионов человек», «Лики войны», «Пленные», «Раненые», «Беженцы». Из последующих сцен становится ясно, что виновники этой бойни — царь и военные генералы. Фильм «Мать» иллюстрировал социальную пропасть между привилегированными классами и их жертвами через сцены в здании суда («На незыблемых устоях права и справедливости», как иронично гласит интертитр) и через снятые снизу кадры полицейского и конного солдата. Внутри здания суда сын обвиняется в подстрекательстве к мятежу при отсутствии каких-либо доказательств. Суд проходит без присяжных, на заседании судьи прихорашиваются, рисуют, смотрят на часы и в целом проявляют мало интереса к происходящему, равнодушные к судьбе человека на скамье подсудимых. Предсказуемый приговор — каторжные работы — сменяется кадром с бюстом Николая II. Вот она — царская власть, справедливость и честь на деле.

Но режиссеры не романтизировали отношения в низших слоях общества в царское время. Их фильмы были призваны подчеркнуть значение лишь революционного пути. В «Конце Санкт-Петербурга» рождение ребенка в бедной деревне — не повод для радости: его мать умирает при родах, его появление знаменует конец крестьянской семьи. Младенец — еще один голодный рот, который нужно кормить, и это побуждает отца бежать в город в поисках еды и работы. Молодой крестьянин и его мать приезжают в Петербург к родственнику (стандартный способ попасть из деревни в город), но встречают там лишь недоверие, враждебность и эгоизм: подозрительная и нищая жена родственника не угощает голодающих приезжих, в то время как ее собственная дочь ест. На слезы ребенка мать отвечает подзатыльником. В сценах насилия и пьянства в доме и трактире, которыми Пудовкин открывает «Мать», читается неумолимое осуждение невежества старых порядков. Именно в этом море разочарования и жестокости черпают поддержку коварные члены реакционных и антисемитских черносотенцев в трактире. Отметив едва сдерживаемую ярость жестокого, пьяного Власова-

отца, они решают его «приманить», как сказано в интертитре, для срыва забастовки. Они покупают его за стакан водки и почти не замечают его смерти на службе. Именно убогие социальные условия, намекают фильмы, породили таких Власовых. Они же породили полицейских осведомителей и агентов, которые играют заметную роль в этих лентах (хотя они уступают в драматизме целому ряду полицейских агентов «Стачки», действующих под такими кличками, как «Мартышка», «Бульдог», «Лиса» и «Сова», и даже физически походящих на этих животных).

Каждый режиссер передавал связность и неумолимость революции через изображение *развивающихся* социальных отношений и настроений в массах. В фильме «Мать» невежество и жестокость отца-реакционера противопоставляются сознательности и нежности революционно настроенного сына. В ходе фильма мать проходит свой собственный революционный путь, сначала выдав полиции спрятанное сыном оружие в бессмысленной попытке спасти его, а затем искупив свою вину, передав ему в тюрьму секретное послание и присоединившись к массовому шествию с целью освободить заключенных. В «Стачке» освобожденные от огрубляющего воздействия изнурительного труда благодаря остановке завода рабочие изображены заботливыми родителями: в одной сцене отца, которому не нужно вставать рано на работу, будит маленькая дочь, и они вместе играют, в другой — рабочий вместе с женой неторопливо купает ребенка. Однако с наступлением голода и лишений затяжной забастовки эти сцены семейного блаженства сменяются кадрами ссор мужа и жены, гнева и разочарования друг в друге, а сцены солидарности рабочих — кадрами драк и азартных игр. Без освобождающей силы труда и революции, предупреждал Эйзенштейн, старые социальные отношения между рабочими восстановятся.

В «Конце Санкт-Петербурга» переплетаются революционные пути молодого крестьянина и жены его родственника. Сначала крестьянина отталкивают его собственные родственники, но затем он присоединяется к штрейкбрехерам. Его донос на лидера забастовки владельцам фабрики приносит ему обещание работы, и только арест родственника (не организатора стачки) заставля-

ет его осознать свою «ошибку», после чего он нападает на владельцев фабрики и попадает в тюрьму. В тюрьме его принуждают к военной службе, и именно в окопах происходит революционное крещение. В итоге после февраля 1917 года он переходит на сторону революции. В то же время его жена проходит свой собственный путь самопознания. В начале фильма она терпит радикальную деятельность мужа, в середине активно помогает ему бежать от полиции, и, наконец, приходит на помощь крестьянину, раненному в ночь штурма Зимнего дворца. Их пути сходятся в финальных сценах фильма: женщина обнимает раненого, предлагая ему и его товарищам-революционерам еду, которую пожалела в начале ленты. Показано, как революция пробуждает в массах чувства братства, щедрости и самоотверженности, необходимые для разрушения старых устоев.

Неумолимость революции, по мнению этих режиссеров, означала необратимость перемен, радикальный переворот в сердцах и умах тех, кто увидел свет. В рассматриваемых фильмах эти перемены иногда происходят постепенно, а иногда — в яркие моменты прозрения. При старом порядке полиция открывает огонь по недовольным массам — на Одесской лестнице в 1905 году в «Потемкине» и на Невском проспекте в июле 1917 года в «Октябре». При новом порядке братья отказываются стрелять в братьев, солдаты в «Конце Санкт-Петербурга» внезапно стреляют в своего офицера, а не в радикала, который обращается к ним с речью. Матросы в «Потемкине» переводят оружие с товарищей, ожидающих расстрела, на офицера, отдающего приказ; эскадра, посланная подавить восстание на броненосце, отказывается по нему стрелять [Goodwin 1993: 66]. Момент прозрения матросов показан через крупные планы отдельных членов расстрельной команды: в их глазах отражается весь ужас приказа стрелять по своим товарищам. И этот момент наступает после призыва матроса Вакуленчука: «Братья! В кого стреляешь?!» Эйзенштейн использовал довольно жесткие образы — кровавую расправу над рабочими в «Стачке», призраки мертвых матросов, висящих на реях «Потемкина», раненого ребенка на Одесской лестнице, которого топчут люди, спасающиеся от солдат, — что-

бы передать порядки старого режима и подготовить зрителей к личным прозрениям своих героев³⁹.

В период между фильмами, снятыми к юбилею 1905 года, и фильмами, снятыми к октябрьскому юбилею, появился еще один центр «повествовательной связности» — партия и Ленин. В центре внимания в драме Пудовкина «Мать» — группа рабочих неопределенной революционной принадлежности. Революционная деятельность в фильме Эйзенштейна «Стачка», снятом в 1924 году, осуществлялась «забастовщиками», «активной группой» или «кружками». Их стачки спровоцированы внешним давлением («Приперли? Так надо бастовать!»), а не партийной агитацией. Кроме того, действия рабочих не согласованы. «Народ лучше не будет... бастовать!» — утверждал один из них через интертитр. В конце концов рабочие начинают забастовку, потому что один из них был ложно обвинен в воровстве и покончил с собой. Роль партии в этой забастовке в лучшем случае туманна: фильм открывается цитатой Ленина 1907 года, подчеркивающей, что организация — главное условие рабочей революции, а титры сообщают зрителям, что *призывы* к забастовке исходили от «подполья» и через листовки «Комитета Р. С. Д. Р. П. большевиков». В «Потемкине» революционные действия матросов — также результат внешнего давления: их загнали в угол безразличие офицеров и врача к их жалобам на червивое мясо. Два зачинщика, Матушенко и Вакуленчук (неопределенной политической принадлежности) помогают сформулировать и направить гнев моряков, хотя одного недовольного матроса также подталкивает к действию строка из молитвы «Отче наш» («Хлеб наш насущный даждь нам днесь»), выведенная на ободке одной из тарелок, которые он моет. Вакуленчук поднимает мятеж на борту броненосца, а возмущение его убийством («из-за ложки борща») во время мятежа становится отправной точкой конфликта на Одесской лестнице.

В фильмах, снятых к десятой годовщине Октября, партия большевиков уже гораздо более заметна. Шуб закончила свой фильм

---

³⁹ Об использовании Эйзенштейном шокирующих образов и сцен в «Потемкине» см. [Goodwin 1993: 74–78].

«Падение династии Романовых» до Октября, но последние кадры фильма смотрят в будущее: на них нестройная толпа на улицах Петрограда превращается в упорядоченные и организованные ряды благодаря призывам к действию со страниц «Правды» (данных через интертитры) [Roberts 1999: 56]. Радикальные действия в фильме Пудовкина «Конец Санкт-Петербурга» обозначены лишь однажды, как действия персонажа, презрительно названного «большевиком» армейским офицером. Однако этот момент — ключевой для построения революционного повествования, поскольку именно рабочий-большевик («Вас ждет восставший пролетариат!») убеждает войска, которые были введены для защиты Временного правительства, присоединиться к революции и открыть огонь по своему командиру. Ленин появляется в конце «Падения династии Романовых» Шуб, сначала обращаясь к массам, а затем в беседе с рабочим. Фильм «Великий путь» был полностью построен на «кинематографическом мифе о Ленине» [Ibid.: 59].

В Эйзенштейновском «Октябре» партия большевиков и Ленин уже являются неотъемлемой частью повествования. В сцене на Финляндском вокзале камера неоднократно показывает транспарант с названием Петербургского комитета РСДРП(б). Впервые лидер партии явно фигурирует в сценарии и направляет действие. Чаще всего интертитры «Большевик!» или «Большевики!» (без, как отмечают ученые, кавычек, которые иногда иронично использовал Эйзенштейн) продвигали повествование в ключевых моментах: например, в сцене жестокого убийства большевика в Июльские дни, разграбленного здания «Петроградского комитета партии большевиков», обороны Петрограда от Корнилова и отказа казачьей «дикой дивизии» от наступления на город [Lagny et al. 1979: 154]⁴⁰. «Пролетариат, учись владеть винтовкой!» — гласила надпись на экране после поражения Корнилова. Начинающийся с июльских дней, фильм повествует об эффективной организации и направлении революционного процесса силами Петроградского комитета большевиков, VI съезда партии,

⁴⁰ Появление и значение этих эпизодов в фильме подробно рассматривается в [Lagny et al. 1979: 153–160].

Рис. 13. Революция начинается: В. И. Ленин на Финляндском вокзале (кадр из к/ф «Октябрь», реж. С. М. Эйзенштейн, 1927 год)

Смольного, заседания ЦК большевиков 10 октября и ВРК. В то же время революционное повествование разворачивается в прямой зависимости от перемещений Ленина. В апреле он прибывает на Финляндский вокзал, встреченный бешеным восторгом ожидающих его войск и рабочих. «Ульянов» на одном интертитре уступает место «Ленину» на другом: так человек становится революционером.

После июльских дней Ленин из подполья руководит VI съездом партии, который «взял курс на вооруженное восстание»; на заседании ЦК 10 октября добивается немедленного восстания; в решающий час 24 октября переодетым проникает в Смольный и провозглашает новое революционное государство на II съезде Советов. Накануне 25 октября Ленин берет на себя руководство

Рис. 14. Призрачная власть: пустые пиджаки министров Временного правительства (кадр из к/ф «Октябрь», реж. С. М. Эйзенштейн, 1927 год)

восстанием, символично обводя карандашом на карте Зимний дворец и Дворцовую площадь. В противовес этому идеальному образу большевика в фильме представлен портрет менее стойкого и прозорливого революционера — Троцкого как оратора, призывающего восставших к осторожности в Июльские дни («Восстание преждевременно!») и открыто колеблющегося по поводу призыва Ленина к немедленным действиям. За активными, основательными военными приготовлениями в Смольном как безмолвные зрители наблюдают из своих кабинетов «меньшевики».

Наиболее яркие образы этих фильмов возникли благодаря попыткам режиссеров передать драматизм Октябрьской революции. Они подготовили зрителей сценами, символизирующими пассивность и инертность царского режима. Камера Пудовкина

Рис. 15. Марианна борющаяся: последний бой матери (кадр из к/ф «Мать», реж. В. И. Пудовкин, 1927 год)

Рис. 16. Неудавшийся штурм: убитые забастовщики (кадр из к/ф «Стачка», реж. С. М. Эйзенштейн, 1924 год)

Рис. 17. Революционная сдержанность: солдаты терпеливо ждут приказа о начале штурма (кадр из фильма «Конец Санкт-Петербурга», реж. В. И. Пудовкин, 1927 год)

задерживается на изящных классических статуях, украшающих крыши Петербурга, на царских чиновниках и владельцах фабрик, сидящих перед камерой с сознательной неподвижностью⁴¹. Эйзенштейн останавливался на возвышающейся статуе Александра III с державой и скипетром в руке и на пустых пиджаках, оставленных на столе заседаний министрами Временного правительства незадолго до прихода большевиков.

Керенский в фильме Эйзенштейна, пожалуй, наиболее наглядно передавал образ политического бессилия, особенно сцена, в которой он падает на диван, когда Корнилов наступает на Петроград, и зарывается головой в подушки, чтобы отгородиться от новостей. Чередование сцен Керенского с изображениями меха-

⁴¹ Ю. Н. Цивьян отметил, что в фильмах Эйзенштейна используется «мотиф окаменения власти» [Цивьян 1991: 334].

нического павлина позволило Эйзенштейну показать пустое тщеславие как лидера Временного правительства, так и системы, которая могла создать столь богато украшенный, технически сложный автоматон. Механическое строение павлина, отмечает Бордуэлл, служит метафорой отсутствия подлинной человеческой мотивации в действиях Керенского (и правительства), движимого инерцией, подобно часовому механизму [Bordwell 1993: 45]. Подобным образом Керенский у Пудовкина в «Конце Санкт-Петербурга» — оперный артист, переигрывающий, произнося монолог о свободе, и получающий цветы за свое выступление.

Пассивность старого режима контрастировала с динамичными сценами, изображавшими деятельность масс. В «Потемкине» матросы бунтуют на броненосце, в фильме «Мать» заключенные взбираются на стены тюрьмы, в «Стачке» молодые рабочие отнимают фабрику у старшего, менее сознательного поколения, а в «Октябре» рабочие сносят с пьедестала статую Александра III. В фильмах о неудавшейся революции (в частности, 1905 года) режиссеры использовали этот динамизм, чтобы показать едва сдерживаемую революционную энергию масс и, несмотря на неудачу (а возможно, и из-за нее), неумолимость будущей революции. Фильм «Мать» заканчивается кровавой расправой полицейских над беззащитными заключенными: мать погибает последней, как российская Марианна. «Стачка» завершается сценами резни в открытом поле. В «Потемкине» наступление солдат оставляет за собой усеянную трупами Одесскую лестницу.

Кульминацией многих фильмов, снятых к октябрьскому юбилею, стал героический штурм Зимнего дворца. Режиссеры подготавливали зрителя к этому моменту, акцентируя внимание на бездушной роскоши здания, его декоре и обстановке — метафоре пустоты и привилегий старого режима. По словам Третьякова, длинные планы в «Октябре», на которых зритель видит мягкие ковры, изящный фарфор, дорогие картины и классические статуи внутри Зимнего, настраивают его на «эстетический штурм» привилегий и тщеславия старого порядка⁴². Многочисленные

⁴² Новый ЛЕФ. 1927. № 10. С. 29.

кадры с архитектурой и монументами города в «Конце Санкт-Петербурга» Пудовкина также предлагались в качестве доказательства его «постыдной роскоши», как гласил интертитр, контрастирующей с бедностью и страданиями большинства его жителей.

В фильме «Конец Санкт-Петербурга» Пудовкин передал штурм Зимнего дворца напряженной сценой с бегущими рабочими и солдатами, пулеметным огнем, пламенем и дымом. Он не показал, как рабочие и солдаты проникают во дворец, закончив фильм сценами личного самопожертвования и выживания: умирающий молодой крестьянин лежит на улице, а муж-революционер выходит живым после штурма.

В «Октябре» Эйзенштейн показал окончательный штурм серией менее масштабных столкновений и массовых акций, среди которых: разрушение статуи Александра III в начале фильма, хаотичное бегство демонстрантов от полиции во время Июльских дней, освобождение из тюрем «изменников» и «предателей» (в интертитрах ирония передана кавычками) во время выступления Корнилова и конфискация оружия из арсенала для обороны Петрограда. Повторяющиеся кадры рабочих и солдат, идущих по Дворцовой площади, создавали ощущение неумолимости и неизбежности. В триптихе фильмов Эйзенштейна они маршировали с 1905 года — из Одессы в Петроград, забастовщики — на заводскую площадку, скорбящие — к трупам матроса, мученики — по каменным ступеням. Повторение ключевых сцен массового движения во время штурма в «Октябре», как отмечает один из киноведов, «одновременно прерывистое и прогрессивное, приобретает мало-помалу заклинательную силу; мораль рассказывается через поэзию» [Ropars-Wuilleumier 1970: 200]⁴³. В заключительных сценах фильма рабочие и солдаты вновь и вновь взбираются по лестнице Зимнего дворца, словно в бесконечном фильме о перманентной революции.

---

⁴³ Повторяемость определенных объектов и графических узоров в работах Эйзенштейна добавляет внутренней связности повествованию [Bordwell 1993: 48].

Рис. 18. Штурм Зимнего дворца (кадр из фильма «Конец Санкт-Петербурга», реж. В. И. Пудовкин, 1927 год)

Рис. 19. Женский батальон смерти защищает Зимний дворец (кадр из к/ф «Октябрь», реж. С. М. Эйзенштейн, 1927 год)

Рис. 20. Штурм Зимнего дворца (кадр из к/ф «Октябрь», реж. С. М. Эйзенштейн, 1927 год)

История вопроса

Эйзенштейн, Пудовкин и Шуб стремились к простоте и доступности своих революционных фильмов. Но критики того времени восприняли их неоднозначно. Виктор Шкловский утверждал, что методы Эйзенштейна иногда подрывали идею повествования, замечая, например: «Эйзенштейн так развел мост, что ему уже нечем было взять Зимний дворец»⁴⁴. Другой критик того времени понял отношение Эйзенштейна к женскому батальону в «Октябре» как «сатиру... на женщину-солдата, защищающую

⁴⁴ Новый ЛЕФ. 1928. № 4. С. 36. Как отмечает Ричард Стайтс, по этим причинам эпизод со штурмом Зимнего дворца остался «усеченным повествованием, лишенным той оргазмической разрядки, которой требовала бы драма» [Stites 1989: 83].

всякую власть»⁴⁵. Маяковский расценил решение Эйзенштейна использовать актера на роль Ленина как оскорбительное и пообещал забросать экран тухлыми яйцами на сценах появления «поддельного Ленина» [Маяковский 1958: 78].

Эйзенштейн стал громоотводом для критики революционных фильмов. Задержка показа «Октября» до юбилейных торжеств породила слухи о том, что он и Григорий Александров (его сорежиссер) были связаны с фракцией Троцкого и что картина была полностью перемонтирована по приказу Сталина, чтобы исключить из нее все сцены с участием Троцкого, кроме двух [Leyda 1983: 238–239]. По иронии судьбы, отмечает Гудвин, эти выдающиеся постановки революции «как зрелища исторического происхождения и утопического потенциала» также изобличили упадок поддержки авангардных инноваций [Goodwin 1993: 80].

Проблема «Октября» и других революционных фильмов заключалась в том смысле, который могли извлечь из них зрители, а также в требованиях партийных лидеров сделать этот смысл более прозрачным. Для многих критиков реальность и безотлагательность октябрьских событий были утрачены в попытке Эйзенштейна создать «фильм-поэму, фильм-фантазию», а не документальный фильм, даже несмотря на плохо сохранившуюся хронику октябрьских дней⁴⁶. Они критиковали его за то, что он сделал слишком большой акцент в своем фильме на некоторых эпизодах, например, на защите Зимнего дворца женским батальоном и битве матросами бутылок вина в подвалах. Такое чрезмерное внимание, по их мнению, сделало недоступным *революционный* посыл фильма. Изображение последнего инцидента можно было бы оправдать, писали

---

⁴⁵ Новый ЛЕФ. 1928. № 4. С. 31. Анализ этого мотива у Бордуэлла [Bordwell 1993: 90–91].

⁴⁶ Первые операторы смогли произвести лишь «несколько сот метров пленки плохого качества» из Смольного, Зимнего дворца, Царского Села и Гатчины. Почти не было киноматериала о самих событиях. Обычно отсутствие кадров штурма объясняют техническими проблемами ночной съемки или бюрократическими проблемами, связанными с военными условиями того времени [Листов 1973: 51], и даже хитростью большевиков, устроивших переворот под покровом темноты [Pipes 1992: 3].

критики, «если бы Эйзенштейн сумел найти такое символическое изображение этого дела, что, дескать, пролетарское сознание в конце концов с этим вином справилось»⁴⁷. Кроме того, Эйзенштейна критиковали за то, что он изобразил в «Октябре» массы не «живыми, активными, организованными», а как «статистов»⁴⁸.

Рецензия Луначарского на последнюю работу Эйзенштейна была исключительно положительной: он противопоставлял «поэму» или «симфонию» «Октября» «сонету» или «музыкальному этюду» предыдущего «Потемкина»⁴⁹. Тем не менее, хотя критики и считали отдельные эпизоды эффективными, они полагали, что «общий план» фильма страдает за счет этих отдельных кадров⁵⁰. Неосознанно напоминая о ранних поисках октябрьской Бастилии, один критик отметил, что изображение Зимнего дворца в «Октябре» было более убедительным, чем показ Смольного, потому что Эйзенштейн нашел для него «более яркие краски»⁵¹. И все-таки его фильмы критиковали за чрезмерный символизм, неловкое противопоставление образов, эксцентричный кастинг или откровенные трюки с камерой, а также за вопиющее пренебрежение повествованием. Адриан Пиотровский призывал перемонтировать «Октябрь», чтобы сократить «скучные места», например, сцены белого террора и эпизод в винном погребе, или исправить опущение «важных исторических событий», таких как развитие рабочего движения. Словом, материал «исключительно высокого качества» был плохо смонтирован⁵². По мнению многих критиков, он не смог передать необходимый смысл. Один из критиков даже предложил добавить к отредактированному варианту фильма либретто, чтобы помочь зрителям его понять⁵³.

⁴⁷ Новый ЛЕФ. 1928. № 4. С. 33.

⁴⁸ Жизнь искусства. 1928. № 13. С. 12.

⁴⁹ Кино. 1928. 20 марта.

⁵⁰ Жизнь искусства. 1928. № 13. С. 12.

⁵¹ Вечерняя Москва. 1928. № 59. С. 3.

⁵² Жизнь искусства. 1928. № 13. С. 12.

⁵³ Там же. № 15. С. 16–17.

Другие режиссеры подвергались критике по схожим причинам. Третьяков сказал, что «Конец Санкт-Петербурга» Пудовкина «ясен недостаточно», и осудил «Москву в Октябре» Барнета за создание «странных, почти мистических событий, крайне немногочисленных, совершающихся в безвоздушных пространствах»⁵⁴. Первое Всесоюзное партийное киносовещание 1928 года призвало к созданию фильмов, «понятных миллионам», противопоставив их «формально-художественным направлениям и течениям» раннего советского кино⁵⁵. Нужно больше интертитров, как проводников смысла, писал Шкловский, ведь «весь смысл» кинохроники, в частности, вытекал из «даты, времени и места»⁵⁶. Вместе с тем критики выделяли «Падение династии Романовых» Шуб как пример фильма, который был составлен из старых кинофрагментов, но «производит гораздо более цельное впечатление благодаря тщательной проработке тематического, монтажного плана»⁵⁷. Сама Шуб утверждала, что художественные фильмы должны уступить место кинохронике, чтобы «снимать сегодняшний день, сегодняшних людей, сегодняшние события», которые могут быть такими же «эмоционально воздействующими»⁵⁸. Для многих критиков вопрос заключался в том, следует ли позволить «фактам» говорить за себя, или же те должны быть лишь ступенькой на пути к великой истине. По мнению Осипа Брика, было ошибочно полагать, что «факт сам по себе дает слишком мало» и что правда или реальность должны каким-то образом *собираться* из совокупности фактов⁵⁹.

---

⁵⁴ Там же. 1927. № 10. С. 30, 27.

⁵⁵ Коммунистическая революция. 1928. № 8. С. 87. По крайней мере один радикальный режиссер, Александр Довженко, отвечая критикам, которые считали, что его работы недоступны для зрителей, предположил, что вина лежит на зрителях, а не на его фильмах (Там же. С. 68–69).

⁵⁶ Советский экран. 1926. № 32. С. 4.

⁵⁷ Новый ЛЕФ. 1928. № 4. С. 28.

⁵⁸ Там же. 1927. № 11–12. С. 58, 59. Курсив автора. — Ф. К.

⁵⁹ Там же. 1927. № 2. С. 32.

Среди защитников Эйзенштейна был Пудовкин, который хвалил «Октябрь» за истину, которую режиссер смог извлечь из своих материалов, и за связность воздействия, которое он оказывал на зрителей. «Более мощное и более законченное воздействие» достигалось благодаря монтажу разных планов одного действия (в данном случае подъема моста), чтобы создать «единый ритм медленного и мощного движения»⁶⁰. Выступая в защиту Эйзенштейна, Алексей Попов упрекал критиков и зрителей в том, что они недостаточно подготовились перед просмотром фильма. Он, однако, намекнул, что поставленная цель — связность и попытка изобразить «эпико-героическое полотно об Октябрьской революции со всей строгостью исторической последовательности ее этапов и политической атмосферы», а также четко очерченные «движущие силы революции (пролетариат, крестьянство, армия)» — была сложна. Без ответа остался вопрос о том, насколько оправдана попытка режиссера передать весь процесс Октябрьской революции на основе одного ее этапа⁶¹.

В некотором смысле весь проект написания истории Октября был втянут в конфликт между правдой и поэзией — конфликт между революционерами по поводу наиболее легитимного и эффективного способа рассказать историю Октябрьской революции. Кинематограф стал лишь наиболее ярким выражением этого конфликта. Многие из тех, кто участвовал в проекте написания истории Октября и большевистской партии, считали, что объективную правду можно найти только на местном уровне, хотя и с недоверием относились к субъективному характеру источников (чаще всего воспоминаний), от которых зависела эта правда. Другие верили, что дух Октября лучше всего передается не через бездушные документы, а через поэзию, на которую он вдохновлял людей. Все бесчисленные изображе-

⁶⁰ Жизнь искусства. № 7. 1928. С. 2–3. «Броненосец “Потемкин”» так же хвалили за сплав «формы и содержания» в «мощное единство» (Жизнь искусства. 1926. № 4. С. 7–8).

⁶¹ Там же. 1928. № 14. С. 16; «Октябрь» (Итоги дискуссии) // Жизнь искусства. 1928. № 20.

ния и образы Октября в той или иной степени оценивались в этих терминах. Немецкий корреспондент, наблюдавший за демонстрациями в Москве в 1927 году, сравнивал «массовость, организованность, дисциплину [и] порядок» празднования десятой годовщины Октября с «очень революционной, даже интимной магией» предыдущих торжеств отнюдь не в пользу первого [Scheffer 1972: 291]. Неуловимость и загадочность революции, несомненно, вдохновляли многих большевиков и меньшевиков — всех, кто воспринял это раннее представление об Октябре. Стремление запечатлеть эту магию, несомненно, стояло за постоянными попытками найти подходящие сценарии для театра и кино и вдохновить авторов на написание революционной поэзии. Однако со временем лидеры большевиков стали считать эти порывы контрпродуктивными, так как они мешали им создавать целостный образ Октября с однозначным смыслом. Это послужило основанием для замечания Покровского в 1924 году о том, что советскому народу нужна «правда», а не «поэзия» и что написание воспоминаний об Октябре («масса фактических неточностей, которую обязаны оставлять после себя люди, бывшие свидетелями великих событий») и написание истории — это принципиально разные задачи, обусловленные субъективным и объективным переживаниями событий соответственно⁶².

Многие материалы, подготовленные к десятому юбилею, вызвали недовольство как у сотрудников Истпарта, так и у большевистской партии. Анализируя собранные документы в 1927 году, Невский признал наличие значительных проблем, включая постоянную оппозицию начинаниям Истпарта, фрагментарное освещение некоторых критических моментов в истории революционного движения и трудности создания «какой-либо синтетической работы по истории Октябрьской революции»⁶³. По мнению Эссен, неконтролируемый поток публикаций к юбилеям 1905 года и Октября угрожал связности и прозрач-

⁶² Правда. 1924. 7 сент. С. 2; Правда. 1927. 6–7 нояб. С. 6.

⁶³ Печать и революция. 1927. № 8. Декабрь. С. 68.

ности — двум основным целям написания истории Октября. Цитируя «золотые слова» Ленина о том, что «лучше меньше, да лучше», Эссен предполагала, что меньше книг и больше контроля над ними могут остановить «бумажную стихию»⁶⁴. Многие рецензенты жаловались на работы, которые, как им казалось, создавали «слишком много рекламы Колчаку»⁶⁵. Один отзыв выявил «зияющий пробел» там, где было важно присутствие партийной организации, пробел, который делал значительную часть работы «непонятной». «Что это за “робкий голос большевика”?» — спрашивал критик⁶⁶.

Как и раньше, провинциальные издания редко приходились по душе лидерам большевиков — но теперь ведущие деятели партии сами начали рассказывать вполне связную историю Октября. Так, Ярославский написал книгу «Партия большевиков в 1917 году» для тех «товарищей, которые не знают, чем была наша партия до революции 1917 года». В его представлении партия родилась не в какую-то конкретную дату или на конкретном съезде, а «когда угнетаемый царским самодержавием и капиталистами бесправный и эксплуатируемый рабочий класс России вступил в решительную борьбу с своими классовыми врагами». Это расплывчатое определение все же делало партию синонимом российского революционного движения. «Большевики во главе с Лениным» сохранили «нашу подпольную большевистскую партию», поддерживая ее даже издавека: в период реакции после 1905 года, во время всплеска политической активности вплоть до Мировой войны и в моменты невзгод войны до 1917 года. И хотя партийная организация в годы войны была в лучшем случае нежизнеспособной, она единственная сохраня-

⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Ед. хр. 960. Л. 2–3. Ленин говорил о необходимости не торопиться с улучшением государственного аппарата, сосредоточиться не на его размерах, а на его качестве [Ленин 1967–1975, 45: 389–406].

⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 1–4. См. также: РГАСПИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 1.

⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Ед. хр. 962. Л. 19–22. Аналогичную критику см.: Пролетарская революция. 1928. № 5. С. 184–188.

ла веру в «интересы пролетарской революции». Ярославский признавал огромное и повсеместное недовольство, приведшее к Февральской революции, но считал также, что «большевики усиленно готовили массы к выступлению». В месяцы, предшествовавшие Октябрю, партия твердо и решительно готовилась к рабочей революции. Хотя некоторые товарищи неправильно понимали характер готовящегося свержения, с пути сбились лишь отдельные товарищи — Каменев и Зиновьев [Ярославский 1927: 3, 10, 16, 18, 23].

В работах Ярославского и других Ленин стал пророком и вождем Октября, а партия большевиков — его воплощением. Савельев писал, что хотя «внешней формы участия Владимира Ильича в революции» было мало, но Ленин был «в нашей партии великим практиком», и даже цитировал высказывание преданного анафеме Зиновьева о Ленине: «Если Ленин — классический тип пролетарского революционера, то Троцкий — “классический” тип интеллигентского революционера» [Савельев 1927: 4, 5, 34, 60]. В день торжеств в ноябре 1927 года Молотов заметил, что «Ленин не раз называл Октябрьскую революцию — большевистской революцией. Настолько тесно, прочно и неразрывно партия большевиков была связана с революцией»⁶⁷.

Эти работы были иного порядка, чем те, что были опубликованы ранее в рамках проекта создания истории Октября. Они не опирались на политику общественности, которая двигала этот проект в его первое десятилетие. Лишь в редких случаях в Советском Союзе вновь появлялись подобные начинания⁶⁸. И они совсем не были похожи на личные воспоминания, которые придали повествованию Октября столько жизненной силы и вызвали столько головной боли у его создателей в самые первые

⁶⁷ Известия. 1927. 6–7 нояб. С. 3.

⁶⁸ В 1931 году Горький инициировал проект по написанию истории заводской жизни — в частности, в чем она стала лучше при коммунизме [Горький 1959]. В 1934 году он жаловался, что кружковцы на заводах мало пишут и слишком много времени проводят на собраниях, обсуждая, как писать, что писать и сколько писать (Источник. 1994. № 1. С. 18).

пореволюционные годы. Они представляли собой чертежи прозрачности смысла, и как таковые они имели больше общего со стерильными формулировками 1930-х и последующих годов, чем с работами начала 1920-х. В каком-то смысле они стали предвестниками глубоких институциональных изменений в политической элите, которые сопровождали политику быстрой индустриализации и насильственной коллективизации в конце 1920-х годов и имели столь серьезные последствия для всех сфер политической и культурной жизни Советского Союза.

Заключение

Опыт Октября

...рассказчик предстает человеком, способным дать слушателю совет... Рассказчик черпает то, о чем он рассказывает, из опыта — из своего опыта или из опыта, о котором он узнал от других. И он в свою очередь делает его достоянием опыта тех, кто является слушателем его историй.

Вальтер Беньямин. Рассказчик, 1936

Очевидно, что проект написания истории Октября не до конца удовлетворил чаяния и мечты его создателей. Единого нарратива об Октябрьской революции в первое десятилетие не возникло, по крайней мере в том виде, в каком он был задуман участниками Истпарта или юбилейных комиссий. Освоить искусство повествования, для чего советская власть предоставила широчайшую сцену, оказалось не так просто. Тем не менее в первое десятилетие после 1917 года рассказ об Октябрьской революции стал основным языком, на котором бывшие граждане царской империи формулировали и *осознавали* себя членами коммунистического государства — государства, которое представило своим гражданам радикально новый политический и языковой ландшафт. Опыт Октябрьской революции как таковой можно было познать только внутри этого ландшафта, определяемого не в географических, а в понятийных терминах. Вне его Октябрь существовал просто как государственный переворот. Поэтому силу Октября как основополагающего события следует оценивать именно в акте повествования.

Масштаб проекта и отсутствие жизнеспособного и последовательного контрнарратива внутри Советского Союза обеспечили людям целый спектр возможностей пережить события октября 1917 года. Как писал в 1921 году американский радикальный журналист Альберт Рис Вильямс, «революция заполнила собою все, о ней свидетельствовали знамена, призывы, демонстрации и митинги» [Вильямс 1960: 218]. Эта заключительная глава представляет собой попытку представить подобные встречи с Октябрем: от кажущегося непосредственного опыта до более динамичных взаимодействий. Как мы увидим, глубина и подлинность переживания Октября не зависела от личного присутствия очевидца на арене истории.

Личное присутствие

Историю Октября в СССР можно было услышать, просто пройдя по улицам, переименованным в честь революции в первые годы большевистского режима. Чтобы пересечь Петроградский район, теперь нужно было пройти по проспекту Карла Либкнехта и улице Красных Зорь. Рабочие шли из своих районов в центр города по мосту Равенства, направляясь к площади Жертв Революции, где их внимание мог привлечь новый памятник «Борцам Революции», установленный в 1919 году. Повернув на юго-запад по набережной к площади Урицкого перед Зимним дворцом, они выходили к памятникам Карлу Либкнехту и Розе Люксембург, установленным здесь в 1920 году, или к расположенному рядом бюсту писателя А. Н. Радищева. Прогулка от площади Восстания по Советскому проспекту могла привести их в Смольный, где они наблюдали точеные черты Карла Маркса. Даже если биографии всех этих личностей не всегда были знакомы прохожим, новые памятники одним своим присутствием, а зачастую стилем и формой, служили символами изменившихся времен, напоминанием о могуществе и возможностях нового режима. Эти напоминания могли принимать вполне явную форму: например, открытие нового памятника Марксу и Энгельсу в Москве состоялось в первую годовщину Октября и сопровождалось речью Ленина.

Пройдет время, черты этих статуй растворятся под петроградским дождем, прохожие перестанут их замечать, но какими же новыми они казались горожанам в те первые годы! Пустые места, оставшиеся после уничтожения изваяний царской эпохи, были в свою очередь мрачным напоминанием бывшим привилегированным слоям о том, что их место в обществе радикально изменилось. Исчезли со зданий и монументов двуглавые орлы, исчезли названия Троицкого моста, Дворцовой площади, Знаменского сквера, Суворовского проспекта — сложились черты совершенно иного Петербурга. Даже если названия улиц или площадей сохранялись в народном обиходе, эти акты официального забвения не стоит недооценивать.

Многие познакомились с Октябрьской революцией в тот период через официальные шествия, демонстрации и празднования, которые официально определяли места революции в центре города. Тщательно спланированные мероприятия вполне могли стать для большинства первой точкой соприкосновения с новым режимом: официальное закрытие магазинов и повышенное присутствие сил безопасности на улицах были видимыми признаками важного дня, настраивавшими человека на значимость церемонии. Беньямин отметил, что хроника подобных парадов и массовых митингов по всей Европе в современную эпоху позволили массам «взглянуть самим себе в лицо» неизвестным до недавнего момента образом [Беньямин 2021: 191]. Наиболее эмоциональный из этих официальных ритуалов, «красные похороны», был основан на традиции. Некоторым наблюдателям, несомненно, не нравился их светский характер. Возможно, это было типичное для консервативно настроенного интеллектуала отвращение, как охарактеризовала Мерридейл реакцию Готье: «В другом месте своего дневника Готье пишет о революционерах как о “гориллах”, противопоставляя их тем верующим, которых увидел на отпевании погибших студентов в церкви Большого Вознесения. Этот образ делает концепцию “революции снизу” довольно зловещей, как будто бы сама толпа была абсолютно бездушной, способной

мрачно “перешагивать через мертвые тела” [Мерридейл 2019: 118]. Может быть, «красные похороны» противопоставляли обращению с погибшими юнкерами и студентами на их похоронах или общему отношению нового режима к «неревolutionонным» погибшим. Другие, возможно, приветствовали идею, стоявшую за новыми похоронами. Изменившийся язык и структура ритуала выставляли павших жертв в совершенно новом свете. Дрожь эмоций, которую испытала молодая комсомолка на «красных похоронах» в ноябре 1917 года при виде развернутого красного знамени и звуках триумфального марша, была результатом того, что она переживала смерть своей подруги как в традиционной, так и в специфически революционной вариации похорон¹.

Проживание таких событий неизбежно обогащалось ассоциациями, которые они сознательно и подсознательно вызывали у человека. Наблюдая за массовым представлением штурма Зимнего дворца в ноябре 1920 года, зритель мог вспомнить более ранние торжества по случаю 300-летия Романовых в 1913 году, грандиозность и помпезность которых представляли собой совершенно иную драму власти. Шум, стрельба, дым и толпы неизбежно производили впечатление на некоторых людей: они чувствовали — здесь празднуется великое событие. «Когда говорят — “Октябрь”, — писал Пиотровский по случаю штурма Зимнего дворца Евреинова, — вспоминаются ветреные осенние ночи, гневные толпы, пожары и трескотня пулеметов»². Участник одной из юбилейных демонстраций в честь Октября вполне мог присутствовать на предыдущем массовом шествии в январе 1905 года, которое закончилось расправой над участниками. Этого человека могла поразить разница в символах этих собраний: религиозная символика шествия к Зимнему дворцу под предводительством отца Гапона контрастировала с имперскими символами царского режима, а те, в свою очередь, контрастировали с политическими символами революционного митинга.

¹ Цит. по: [Peris 1998: 136].

² Жизнь искусства. 1920. № 602–604. 8 нояб. С. 1.

Опыт памяти

В революционной России 1920-х годов многие проживали историю Октября через воспоминания, чаще всего заказанные и оформленные государством. Школьники, которым в ноябре и декабре 1917 года предложили написать сочинения на тему «Что я знаю о русской революции», делились самыми разными впечатлениями: «В дни революции была очень весело. И русскую революцию никогда не забуду»; «Те люди, которые шли за Лениным назывались большевиками, а те люди, которые шли за временное правительство, — социалисты»; «Преезжай эмигрант Ленин был очень неудовлетворительный и злой человек»³. Невинность или отсутствие политической осведомленности детей не увеличивали подлинность или надежность их впечатлений, хотя инициатор этого мероприятия и утверждал обратное. Как и все остальные, дети формулировали свои впечатления в терминах революционного лексикона того времени, и их сочинения отражали неопределенность новых политических ярлыков и общественные споры о значении действий большевиков в октябре 1917 года. Школьные сочинения были *одновременно* и подлинным личным опытом, и выражением доминирующей политической культуры того периода.

В этом смысле опыт, пережитый Николаем Подвойским во время Октябрьской революции и выраженный в его неоднократных воспоминаниях о своей роли во взятии Зимнего дворца, не более аутентичен, чем опыт этих детей, и не менее аутентичен, чем переживания «простого» рабочего или солдата. Октябрьская революция как таковая возникла только в процессе ее «рассказывания». Пережить и запомнить ее можно было лишь в рамках этого процесса. По мере того как складывалась история Октября, воспоминания Подвойского приобретали черты этой истории, становились, по словам одного советского исследователя, «более динамичными и картинными», поскольку он пытался «приблизить описание исторических событий к художественному повест-

³ Огонек. 1992. № 44–46. С. 31–32. Сохранена орфография оригинала. — Ф. К.

вованию» [Борозинец 1964: 60]⁴. Если проанализировать серию его воспоминаний с 1919 по 1927 год, то можно заметить, что в них не столько меняются конкретные детали, сколько добавляется драматизм и страсть. Так, если в 1919 году его рассказ состоял в основном из голых фактов, то к 1927 году возникло гораздо более художественное и *наполненное смыслом* повествование о штурме Зимнего дворца как центральном событии Октябрьской революции и его собственной революционной жизни.

Когда возникло «всеобъемлющее событие» Октябрьской революции, в акте воспоминания проявилась и роль Подвойского в нем. Когда партия большевиков стала главным действующим лицом Октября, Подвойский стал главным действующим лицом партии большевиков. Согласно его мемуарам, он часто руководил инициативами советского режима по празднованию Октября, и в результате возглавил Десятую юбилейную комиссию по подготовке мероприятий. В этой роли он смог поддержать проекты по созданию выдающихся воплощений октябрьских событий на экране, в частности, «Октябрь» Эйзенштейна. В марте 1927 года он был одним из гидов Эйзенштейна и Александрова в их поездке по Ленинграду в поисках мест для съемок [Красовский 1965: 45]. Важность роли, которую он сыграл во время Октябрьской революции, была еще раз подтверждена его появлением в этой ленте, а также тенденцией этого и других фильмов увековечивать и героизировать конкретных людей. Он, как и другие лидеры большевиков буквально видели себя как актеров — в главных ролях истории революции⁵. Этот фильм, пишет фон Гельдерн, перечеркнул ранние воспоминания Подвойского о его участии во взятии Зимнего [von Geldern 1993: 3]. Хотя фильмы Эйзенштейна, безусловно, создавали революционные

⁴ Сравнение различных версий воспоминаний Антонова-Овсеенко его сыном см. в [Антонов-Овсеенко 1966: 203–219].

⁵ В рекламе фильма «Москва в октябре» Барнет обещал: «В фильме можно будет увидеть: Сталина, Рыкова, Бухарина, Ярославского, Уланова <sic!>, Скворцева-Степанова». Лейда пишет, что Эйзенштейн нашел дублеров для всех известных участников событий, даже для членов кабинета Керенского [Leyda 1983: 237].

образы огромной силы и влияния, образы и воспоминания Подвойского об Октябре с их нарастающим драматизмом лучше анализировать как развивающиеся в сложной зависимости друг от друга.

Динамика проживания Октябрьской революции Эйзенштейном как часть его фильма «Октябрь» также заслуживает более пристального изучения. Эйзенштейн находился в Петрограде на протяжении всего 1917 года и даже был свидетелем событий июльских дней, но не претендовал на статус участника событий, который придавал авторитет воспоминаниям Подвойского. Вместе с тем опыт Эйзенштейна был не менее ярким и личным, чем у Подвойского. Более того, их переживания были поразительно похожи по тону и содержанию, поскольку каждый из них формулировал их как часть большого процесса создания Октября как основополагающего события — процесса, которому они посвятили себя как революционеры. Каждый рассматривал свою роль как борьбу, как аргумент, который нужно было активно отстаивать. Когда в качестве темы для фильма о революции 1905 года Юбилейная комиссия предложила восстание на броненосце «Потемкин», Эйзенштейн не был знаком с этим эпизодом. С детства он помнил скорее мятеж на борту крейсера «Очаков» во время Севастопольского восстания. Однако режиссер не видел проблемы в том, чтобы сделать потемкинский мятеж объектом своего внимания, тем более что «его помнили хуже. О нем говорили меньше». Вдохновленный желанием восстановить это воспоминание, которое «изгладилось из памяти», Эйзенштейн начал читать о восстании, обратившись к источникам, составленным из воспоминаний, сделанных в середине 1920-х в рамках попытки представить мятеж на «Потемкине» как событие героического масштаба. Для него этот эпизод стал квинтэссенцией «генеральной репетиции Октября»:

А эпизод действительно таков, что в нем звучат почти все мотивы, характерные для великого года. Восторженность на Одесской лестнице и зверская расправа перекликаются с Девятым января. Отказ стрелять в «братьев», эскадра, пропускающая мятежный броненосец, общие настроения

поголовной солидарности — все это перекликается с бесчисленными эпизодами этого года во всех концах Российской империи, передающими потрясение ее основ [Эйзенштейн 1964–1971, 1: 120–121]⁶.

Александров и Эйзенштейн часто отмечали препятствия, которые им пришлось преодолеть, чтобы снять «Октябрь». Они даже называли его создание своего рода «киноштурмом»⁷. Александров вспоминал о разногласиях среди видных художественных и политических деятелей по поводу того, насколько уместен актер или двойник Ленина в фильме и какими должны быть его движения (спокойные или энергичные). Однажды инсценировка уличной демонстрации для сцены Февральской революции была остановлена местными большевиками из-за буржуазных лозунгов на транспарантах [Александров 1983: 101–104]. 26 апреля 1928 года режиссеры выразили свое мнение, что в процессе создания картины был утрачен «пафос борьбы» Октябрьской революции:

Вместо активного руководства нам приходилось встречать в лучшем случае «непротивление» нашей инициативе, а в подавляющем большинстве даже отсутствие содействия. Вследствие этого мы были вынуждены находиться в состоянии постоянной борьбы с пассивностью за возможность снимать вообще, и постоянно прибегать к помощи общественных и партийных организаций [Красовский 1965: 53–54].

Проживание Эйзенштейном Октябрьской революции через «Октябрь» было определено и сформулировано как коллективное действие. Работа над сценарием формально началась, когда осенью 1926 года Калинин вручил Эйзенштейну экземпляр книги Рида «Десять дней, которые потрясли мир», хотя, судя по

⁶ См. один из самых известных источников о восстании на «Потемкине», созданных в то время в [Невский 1924].

⁷ Вечерняя Москва. 1928. 8 марта. С. 3.

всему, тот уже был с ней знаком [Александров 1983: 99]. «Октябрь» действительно перекликался с мощной повествовательной образностью произведения Рида и поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин». В августе 1926 г. руководитель политпросвета Советского Союза прислал Эйзенштейну список мемуаров, которые должны были помочь ему в подготовке. Историк А. В. Ефимов написал очерк «Октябрь» как основу для сценария [Красовский 1965: 41]. Александров вспоминал, что он перелопатил «горы документальных материалов», представляя себе многосерийный фильм, охватывающий февраль 1917 года и конец Гражданской войны; он встречался с историками, а также с писателем Александром Серафимовичем, «чтобы полнее представить себе материал» [Александров 1983: 99–100]. И Александров, и Эйзенштейн читали различные черновики сценария на собраниях участников событий и проводили вечера с членами Общества старых большевиков, расспрашивая о подробностях — в частности, о встрече Ленина на Финляндском вокзале [Там же: 107]. Эйзенштейн консультировался с Шуб, которая показала его группе собранную ею оригинальную хронику, а также изучил сотни новостных фотографий [Leyda 1983: 231]⁸. Его группа обходила улицы и площади Ленинграда с многочисленными «участниками революционных событий», обсуждая с ними ключевые моменты революции [Александров 1983: 107]. Во время экскурсии по Ленинграду с Подвойским в качестве гида Эйзенштейн посетил Смольный, Зимний дворец и Петропавловскую крепость — «следы Революции», как он назвал их в своем дневнике в то время⁹. Эта прогулка прямо повлияла на те две-три тысячи метров пленки, которые он выбрал для фильма из 40 тысяч метров отснятого материала.

---

⁸ Одна из таких фотографий, изображавшая бегущих июльских демонстрантов в Петрограде, была настолько точно продублирована Эйзенштейном в «Октябре», что стоп-кадр этого эпизода воспроизводится так же часто, как и оригинальная фотография, для иллюстрации исторического события [Leyda 1983: 232].

⁹ Цит. по: [Красовский 1965: 45].

Работа Эйзенштейна над «Октябрем» вовлекла широкие круги людей в подготовку, создание и в конечном счете просмотр фильма, давая им, в свою очередь, повод сформулировать свой личный опыт, связанный с Октябрьской революцией. В июне 1927 года, готовясь к съемкам сцен штурма Зимнего дворца, режиссер записал в дневнике, как они «восстанавливали боевые операции взятия» на собраниях, созванных Истпартом и партийными комитетами, а также с помощью газетных извещений: «Участники вели горячие споры, страстно добивались точности событий. Вырисовывались несколько вариантов — мирились на одном» [Красовский 1965: 50]. Александров вспоминал, как Соколов, игравший в фильме Антонова-Овсеенко, тормозил работу, постоянно давая советы и отвергая любые идеи, и как его приходилось «держат в узде» [Александров 1983: 111]. Александров хорошо знал о разнообразии мнений и переживаний на каждом этапе подготовки фильма: 10 октября 1927 года он присутствовал на конференции «Участников Октябрьского переворота», где читал их совместный с Эйзенштейном сценарий¹⁰. На этом собрании оспаривались различные детали сценария, в том числе трудности с тем, чтобы заставить «Аврору» выпустить снаряды по Зимнему дворцу в нужный момент, время начала некоторых эпизодов, описанных в сценарии, присутствие определенных лиц в определенные моменты и необходимость большего количества сцен, изображавших Июльские дни. В основном критиковали то, что сценарий плохо отражает спонтанность в действиях некоторых военных частей, управлявших революцией, указывая на то, что они были готовы, обучены и не ждали «какого-либо распоряжения итти брать власть»¹¹. Роль матросов, по мнению участников восстания, также была недооценена: один участник вспоминал их «мерные непреклонные шаги» и «очень решительный революционный вид» во время восстания¹². Другие считали, что слабо была показана роль женщин в Октябрьской революции

¹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 63. Л. 27–54.

¹¹ Там же. Л. 32.

¹² Там же. Л. 36.

(в отличие от Февральской). Некоторые спорили о самом руководстве революцией: Троцкий получил слишком заметную роль в сценарии, отметил один участник, добавив, что в бурные Июльские дни тот приказал своему гарнизону отступить. Куделли добавила, что в сценарии недостаточно внимания уделено Ленину, подкрепив свои аргументы собственными воспоминаниями о том, что Ленин «серьезно» следил за ключевыми моментами восстания и, по ее мнению, вел «учет настроениям рабочей массы»¹³. Кто-то заметил, что, несмотря на ошибки Троцкого, его нужно было показать в фильме, раз был показан Ленин, — и добавил под смех собравшихся: «меня хоть и зовут троцкистом»¹⁴. Другие утверждали, что роль масс в революции заслуживала даже более высокого приоритета, чем роль вождей. Один из слушателей выступил против использования в сценарии фразы «маленький рабочий человек» в отношении масс, потому что она предполагала, будто русские рабочие уступают своим «большим и рослым» товарищам в Европе¹⁵. Но чаще всего присутствующие на этом вечере возражали против отсутствия в истории четко сформулированной роли большевистской партии: «Мы не видим в ней большевиков... Где же тут большевики, где тут большевистская масса?»¹⁶ Предлагали показать отдельные эпизоды, которые можно было бы использовать для передачи этой их роли: преследование партии после Июльских дней, создание большевистской прессы, массовые собрания и агитация на заводах и в воинских частях. Позднее Александров вспоминал, как в одной из сцен кто-то нес плакат с надписью «Фракция большевиков». «Сплоченная, закаленная партия большевиков практически возглавила революционный народ, — писал он, — а в кадре маячит “Фракция большевиков”». Эйзенштейн разделял все эти опасения и написал своему соавтору в августе 1927 г.: «и “фракция” прет как черт те что», — предложив переснять сцену [Александров

¹³ Там же. Л. 34.

¹⁴ Там же. Л. 44.

¹⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 63. Л. 41.

¹⁶ Там же. Л. 35.

1983: 107–109]. Очевидно, что и Эйзенштейн, и Александров рассматривали критику сценария как искренние и потенциально ценные замечания очевидцев, к оптике которых они хотели приблизиться.

Как показал этот обмен мнениями, после десятилетия создания истории Октября основные элементы его повествования в целом сложились. Многие утверждали, что такое «крупное и веское» событие, как Октябрьская революция, требовало создания серии фильмов стоимостью в миллионы рублей и стоящих наравне с эпопеей Фрица Ланга «Нибелунги», а не запланированного 80-минутного фильма стоимостью в четверть миллиона¹⁷. Никто не оспаривал принципиальность или цель самого упражнения — сам факт внесения поправок в сценарий утверждал Октябрьскую революцию как данность. По мнению Мориса Хальбвакса, одна из целей коллективной памяти — убедить людей в совместности акта переживания [Хальбвакс 2007: 119–154].

Собравшимся, конечно, были хорошо известны *политические* границы возможного в социалистическом государстве в 1927 году, выявление которых составляло неотъемлемую часть всего процесса повествования истории Октября. Сформулировать свой опыт Октября по определению означало познать границы политически допустимого. Это было справедливо как для нашего воображаемого рабочего, путешествующего по новому политическому ландшафту Петрограда в 1919 или 1920 году, так и для большевика, участвующего в вечере воспоминаний в 1927 году. Эти ограничения могут быть незаметно переданы через новый революционный памятник, едва замеченный прохожими; они могут исходить из уст тех, кто редактировал бесчисленные тексты об Октябре до их включения в опубликованные сборники¹⁸ — или непосредственно из уст Сталина, приказавшего Эйзенштей-

¹⁷ Там же. Л. 50–51.

¹⁸ На вечере воспоминаний в ноябре 1920 г. Савельев вспоминал, как в Июльские дни думал: «мы не можем являться господами этой массы». Анонимный редактор изменил стенограмму так: «Масса нас захватывает и несет» (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Ед. хр. 81. Л. 4).

ну вырезать из «Октября» сцены с участием Троцкого [Александров 1983: 117].

Опыт Троцкого хорошо проиллюстрировал опасность попытки раздвинуть эти границы. Он считал, что в первое десятилетие революционный апофеоз был предан изнутри партии, и сделал ставку в своей политической карьере на неудобную переоценку Октябрьской революции, которая открыто испытывала пределы зарождающегося нарратива. Однако даже после изгнания Троцкий продолжал отстаивать подлинность своего опыта Октября внутри организации, которая придала этому опыту смысл, — большевистской партии. О пагубности его ереси в партийных кругах свидетельствует не столько его отлучение от партии и окончательная высылка из Советского Союза в январе 1929 года, сколько заполненная им в октябре 1927 года анкета, которую Истпарт направил ему как одному из «активных участников Октября». Воспоминания Троцкого об Октябрьской революции были заклеены как «грубейшие фракционные выходки против партии»¹⁹. Память Троцкого об Октябре была признана нелегитимной, его опыт перестал быть частью признанного общего опыта.

Но чаще всего рамки октябрьского нарратива не подвергались серьезным сомнениям, а отдельные люди нередко демонстрировали готовность вписать свой опыт в эти рамки. В декабре 1926 года Борис Пинсон предложил центральному Истпарту провести исследование революции и Гражданской войны на Северном Кавказе. Пинсон прибыл туда в начале 1918 года в качестве члена Всероссийского исполнительного комитета Советов, прикомандированного к Наркомтруду для создания сети органов продовольственного снабжения. Свою работу он задумывал не как «воспоминание», а как «серьезную обработку материалов». В первом письме с предложением проекта он рассказал, что прибыл на Кавказ, когда советская власть только зарождалась, а партийные организации и Советы были едва созданы и плохо структурированы. Он предложил начать исследование с Октябрем

---

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 288.

ской революции, хотя и отметил, что на Северном Кавказе она запоздала на четыре-пять месяцев²⁰. Однако уже через несколько месяцев Пинсон ясно представил себе необходимые контуры такого исследования, и в течение 1927 года направил сотрудникам Истпарта письмо и наброски, которые должны были развеять их прежние опасения по поводу содержания работы. В этих материалах Пинсон выразил свое понимание того, что после Февральской революции партия перестраивается и становится реальным лидером революционных процессов, происходивших на Северном Кавказе с 1917 по 1920 год. Он пообещал, что в его исследовании партия будет представлена как единственная ведущая политическая организация и как глава рабочих, горцев и крестьян в те годы. В качестве отступления в работе будет признано руководство Лениным основной группой партийных товарищей, работавших в то время на Северном Кавказе. Пинсон также отметил предварительный характер работы и пообещал, что она будет серьезно перерабатываться на разных этапах²¹.

Гораздо важнее, чем окончательный отказ центрального Истпарта от этого проекта, была легкость, с которой Пинсон мог формулировать и переформулировать свой опыт внутри общего октябрьского повествования²². Независимо от того, чем он изначально руководствовался — научными или материалистическими мотивами, стремлением к самовозвеличиванию, обманом или самообманом (или всем вышеуказанным), — он сумел понять язык артикуляции и границы возможного в коммунистическом режиме²³.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 13, 11, 12. Истпарт выделил Пинсону тысячу рублей для помощи в научной работе (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 6).

²¹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 10. Это действительно было отражено в прилагаемом наброске (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 15–25).

²² Проект был отменен после того, как рукопись была отклонена краевым комитетом (крайкомом) партии на Северном Кавказе (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 9, 28).

²³ Аналогичный пример из Смоленска см. в [Hickey 2000: 1–19]; также [Holmes 1979: 224–242].

Коллективная память

Ни один из этих опытов не был индивидуальным. Все они были в той или иной форме коллективными переживаниями. Однако проект по созданию истории Октября стал своего рода оригинальным форумом для коллективных воспоминаний в течение первого десятилетия. Вечера воспоминаний дают возможность изучить динамичный процесс проживания Октября в рамках коллективного воспоминания²⁴. Они представляют собой важнейший предварительный этап артикуляции памяти, пока воспоминания, полученные на них, не были отредактированы, дополнены и опубликованы в журналах или в виде книг. Несомненно, это были хорошо срежиссированные мероприятия. Перед самым вечером часто проводились подготовительные встречи, после чего, по словам руководителя московского бюро, «воспоминатели приходят вполне подготовленными к определенной теме»²⁵. На такие вечера допускались только «участники событий и члены Истпарта»; их не могло быть больше тридцати. Участников просили заранее набросать свои воспоминания и принести с собой бумагу и карандаш, чтобы дополнять записи, если во время обсуждения им что-то придет в голову. Также их просили принести любые «газеты, приказы, фотографии, черновики, заметки, и т. д.», относящиеся к тому периоду. Все это нужно было отдать организаторам вечера на выходе²⁶.

Как говорилось в руководстве 1925 года, если рассказ участника был неполным, другие должны были дополнить его; «даже сознательные опущения некоторых деталей рекомендуется в тех случаях, когда таким путем можно вызвать на дополнительные рассказы присутствующих» [Невский 1925: 62]. Вечера обычно

²⁴ Приведенный ниже анализ взят из неопубликованных стенограмм нескольких вечеров воспоминаний, состоявшихся в 1926 и 1927 гг. (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 2103. Л. 1–5; Оп. 6. Д. 43. Л. 1–40; Д. 70. Л. 1–17; Д. 42. Л. 1–18; Д. 90. Л. 1–39, 40–77).

²⁵ Бюллетень Истпарта. 1924. № 2. С. 11.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 30.

посвящались определенной теме, пусть даже нечетко определенной, например: 1905 год, Июльские дни или Октябрьские дни. Другие касались конкретной проблемы: например, Московское бюро рекомендовало провести вечер на тему «Февральская революция в Москве и участие в ней нашей партии» из-за «неясной» роли партии в ней. Бюро проинформировало все свои районные и уездные бюро о необходимости провести подсчет «всех активных участников в февральском перевороте» и всех товарищей, работавших в большевистских организациях Москвы и провинции в недалеком прошлом с целью приглашения их на вечер²⁷.

На этих вечерах у октябрьского повествования был свой хранитель в виде председателя, часто назначаемого и присылаемого центральным Истпартом. Председатели иногда посещали методические совещания, на которых обсуждали, как нужно проводить подобные вечера, и получали списки актуальных вопросов о прошлых событиях, которые нужно было задавать участникам²⁸. Председатель часто назначал президиум из числа собравшихся: им не разрешалось возражать против его состава. Председатель и президиум могли придать торжественность вечеру, попросив всех присутствующих встать, чтобы «почтить память погибших борцов революции», — и этот ритуал периодически повторяли отдельные ораторы²⁹. Они могли быть и более категоричными в своих правилах. Подвойский, например, на одном из вечеров попросил собравшихся не прерывать чтение сценария «Октября», чтобы они могли получить представление о фильме Эйзенштейна «в целом». Выступления председателя и президиума недвусмысленно обозначали границы политической приемлемости, сложившиеся к середине 1920-х годов. Подвойский вмешался в дискуссию о роли Троцкого в Октябре с комментарием, что Троцкий был эффективен во время революции только потому, что Ленин играл на окружающих «как на арфе», предви-

²⁷ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 216. Л. 41.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 248. Л. 8.

²⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 43. Л. 1.

дя и предотвращая их ошибки³⁰. У участников не оставалось никаких сомнений в политическом значении их работы на этих вечерах. Вечер воспоминаний, как отмечал один из председателей, был «как бы партийной работой, своего рода партийной нагрузкой, партийной обязанностью для партийцев и классовой работой для беспартийных рабочих»³¹. «Правильное» или «неправильное» поведение было частым критерием оценки прошлых поступков³².

Председатель и президиум вместе следили за тем, чтобы участники не сбивались и не перебивали друг друга. Для этого председатель мог представить собравшимся краткий обзор истории Октября. На вечере, посвященном девятой годовщине, Куделли подробно рассказала о необходимости «перспективы» для тех, кто был выбран в связи с активным участием в событиях 21 апреля, 18 июня, Июльских дней и т. д. Она напомнила им, «как постепенно шла, развивалась революция в Ленинграде вообще и как назревал октябрьский переворот». Чтобы воспоминания не были «слишком разбросанными», Куделли перечислила «этапы» Октябрьской революции, начиная с приезда Ленина в Петроград, революционных демонстраций 21 и 22 апреля в связи с обещанием Милюкова продолжить участие России в войне, «революционного возбуждения» на заводах и фабриках и так далее. Она попросила присутствующих направить «самое серьезное внимание на Красную Гвардию»:

Надо сказать определенно и твердо, что в Февральской Революцию рабочие прежде всего схватились за оружие. Так как Красной Гвардии тогда еще не было, то они добывали оружие у отдельных полков, у отдельных солдат, а потом уже возникла рабочая милиция специально для охраны заводов, а затем уже перешла очень скоро в рабочую Красную Гвардию, которая и сыграла огромнейшую роль в деле Октябрьской революции.

---

³⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 63. Л. 44, 45.

³¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 2103. Л. 2.

³² ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 90. Л. 14.

Наконец, Куделли упомянула Зиновьеву, Каменеву, Алексея Рыкова и Ногина, которые посчитали призыв Ленина к восстанию преждевременным и в результате покинули ЦК. «Если мы оставим свое внимание на этих этапах, мы сможем себе представить яркую картину», — резюмировала Куделли³³.

Однако истинная сила повествования заключалась в его способности делать рассказчиков из слушателей, что интуитивно понимал один из вдохновителей вечеров воспоминаний. На подготовительном совещании по поводу сценария «Октября» Подвойский признал динамичность процесса коллективного воспоминания, выделив одного из участников в качестве примера:

Вот например этот товарищ [указывает]. Я не помню вашей фамилии: Дело в том что вокруг него, как только он начнет вспоминать, образуется целая аудитория, которая его слушает, а с другой стороны около него образуется целая армия тех, кто также начинает вспоминать: «Ага, это было. А помнишь, в том-то уголку я то-то и то-то сделал, я говорил о том-то, скрыл того то, поддержал тогда-то и т. д.» И получается, что рабочие, которые никогда не думали, что могут быть участниками написания истории, объединившись вокруг такого активного участника, тем самым комплектуются в особую армию элементарных, примитивных практиков истории.

Акт коллективного воспоминания, по мнению Подвойского, мог наполнить сценарий не только историческими подробностями, но и «наиболее полным, наиболее сочным и наиболее красочным материалом»³⁴. Как говорилось в опубликованном в то время руководстве, на этих вечерах можно было услышать «яркие, красочные, захватывающие» воспоминания, создать своего рода полотно из личных переживаний [Невский 1925: 62].

История Октября росла и оформлялась по мере того, как председатель и присутствующие раз за разом повторяли отдельные ее части. Участники вечеров были связаны определенными

³³ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 43. Л. 2–12.

³⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 2103. Л. 4, 1.

общими идентичностями или опытом, которые подкреплялись коллективным актом рассказывания. На этих мероприятиях собирались группы людей, работавшие в партийных организациях в одно и то же время, на одном заводе или в одном и том же районе³⁵. Они вспоминали, как в течение 1917 года их партийные организации из незначительной группы превращались во влиятельный комитет, и неизменно указывали на момент, когда из организации исключали меньшевиков и эсеров (часто — после корниловского восстания)³⁶. Так, вечером 6 июня 1927 года на вечере воспоминаний были собраны женщины-работницы из одного района, многие с одной фабрики. Своими воспоминаниями они создали ощущение революционной сознательности как для своей группы, так и для своего пола, выделив себя из основной массы работниц 1917 года, которых они обычно представляли как политически отсталых. «Мы будем также велики как и мужчины», — сказала одна из этих женщин под аплодисменты аудитории³⁷. На другом вечере в октябре 1926 года собравшиеся возвысили себя, отметив революционную безупречность своих прошлых действий — например, когда они помешали товарищам напиться вином: «Имелась только небольшая группа сознательных коммунаров, которая уговаривала не пить»³⁸.

Участники вечеров находили общий язык, рассказывая о своих переживаниях из недавнего или более отдаленного прошлого. Они делились своими страданиями от рук местных крестьян или казаков во время Гражданской войны³⁹. Они вспоминали о преследованиях со стороны объединенных комитетов меньшевиков, эсеров и кадетов, которые продолжались до 1918 года, и осуждали их как «шпионов, провокаторов, безумцев»⁴⁰. Или же напротив — гово-

---

³⁵ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Ед. хр. 216. Л. 42; ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 90. Л. 40.

³⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 90. Л. 29–30.

³⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 70. Л. 14.

³⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 42. Л. 9.

³⁹ Там же. Л. 3, 8.

⁴⁰ Там же. Л. 3.

рили о прошлом сотрудничестве с некоторыми из этих групп. Один из собравшихся отметил, что до Октября большевики, меньшевики и эсеры в подполье были «как будто объединены против общего врага»⁴¹. Опыт работы в дореволюционном подполье даже помог им найти общий язык с членами других партий, по крайней мере на некоторое время. Некоторые бюро приглашали местных меньшевиков и беспартийных участвовать в своих вечерах, хотя иногда это встречало возражения со стороны других участников или местных партийных организаций⁴². Те, кто жил во время Октября в эмиграции, вспоминали о своем опыте как о времени общего дела перед враждебным лицом приютивших их стран⁴³.

Интересно, что такого рода воспоминания укрепляли не только существующую групповую идентичность, но и давали понять, что некоторый опыт был личным, даже эксклюзивным. На вечере в клубе Коминтерна в октябре 1926 года участники вспоминали, как они собирались до революции небольшими группами из трех-четырёх человек на окраинах города, горячо спорили до поздней ночи, учили своих товарищей «маршировать, петь песни, владеть оружием». Они вспоминали сложные, заговорщические условия 1905 года, в частности, опасность полицейских облав и необходимость постоянной бдительности⁴⁴. На этих вечерах участники оценивали свои прошлые действия с точки зрения нынешней последовательной политической идентичности, чтобы противопоставить свое настроение «пестрым» или «анархистическим» настроениям среди рабочих Петрограда в 1917 году⁴⁵. Они определяли лозунги, которые видели и слышали в 1917 году, как большевистские (или иные). Так, один из

---

⁴¹ Там же. Л. 15.

⁴² На одном из таких собраний делегат вмешался, заявив, что «меньшевиков в Окружке не было». Петроградский комитет РКП возражал против включения «беспартийных стариков» в вечер воспоминаний о гапоновском движении (Бюллетень Истпарта. 1924. № 2. С. 11, 10).

⁴³ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 42. Л. 1.

⁴⁴ Там же. Л. 11, 15.

⁴⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 90. Л. 3, 4.

участников вечера 15 октября 1927 года вспомнил, что видел на антицаристской демонстрации в марте 1917 года транспарант с лозунгом «Хлеба, война — войне», добавив: «В настоящее время мы понимаем, что этот лозунг был не истинно ленинским, не истинно большевистским, потому что в то время Лениным был брошен лозунг “превращение империалистической войны в гражданскую”»⁴⁶. Те, кто были членами большевистской партии до Октября, подчеркивали свою обособленность в заводских комитетах или объединенных организациях. Обычно они оказывались в меньшинстве, окруженные меньшевиками и эсерами⁴⁷. Те, кто не состоял в партии, неизменно указывали на общую нехватку в те годы «самостоятельных, твердых большевиков»⁴⁸. Неопределившиеся же отмечали обилие партий, боровшихся за народную поддержку в течение 1917 года, и неизбежно подчеркивали момент прозрения, когда понимали, где лежат их истинные интересы (и присоединялись к большевикам, часто перейдя из других партий): «После июльского переворота они показали себя и рабочие стали разбираться, что значить большевик и что значит меньшевик, что значит партия народной свободы и что значит анархист»⁴⁹. В 1917 году люди не просто вступали в партию, но, как отмечал один участник вечера воспоминания, должны были пройти через процесс рекомендаций и строгой проверки⁵⁰. Таким образом создавалось впечатление, что партия большевиков была разборчива в своем наборе, а не гналась за количество участников, как другие партии. Более того, очевидцы и участники революции представляли своих, в то время более многочисленных, оппонентов как менее решительных и идеологически непоследовательных: как «кашу» меньшевиков, эсеров и анархистов, которые ссорились друг с другом на каждом шагу⁵¹.

⁴⁶ Там же. Л. 13. Ср. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 42. Л. 10.

⁴⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 90. Л. 13.

⁴⁸ Там же. Л. 54.

⁴⁹ Там же. Л. 7.

⁵⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 90. Л. 2.

⁵¹ Там же. Л. 36.

Даже сама их численность свидетельствовала о непоследовательности. Так, на одном заводе в Петрограде в 1917 году, вспоминал один из присутствовавших, была «масса эсеров, конечно, этих эсеров впоследствии можно было считать в кавычках»⁵².

Каждый из участников этих вечеров по-своему идентифицировал себя как законного носителя новой советской государственности. Они подтверждали свою классовую принадлежность, называя свой род занятий. Например, одна из работниц предваряла свои воспоминания на вечере в июне 1927 года следующим образом: «Я служила в Международном Банке уборщицей. Многие считали, что я служила конторщицей, но это не так — я была уборщицей»⁵³. На классовую принадлежность можно было ссылаться при отсутствии желаемой партийной принадлежности: «Я был беспартийный, но я придерживался партийных взглядов, потому что я был сыном крестьянина и учитывал положение рабочих», — сказал один из рабочих на другом вечере⁵⁴. Подлинность претензий на принадлежность к новому порядку, конечно, уже была обеспечена самим присутствием людей на этих вечерах. Более того, многие в своих воспоминаниях демонстрировали чувство превосходства над другими членами общества, выделяя себя из невежественных или пассивных масс: «В Смольном было видно, что что-то должно случиться, а на улице ничего не было заметно»⁵⁵.

Многие из участников и очевидцев называли собственные моменты революционного прозрения. Так, один человек, присутствовавший при прибытии Ленина на Финляндский вокзал 16 апреля 1917 года, вспоминал, что слышал, как Ленин сказал: «Да здравствует Социалистическая Республика!» и в этих словах нужно было понять, что революция продолжается дальше и готовится к 25-му Октября»⁵⁶. Даже те, кто утверждал, что в то время плохо понимал значение пережитого («Я даже смутилась

⁵² Там же. Л. 2.

⁵³ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 70. Л. 6.

⁵⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 90. Л. 52.

⁵⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 42. Л. 12.

⁵⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 43. Л. 20.

немного», — сказала на одном из вечеров одна из участниц, а голоса из зала прокомментировали: «Ну и довольно!»), делали это с позиции своего нынешнего состояния революционной сознательности⁵⁷. Это благодатное состояние часто оборачивалось осуждением, направленным на Зиновьева и Каменева за их прошлые колебания. Несмотря на утверждение одного человека, что «заявление т. Зиновьева [против вооруженного восстания] для нас всех тогда было подобно разорвавшейся бомбе», схожие настроения были распространены; по наблюдению этого же человека, та же самая «болезнь» снова поразила этих товарищей девять лет спустя. Он противопоставил неуверенное поведение решительности «передовых бойцов» вроде себя самого, которые были им названы «отдельные маленькие винтики нашей величайшей машины, Ленинской Партии»⁵⁸.

Наиболее конкретные претензии на место в новом режиме исходили от тех участников, которые могли физически вписать себя в историю Октября, отметив свое присутствие в ключевые «моменты» революционной борьбы. Один солдат неоднократно указывал своим товарищам на свое участие в осаде Зимнего дворца накануне его «штурма»⁵⁹. Некоторые отмечали доступ к определенным революционным местам или персонам (наиболее желанными и «престижными» были Смольный и Ленин), к которым широкая публика имела лишь ограниченный доступ. Личная встреча с Лениным или присутствие на одной из его речей стали знаком революционного авторитета. Эти моменты и им подобные неизменно оказывались в центре воспоминаний и автобиографий⁶⁰. В этом же ключе назывались и менее извест-

---

⁵⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 70. Л. 1.

⁵⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 43. Л. 12–18.

⁵⁹ Там же. Л. 21–23.

⁶⁰ Один из участников вспоминал, как помогал Ленину сбежать от полиции в 1905 г., и отметил, что больше не видел его до 1919 года (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 42. Л. 15). Одна из работниц рассказала, как в 1917 году «от имени рабочих» потребовала встречи с Лениным в Смольном под усиленной охраной и получила на нее разрешение (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 90. Л. 32).

ные большевики⁶¹. Участники часто сперва уточняли, где находились в 1917 году, а затем начинали рассказывать, что с ними происходило до или после названной даты. Нередко они подчеркивали свое присутствие в Петрограде в ключевой революционный момент; более того, их *отсутствие* в Петрограде в один из таких моментов могло считаться важным личным фактом. Провинциалы обычно отмечали, где именно их «застала революция»⁶². Некоторые даже расширяли определение революционной деятельности, чтобы включить в него свои собственные действия. Например, на Александровском вечере рабочие, защищавшие во время корниловского мятежа завод боеприпасов, утверждали, что, хотя и не боролись непосредственно против Корнилова, тем не менее занимались защитой революционной собственности: «Мы, у нас в Арсенале, отобрали самых лучших товарищей, для того, чтобы охранять имущество... Боролись на двух фронтах. Боролись патронами и боролись за сохранение имущества»⁶³.

Участники вечеров воспоминаний нередко испытывали при рассказе чувство политического и социального одобрения. Они формулировали свои воспоминания сознательно, как самопровозглашенные участники Октябрьской революции, связанные общим чувством исторической актуальности. Более того, их воспоминания приобретали дополнительную силу благодаря фактуре и глубине повествования. Моменты совместного проживания драматизма, пафоса (и даже сексистский юмор) на этих вечерах глубоко сближали собравшихся. На вечере для работниц Володарского района в июне 1927 года одна из выступавших рассказала трогательную историю о поисках своей дочери, которая в 1918 году ушла служить медсестрой к большевикам. В конце концов она нашла дочь на железнодорожной станции, где та выполняла трудную работу по уходу за ранеными, движимая революционным долгом⁶⁴. На другом вечере одна из женщин

⁶¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 90. Л. 4.

⁶² ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 70. Л. 5.

⁶³ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 63. Л. 47–48.

⁶⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 70. Л. 11.

рассказала о встрече Ленина с крестьянкой на съезде рабочих в Москве в декабре 1918 года. На слова о том, что в ее деревне его считают дьяволом, — вспоминала работница под смех и аплодисменты собравшихся — Ленин ответил женщине, чтобы она вернулась в деревню и рассказала, что видела Ленина, «и у него нет ни рог, ни хвоста»⁶⁵. Другой участник вспомнил слухи о том, что члены женского батальона были изнасилованы теми, кто штурмовал Зимний дворец. Под смех присутствующих он рассказал, что повстанцы просто велели женщинам переодеться из мужской одежды в юбки, а затем отправили их домой целыми и невредимыми, хотя юбки и были слишком короткими⁶⁶.

Вместе с рассказами на этих вечерах связность и текстуру обретали также сформулированные переживания и идентичности рассказчиков⁶⁷. Участники буквально вписывали себя в историю в качестве значимых акторов. В некоторых случаях такое выставление себя героями могло быть совершенно неприкрытым, как в случае с культовыми персонажами, преображенными революцией в «Десяти днях, которые потрясли мир» Рида и отраженными в фильмах Эйзенштейна. В других случаях ситуация была сложнее. Так, одна женщина вспоминала массовое собрание 1800 рабочих на ее заводе в Петрограде в 1917 году, на котором социалист-революционер Виктор Чернов и другие злословили в адрес большевиков, чтобы разжечь массы. Молодая и неопытная девушка вместе с несколькими другими товарищами выступила перед толпой, навлекла на себя ее гнев и в конце концов была спасена рабочими. Наиболее интересным здесь было не клише о героической революционерке, обратившейся со страстной речью к враждебным, политически невежественным массам, а подразумеваемая угроза сексуального насилия, которая придавала рассказу зловещий оттенок: «Я стою с красным лицом и опять хочу выступать, но забравшись на трибуну не успеваю

---

⁶⁵ Там же. Л. 3, 9.

⁶⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 63. Л. 41, 38.

⁶⁷ Это предположение легло в основу исследования революционных историй, рассказанных русскими студентами [Morrissey 1998].

разинуть рта, как меня хватают несколько рук, стаскивают с меня юбку и дают несколько шлепков»⁶⁸.

В своем исследовании динамики коллективного воспоминания Мория Хальбвакс изучил генезис, казалось бы, личных воспоминаний в их сложной взаимосвязи с множеством групповых рамок в любой конкретной культуре:

Часто мы считаем себя авторами мыслей и идей, чувств и страстей, которые на самом деле были вдохновлены группой. Наше согласие с теми, кто нас окружает, настолько полное, что мы вибрируем в унисон, не подозревая о реальном источнике вибраций. Как часто мы выдаем за свои глубокие убеждения мысли, позаимствованные из газеты, книги или разговора? Они настолько хорошо соответствуют нашему взгляду на вещи, что мы с удивлением обнаруживаем, что их автор — кто-то другой [Halbwachs 1980: 44–45].

Все эти созидательные механизмы, действующие в групповой динамике артикуляции памяти, конечно же, сами были сформированы в рамках более широкого процесса повествования истории Октября. Эта амбициозная попытка создать основополагающее событие для нового советского государства была идеологическим проектом. С помощью него лидеры нового государства стремились поменять образ мышления советского населения, изменив способы его артикуляции. Речь шла не только о том, чтобы население усвоило новые термины и категории коммунистического проекта, но и о том, чтобы пригласить людей — а возможно, даже заставить их с помощью социального давления — использовать эти термины и категории для осмысления и артикуляции *своего личного* опыта. В этот момент идеология и личный опыт становились неразделимы. Недавнее прошлое буквально обретало форму *внутри* этих людей, которые становились рассказчиками Октября.

---

⁶⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 70. Л. 8–9.

Эпилог

Теперь я живу в объясненном мире. Я понимаю причины. Чувство огромной благодарности... когда я думаю о тех, кто погиб ради того, чтобы сделать мир объясненным...

Юрий Олеся, 1935

В 1960 году писатель-диссидент Андрей Синявский (под псевдонимом Абрам Терц), который вскоре будет признан виновным в совершении «преступлений» против советского государства, писал:

И для участников революции и для тех, кто родился после нее, память о ней так же священна, как образ умершей матери. Нам легче согласиться, что все последовавшее за ней — измена делу революции, чем оскорбить ее словами упрека и подозрения. В отличие от партии, государства, МГБ, коллективизации, Сталин, революция... оправдана собою, эмоционально оправдана, как любовь, как вдохновение. <...> Ведь мы совершили революцию, как же мы смеем после этого отречься и кощунствовать? Мы психологически зажаты в этом промежутке. Сам по себе он может нравиться или не нравиться. Но позади и впереди нас высятся святыни слишком великолепные, чтобы у нас хватило духу на них посягнуть [Терц 1988: 50–51].

Слова Синявского показательно пренебрежительны по отношению к партии. Трудности советского государства, возникшие при интеграции большевистской партии в историю Октября, привели к тому, что та не заняла в советском обществе такого же важного места, как Октябрьская революция. Первенство партии

никогда всерьез не оспаривалось (по крайней мере после Гражданской войны), но ее ощущение ведущей роли было подорвано критикой в собственных рядах, которая преследовала ее с самого захвата государственной власти. На собрании ведущих большевиков в 1928 году, где обсуждалось происхождение партии, некоторые датировали той или иной работой Ленина, периодом «Искры» или II съездом РСДРП в 1903 году. Другие отмечали Пражскую конференцию 1912 года как «настоящее начало большевистского самоопределения», третьи утверждали, что партия возникла после окончательного раскола между меньшевиками и большевиками в 1917 году, «когда большевики образовали совершенно особую партию»¹. Эти различия во мнениях не были пустым звуком: каждое из них подразумевало совершенно особую концепцию партии. В настоящее время считается, что история большевистской партии лучше всего отражена в канонической «Истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевики): Краткий курс» 1936 г. — работе, написанной в значительной мере под влиянием сталинского эго [Маслов 1988].

Однако в случае с Октябрьской революцией настроения Си-нявского свидетельствуют о сложной психологической связи, которая не позволяла отвергнуть советскую систему даже перед лицом личных страданий. Для тех, кто возводил его храмы, Октябрь был глубоко субъективным переживанием, превращенным в миф революционными мечтами. Для последующих поколений Октябрь также оказался чрезвычайно жизнестойким и важным основополагающим событием. Советские граждане каждый год выходили на улицы, чтобы его отпраздновать [Petrone 2000]. Они формулировали свои чаяния и жалобы в новых терминах и категориях, более того, в новой исторической хронологии², изобретенной в пооктябрьские годы. Они осмыслили Великую отечественную войну как еще один этап «перманентной, разворачивающейся социалистической революции» [Weiner 2001: 8].

¹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 3–4. Обзор собрания опубликован в: Пролетарская революция. 1928. № 4. С. 219–223.

² См. [Garros et al. 1995; Hellbeck 1996: 9–73; Halfin 2000].

Медленный процесс десталинизации, последовавший за смертью вождя в 1953 году, советские политики, начиная с Никиты Хрущева, представляли как возвращение к чистым идеалам Октября. В последние годы существования Советского Союза Михаил Горбачев утверждал, что радикальная политика перестройки и гласности отнюдь не подрывает коммунистический образ жизни, а представляет собой возвращение к основополагающим принципам Советской России, продолжение революционного духа Октября³.

По словам историка Алана Кимбалла, нереализованная «мечта» о революции в Советской России привела к тому, что эпопея Октября должна была «воспеваться снова и снова» в стремлении к окончательному успеху [Kimball 1976: 719]. Всеми, кто пытался использовать Октябрь в новых целях, двигала вера в необходимость поддержания его особого, мифологического статуса среди советских людей. Как и все государства, которые регулярно обращаются к основополагающим событиям с помощью ритуалов и символов, политики СССР, возвращаясь к Октябрю, в первую очередь соприкасались не с историческими событиями, а с атавистическим духом. Даже делая это в корыстных политических целях, они понимали, что этот дух характеризуется преданностью, чистотой идеалов и ясностью смысла, — хотя, возможно, и не до конца осознавали сложности и противоречия первых попыток его создания.

Сегодня западные критики неоднократно и настойчиво объявляют революцию мертвой, как и саму революционную идею⁴. В начале 1990-х публичный суд над КПСС казался последней тщетной попыткой, по словам одного автора, «спасти социализм от большевизма» [Bradley 1994–1995: 3]⁵. Коммунисты в постсоветской России, очевидно, уже даже считаются вполне коммунистами: «Сегодняшние “красные” — не революционные экстре-

³ Октябрь и перестройка: Революция продолжается // Коммунист. 1987. № 17. С. 3–40.

⁴ Обзор некрологов такого рода см. в [Snyder 1997: 133–144].

⁵ О суде над КПСС см. [Рудинский 1999].

мисты и даже не утописты. Они... самая безнадежная часть консерваторов» [Булдаков 1997: 357]. Труп Ленина остается в мавзолее на Красной площади (лишенный почетного караула и ноябрьских парадов), как можно предположить, скорее по инерции, чем из-за следования коммунистическим идеалам⁶.

Но может ли Октябрь когда-нибудь закончиться? Его превращение в символ, безусловно, закрепляет его место в исторической памяти России и мира. Во время будущих кризисов этот символ вполне может быть использован снова, чтобы быть принятым или отвергнутым. Возможно, Октябрь все еще с нами, пусть и под другим именем. Страсть и уверенность, которые так воодушевляли первое поколение революционеров в России, сегодня могут оживлять совсем другие — легитимирующие и мифологизирующие — истории о прозрении и очищении.

---

⁶ См. [Ennker 1991: 54–74; Corney 1998: 389–414].

Библиография

АРХИВЫ

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. 17 — ЦК ВКП(б)

Оп. 3 — (Политбюро)

Оп. 60 — Отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП(б)

Оп. 71 — (Коллекция документальных материалов об оппозиции)

Оп. 84 — (Бюро Секретариата)

Оп. 85 — (Секретный отдел)

Ф. 70 — Истпарт ЦК ВКП(б)

Ф. 91 — Личное дело М. С. Ольминского

Ф. 139 — Личное дело П. Н. Лепешинского

Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб)

Ф. 1 — Петроградский комитет РКП(б)

Ф. 461 — Ленинградское отделение Истпарта Ленинградского обкома

Ф. 4000 — Институт истории партии при Ленинградском обкоме КПСС

Оп. 5 — (Личные воспоминания)

Оп. 6 — (Стенограммы и протоколы вечеров воспоминаний)

Центральный государственный архив общественных движений г. Москвы (ЦГАОДМ, сейчас — ЦГА Москвы)

Ф. 3 — Московский комитет ВКП(б)

Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДННАО)

Ф. 394 — Истпарт

ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ⁷

Биржевые ведомости
Борьба
Бюллетень Истпарта
Бюллетень Комиссии при Президиуме ЦИК Союза ССР по организации и проведению празднования 10-летия Октябрьской революции
Бюллетень оппозиции (Берлин)
Былое
В глухую ночь
Вестник культуры и политики
Вечерние известия
Вечерняя Москва
Газета для всех
Год пролетарской революции
Дело народа
День
Единство
Жизнь искусства
Известия
Известия ЦИК
Искра
Искусство коммуны
Коммунистическая революция
Красная быль (Самара)
Красная газета
Красная нива
Красноармеец
Красный милиционер
Крот (Кунгур, Пермь)
Ленинградский рабочий
Наша речь
Новая жизнь
Новый день
Новый ЛЕФ
Новый луч

---

⁷ Изданы в Москве или Петрограде, если не указано иное.

Петроградская правда
 Печать и революция
 Пламя
 Полночь
 Правда
 Пролетарская революция
 Пролетарская революция на Дону (Ростов)
 Пути революции (Казань)
 Рабочая газета
 Рабочий путь
 Революционное былое (Тула)
 Речь
 Русская мысль
 Сибирские огни (Новосибирск)
 Социал-демократ
 Социалистический вестник (Берлин)
 Творчество
 Трудовая копейка
 Уральский рабочий (Екатеринбург)
 Утро России
 Факел
 Ярославский сборник (Ярославль)
 Freiheit (Берлин)

ОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

III съезд 1924 — Третий очередной съезд Российской социал-демократической рабочей партии 1905 года: Полн. текст протоколов / С предисл. и под ред. М. Н. Лядова. М.: Гос. изд-во, 1924.

VII съезд 1923 — VII съезд Российской коммунистической партии. Стенографический отчет 6–8 марта 1918 года. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923.

VIII съезд 1933 — Восьмой съезд РКП(б). 18–23 марта 1919 г. М.: Партийное изд-во, 1933.

XII съезд 1923 — Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков). 17–25 апреля 1923 г. М., 1923.

Александров 1983 — Александров Г. В. Эпоха и кино. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1983.

Алексеев, Усагина 1926 — Октябрьская революция, мемуары / Под ред. С. А. Алексеева и А. И. Усагиной. М.; Л.: Орбита, 1926.

Алексеева 1968 — Алексеева Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука, 1917–1923. М.: Наука, 1968.

Амфитеатров-Кадашев 1994 — Амфитеатров-Кадашев В. А. Из дневника 1917 г. // Литературная газета. 1994. № 29. 20 июля.

Андерсон 2016 — Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковский. М.: Кучково поле, 2016.

Андреев 1994 — Андреев Л. S.O.S. М.: Atheneum-Феникс, 1994.

Андреев 1994 — Андреев Л. Н. «Дело о самоубийстве России» // Источник (Приложение к журналу «Родина»). 1994. № 2 (9). С. 40–51.

Анненков 1966 — Анненков Ю. Дневник моих встреч: Цикл трагедий. Т. 2. Нью-Йорк: Inter-Language Literary Associates, 1966.

Антонов-Овсеев 1966 — Антонов-Овсеев А. В. Мемуары В. А. Антонова-Овсеева как источник по истории революционных событий 1917 г. // Труды Московского государственного историко-архивного института. 1966. Т. 24. Вопросы источниковедения истории СССР. Вып. 2. С. 203–219.

Архипов 1994 — Архипов И. Л. Общественная психология петроградских обывателей в 1917 году // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 49–58.

Бабель 2006 — Бабель И. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Время, 2006.

Бабурина 1984 — Советский политический плакат. Из коллекции Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина. Альбом: В 3 ч. / Авт.-сост. Н. И. Бабурина. М.: Сов. художник, 1984.

Барт 2008 — Барт Р. Мифологии / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. М.: Академический проект, 2008.

Барт 2019 — Барт Р. Система моды: Статьи по семиотике культуры / Пер. с фр., вступ. ст., сост. С. Н. Зенкина. М.: Академический проект, 2019.

Батурин 1906 — Батурин Н. Очерк истории социал-демократии в России. М., 1906.

Бейлин 2010 — Бейлин Б. Идеологические истоки Американской революции / Пер. с англ. Д. Хитрова, К. Осповат. М.: Новое издательство, 2010.

Белый 1994–2018 — Белый А. Собрание сочинений в 14 томах. М.: Республика/Дмитрий Сечин, 1994–2018.

Беньямин 2004 — Беньямин В. Маски времени: Эссе о культуре и литературе / Сост., предисл. и прим. Александра Белобратова; пер. с нем. и фр. А. Белобратова. СПб.: Symposium, 2004.

- Беньямин 2021 — Беньямин В. Девять работ. М.: ПАНГЛОСС, 2021.
- Бергер, Лукман 1995 — Бергман П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Моск. философ. фонд, 1995.
- Берюшина 1919 — Берюшина А. Почему я стала коммунисткой? М.: Гос. изд., 1919.
- Блок 1927–1932 — Блок А. Письма Александра Блока к родным: в 2 т. М.; Л.: Academia, 1927–1932.
- Блок 1960–1965 — Блок А. А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1960–1965.
- Блюм 1994 — Блюм А. В. За кулисами Министерства правды Тайная история советской цензуры 1917–1929. СПб.: Академический проспект, 1994.
- Болтянский 1925 — Болтянский Г. М. Ленин и кино. М.; Л.: Гос. изд., 1925.
- Болтянский 1926 — Болтянский Г. М. Кинохроника и как ее снимать. М.: Кинопечать, 1926.
- Большевицкие... 1958 — Большевицкие военно-революционные комитеты: Сб. документов / Предисл. Г. Костомарова. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1958.
- Борозинец 1964 — Борозинец Л. Г. Мемуары Н. И. Подвойского как исторический источник // Город Ленина в дни Октября и Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сб. статей / Ред. С. Н. Валк и др. М.; Л.: Наука, 1964.
- Бунин 1991 — Бунин И. А. Из «Воспоминаний» // Под созвездием топора: Петроград 1917 года — знакомый и незнакомый / Сост., вступ. ст. и лит.-ист. коммент. В. А. Чалмаева. М.: Сов. Россия, 1991.
- Булдаков 1996 — Булдаков В. П. Историографические метаморфозы «Красного Октября» // Исторические исследования в России: тенденции последних лет. М., 1996. С. 179–205.
- Булдаков 1997 — Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997.
- Бухарин, Преображенский 1920 — Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма. Петербург: Гос. изд-во, 1920.
- Быстрянский 1918 — Быстрянский В. Октябрьская революция — величайшее событие в мировой истории // Год пролетарской революции. 1918. 7 нояб.
- Вакуленко 1976 — Лирика 20-х годов / Вступ. слово, сост. и ред. В. Я. Вакуленко. Фрунзе: Кыргызстан, 1976.

Ватин 1918 — Ватин (Быстрянский В.) Октябрьская годовщина — праздник международного пролетариата // Год пролетарской революции. 1918. 7 нояб.

Вернадский 1994 — Вернадский В. И. Дневники, 1917–1921. Киев: Наукова Думка, 1994.

Вильямс 1960 — Вильямс А. Р. О Ленине и Октябрьской революции. М.: Гос. изд-во политической лит., 1960.

Виноградов, Двойных 1999 — Виноградов В. К., Двойных Л. В. Кронштадтская трагедия 1921 года. Документы: в 2-х кн. М.: РОССПЭН, 1999.

Галили, Ненароков 1999 — Меншевики в большевистской России, 1918–1924. Меншевики в 1924 г. / Отв. сост. Д. Павлов; отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. М.: РОССПЭН, 1999.

Гимпельсон 1995 — Гимпельсон Е. Г. Формирование советской политической системы, 1917–1923 гг. М.: Наука, 1995.

Гиппиус 2003 — Гиппиус З. Н. Собр. соч. Т. 8: Дневники 1893–1919. М.: Русская книга, 2003.

Горький 1959 — А. М. Горький и создание истории фабрик и заводов: Сб. документов и материалов в помощь работающим над историей фабрик и заводов СССР. М.: Соцэкгиз, 1959.

Горький 1990 — Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. М.: Советский писатель, 1990.

Готье 1997 — Готье Ю. В. Мои заметки. М.: Терра, 1997.

Дан 1922 — Дан Ф. Два года скитаний 1919–1921. Берлин, 1922.

Данилевский 1927 — Данилевский М. Ф. Праздники общественного быта. Торжественное заседание, октябрины, годовщины. Организация, методика, практика. М.; Л.: Долой неграмотность; Тип. «Красная Пресня», 1927.

Двинов 1968 — Двинов Б. От легальности к подполью, 1921–1922. Stanford: Hoover Institution, 1968.

Девятая конференция... 1972 — Девятая конференция РКП(б), сентябрь 1920 г. Протоколы. М.: Политиздат, 1972.

Девятый съезд... 1920 — IX съезд Российской коммунистической партии: Стенографический отчет, 19 марта — 4 апреля 1920 г. М., 1920.

Декреты советской власти 1957 — Декреты советской власти: В 2 т. М.: Гос. изд-во политической лит., 1957.

Дыбенко 1928 — Дыбенко П. Е. Из недр царского флота к Великому Октябрю: Из воспоминаний о революции: 1917–7.XI. 1927. М.: Военный вестник, 1928.

Евреинов 2002 — Евреинов Н. Н. Демон театральности / Сост., общ. ред. и комм. А. Ю. Зубкова и В. И. Максимова. М.; СПб.: Летний сад, 2002.

За ленинизм 1925 — За ленинизм, против троцкизма: (По поводу «Уроков Октября» тов. Троцкого). М.: Мол. гвардия, 1925.

За партию... 1924 — За партию — за ленинизм: Сб. Пг.: Прибой, 1924.

Зиновьев 1918а — Зиновьев Г. Чего хотят социал-демократы большевики? (В вопросах и ответах). М.: Волна, 1918.

Зиновьев 1918б — Зиновьев Г. Великая годовщина: Что же будет дальше? // Год пролетарской революции. 1918. 7 нояб.

Зиновьев 1919 — Зиновьев Г. Е. Беспартийный или коммунист: Речь т. Г. Зиновьева на собр. в театре Речкина за Моск. Заставой. М.: Гос. изд., 1919.

Иванова 1968 — Иванова Л. В. У истоков советской исторической науки (подготовка кадров историков-марксистов, 1917–1929). М.: Мысль, 1968.

Ижевск 1922 — К пятой годовщине пролетарской революции в Прикамье (сборник статей). Ижевск: 1922.

Из статьи... 1984 — Из статьи В. Керженцева «Упрек художникам» // Агитационно-массовое искусство: Формирование практики. М.: Искусство, 1984.

Из эпохи... 1921–1923 — Из эпохи «Звезды» и «Правды» (1911–1914): В 3 вып. М., Петроград: Прибой, 1921–1923.

Ильина 1994 — Ильина Г. И. Образ европейских революций и русская культура (март 1917 г. — ноябрь 1918 г.) // Анатомия революции: 1917 год в России: массы, партии, власть / Под ред. Черняева В. Ю. и др. СПб.: Глаголь, 1994.

История... 1933 — История советского театра. Очерки развития. Т. 1. Петроградские театры на пороге Октября и в эпоху военного коммунизма. 1917–1921. Л.: Ленинград. отд. ГИХЛ, 1933.

Как рождалась... 1925 — Как рождалась партия большевиков. Л.: Прибой, 1925.

Карр 1990 — Карр Э. Х. История Советской России: [В 14 т. : Пер. с англ. / Предисл. А. П. Ненарокова]. Кн. 1. Т. 1 и 2. Большевицкая революция. 1917–1923. М.: Прогресс, 1990.

Кларк 2002 — Кларк К. Советский роман: история как ритуал. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002.

Кларк 2018 — Кларк К. Петербург, горнило культурной революции / Пер. с англ. В. Макарова. М.: НЛО, 2018.

Ко всем... 1920 — Ко всем членам партии: [Обращение о создании архивов Окт. революции]. М.: Гос. изд., 1920.

Коган 1921 — Коган П. С. Александр Блок и революция: Памяти поэта // Печать и революция. 1921. Кн. 2.

Козлов 1992 — Козлов В. А. Неизвестная Россия. 20 век: в 4 т. М.: Историческое наследие, 1992.

Козлов 1999 — Козлов В. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 — начало 1980-х гг.). Новосибирск: Сиб. хронограф, 1999.

Козловский 1922 — Козловский М. Воспоминания об Октябрьском перевороте // Пролетарская революция. 1922. № 10.

Комаров 1958 — Комаров Н. С. Создание и деятельность Истпарта, 1920–1928 гг. // Вопросы истории КПСС. 1958. № 5. С. 153–165.

Кондратьева 1993 — Кондратьева Т. Большевики-якобинцы и призраки термидора. М.: Ипол, 1993.

Корнеев 1979 — Корнеев В. Е. Архивы РКП(б) в 1917–1925 гг.: Уч. пособие. М.: Б. и., 1979.

Корнеев 1986 — Корнеев В. Е. Местные бюро Истпарта ЦК ВКП(б): Создание источниковой базы историко-партийной науки 1920–1929 гг.: Уч. пособие. М.: МГИАИ, 1986.

Коровайников 1990 — Коровайников В. Ю. Стенограммы вечеров воспоминаний как источник по истории Великой Октябрьской Социалистической Революции // Советские архивы. 1990. № 5. С. 75–79.

Коровайников 1991 — Коровайников В. Ю. Группы содействия Истпарту ЦК ВКП(б) // Вопросы истории КПСС. 1991. № 1. С. 112–123.

Коровайников 1997 — Коровайников В. Ю. «Анкета участника Октябрьского переворота» как зеркало третьей российской революции в Москве // Археографический ежегодник за 1997 год. М., 1997. С. 154–158.

Королев 1918 — Королев В. Это — я! // Ярославский сборник. 1918. 7 нояб.

Королева 1977 — Королева Л. И. Документы ЦГАОР СССР о Ленинском плане монументальной пропаганды (1918–1920 гг.) // Советские архивы. 1977. № 2. С. 16–19.

Короленко 1990 — Короленко В. Г. Дневники Дневники (1917–1921) / Публ. Е. Лосевой и С. Ляхович, коммент. В. Лосева // Вопросы литературы. 1990. № 5. С. 193–218.

Короленко 2001 — Короленко В. Г. Дневник. Письма. 1917–1921. М.: Сов. писатель, 2001.

Красовский 1965 — Красовский Ю. Как создавался фильм «Октябрь» // Из истории кино: Документы и материалы. 1965. № 6. С. 40–62.

Краткий очерк... 1919 — Краткий очерк революционного движения и развития пролетарской революции в России: В память для сов. пропаганды 7 сент. 1919 г. [Калуга]: Центропечать, 1919.

Кунгур 1922 — Из прошлого: Второй сборник воспоминаний. Крестьянские восстания в 1918 г. в Кунгурском уезде. Кунгур, 1922.

Кшесинская 1992 — Кшесинская М. Воспоминания / [Подгот. текста, коммент. и подбор ил. И. Клягиной; предисл. В. Гаевского]. М.: Культура, 1992.

Лебедев 1993 — Лебедев В. Правящая партия оставила подполье // Источник. 1993. № 4–5.

Левина 1965 — Левина Т. Л. Первые беспартийные крестьянские конференции (по материалам Пермской и Екатеринбургской губерний) // Пермский Государственный Университет им. А. М. Горького. Ученые записки. 1965. № 133. С. 30–56.

Лежава, Русаков 1924 — Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917–1922 гг. / Сост. Л. Лежава и Г. Русаков. 2-е изд., испр. и доп. М.; Пг., 1924.

Ленин 1926–1930 — Ленин В. И. Сочинения в 29 томах. М. — Л.: Государственное издательство, 1926–1930.

Ленин 1967–1975 — Ленин В. И. Полн. собр. соч: [в 55 т.]. Изд. 5-е. Л.: Госполитиздат, 1967–1975.

Ленинский сборник — Ленинский сборник в 40 т. М.-Л., 1924–1985.

Листов 1966 — Листов В. С. Приемы историко-технического анализа киноскриптов документального кино периода Октябрьской революции и Гражданской войны // Труды Московского государственного историко-архивного института. 1966. Т. 24. Вып. 2. С. 235–249.

Листов 1970 — Листов В. С. Из истории двух съемок // Лениниана: поиски и находки: [Сб. статей, очерков, документов и фотографий] / Послел. И. Андроникова. М.: Известия, 1970.

Листов 1973 — Листов В. С. История смотрит в объектив. М.: Искусство, 1973 [1974].

Луначарский 1918 — Луначарский А. Праздник нашей партии // Год пролетарской революции. 1918. 7 нояб.

Луначарский 1920 — Луначарский А. Революция и искусство // Коммунистическое просвещение. 1920. № 1.

Луначарский 1981 — Луначарский А. В. О массовых празднествах, эстраде, цирке. М.: Искусство, 1981.

Лядов 1906 — Лядов М. История Российской социально-демократической рабочей партии: В 2 ч. СПб.: Кн-во Е. Д. Мягкова «Колокол», 1906.

Мазаев 1978 — Мазаев А. И. Праздник как социально-художественное явление. М.: Наука, 1978.

Максаков 1969 — Максаков В. В. История и организация архивного дела в СССР, 1917–1945 гг. М.: Наука, 1969.

Малиа 2002 — Малиа М. Советская трагедия. История социализма в России. 1917–1991 / Пер. с англ. А. В. Юрасовского и А. В. Юрасовской. М.: РОССПЭН, 2002.

Малянтович 1918 — Малянтович П. Н. В Зимнем дворце 25–26 октября 1917 г. // Былое. 1918. № 12. Июнь.

Мартов 1923 — Мартов Л. История российской социал-демократии. М.; Пг.: Книга, 1923.

Марциновский 1923 — Марциновский А. Записки рабочего-большевика. Саратов: Бюро Истпарта Саратов. губкома РКП(б), 1923.

Маслов 1988 — Маслов Н. Н. «Краткий курс истории ВКП (б)» — энциклопедия культа личности Сталина // Вопросы истории КПСС. 1988. № 11. С. 51–67.

Маяковский 1955–1961 — Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955–1961.

Маяковский 1958 — Новое о Маяковском.: [Сб. материалов: В 2 т.]. Т. 1. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958.

Мельгунов 2008 — Мельгунов С. П. Красный террор в России (1918–1923). Чекистский Олимп. М.: Айрис-пресс, 2008.

Мерридейл 2019 — Мерридейл К. Каменная ночь. Смерть и память в России XX века / Пер. с англ. К. Полуэктовой-Криммер. М.: АСТ, 2019.

Минин 1919 — Минин С. К. Кто такие коммунисты? М., 1919.

Михайлова 1973 — Михайлова Н. М. М. С. Ольминский об источниках по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции // История и историки: Историографический ежегодник, 1972. М., 1973. С. 212–237.

Мороховец 1926 — Календарь-хроника событий 1905 года: С января 1905 г. по март 1906 г. / Под ред. Е. А. Мороховца. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926.

Наумов, Косаковский 1997 — Наумов В. П., Косаковский А. А. Кронштадт 1921. Документы. М.: Демократия, 1997.

Невский 1917 — Невский В. И. Что такое большевики? Пг., 1917.

Невский 1920 — Невский В. И. Как образовалась советская власть и что ею сделано за три года. М.: Гос. изд., 1920.

Невский 1921 — Невский В. И. Большевик, коммунист и рабочий. Пг.: Гос. изд., 1921.

Невский 1924 — Восстание на броненосце «Князь Потемкин Таврический». Воспоминания, материалы и документы / Под ред. и со вступ. ст. В. И. Невского. М.; Пг.: Гос. изд., 1924.

Невский 1925 — Невский В. И. Массовая политико-просветительная работа революционных лет: Критический обзор важнейших форм агитации и пропаганды. М.; Л.: Гос. изд., 1925.

Немиро 1973 — Немиро О. В город пришел праздник: Из истории художественного оформления советских массовых празднеств. Л.: Аврора, 1973.

Норов 1919 — Норов Н. Накануне // Москва в Октябре: Ил. сб. заметок, воспоминаний участников движения / Со вступ. ст. и под ред. Н. Овсянникова. М.: Отд. печати Моск. совета р. и к. д., 1919.

Обичкин и др. 1957 — Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями: Сб. документов / Под ред. Г. Д. Обичкина и др. [Сб. 1]: Март-октябрь 1917 г. М.: Госполитиздат, 1957.

Об «Уроках Октября» 1924 — Об «Уроках Октября»: Ст. и речи: С прил. ст. Л. Троцкого «Уроки октября». [2-е изд.]. Л.: Прибой, 1924.

Овсянников 1919 — Москва в Октябре: Ил. сб. заметок, воспоминаний участников движения / Со вступ. ст. и под ред. Н. Овсянникова. М.: Отд. печати Моск. совета р. и к. д., 1919.

Озуф 2003 — Озуф М. Революционный праздник: 1789–1799 / Пер. с фр. Е. Э. Ляминой. М.: Языки славянской культуры, 2003.

Окроков 1970 — Окроков А. З. Октябрь и крах русской буржуазной прессы. М.: Мысль, 1970.

Октябрьские торжества... 1918 — Октябрьские торжества в Москве (По телефону) // Год пролетарской революции. 1918. 9 нояб.

Октябрьское... 1957 — Октябрьское вооружённое восстание в Петрограде: Сб. статей / [Ред. С. И. Аввакумов и др.]. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957.

Ольминский 1919 — Ольминский М. Ход событий // Москва в Октябре: Ил. сб. заметок, воспоминаний участников движения / Со вступ. ст. и под ред. Н. Овсянникова. М.: Отд. печати Моск. совета р. и к. д., 1919.

Ольминский 1921 — Ольминский М. Пробел в нашей истории // От группы Благоева к «Союзу борьбы»: (1886–1894 гг.). Ростов-на-Дону: Гос. изд., Дон. отд-ние, 1921.

Пайпс 2005 — Пайпс Р. Русская революция: В 3 кн. / Пер. Н. Кигай. М.: Захаров, 2005.

Партийное совещание... 1919 — Партийное совещание РСДРП 27 декабря 1918 г. — 1 января 1919 г. Резолюции. М.: Гос. изд-во, 1919.

Пастернак 2004 — Пастернак Б. Доктор Живаго // Полн. собр. соч. с приложениями: В 11 т. Т. 4. М.: Слово/Slovo, 2004.

Первая годовщина... 1987 — Первая годовщина Октябрьской революции: Документы // История СССР. 1987. № 6. С. 121–134.

Переименования улиц 1918 — Переименования улиц // Год пролетарской революции. 1918. 8 нояб.

Переписка 1951 — Маркс К., Энгельс Ф. Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. 2-е изд., [доп. и испр]. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1951.

Петроградский... 1966 — Петроградский военно-революционный комитет: Документы и материалы: в 3 т. М.: Наука, 1966.

Пиотровский 2019 — Пиотровский А. И. Театральное наследие: Исследования, театральная критика, драматургия: В 2 т. / Сост., вступ. ст., прилож., коммент. А. А. Теплов; науч ред., коммент. А. Ю. Ряпосов. СПб.: НП «Балтийские сезоны», 2019.

Плаггенборг 2000 — Плаггенборг Шт. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма / Пер. с нем. И. Карташевой. СПб.: Журнал «Нева», 2000.

Подвойский 1927 — Подвойский Н. И. Красная гвардия в Октябрьские дни: (Ленинград и Москва). М.; Л.: Гос. изд-во, 1927.

Подвойский, Орлинский 1927 — Массовое действо: Руководство к организации и проведению празднования десятилетия Октября и других революционных праздников. Труд коллективов массового действа. 1. Первого коллектива массового действа Общества строителей Международного красного стадиона. 2. Коллектива массового действа Московского губотдела Профсоюза текстильщиков. 3. Коллектива массового действа Военно-политических курсов при ПУРе / Под ред. Н. И. Подвойского и А. Р. Орлинского. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927.

Под созвездием топора 1991 — Под созвездием топора: Петроград 1917 года — знакомый и незнакомый: [Оригинал. проза и публицистика / Сост., вступ. ст. и лит.-ист. коммент. В. А. Чалмаева]. М.: Сов. Россия, 1991.

Покровский 1925 — Покровский М. Н. 1905. История революционного движения в отдельных очерках: В 4 т. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925 [1926].

Покровский, Тихонова 1997 — Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, (25–26 октября 1917 г.): Сб. документов и материалов / Сост. А. С. Покровский., Е. Ю. Тихонова. М.: Археогр. центр, 1997.

Полонский 1924 — Полонский В. Русский революционный плакат. М.: Гос. изд-во, 1924.

Попов 1918 — Октябрьский переворот: Факты и документы / Сост. А. Л. Попов; ред. Н. А. Рожкова. Пг.: Новая эпоха, 1918.

Попов 1929 — Дискуссия 1925 года. Материалы и документы / Под общ. ред. К. А. Попова; предисл. Е. Ярославского. М.: Гос. изд-во, 1929.

Потемкин 1918 — Потемкин И. В. К несознательному товарищу // Ярославский сборник. 1918. 7 нояб.

Пришвин 2007 — Пришвин М. М. Дневники, 1914, 1915, 1916, 1917 / Подгот. текста Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной; коммент. Я. З. Гришиной, В. Ю. Гришина. СПб.: Росток, 2007.

Протоколы... 1933 — Протоколы X съезда РКП(б). М.: Гос. изд-во, 1933.

Пушкарёв 1998 — Пушкарёв С. Г. Коммунистический режим и народное сопротивление в России 1917–1991. М.: Посев, 1998.

Рабинович 1989 — Рабинович А. Е. Большевики приходят к власти / Пер. с англ.; общ. ред. и послесл. Г. З. Иоффе. М.: Прогресс, 1989.

Рабинович 1992 — Рабинович А. Е. Кровавые дни: Июльское восстание 1917 года в Петрограде / Общ. ред., послесл. П. В. Волобуева. М.: Республика, 1992.

Рид 1968 — Рид Дж. Восставшая Мексика. Десять дней, которые потрясли мир. Америка 1918 / Пер. с англ.; вступ. ст. И. Анисимова. М.: Худ. лит.-ра, 1968.

РКП(б) 1921 — Российская Коммунистическая партия (большевиков) в постановлениях ее съездов. 1903–1921 гг.: Сб. резолюций съездов партии. Пб.: Госиздат, 1921.

РКП(б) 1922 — Российская Коммунистическая партия (большевиков) в резолюциях ее съездов и конференций (1898–1921 гг.). М.: Госиздат, 1922.

Рудинский 1999 — Рудинский Ф. М. «Дело КПСС» в Конституционном суде: Записки, учебники, проекты. М.: Былина, 1999.

Рыбинск... 1922 — Рыбинск в революции: 1917–1922: Сб. ст. и воспоминаний. Рыбинск: Истпарт. Рыбинск. губкома РКП(б), 1922.

Рябинский 2017 — Рябинский К. С. Революция 1917. Октябрь. Хроника событий: О событиях революции без авторской субъективной оценки. М.: Центрполиграф, 2017.

Савельев 1927 — Савельев М. А. Ленин и Октябрьское вооруженное восстание. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927.

Савельев 1929 — Протоколы Центрального комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918 / Под общ. ред. М. А. Савельева. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929.

Слетов 1917 — Слетов С. К истории возникновения Партии социалистов-революционеров / Предисл. А. Чернова. Пг.: Партия социалистов-революционеров. Петрогр. изд. комис., 1917.

Советская кинохроника 1965 — Советская кинохроника 1918–1925 гг. Аннот. каталог. Ч. 1. М.: Б. и., 1965.

Солженицын 1995–1997 — Солженицын А. Публицистика: В 3 т. Ярославль: Верхне-Волжское книж. изд-во, 1995–1997.

Сорокин 2014- — Сорокин П. Собр. соч. Сыктывкар: Анбур, 2014-.

Струве 1917 — Струве П. В чем революция и контрреволюция? Несколько замечаний по поводу статей И. О. Левина // Русская мысль. 1917. Кн. 11/12.

Суслов 1928 — Суслов А. Зимний дворец, 1754–1927 гг.: Историч. очерк. Л.: Ком. популяризации худож. изд. при Гос. акад. истории материальной культуры, 1928.

Суслович 1926 — Суслович Р. Р. Зритель массового праздника // Массовые празднества : Сб. Ком. социол. изучения искусств / Предисл. Н. Извекова. Л.: Academia, 1926.

Суханов 1991 — Суханов Н. Н. Записки о революции / Предисл. и примеч. А. А. Корникова. Т. 1. М.: Политиздат, 1991.

Терне 1922 — Терне А. М. В царстве Ленина: Очерки современной жизни в РСФСР. Берлин: Изд-во Ольги Дьяковой и Ко, 1922.

Терц 1988 — Терц А. Что такое социалистический реализм. Париж: Синтаксис, 1988.

Тихонова 1964 — Тихонова З. Н. Анкеты участников Великой Октябрьской Социалистической Революции — исторический источник // Вопросы истории КПСС. 1964. № 11. С. 99–103.

Тринадцатый съезд... 1924 — XIII съезд Российской коммунистической партии (большевиков): Стенографический отчет 23–31 мая 1924 г. М.: Гос. изд-во, 1924.

Троцкий 1924 — Троцкий Л. Д. О Ленине: материалы для биографа. М.: Гос. изд-во, 1924.

Троцкий 1924–1927 — Троцкий Л. Д. Сочинения: В 21 т. М., Л.: Гос. изд-во, 1924–1927.

Троцкий 1990 — Троцкий Л. Д. К истории русской революции: Сб. / Сост., авт. биогр. очерка и примеч. Н. А. Васецкий. М.: Политиздат, 1990.

Троцкий 1991 — Троцкий Л. Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии / Вступ. ст. Н. С. Симонова. М.: Панорама, 1991.

Тумаринсон 1995 — Тумаринсон В. Х. Меншевики и большевики, несостоявшийся консенсус. (Опыт исторической реконструкции). Автореф. дисс. ... д. ист. наук. М., 1995.

Тумаркин 1997 — Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России / Пер. с англ. С. Л. Сухарева. СПб.: Академический проспект, 1997.

Уфа 1925 — 1905: революционные события 1905 г. в г. Уфе и Уральских заводах (Башреспублика). Уфа, 1925.

Фассел 2015 — Фассел П. Великая война и современная память / Пер. с англ. А. Глебовской. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2015.

Февральский 1971 — Февральский А. Первая советская пьеса: «Мистерия-буфф» В. В. Маяковского. М.: Сов. писатель, 1971.

Федорченко 1990 — Федорченко С. З. Народ на войне / Подгот. текста и вступ. ст. Н. А. Трифонова. М.: Сов. писатель, 1990.

Федотов 1919 — Федотов. Двинцы // Москва в Октябре: Ил. сб. заметок, воспоминаний участников движения / Со вступ. ст. и под ред. Н. Овсянникова. М.: Отд. печати Моск. совета р. и к. д., 1919.

Фюре 1998 — Фюре Ф. Постижение Французской революции. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998.

Хальбвакс 2007 — Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с франц. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.

Ханжонков 1937 — Ханжонков А. А. Первые годы русской кинематографии: Воспоминания / Лит. обработка В. С. Росоловской. М.; Л.: Искусство, 1937.

Ходоровский 1920 — Ходоровский И. И. Партийные и беспартийные. Казань: Гос. изд-во (Казанское отд-ние), 1920.

Церетели 1963 — Церетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции: В 2 т. Paris: La Haye: Mouton & co, 1963.

Цивьян 1991 — Цивьян Ю. Г. Историческая рецепция кино: Кинематограф в России, 1896–1930. Рига: Зинатне, 1991.

Цявловский 1918 — Цявловский М. А. Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывш. Московского Охранного Отделения. 2-е изд. М.: Задруга, 1918.

Шапиро 1975 — Шапиро Л. Коммунистическая партия Советского Союза. Флоренция: Edizione Aurora, 1975.

Шелавин 1918 — Шелавин К. Убыль или усиление? // Год пролетарской революции. 1918. 7 нояб.

Шелохаев 2000 — Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы. 1900–1925 гг.: В 3-х т. / Отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: РОСС-ПЭН, 2000.

Шингарев 1918 — Шингарев А. И. Как это было: Дневник А. И. Шингарева. Петропавлов. крепость, 27.XI.17.–5.I.18. М.: Ком. по увековечению памяти Ф. Ф. Кокошкина и А. И. Шингарева, 1918.

Шишкин 2000 — Шишкин В. И. За советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии, 1921: Сб. документов. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000.

Шкловский 1940 — Шкловский В. О Маяковском. М.: Сов. писатель, 1940.

Шумяцкий 1918 — Шумяцкий Б. Чего хотят большевики? (К программе партии). Иркутск: Отд. нар. образ. при Испол. ком. Сов. р. с. к. и к. д. Вост. Сибири, 1918.

Эйзенштейн 1964–1971 — Эйзенштейн С. М. Избранные произведения: В 6 т. / Вступ. ст. Р. Юренева; гл. ред. С. И. Юткевич. М.: Искусство, 1964–1971.

Юфит 1968 — Советский театр: Документы и материалы [1917–1967] / Отв. ред. А. З. Юфит. [Т. 1]. Л.: Искусство, 1968.

Яковлев 1922 — Яковлев Я. А. Об историческом смысле Октября. М.: Красная новь, 1922.

Янсен 1989 — Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года: Документы из архива П. С.-Р. / Собрал и снабдил примечаниями и очерком истории партии в пореволюционный период М. Янсен. Amsterdam: Stichting Beheer IISG, 1989.

Яров 1999а — Яров С. В. Пролетарий как политик: Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.

Яров 1999б — Яров С. В. Горожанин как политик: Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.

Яров 1999в — Яров С. В. Крестьянин как политик: Крестьянство Северо-Запада России в 1918–1919 гг.: Политическое мышление и массовый протест. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.

Ярославский 1927 — Ярославский Е. Партия большевиков в 1917 г. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927.

Abramovich 1962 — Abramovich R. R. *The Soviet Revolution, 1917–1939*. New York: International Universities Press, 1962.

Ascher 1972 — Ascher A. *Pavel Axelrod and the Development of Menshevism*. Cambridge: Harvard University Press, 1972.

Aucouturier 1984 — Aucouturier M. *Theatricality as a Category of Early Twentieth-Century Russian Culture // Theater and Literature in Russia, 1900–1930: A Collection of Essays / Ed. L. Kleberg, N. A. Nilsson*. Stockholm: Almqvist and Wiksell, 1984. P. 9–21.

Aves 1996 — Aves J. *Workers against Lenin: Labour Protest and the Bolshevik Dictatorship*. London: I. B. Tauris, 1996.

Avrich 1970 — Avrich P. *Kronstadt 1921*. Princeton: Princeton University Press, 1970.

Baker 1990 — Baker K. M. *Inventing the French Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Baker 1994 — Baker K. M. *Revolution // The French Revolution and the Creation of Modern Political Culture. Vol. 2. The Political Culture of the French Revolution*. Oxford: Pergamon, 1994.

Baldwin 1990 — *Reworking the Past: Hitler, Holocaust, and the Historians' Debate / Ed. P. Baldwin*. Boston: Beacon, 1990.

Barber 1981 — Barber J. *Soviet Historians in Crisis, 1928–1932*. Basingstoke: Macmillan, 1981.

Bartlett 1964 — Bartlett F. C. *Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1964.

Berkhofer 1995 — Berkhofer R. F. *Beyond the Great Story: History as Text and Discourse*. Cambridge: Harvard University Press, 1995.

Berkman 1925 — Berkman A. *The Bolshevik Myth: Diary 1920–1922*. London: Hutchinson and Co., 1925.

Bettelheim 1976 — Bettelheim Ch. *Class Struggles in the USSR. First Period: 1917–1923*. New York: Monthly Review, 1976.

Binns 1979 — Binns C. A. P. *The Changing Face of Power: Revolution and Accommodation in the Development of the Soviet Ceremonial System: Part I // Man (New Series). 1979. Vol. 14. Iss. 4. P. 585–606*.

Blok 1982 — Blok A. *The Twelve and the Scythians / Trans. by J. Lindsay*. London: Journeyman, 1982.

Bonnell 1997 — Bonnell V. E. *Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin*. Berkeley: University of California Press, 1997.

von Borcke 1977 — von Borcke A. *Die Ursprünge des Bolschewismus: Die Jakobinische Tradition in Rußland und die Theorie der Revolutionären Diktatur*. Munich: Johannes Berchmans, 1977.

Bordwell 1972 — Bordwell D. The Idea of Montage in Soviet Art and Film // *Cinema Journal*. 1972. Vol. 11. Iss. 2. P. 9–17.

Bordwell 1993 — Bordwell D. The Cinema of Eisenstein. Cambridge: Harvard University Press, 1993.

Bouwsma 1981 — Bouwsma W. J. Intellectual History in the 1980s // *Journal of the History of Ideas*. 1981. Vol. 12. P. 279–291.

Bradley 1994–1995 — Bradley J. Introduction // *Russian Studies in History*. 1994–1995. Vol. 33. Iss. 3. P. 1–3.

Broido 1987 — Broido V. Lenin and the Mensheviks: The Persecution of Socialists under Bolshevism. Aldershot, England: Gower/Maurice Temple Smith, 1987.

Brooks 1994 — Brooks J. Socialist Realism in Pravda: Read All about It! // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. Iss. 4. P. 973–991.

Brossat, Combe 1990 — Brossat A., Combe S. À l'Est: La Mémoire retrouvée / Ed. A. Brossat, S. Combe. Paris: Éditions la découverte, 1990.

Brovkin 1983 — Brovkin V. N. The Mensheviks' Political Comeback: The Elections to the Provincial City Soviets in Spring 1918 // *Russian Review*. 1983. Vol. 42. Iss. 1. P. 1–50.

Brovkin 1987 — Brovkin V. N. The Mensheviks after October: Socialist Opposition and the Rise of the Bolshevik Dictatorship. Ithaca: Cornell University Press, 1987.

Brovkin 1990 — Brovkin V. N. Workers' Unrest and the Bolsheviks' Response in 1919 // *Slavic Review*. 1990. Vol. 49. Iss. 3. P. 350–373.

Brovkin 1998 — Brovkin V. N. Russia after Lenin: Politics, Culture, and Society, 1921–1929. London: Routledge, 1998.

Brown et al. 1986 — Brown N. R., Shevell S. K., Rips L. J. Public Memories and Their Personal Context // *Autobiographical Memory* / Ed. D. C. Rubin. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 137–158.

Bruner 1990 — Bruner J. Acts of Meaning. Cambridge: Harvard University Press, 1990.

Bruner 1995 — Bruner J. The Autobiographical Process // *Current Sociology*. 1995. Vol. 43. Iss. 2. P. 161–177.

Bryant 1918 — Bryant L. Six Red Months in Russia: An Observer's Account of Russia before and during the Proletarian Dictatorship. New York: George H. Doran, 1918.

Burbank 1986 — Burbank J. Intelligentsia and Revolution: Russian Views of Bolshevism, 1917–1922. Oxford: Oxford University Press, 1986.

Burgess 1981 — Burgess W. F. The Istpart Commission: The Historical Department of the Russian Communist Party Central Committee, 1920–1928. Ph.D. diss., Yale University, 1981.

Burke 1989 — Burke P. *History as Social Memory // Memory: History, Culture, and the Mind* / Ed. T. Butler. Oxford: Blackwell, 1989. P. 97–113.

Calder 1991 — Calder A. *The Myth of the Blitz*. London: Jonathan Cape, 1991.

Carter 1924 — Carter H. *The New Theatre and Cinema of Soviet Russia*. London: Chapman and Dodd, 1924.

Cassiday 2000 — Cassiday J. A. *The Enemy on Trial: Early Soviet Courts on Stage and Screen*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2000.

Chamberlin 1935 — Chamberlin W. H. *The Russian Revolution, 1917–1918: From the Overthrow of the Czar to the Assumption of Power by the Bolsheviks*. Vol. 1. New York: Universal, 1935.

Chatterjee 2002 — Chatterjee Ch. *Celebrating Women: Gender, Festival Culture, and Bolshevik Ideology, 1910–1939*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2002.

Clark 1991 — Clark K. The “Quiet Revolution” in Soviet Intellectual Life // *Russia in the Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture* / Ed. Sh. Fitzpatrick, A. Rabinowitch, R. Stites. Bloomington: Indiana University Press, 1991. P. 210–229.

Coeure 1995 — Coeure, S. Les “Fêtes d’Octobre” 1927 à Moscou: La Dynamique des structures d’influence Soviétique et Kominterniennes autour d’un anniversaire // *Communisme*. 1995. № 42–44. P. 57–74.

Connerton 1989 — Connerton P. *How Societies Remember*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

Corney 1985 — Corney F. C. *Trotskii and the Vienna Pravda, 1908–1912* // *Canadian Slavonic Papers*. 1985. Vol. 27. Iss. 3. P. 248–268.

Corney 1998 — Corney, F. C. *Rethinking a Great Event: The October Revolution as Memory Project* // *Social Science History* 22. No. 4. 1998.

Corney 2000 — Corney F. C. *Narratives of October and the Issue of Legitimacy* // *Russian Modernity: Politics, Knowledges, Practices* / Ed. L. David. Hoffmann and Yanni Kotsonis. New York: St. Martin’s, 2000. P. 185–203.

Daniels 1960 — Daniels R. V. *The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 1960.

Daniels 1967 — Daniels R. V. *Red October: The Bolshevik Revolution of 1917*. Boston: Beacon, 1967.

David-Fox 1997 — David-Fox M. *Revolution of the Mind: Higher Learning among the Bolsheviks, 1918–1929*. Ithaca: Cornell University Press, 1997.

Deák 1975 — Deák F. *Russian Mass Spectacles* // *Drama Review*. 1975. Vol. 19. Iss. 2. P. 7–22.

Elwood 1974 — Resolutions and Decisions of the Communist Party of the Soviet Union / Ed. R. C. Elwood. Vol. 1. The Russian Social Democratic Labour Party, 1898 — October 1917. Toronto: University of Toronto Press, 1974.

Elwood 1979 — Elwood R. C. The Congress That Never Was: Lenin's Attempt to Call a 'Sixth' Party Congress in 1914 // *Soviet Studies*. 1979. Vol. 31. Iss. 3. P. 343–363.

Elwood 1980 — Elwood R. C. Lenin and the Brussels 'Unity' Conference of July 1914 // *Russian Review*. 1980. Vol. 39. Iss. 1. P. 32–49.

Elwood 1982 — Vserossiiskaya Konferentsiya Ros. Sots.-Dem. Rab. Partii 1912 goda / Ed. R. C. Elwood. New York: Kraus, 1982.

Ennker 1991 — Ennker B. Ende des Mythos? Lenin in der Kontroverse // *Die Umwertung der Sowjetischen Geschichte* / Ed. D. Geyer. Vol. 14. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 1991. P. 54–74.

Ennker 1996 — Ennker B. Leninkult und Mythisches Denken in der Sowjetischen Öffentlichkeit 1924 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1996. Bd. 44. H. 3. S. 431–455.

Ennker 1997 — Ennker B. Die Anfänge des Leninkults in der Sowjetunion. Cologne: Böhlau, 1997.

Falasca-Zamponi 1997 — Falasca-Zamponi S. Fascist Spectacle: The Aesthetics of Power in Mussolini's Italy. Berkeley: University of California Press, 1997.

Ferro 1968 — Ferro M. 1917: History and Cinema // *Journal of Contemporary History*. 1968. Vol. 3. Iss. 4. P. 45–61.

Figes 1989 — Figes O. Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution, 1917–1921. Oxford: Clarendon Press, 1989.

Figes, Kolonitskii 1999 — Figes O., Kolonitskii B. Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. New Haven: Yale University Press, 1999.

Fitzpatrick 1981 — Fitzpatrick S. The Civil War as a Formative Experience // *Occasional Paper. Kennan Institute for Advanced Russian Studies*, 1981. No. 134.

Frankel 1966 — Frankel J. Party Genealogy and the Soviet Historians (1920–1938) // *Slavic Review*. 1966. Vol. 25. Iss. 4. P. 563–603.

Fogu 1996 — Fogu C. Fascism and Historic Representation: The 1932 Garibaldian Celebrations // *Journal of Contemporary History*. 1996. Vol. 31. Iss. 2. P. 317–345.

Fueloep-Miller 1965 — Fueloep-Miller R. The Mind and Face of Bolshevism: An Examination of Cultural Life in Soviet Russia. New York: Harper Torchbooks, 1965.

Garros et al. 1995 — *Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930s* / Ed. V. Garros, N. Korenevskaya, T. Lahusen. New York: New Press, 1995.

von Geldern 1993 — von Geldern J. *Bolshevik Festivals, 1917–1920*. Berkeley: University of California Press, 1993.

Getzler 1972 — Getzler I. *Marxist Revolutionaries and the Dilemma of Power // Revolution and Politics in Russia: Essays in Memory of B. I. Nicolaevsky* / Ed. A. Rabinowitch, J. Rabinowitch, L. Kristof. Bloomington: Indiana University Press, 1972.

Getzler 1983 — Getzler I. *Kronstadt, 1917–1921: The Fate of a Soviet Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

Gill 1990 — Gill G. *The Origins of the Stalinist Political System*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Goldman 1970 — Goldman E. *My Disillusionment in Russia*. New York: Thomas Y. Crowell, 1970.

Goodwin 1993 — Goodwin J. *Eisenstein, Cinema, and History*. Urbana: University of Illinois Press, 1993.

Gorham 2003 — Gorham M. S. *Speaking in Soviet Tongues: Language Culture and the Politics of Voice in Revolutionary Russia*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003.

Hackel 1975 — Hackel S. *The Poet and the Revolution: Aleksandr Blok's "The Twelve"*. Oxford: Clarendon, 1975.

Haimson 1970 — Haimson L. H. *The Parties and the State: The Evolution of Political Attitudes // The Structure of Russian History: Interpretive Essays* / Ed. M. Cherniavsky. New York: Random House, 1970.

Haimson 1980 — Haimson L. H. *The Mensheviks after the October Revolution: Part III: The Constituent Assembly Meets // Russian Review*. 1980. Vol. 39. Iss. 4. P. 462–481.

Haimson 1987 — Haimson L. H. *The Making of Three Russian Revolutionaries* / Ed. L. H. Haimson. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Haimson 1988 — Haimson L. H. *The Problem of Social Identities in Early Twentieth-Century Russia // Slavic Review*. 1988. Vol. 47. Iss. 1. P. 1–20.

Halbwachs 1980 — Halbwachs M. *The Collective Memory* / Trans. F. J. Ditter. New York: Harper & Row, 1980.

Halfin 2000 — Halfin I. *From Darkness to Light: Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2000.

Hall 1981 — Hall S. *Notes on Deconstructing 'the Popular' // People's History and Socialist Theory* / Ed. R. Samuel. London: Routledge and Kegan Paul, 1981.

Hall 1982 — Hall S. The Rediscovery of 'Ideology': Return of the Repressed in Media Studies // Culture, Society and the Media / Ed. M. Gurevitch et al. London: Methuen, 1982. P. 56–90.

Hall 1984 — Hall S. The Narrative Construction of Reality: An Interview with Stuart Hall // Southern Review (Adelaide). 1984. Vol. 17. Iss. 1. P. 3–17.

Hanne 1994 — Hanne M. The Power of the Story: Fiction and Political Change. Oxford: Berghahn, 1994.

Hanson 1997 — Hanson S. E. Time and Revolution: Marxism and the Design of Soviet Institutions. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1997.

Harlan 1989 — Harlan D. Intellectual History and the Return of Literature // American Historical Review. 1989. Vol. 94. Iss. 3. P. 581–609.

Hastings 1987 — Hastings M. Identité culturelle locale et politique festive communiste: Halluin la Rouge, 1920–1934 // Le Mouvement social. 1987. № 139. S. 7–25.

Hegelsen 1980 — Hegelsen M. M. The Origins of the Party State Monolith in Soviet Russia: Relations between the Soviets and Party Committees in the Central Provinces, October 1917–March 1921. Ph.D. diss. State University of New York at Stony Brook, 1980.

Hellbeck 1996 — Tagebuch aus Moskau, 1931–1939 / Ed. by J. Hellbeck. Munich: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1996.

Henricksen, Holquist 1994 — Henricksen B., Holquist M. Corrupt Origins: The Paradox of Censorship // PMLA. 1994. Vol. 109. Iss. 3. P. 443–445.

Hickey 2000 — Hickey M. C. Paper, Memory, and a Good Story: How Smolensk Got Its "October" // Revolutionary Russia. 2000. Vol. 13. Iss. 2. P. 1–19.

Hickey 2001 — Hickey M. C. The Rise and Fall of Smolensk's Moderate Socialists: The Politics of Class and the Rhetoric of Crisis in 1917 // Provincial Landscapes: Local Dimensions of Soviet Power, 1917–1953 / Ed. D. J. Raleigh. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2001. P. 14–35.

Hobsbawm, Ranger 1983 — The Invention of Tradition / Ed. E. Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

Holitscher n.d. — Holitscher A. Das Theater im Revolutionären Rußland. Berlin: Volksbühnenverlags-und Vertriebs-GMBH, n.d.

Holitscher 1921 — Holitscher A. Drei Monate in Sowjet-Russland. Berlin: Fischer, 1921.

Holmes 1979 — Holmes L. E. Soviet Rewriting of 1917: The Case of A. G. Shliapnikov // Slavic Review. 1979. Vol. 38. Iss. 2. P. 559–580.

Holmes, Burgess 1982 — Holmes L. E. Burgess W. Scholarly Voice or Political Echo? Soviet Party History in the 1920s // *Russian History*. 1982. Vol. 9. Iss. 2/3. P. 378–398.

Holquist 1997 — Holquist P. “Information Is the Alpha and Omega of Our Work”: Bolshevik Surveillance in Its Pan-European Context // *The Journal of Modern History*. 1997. Vol. 69. Iss. 3. P. 415–450.

Holquist 2002 — Holquist P. *Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921*. Cambridge: Harvard University Press, 2002.

Homberger, Biggart 1992 — *Red Russia: The Triumph of the Bolsheviks* // John Reed and the Russian Revolution: Uncollected Articles, Letters, and Speeches on Russia, 1917–1920 / Ed. E. Homberger, J. Biggart. New York: St. Martin's, 1992. P. 74–95.

Hosking 1989 — Hosking G. A. *Memory in a Totalitarian Society: The Case of the Soviet Union* // *Memory: History, Culture, and the Mind* / Ed. T. Butler. Oxford: Blackwell, 1989. P. 115–130.

Hunt 1984 — Hunt L. *Politics, Culture, and Class in the French Revolution*. Berkeley: University of California Press, 1984.

Hutton 1981 — Hutton P. H. *The Cult of the Revolutionary Tradition: The Blanquists in French Politics, 1864–1893*. Berkeley: University of California Press, 1981.

Hutton 1991 — Hutton P. H. The Role of Memory in the Historiography of the French Revolution // *History and Theory*. 1991. Vol. 30. Iss. 1. P. 56–69.

Irwin-Zarecka 1994 — Irwin-Zarecka I. *Frames of Remembrance: The Dynamics of Collective Memory*. New Brunswick: Transaction, 1994.

Jangfeldt 1979 — Jangfeldt B. *Russian Futurism, 1917–1919* // *Art, Society, Revolution, 1917–1921* / Ed. N. A. Nilsson. Stockholm: Amqvist & Wiksell International, 1979. P. 106–137.

Jansen 1988 — Jansen S. C. *Censorship: The Knot That Binds Power and Knowledge*. Oxford: Oxford University Press, 1988.

Jouhaud 1989 — Jouhaud C. *Printing the Event: From La Rochelle to Paris* // *The Culture of Print: Power and the Uses of Print in Early Modern Europe* / Ed. R. Chartier. Oxford: Polity, 1989. P. 290–333.

Kellner 1989 — Kellner H. *Language and Historical Representation: Getting the Story Crooked*. Madison: University of Wisconsin Press, 1989.

Kelly 1998 — Kelly C. *Iconoclasm and Commemorating the Past* // *Constructing Russian Culture in the Age of Revolution: 1881–1940* / Ed. C. Kelly, D. Shepherd. Oxford: Oxford University Press, 1998.

Kenez 1985 — Kenez P. *The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization 1917–1929*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Kenez 1991 — Kenez P. The Prosecution of Soviet History: A Critique of Richard Pipes' The Russian Revolution // *Russian Review*. 1991. Vol. 50. Iss. 3. P. 345–351.

Kenez 1995 — Kenez P. The Prosecution of Soviet History, Volume 2 // *Russian Review*. 1995. Vol. 54. Iss. 2. P. 265–269.

Keep 1968 — Keep J. October in the Provinces // *Revolutionary Russia* / Ed. R. Pipes. Cambridge: Harvard University Press, 1968.

Keep 1976 — Keep J. The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization. New York: W. W. Norton, 1976.

Kimball 1976 — Kimball A. I. I. Mints and the Representation of Reality in History // *Slavic Review*. 1979. Vol. 35. Iss. P. 715–723.

Kleberg 1984 — Kleberg L. Vjaceslav Ivanov and the Idea of Theater // *Theater and Literature in Russia, 1900–1930: A Collection of Essays* / Ed. L. Kleberg, N. A. Nilsson. Stockholm: Almqvist and Wiksell, 1984. P. 57–70.

Knowlton, Cates 1993 — Forever in the Shadow of Hitler?: Original Documents of the Historikerstreit, the Controversy Concerning the Singularity of the Holocaust / Trans. J. Knowlton and T. Cates. Atlantic Highlands: Humanities Press, 1993.

Koenker 1981 — Koenker D. Moscow Workers and the 1917 Revolution. Princeton: Princeton University Press, 1981.

Kolonitskii 1994 — Kolonitskii B. I. Antibourgeois Propaganda and Anti-‘Burzhui’ Consciousness in 1917 // *Russian Review*. 1994. Vol. 53. Iss. 2. P. 183–196.

Kotkin 1991 — Kotkin S. ‘One Hand Clapping’: Russian Workers and 1917 // *Labor History*. 1991. Vol. 32. Iss. 4. P. 604–620.

Kotkin 1995 — Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California Press, 1995.

Kotre 1995 — Kotre J. White Gloves: How We Create Ourselves through Memory. New York: Free Press, 1995.

Lane 1969 — Lane D. The Roots of Russian Communism: A Social and Historical Study of Russian Social Democracy, 1898–1907. Assen: Van Gorcum, 1969.

Lane 1981 — Lane C. The Rites of Rulers: Ritual in Industrial Society — The Soviet Case. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

Lagny et al. 1979 — Lagny, M. Ropars-Wuilleumier, M.-C. Sorlin, P. La Révolution figurée: Inscription de l'histoire et du politique dans un film. Paris: Albatros, 1979.

Lass 1994 — Lass A. From Memory to History: The Events of November 17 Dis/Membered // *Memory, History, and Opposition under State Socialism* / Ed. R. S. Watson. 1994. P. 87–104.

Leach 1994 — Leach R. *Revolutionary Theatre*. London: Routledge, 1994.
 Leyda 1983 — Leyda, J. *Kino: A History of Russian and Soviet Film*. 3d ed. Princeton: Princeton University Press, 1983.

Liebich 1997 — Liebich A. *From the Other Shore: Russian Social Democracy after 1921*. Cambridge: Harvard University Press, 1997.

Longley 1992 — Longley D. A. Iakovlev's Question, or the Historiography of the Problem of Spontaneity and Leadership in the Russian Revolution of February 1917 // *Revolution in Russia: Reassessments of 1917* / Ed. E. R. Frankel, J. Frankel and B. Knei-Paz. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 365–387.

Lorenz 1969 — *Proletarische Kulturrevolution in Sowjetrußland, 1917–1921* / Ed. R. Lorenz. Munich: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1969.

Lüsebrink, Reichardt 1983 — Lüsebrink H.-J., Reichardt R. *La Prise de la Bastille comme 'Événement total': Jalons pour une théorie historique de l'événement à l'époque moderne* // *L'Événement: Actes du colloque organisé à Aix-en-Provence par le Centre Méridional d'Histoire Sociale*. 1983.

Lüsebrink, Reichardt 1990 — Lüsebrink H.-J., Reichardt R. *Die Bastille: Zur Symbolgeschichte von Herrschaft und Freiheit*. Frankfurtam-Main: Fischer, 1990.

Maguire 1972 — Maguire R. A. *Literary Conflicts in the 1920s* // *Survey*. 1972. Vol. 18. Iss. 82.

Malia 1992 — Malia M. *Why Amalrik Was Right* // *Times Literary Supplement*. 1992. Vol. 6. P. 3–4.

Mallon 1995 — Mallon F. E. *Peasant and Nation: The Making of Postcolonial Mexico and Peru*. Berkeley: University of California Press, 1995.

Mally 1990 — Mally L. *Culture of the Future: the Proletkult Movement in Revolutionary Russia*. Berkeley: University of California Press, 1990.

Martow 1926 — Martow J. *Geschichte der Rußischen Sozialdemokratie*. Berlin: J. H. W. Dietz Nachfolger, 1926.

Matsuda 1996 — Matsuda M. K. *The Memory of the Modern*. New York: Oxford University Press, 1996.

Mawdsley 1973 — Mawdsley E. *The Baltic Fleet and the Kronstadt Mutiny* // *Soviet Studies*. 1973. Vol. 24. Iss. 4. P. 506–521.

Mawdsley 1987 — Mawdsley E. *The Russian Civil War*. Boston: Allen and Unwin, 1987.

McClelland 1985 — McClelland J. *The Utopian and the Heroic: Divergent Paths to the Communist Educational Ideal* // *Bolshevik Culture: Experiment and Order in the Russian Revolution* / Ed. A. Gleason, P. Kenez and R. Stites. Bloomington: Indiana University Press, 1985. P. 114–130.

McDowell 1974 — McDowell J. Soviet Civil Ceremonies // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1974. Vol. 13. Iss. 3. P. 265–279.

Melancon 1990 — Melancon M. 'Marching Together!' Left Bloc Activities in the Russian Revolutionary Movement, 1900 to February 1917 // *Slavic Review*. 1990. Vol. 49. Iss. 2. P. 239–252.

Melancon 2000 — Melancon M. Rethinking Russia's February Revolution: Anonymous Spontaneity or Socialist Agency? // *Carl Beck Papers in Russian and East European Studies* 1408. June 2000.

Mink 1978 — Mink L. O. Narrative Form as a Cognitive Instrument // *The Writing of History: Literary Form and Historical Understanding* / Ed. R. H. Canary and H. Kozicki. Madison: University of Wisconsin Press, 1978. P. 129–149.

Morrissey 1998 — Morrissey S. K. *Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism*. New York: Oxford University Press, 1998.

Nilsson 1979 — Nilsson N. A. Spring 1918: The Arts and the Commissars // *Art, Society, Revolution, 1917–1921* / Ed. N. A. Nilsson. Stockholm: Amqvist & Wiksell International, 1979. P. 9–53.

Nora 1984– — Nora P. *Les Lieux de mémoire*. Paris: Gallimard, 1984–.

Northrop 2001 — Northrop D. T. *Hujum: Unveiling Campaigns and Local Responses in Uzbekistan, 1927* // *Provincial Landscapes: Local Dimensions of Soviet Power, 1917–1953* / Ed. D. J. Raleigh. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2001. P. 125–145.

Parkhurst Ferguson 1994 — Parkhurst Ferguson P. *Paris as Revolution: Writing the Nineteenth-Century City*. Berkeley: University of California Press, 1994.

Passerini 1992 — Passerini L. *Memory and Totalitarianism* / Ed. Luisa Passerini. Oxford: Oxford University Press, 1992.

Peris 1998 — Peris D. *Storming the Heavens: The Soviet League of the Militant Godless*. Ithaca: Cornell University Press, 1998.

Pethybridge 1972 — Pethybridge R. W. *The Spread of the Russian Revolution: Essays on 1917*. London: Macmillan, 1972.

Petit 1906 — Petit E. *Une Bastille Russe: La Forteresse de Schlüsselbourg*. Paris, 1906.

Petrone 2000 — Petrone K. *Life Has Become More Joyous, Comrades!: Celebrations in the Time of Stalin*. Bloomington: Indiana University Press, 2000.

Pipes 1992 — Pipes R. Seventy-five Years On: The Great October Revolution as a Clandestine Coup d'État // *Times Literary Supplement* 4675. November 6. 1992.

Pollock 1919 — Pollock J. *The Bolshevik Adventure*. London: Constable, 1919.

Portelli 1981 — Portelli A. *The Peculiarities of Oral History* // *History Workshop*. 1981. Vol. 12. P. 96–107.

Provincial Landscapes 2001 — *Provincial Landscapes: Local Dimensions of Soviet Power, 1917–1953* / Ed. D. J. Raleigh. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2001.

Pyman 1990 — Pyman A. *Russian Poetry and the October Revolution* // *Revolutionary Russia* 1990. Vol. 3. Iss. 1. P. 5–54.

Rachum 1999 — Rachum I. “Revolution”: *The Entrance of a New Word into Western Political Discourse*. New York: University Press of America, 1999.

Radkey 1963 — Radkey O. H. *The Sickle under the Hammer: The Russian Socialist Revolutionaries in the Early Months of Soviet Rule*. New York: Columbia University Press, 1963.

Radkey 1990 — Radkey O. H. *Russia Goes to the Polls: The Election to the All-Russian Constituent Assembly, 1917*. Ithaca: Cornell University Press, 1990.

Raleigh 2001 — Raleigh D. J. *Provincial Kronstadt: Popular Unrest in Saratov at the End of the Civil War* // *Provincial Landscapes: Local Dimensions of Soviet Power, 1917–1953* / Ed. D. J. Raleigh. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2001. P. 82–104.

Raleigh 2002 — Raleigh D. J. *Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922*. Princeton: Princeton University Press, 2002.

Reed 1982 — Reed J. *Ten Days That Shook the World*. Harmondsworth: Penguin, 1982.

Rigby 1968 — Rigby T. H. *Communist Party Membership in the USSR, 1917–1967*. Princeton: Princeton University Press, 1968.

Roberts 1999 — Roberts G. *Forward Soviet! History and Non-Fiction Film in the USSR*. London: I. B. Tauris, 1999.

Ropars-Wuilleumier 1970 — Ropars-Wuilleumier M.-C. *L'Écran de la mémoire: Essais de lecture cinématographique*. Paris: Éditions du Seuil, 1970.

Rosenstone 1995 — Rosenstone R. A. *Revisioning History: Film and the Construction of a New Past*. Princeton: Princeton University Press, 1995.

Rosenstone 2001 — Rosenstone R. A. *October as History* // *Rethinking History*. 2001. Vol. 5. Iss. 2. P. 255–274.

Rousso 1991 — Rousso H. *The Vichy Syndrome: History and Memory in France since 1944*. Cambridge: Harvard University Press, 1991.

Rudnitsky 1988 — Rudnitsky K. *Russian and Soviet Theater, 1905–1932*. New York: Abrams, 1988.

Salomoni 1995 — Salomoni A. *Un Savoir historique d'état: Les Archives Soviétiques // Annales*. 1995. Vol. 50. Iss. 1. P. 3–27.

Schapiro 1966 — Schapiro L. *The Origin of the Communist Autocracy: Political Opposition in the Soviet State. First Phase, 1917–1922*. Cambridge: Harvard University Press, 1966.

Scheffer 1972 — Scheffer, P. *Augenzeuge im Staate Lenins: Ein Korrespondent Bericht aus Moskau, 1921–1930*. Munich: Piper, 1972.

Schwarz 1967 — Schwarz S. M. *The Russian Revolution of 1905: The Workers' Movement and the Formation of Bolshevism and Menshevism*. Chicago: University of Chicago Press, 1967.

Scott 1991 — Scott J. *The Evidence of Experience // Critical Inquiry*. 1991. Vol. 17. Iss. 4. P. 773–797.

Service 1979 — Service R. *The Bolshevik Party in Revolution, 1917–1923: A Study in Organisational Change*. Basingstoke, England: Macmillan, 1979.

Shlapentokh 1999 — Shlapentokh D. *The Counter-Revolution in Revolution: Images of Thermidor and Napoleon at the Time of the Russian Revolution and Civil War*. New York: St. Martin's, 1999.

Smith 1983 — Smith S. A. *Petrograd: Revolution in the Factories, 1917–1918*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

Snyder 1997 — Snyder T. *Coming to Terms with the Charm and Power of Soviet Communism // Contemporary European History*. 1997. Vol. 6. Iss. 1.

Sorlin 1980 — Sorlin P. *The Film in History: Restaging the Past*. Totowa: Barnes and Noble, 1980.

Steinberg 2001 — *Voices of Revolution, 1917* / Ed. M. D. Steinberg. New Haven: Yale University Press, 2001.

Steinberg 2002 — Steinberg M. D. *Proletarian Imagination: Self, Modernity, and the Sacred in Russia, 1910–1925*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2002.

Stites 1989 — Stites R. *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. Oxford: Oxford University Press, 1989.

Suny 1983 — Suny R. G. *Toward a Social History of the October Revolution // American Historical Review*. 1983. Vol. 88. Iss. 1. P. 31–52.

Templeton 1967 — Templeton N. *The October Revolution and the Poets // Landfall*. 1967. Vol. 21. Iss. 84.

Toews 1987 — Toews J. E. *Intellectual History after the Linguistic Turn: The Autonomy of Meaning and the Irreducibility of Experience // American Historical Review*. 1987. Vol. 92. Iss. 4. P. 879–907.

Tolz 1997 — Tolz V. *Russian Academicians and the Revolution: Combining Professionalism and Politics*. Basingstoke: Macmillan, 1997.

Tonkin 1992 — Tonkin E. *Narrating Our Pasts: The Social Construction of Oral History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

Trotsky 1919 — Trotsky L. *From October to Brest-Litovsk*. New York: Socialist Publication Society, 1919.

Trouillot 1995 — Trouillot M.-R. *Silencing the Past: Power and the Production of History*. Boston: Beacon, 1995.

Tudor 1972 — Tudor H. *Political Myth*. New York: Praeger, 1972.

Urton 1990 — Urton G. *The History of a Myth: Pacariqtambo and the Origin of the Inkas*. Austin: University of Texas Press, 1990.

Viola 2002 — Viola L. *Popular Resistance in the Stalinist 1930s: Soliloquy of a Devil's Advocate* // *Kritika*. 2000. Vol. 1. Iss. 1. P. 45–70.

Vovelle 1994 — Vovelle M. *1789–1917: The Game of Analogies // The French Revolution and the Creation of Modern Political Culture* / Ed. K. M. Baker. Oxford: Pergamon, 1994. Vol. 4. P. 349–378.

Wade 1991 — Wade R. A. *The Revolution in the Provinces: Khar'kov and the Varieties of Response to the October Revolution* // *Revolutionary Russia*. 1991. Vol. 4. Iss. 1.

Walker 2002 — Walker B. *Kruzhok Culture: The Meaning of Patronage in the Early Soviet Literary World* // *Contemporary European History*. 2002. Vol. 11. Iss. 1. P. 107–123.

Watson 1994 — *Memory, History, and Opposition under State Socialism* / Ed. R. S. Watson. Santa Fe: School of American Research Press, 1994.

Weiner 2001 — Weiner A. *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton: Princeton University Press, 2001.

Wenden 1981 — Wenden D. J. *Battleship Potemkin: Film and Reality // Feature Films as History* / Ed. K. R. M. Short. Knoxville: University of Tennessee Press, 1981. P. 37–61.

White 1979 — White J. D. *The Sormovo-Nikolaev Zemlyachestvo in the February Revolution* // *Soviet Studies*. 1979. Vol. 31. Iss. 4. P. 475–504.

White 1985 — White J. D. *Early Soviet Historical Interpretations of the Russian Revolution, 1918–1924* // *Soviet Studies*. 1985. Vol. 37. Iss. 3. P. 330–352.

White 1987 — White H. *The Question of Narrative in Contemporary Historical Theory* // *The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1987.

White 1988 — White S. *The Bolshevik Poster*. New Haven: Yale University Press, 1988.

White 1994 — White J. D. *The Russian Revolution, 1917–1921: A Short History*. London: Edward Arnold, 1994.

White 2001 — White J. D. *Lenin: The Theory and Practice of Revolution*. Basingstoke, England: Palgrave, 2001.

Wood 1997 — Wood E. A. *The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia*. Bloomington: Indiana University Press, 1997.

Wright 1985 — Wright P. *On Living in an Old Country: The National Past in Contemporary Britain*. London: Verso, 1985.

Zipes 1993 — Zipes J. *The Utopian Function of Tradition* // *Telos*. 1993. Vol. 94. P. 25–29.

Предметно-именной указатель

- Аберфан 11–13
Аванесов, В. А. 100
Авдеев, Н. Н. 180, 183, 259
«Аврора», крейсер 148
Адоратский, В. В. 180, 185, 192
«Азбука коммунизма» 134, 135
Александр III, статуя 324, 325
Александров, Григорий 300, 310, 312, 328, 341, 343–348
Амфитеатров, Владимир 70, 71
Андерсон, Бенедикт 19, 33
Анненков, Юрий 137, 139, 142, 151
Антонов-Овсеенко, В. А. 160, 162, 163, 309, 312, 341
Аросев, А. Я. 180, 182
архивы 19, 170, 179, 186–188, 224, 227, 244, 270, 271; и партия большевиков 200–203; Историко-революционный архив 224; красные архивисты 185; царский 190, 193, 207, 208, 263; Центральный архив (Центро-архив) 228, 268
- Бабель, Исаак 17
Балтийский флот 174, 308
Барнет, Борис 312, 330; и «Москва в Октябре» 312, 341
- Бастилия как революционный мотив 17, 32, 68, 72, 74
Батурин, Н. Н. 180, 182, 185, 191
Бейкер, Кит Майкл 20, 25, 40
белая гвардия 158, 175
Беленький, Григорий 116
Белый, Андрей 66
Беньямин, Вальтер 81, 338
Беркман, Александр 206, 207
Беркхофер, Роберт 34
беспартийные 79, 80, 125, 128–131, 136, 188, 210, 216, 220, 221, 239, 240
Биржа 139, 141; см. также массовые зрелища
Бланкизм 250
Блок, Александр 47, 65; «Двенадцать» 67; «Скифы» 66
Бобровская (Зеликсон), Ц. С. 180, 225, 239
большевизм 16, 41–52, 76, 80, 81, 128, 129, 135–137, 144, 238, 248, 250, 251, 252
большевик, определения 29, 47, 100; см. также коммунист, определения
Бонч-Бруевич, Владимир 121, 156

- Брайант, Луиза 89
 Брест-Литовский договор 132
 Брик, Осип 330
 «Броненосец „Потемкин“», фильм 312, 313, 331
 Бубнов, Андрей 133, 180, 183–185
 Бухарин, Николай 134, 252, 256, 289, 291
 Быстрянский, В. А. 97, 180, 185
- Вакуленчук 317; *см. также* «Броненосец “Потемкин”»
 Варенцова, О. А. 180, 184, 185, 201
 Варлих, Гуго 138, 142
 «Великий путь», фильм 312, 313, 319
 Вернадский, Владимир 41
 вечер воспоминаний 168, 198, 213, 230, 235, 237, 273
 Витте, Сергей 287
 военная оппозиция 133; *см. также* оппозиция
 Военно-революционный комитет (ВРК) 31, 49, 72, 157–160, 184, 237, 305
 военный коммунизм 125, 263
 восстание декабристов (1825), празднование
 Временное правительство 32, 40, 44, 49, 52, 53, 62, 69–73, 108, 145, 149, 157, 161, 163
 Всероссийская коммунистическая партия (большевиков) [ВКП(б)] 17, 100, 220, 224, 292, 300
 Второй Интернационал 140, 269
- Гапон Г. А. 339
 Гелис, И. 254
 Гельдерн, Джеймс фон 73, 102, 110, 124, 137, 241
 Гете 312
 «Гимн освобождения труда — мистерия» 139; *см. также* массовые зрелища
 Гиппиус, Зинаида 47, 52, 65
 Гласность 364
 Гольдман, Эмма 74, 206, 207
 Горбачев, Михаил 364
 Горький, Максим 52, 77, 90, 127, 153, 313
 Госиздат 227, 261, 275
 «Государство и революция», работа Ленина (1917) 260
 Готье, Юрий 228
 Гражданская война 17, 22, 26, 63, 80, 95, 96, 100, 116, 118, 125, 128–131, 135, 137, 138, 156, 175–177, 190, 193, 200, 204, 214, 219, 244, 278, 293, 297, 299, 303, 304
 Гудвин, Джеймс 314, 328
 Гусев, Сергей 289
- «Давид и Голиаф», спектакль 107
 Далин, Дэвид 52
 Дан, Федор 176, 181
 Дантон, Жорж 25, 187
 «Двенадцать», поэма Блока 67
 Денике, Юрий 42
 Державин, Константин 142, 143
 «Десять дней, которые потрясли мир», книга Д. Рида 153; *см. также* Октябрьская революция

- Дзержинский, Феликс 160
 Дыбенко, Павел 308
 Дэвид-Фокс, Майкл 169
- Евреинов, Николай 138, 142–144, 146–149, 165, 167, 339; «Взятие Зимнего дворца» 144, 147, 152, 165, 167, 339; «театр памяти» 165; *см. также* массовые зрелища
- Елизарова, А. И. 180, 185, 225, 258
- Ефимов, А. В. 344
- женский батальон 32, 69, 71, 72, 149, 162, 309
- Зарецка-Ирвин, Ивона 21
- Зимний дворец 32, 68–74, 90, 94, 114, 118, 141–149, 159, 161–167, 184, 295, 300; *см. также* Смольный; штурм Зимнего дворца
- Зиновьев, Григорий 48–51, 100, 101, 118, 127, 130, 135, 159, 160, 167, 248, 251, 252, 265, 279, 280; разногласия с Лениным 50, 51
- зубатовщина 203
- Институт красной профессуры 267
- Институт Ленина 269, 281
- Институт Маркса-Энгельса 269
- «Искра», газета 45, 52, 57, 195, 203, 208, 264, 277
- историческая память 17, 34
- «История Всесоюзной Коммунистической партии (большеви-ков): Краткий курс» 363
- Истпарт (Комиссия по истории Октябрьской революции и Коммунистической партии Российской Федерации) 174–230, 233–236, 239, 240, 244–247
- Июльские дни 44, 95, 108, 154, 216, 319–325
- кадеты (Конституционно-демократическая партия) 40, 46, 53, 63, 185, 188, 216, 240, 274
- казаки 233, 238, 354
- Каледин, атаман 233
- Калинин, Михаил 259, 291, 343
- Каменев, Лев 48–51, 100, 101, 118, 127, 130, 135, 159, 160, 167, 248, 251, 252, 265, 279, 280; разногласия с Лениным 50, 51
- Канатчиков, Семен 256–262
- Катанский 236
- Квиринг, Эммануил 250
- Керенский, Александр 45, 89, 108, 144, 145, 149, 159, 309
- Керженцев, Платон 138, 139
- Кимбалл, Алан 364
- Кириллов, Владимир 67
- Кларк, Катерина 102, 125, 138
- «К мировой коммуне», спектакль 139; *см. также* массовые зрелища
- Коган, П. С. 168
- Коллонтай, Александр 45, 48, 109, 132
- Колчак, Александр 96, 173, 242
- комбеды (комитеты деревенской бедноты) 216
- коммунист, определения 221; *см. также* большевик, определения
- Коммунистическая академия 225

- Коммунистическая партия
Советского Союза (КПСС) 17,
113, 189, 364.
- Коммунистический Интернационал (Коминтерн) 127, 135, 139;
Второй конгресс (1920)
135, 139
- Комсомол (Коммунистический
союз молодежи) 268
- Комуч (Комитет членов Учредительного собрания) 64, 96
- Кондратьева, Тамара 25
- «Конец Санкт-Петербурга»,
фильм 312, 319, 323, 325,
326, 330
- Коннертон, Пол 152
- Контрнарратив 91, 188, 189; *см. также* Октябрь 1917 года как государственный переворот;
Основополагающий нарратив
- Корниловское выступление 95,
108, 308, 354
- Короленко, В. Г. 47, 66
- Краеведение 219; *см. также*
Истпарт; Октябрь на местах
- Красильников, Н. 231
- Красная Армия 97, 115, 118, 133,
137, 164, 217, 247
- красногвардейцы 31, 57, 59, 67,
71, 72, 84, 85, 156, 162–164,
237, 309
- «Красные похороны» 32, 82, 83;
см. также юнкера, похороны
- Кронштадт 174–175
- «кружковщина» 181
- Кутель, Александр 138, 142, 143
- Куделли, Прасковья 223, 224, 239
- Кшесинская, Матильда
67, 299
- Ласс, Эндрю 151
- Лебедь, Дмитрий 250
- Левашово 72
- левые коммунисты 98, 132, 133,
183; *см. также* оппозиция
- Лемке, М. К. 189
- Ленин, Владимир Ильич 22,
26–31, 40, 42–51, 63, 72, 100,
109, 119, 133, 134, 154, 160, 161,
168, 169, 174, 175, 177, 180, 183,
195, 241, 247–253, 257, 260, 265,
266, 268–270, 277–283, 291, 299,
304–308, 318–321, 328, 333, 334,
340–346, 348
- Ленинизм 257, 276
- Ленский расстрел 215
- Лепешинский, П. Н. 180, 183, 185,
207, 226, 244, 245
- ЛЕФ 295
- Либкнехт, Карл 128, 337
- «литературная дискуссия» 247,
256, 257, 261; *см. также*
Троцкий, Лев
- Лобное место 120
- Луначарский, Анатолий 39, 77,
100, 102, 107, 113, 121, 126, 127,
139, 144, 145, 150, 166, 184
- Люксембург, Роза 337
- Люсебринк, Ханс-Юрген 33,
142, 148
- Лядов, М. Н. 180, 182, 183, 258
- Малиа, Мартин 22
- Маллон, Флоренсия 102
- Малый театр 112
- Малянтович, П. Н. 70, 71
- Мариинский дворец 31
- Марковский, руководитель
Оренбургского бюро 222, 271

- Маркс, Карл 66, 101, 111, 169, 337
 марксизм 49, 205, 270
 Мартов, Юлий 28, 42, 76, 175, 176, 187
 Марциновский, А. 242–244
 Масловская, С. Д. 138
 массовые зрелища 139, 144, 150, 165, 167, 295, 296
 Матушенко, матрос 318; *см. также* «Броненосец “Потемкин”»
 «Мать», фильм 312, 313, 315, 316, 318, 322, 324
 Маяковский, Владимир 65, 75, 126, 127; «Мистерия-буфф» 126
 Мейерхольд, Всеволод 138, 165
 меньшевизм 238, 276–278; *см. также* оппозиция
 меньшевики 28, 29, 42, 43, 45, 48, 50, 52, 55–57, 61–64, 69, 70, 76, 77, 80, 90, 94–96, 99–101, 108, 126, 128, 134, 135, 174–176, 183, 185, 187, 188, 204, 211, 216–218, 236–238, 241, 246, 248–250, 258, 261, 263, 265, 266, 277–279, 282–284, 286, 304, 307, 321
 Мерридейл, Кэтрин 81, 338
 Местничество 220
 Милюков, Павел 86, 108, 188
 Мицкевич, С. И. 180, 185, 258, 264, 289
 Молотов, Вячеслав 289, 290
 «Москва в октябре», фильм 296, 312, 330, 341
 музеи революции 205, 207–209, 296
 Наркомпрос (Народный комиссариат просвещения) 112, 124, 178
 Национальная хоровая академия 113
 Невский, В. И. 153, 161, 178, 180, 184, 185, 192, 194, 203, 221, 224, 226, 246, 258
 Некрасов, Н. А. 46, 81
 Николаевский, Борис 195
 «новая оппозиция» 278; *см. также* оппозиция
 Новая экономическая политика (НЭП) 175, 252
 новожиленцы 47
 «Новый курс», работа Троцкого 219, 247
 Ногин, В. П. 99
 Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев 233, 281
 Общество изучения истории революционно-освободительного движения в России 189
 Общество старых большевиков 223, 258, 281
 «объединенная оппозиция» 278; *см. также* оппозиция
 Одесская лестница 167, 312, 313; *см. также* «Броненосец “Потемкин”»
 Октябрь на местах 43, 133, 168, 194, 218, 228–231; *см. также* Октябрьская революция
 «Октябрь», фильм 229, 309, 310, 312, 313, 320, 321
 Октябрьская революция *passim*; и анкеты 213–218; и вопрос о легитимности 15, 21–25;

- и Вторая мировая война 363;
 девятая годовщина 352;
 десятая годовщина 42, 289,
 290, 292–225; первая годовщи-
 на 100, 105, 112, 117, 124;
 представление в кино 312–335;
 третья годовщина 17, 137, 169;
 четвертая годовщина 169; см.
 также историческая память;
 массовые зрелища; Революция
 1905 года; Февральская
 революция; «Октябрьская
 революция», работа Троцкого
 133, 154
- «О Ленине», работа Троцкого
 247, 250
- Ольминский, Михаил 156–158,
 180, 182, 185–187, 190, 199–201;
 об исторических источниках
 190; *см. также* Истпарт
- оппозиция 27, 72, 86, 87, 94, 127,
 129, 133, 177, 179, 274–280,
 300–303; как большевистский
 конструкт 274–280; демокра-
 тический централизм 133, 177;
 левые коммунисты 98, 132,
 133, 183; меньшевизм 238,
 276–278; военная оппозиция
 133; «новая оппозиция» 278;
 течение Шляпникова-Медве-
 дева 278; троцкизм 248,
 276–280; «объединенная
 оппозиция» 278; рабочая
 оппозиция 133,
 177, 178
- Осинский, Н. 99, 109
- основополагающий миф 16–20;
 см. также основополагающий
 нарратив
- основополагающий нарратив 16,
 19; и Французская револю-
 ция 19
- охранка 264
- «Очаков», крейсер 342; *см.*
также «Броненосец “По-
 темкин”»
- «Падение династии Романовых»,
 фильм 312–314
- Пальчинский, Петр 73
- Парижская коммуна 26, 34, 63, 75,
 76, 136, 140, 141, 146, 176, 260
- «Парижская коммуна» («Сева-
 стополь»), линкор 176
- партия большевиков 18, 44–44,
 47, 51, 59, 90, 108, 125, 134–136,
 155, 159, 174, 192, 196, 233, 234,
 252, 253, 258, 262, 274, 276, 277,
 318, 334; отдел агитации
 и пропаганды (Агитпроп) 220,
 222, 281; и «буржуа» как
 политическая категория 54,
 93; военная оппозиция 133;
 25-я годовщина 267; Девятая
 партийная конференция
 (1920) 133, 186; декрет о земле
 62; демократические центра-
 листы 133; «История Всесоюз-
 ной Коммунистической
 партии (большевиков):
 Краткий курс» 363; левые
 коммунисты 98, 132, 133, 183;
 и «литературная дискуссия»
 247, 256, 257, 261; меняет
 название 17, 100; местные
 партийные организации 178,
 180, 190, 199, 200, 208, 210, 213,
 218, 220, 221, 234; отношение

- к кино 312–335; и отношения с Истпартом 220–228; Первое Всесоюзное партийное киносовещание (1928) 330; подавление оппозиции 275; по отношению к РСДРП 100; Пражская конференция (1912) 363; происхождение 17; рабочая оппозиция 133, 177, 178; раскол с меньшевиками 28, 135, 263, 266, 263; и революция 1905 года 263–287; сотрудничество с меньшевиками 266, 355; старые большевики 121, 169, 223, 258, 267, 281; суд над КПСС 364; и Февральская революция 307, 334, 343, 349; цензура в печати 93–95; членство 76, 98; Шестой съезд партии (1917) 216; *см. также* беспартийные; Истпарт; оппозиция; Российская социал-демократическая рабочая партия
- Партия социалистов-революционеров (ПСР, эсеры) 29, 32, 43–45, 52, 56, 57, 60–64 69, 70, 74, 80, 90, 96, 99, 126, 128, 174–176, 188, 189, 215–218, 236, 237, 246, 261, 265, 274–276, 284, 288, 305, 307; критика власти большевиков 43, 52, 60–64; левые эсеры 76; политическое возрождение 96; репрессии большевиков 96, 275; суд (1922) 275
- Пастернак, Борис 16
- Первомай 122, 123, 149
- Перестройка 364
- Перов, Василий 88
- «Петропавловск», линкор 175
- Петропавловская крепость 32, 41, 74, 295, 304
- Петров, Николай 138, 139, 142, 143
- Пинсон, Борис 348, 349
- Пионтковский, С. А. 180, 182, 185, 192, 249
- Пиотровский, Адриан 329, 339
- Погромы 231
- Подбельский, Вадим 104
- Подвойский, Николай 72, 73, 160, 163, 165, 180, 184, 296, 303, 308–310, 312, 340–342, 344
- Покровский, М. Н. 180, 182, 184, 185–189
- Поллок, Джон 122
- Попов, Алексей 331
- Потресов, Александр 187
- Предпарламент (Совет Российской Республики) 32, 108
- Преображенский, Евгений 132–135; «Азбука коммунизма» 134, 135
- Пришвин, М. М. 47, 66
- Прогрессистская партия 53
- Пролеткульт 102, 137, 138, 166
- Профсоюзы 94, 115–117, 130, 133, 169, 204, 215, 233, 243, 263, 330; Союз железнодорожников 115; Союз металлистов 115
- Пугачевщина 288
- Пудовкин, Всеволод 312–315, 318–327; «Конец Санкт-Петербурга» 312, 319, 323, 325, 326, 330; «Мать» 312, 313, 315, 316, 318, 322, 324
- Пумпянский, Лев 124

- рабочая оппозиция 133, 177, 178;
см. также оппозиция
- Радищев, А. Н. 111
- Радлов, Сергей 138–140, 150, 151
- Разин, Степан 140
- Райт, Патрик 40
- Райхардт, Рольф 133, 142, 148
- Рали, Дональд 14
- Революция 1905 года 205, 254, 255, 263–287; воспоминания 205, 230; двадцатилетие 205; и партия большевиков 263–287; представление в кино 289; см. также Октябрьская революция, празднование десятой годовщины; Февральская революция
- Репин, Илья 88
- Рид, Джон 85, 53, 306; «Десять дней, которые потрясли мир» 306, 343
- Робеспьер, Максимилиан 25, 111, 187
- Роден, Огюст 111
- Рожков, Н. А. 189
- Розанов, В. В. 66
- Роллан, Ромен 107, 139
- Российская коммунистическая партия (большевиков) [РКП(б)] 17, 43, 184, 187, 191–193, 198, 202, 216, 221, 235, 238–242, 257, 259, 264–269; см. также Партия большевиков
- Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП) 27–29, 43, 44, 48, 76, 79, 100, 125, 161, 180, 195, 197, 200–207, 216, 224, 235, 236–243, 245, 256, 263, 266, 267, 277, 283, 288, 318; по отношению к партии большевиков 100; раскол между большевиками и меньшевиками 28, 135, 263, 266, 263; см. также большевистская партия, меньшевики, социал-демократия
- Рыков, А. И. 109, 265, 301
- Рязанов, Д. Б. 180, 182, 183, 185, 192
- Савельев, М. А. 180
- Самара 233; Комуч (Комитет членов Учредительного собрания) 64, 96
- Самойлов, Ф. Н. 293
- Саратов 96, 104, 204, 205, 222, 235, 242, 234, 245, 246
- Свердлов, Яков 98, 109
- Сверчков, Дмитрий 286
- Серафимович, Александр 344
- «Скифы», стихотворение Блока 66
- Скотт, Джоан 17
- Скрыпник, Н. А. 100
- Синявский, Андрей (Абрам Терц) 362, 363
- Смольный 31, 32, 56, 59, 68, 71, 72, 76, 113–118, 157, 159, 160; см. также Зимний дворец
- Совет народных комиссаров (Совнарком) 108, 178
- Советы 61, 75, 156, 306, 348; Второй съезд (октябрь 1917) 156; Московский Совет 111, 116, 152, 155, 169; Первый съезд (июнь 1917) 161; Петроградский Совет 31, 49, 58, 76, 77, 114, 118, 159, 160,

- 248, 305; ЦИК 93, 110, 259, 261, 286, 291
- Совнарком (Совет народных комиссаров) 108, 178
- Соколов 345
- Сокольников, Григорий 251, 279
- Соловьев, Владимир 138
- Сорокин, Питирим 74
- Сосновский, Л. С. 100
- Социал-демократия 63, 97, 135, 136; в России 136; *см. также* Российская социал-демократическая рабочая партия
- социалистический реализм 23
- сочувствующие 76, 79, 129
- Союз борьбы за освобождение рабочего класса 194
- Спартак 140
- Сталин, И. В. 160, 161, 190, 254, 266, 280, 290, 305, 328
- Старые большевики 121, 169, 223, 258, 267, 281
- «Стачка», фильм 312, 313
- Стеклов, Юрий 100, 109,
- Степанов, Иван 253, 285
- Струве, Петр 63
- Суханов, Николай 152
- Таврический дворец 32, 64
- Тарле, Е. В. 189
- Терне, А. 130, 274
- Тонкин, Элизабет 35
- Третьяков, Сергей 295, 324
- троцкизм 248, 276–280; *см. также* оппозиция.
- Троцкий, Лев 28, 29, 40, 45, 50, 53, 55, 93, 195, 118, 134, 136, 147, 154, 157, 158–161, 168, 175, 247–253, 256, 258, 266, 271, 276–280, 290, 301, 302; «литературная дискуссия» 247, 256, 257, 261; «Новый курс» 219, 247; «Октябрьская революция» 133, 154; «О Ленине» 247, 250; представление в кино 346; разногласия с Лениным 247; «Уроки Октября» 247–251; *см. также* оппозиция.
- Труйо, Мишель-Рольф 90, 200
- Тула 190, 232
- Тьерсо, Жюльен 102
- Тюдор, Генри 20
- Тютев, Андрей Степанович 285
- Уайт, Джеймс 157
- Уайт, Хейден 21
- Уильямс, Альберт Рис 162
- уполномоченные 284, 223–225, 247, 270
- «Уроки Октября», работа Троцкого 247–251
- Учредительное собрание 30, 32, 49, 63, 64, 74, 90, 96, 122, 128, 217; Союз защиты Учредительного собрания 122; *см. также* Комуч
- Файджес, Орландо 173
- Февральская революция 24, 29, 53, 58, 61, 66, 72, 102, 108, 248, 190, 195, 204, 208, 214, 230, 234, 236, 239, 243, 264, 271, 304, 312, 343, 349; легитимность 24; и партия большевиков 307, 334, 343, 349; празднование 304, 343; представление в кино 312
- Фигнер, Вера 189

- Финляндский вокзал 31, 42, 253, 299, 319, 320, 344
- Французская революция 19, 20, 25, 26, 33, 73, 85, 102, 140, 142, 148, *см. также* Бастилия; Парижская коммуна
- Футуристы 102, 124, 126, 166
- Фюре, Франсуа 24, 25
- Хакель, Сергей 67
- Хальбвакс, Морис 179
- Хеймсон, Леопольд 13, 55, 64, 189
- Хики, Майкл 43
- Холквист, Питер 13, 96, 164
- Хрущев, Никита 364
- Хрущева, Ганя 284
- цензура 93–95, 103, 121, 122, 184
- Центральная контрольная комиссия (ЦКК) 278
- Церетели, Ираклий 44, 64
- Чернов, Виктор 47, 64
- Черномордик, С. И. 225
- Черносотенцы 190, 232, 246, 274
- «Что делать?», работа Ленина 27
- Чудновский, Г. 73, 163
- Чхеидзе, Николай 248
- Шевченко, Тарас 111, 229
- Шингарев, А. И. 40
- Шкловский, Виктор 65
- Штейнман, Е. 292, 293
- штурм Зимнего дворца как революционный мотив 124, 163, 309, 313; «Взятие Зимнего дворца» Евреинова 144, 147, 152, 165, 167, 339; представление в кино 309, 317, 324–327; *см. также* массовые зрелища; Эйзенштейн, Сергей Шуб, Эсфирь; «Великий путь»; «Падение династии Романовых»
- Щеголев, П. Е. 189, 200, 224
- Щуко, Владимир 138
- Эйзенштейн, Сергей 167, 309–314, 316–331, 341–347; «Броненосец “Потемкин”» 312, 313, 331; «Октябрь» 229, 309, 310, 312, 313, 320, 321; «Стачка» 312, 313
- Энгельс, Фридрих 101, 111, 169, 181, 337
- Эссен, М. М. 290, 332, 333
- юнкера; похороны 87, 88
- якобинцы 25, 187
- Ярославский, Емельян 77–79, 90, 109, 206, 226

Оглавление

Список иллюстраций	9
Предисловие	11
Введение. Описание события	16
Часть I. Драма Октября	
Глава 1. Сила повествования	39
Глава 2. Драма власти	92
Глава 3. Апофеоз Октября	132
Часть II. Память Октября	
Глава 4. Истпарт и институционализация памяти	173
Глава 5. Как не нужно писать историю Октября	219
Глава 6. Уроки Октября: 20-я годовщина революции 1905 года	255
Глава 7. Правда и поэзия: десятая годовщина Октября	298
Заключение. Опыт Октября	336
Эпилог	362
Библиография	366
Предметно-именной указатель	396

Научное издание

Фредерик Корни
ОКТАБРЬ
Память и создание большевистской революции

Директор издательства *И. В. Немировский*
Ответственный редактор *И. Белецкий*
Куратор серии *Р. Борисова*
Заведующая редакцией *М. Ермакова*

Дизайн *И. Граве*
Редактор *А. Пахомова*
Корректор *И. Манлыбаева, А. Филимонова*
Верстка *Е. Падалки*

Подписано в печать 04.04.2024.
Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 25,5.
Тираж 200 экз.

Academic Studies Press
1577 Beacon Street, Brookline, MA 02446 USA
<https://www.academicstudiespress.com>

ООО «Библиороссика».
198207, г. Санкт-Петербург, а/я № 8

Эксклюзивные дистрибьюторы:
ООО «Караван»
ООО «КНИЖНЫЙ КЛУБ 36.6»
<http://www.club366.ru>
Тел./факс: 8(495)9264544
e-mail: club366@club366.ru

Книги издательства можно купить
в интернет-магазине: www.bibliorossicapress.com
e-mail: sales@bibliorossicapress.ru

*Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ*

